

ВЕЛИКИЕ МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ

100

историй о подвигах, мире богов,
тайнах рождения и смерти

Annotation

Перед вами настоящая сокровищница бессмертных образов, сюжетов и мудрости разных народов мира. Эта книга откроет вам фантастический мир всемогущих богов и богинь, ужасных чудовищ, доблестных героев, подлых злодеев, коварных колдунов, добрых и злых духов.

100 великих мифов и легенд древних шумеров и аккадцев, индийцев, китайцев, египтян, маори, бушменов, кельтов, американских индейцев, греков, римлян, славян увлекут вас в захватывающее путешествие по восхитительному, гармоничному и вместе с тем таинственному и пугающему миру далеких предков...

-
- [И. А. Мудрова](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [СЛАВЯНСКАЯ МИФОЛОГИЯ](#)
 - [Творение мира](#)
 - [Славянские боги](#)
 - [Сварог](#)
 - [Свентовид](#)
 - [Див](#)
 - [Род](#)
 - [Рожаницы](#)
 - [Доля и Недоля](#)
 - [Триглава](#)
 - [Стрибог и Дажьбог](#)
 - [Хорс и Семаргл](#)
 - [Лада, Лель, Полеля, Дид и Леля](#)
 - [Дидилия](#)
 - [Ярила](#)
 - [Уд](#)
 - [Лад](#)
 - [Услад](#)
 - [Припекало](#)
 - [Купала](#)

- [Мокошь](#)
- [Золотая Баба](#)
- [Велес и Марена](#)
- [Морена, Мара и Чума](#)
- [Перун](#)
- [Руевит](#)
- [Озем и Сумерла](#)
- [Зевана](#)
- [Белбог и Чернобог](#)
- [Божества и духи](#)
 - [Чур](#)
 - [Пятница](#)
 - [Ведьма](#)
 - [Коддун](#)
 - [Русалки, берегини, мавки](#)
 - [Водяной](#)
 - [Домовой](#)
 - [Леший](#)
 - [Оборотень](#)
 - [Обменыш](#)
- [Сказочные и былинные персонажи](#)
 - [Снегурочка](#)
 - [Крупеничка](#)
 - [Соловей-разбойник](#)
 - [Ставр Годинович](#)
 - [Вольга Святославич](#)
 - [Микула Селянинович](#)
 - [Святогор-богатырь](#)
 - [Илья Муромец](#)
 - [Добрыня Никитич](#)
 - [Алеша Попович](#)
 - [Василий Буслаев](#)
 - [Садко](#)
 - [Троян](#)
 - [Легендарный князь Святослав](#)
- [ИНДИЙСКИЕ МИФЫ](#)
 - [Творение мира](#)

- [Богиня Савитри](#)
- [Кали](#)
- [Царство Индры](#)
- [Сказание о потопе](#)
- [Агни, бог огня](#)
- [Ганеша-победитель](#)
- [Слепорожденный Андхака](#)
- [Рамайна](#)
 - [Рама и Сита](#)
 - [Кайкейя](#)
 - [Изгнание Рамы](#)
 - [Похищение Ситы](#)
 - [Равана и Сита](#)
 - [Ситана Ланке](#)
 - [Рама и Лакшмана ищут Ситу.](#)
 - [Равана снова приходит к Сите](#)
 - [Счастье Рамы и Ситы](#)
- [КИТАЙСКИЕ МИФЫ](#)
 - [О происхождении всего на земле](#)
 - [Алмазные владыки Неба](#)
 - [Храбрые братья](#)
 - [Волшебное животное](#)
 - [Богиня Луны](#)
 - [Бог Мужчин Чжан Сянь](#)
 - [Поклонение звездам](#)
 - [Мифы о времени](#)
 - [Дух Грома](#)
 - [Таинственная бутылка](#)
 - [Бог Ветра](#)
 - [Повелитель Дождя](#)
 - [Драконы-правители](#)
 - [Дракон и обезьяна](#)
 - [Дракон в пруду.](#)
 - [Духи колодца](#)
 - [Дочь дракона-правителя](#)
 - [Невеста бога Реки](#)
 - [Боги эпидемий](#)

- [Богиня милосердия](#)
- [Спасительница буддистов](#)
- [Восхождение принцессы Мяо Шань](#)
 - [Три дочери](#)
 - [Надежды Мяо Шань](#)
 - [Свадьбы сестер Мяо](#)
 - [Отказ Мяо Шань](#)
 - [Мяо Шань ссылают в сад](#)
 - [Женский монастырь Белой птицы](#)
 - [Принятие монашества](#)
 - [Помощь свыше](#)
 - [Мяо Шань становится Буддой](#)
- [Царь обезьян](#)
 - [Далекая страна](#)
 - [Похвальбы Суня](#)
 - [Прыжок в космос](#)
- [ВАВИЛОНСКИЕ МИФЫ](#)
 - [Творение мира](#)
 - [Адапа](#)
 - [Этан](#)
 - [Иштар](#)
 - [Гильгамеш](#)
- [ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА](#)
 - [Творение мира](#)
 - [Ссора Геба и Нут](#)
 - [Ссора Тефнут и Ра](#)
 - [Хитроумный Тот](#)
 - [Истребление людей](#)
 - [Как Ра покинул землю](#)
 - [Солнечная ладья](#)
 - [Исида и Осирис](#)
 - [Рождение Осириса](#)
 - [Царствование Осириса](#)
 - [Гибель Осириса](#)
 - [Воскрешение Осириса](#)
 - [Гор](#)
- [МИФЫ НАРОДОВ МАОРИ](#)

- Сотворение мира
 - Небо и Земля
 - Создание людей
 - Луна
 - Радуга
- О любви
- Руаранги и туреху.
- Копувай
- Повелитель китов и колдун
- Сила вечной любви
- Драгоценный нефрит
- Наказание за длинный язык
- Подвиг родителей
- Борьба за любимую женщину.
- ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ БУШМЕНОВ
 - Происхождение живого на земле
 - Откуда взялись дети
 - Огонь
 - Вода
 - Как мужчины и женщины стали жить вместе
 - Луна
 - Смерть
 - Смерть и люди
 - Лев – царь зверей
 - Лев и шакал
 - Шакал и волк
 - О сестрах
 - Близкие родственники
 - Ссоры родственников
 - Мир Цагна
 - Дочь Цагна
 - Уничтожение людоедов
 - Война с карликами
 - Мед
 - Глаза Неуловимого
 - Хитрости kota
 - Хейше

- [Лев и человек](#)
- [МИФЫ НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ](#)
 - [Творение мира](#)
 - [Имир и Аудумла](#)
 - [Война](#)
 - [Создание земли](#)
 - [Один](#)
 - [Всеотец](#)
 - [Вальхалла](#)
 - [Крысолов](#)
 - [Изобретение рун](#)
 - [Гейрред и Агнар](#)
 - [Праздники Первого мая](#)
 - [Фригг](#)
 - [Королева богов](#)
 - [Украденное золото](#)
 - [Обманутый Один](#)
 - [Фулла](#)
 - [Обретение льна](#)
 - [Тор](#)
 - [Громовержец](#)
 - [Семья Тора](#)
 - [Златоволосая Сив](#)
 - [Поездка Тора в Ётунхейм](#)
 - [Тор и Хрунгнир](#)
 - [Волшебница Гроа](#)
 - [Норны](#)
 - [Три богини судьбы](#)
 - [Нити судьбы, которые плели норны](#)
 - [Валькирии](#)
 - [Девы сражений](#)
 - [Кони с облака](#)
 - [Число валькирий и их обязанности](#)
 - [Вёлунд и валькирии](#)
 - [Эгир](#)
 - [Бог моря](#)
 - [Богиня Ран](#)

- [Волны](#)
- [Сигурд](#)
 - [История Вёльсунгов](#)
 - [Свадьба Сигню](#)
 - [Меч Одина](#)
 - [Сигмунд](#)
 - [Предательство Сиггейра](#)
 - [Сыновья Сигню](#)
 - [Синфьётли](#)
 - [Помощь богов](#)
 - [В плену](#)
 - [Гибель Сигню](#)
 - [Смерть Синфьётли](#)
 - [Молодая жена Сигмунда](#)
 - [Альф, викинг](#)
 - [Рождение Сигурда](#)
 - [Меч Сигурда](#)
 - [Спящая дева-воительница](#)
 - [Нибелунги](#)
 - [Приход Брюнхильд](#)
 - [Ссора королев](#)
 - [Смерть Сигурда](#)
- [КЕЛЬТСКАЯ МИФОЛОГИЯ](#)
 - [Бой Кухулина с Фердиадом](#)
 - [Мудрая Унах](#)
 - [Лисий Хвост](#)
 - [Грааль](#)
 - [Килух, брат Артура](#)
 - [Прекрасная Олвен](#)
 - [Свадьба Олвен](#)
 - [Тристан и Изольда](#)
- [МИФЫ АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ](#)
 - [Вечная борьба добра и зла](#)
 - [Мир Глускэпа](#)
 - [Дары Глускэпа](#)
 - [Глускэп и малыш](#)
 - [Прощание Глускэпа](#)

- [Снежный дом](#)
- [Властелин холодной погоды](#)
- [Звездная девушка](#)
- [Носитель облаков и звездные люди](#)
- [Звездная страна](#)
- [Жертвоприношение](#)
- [Муж – снежный человек](#)
- [Испытания ради любви](#)
- [Змея-людоед](#)
- [История Лосося](#)
- [Жена-змея](#)
- [Вождь и его дети](#)
- [МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ](#)
 - [Творение мира](#)
 - [Зевс](#)
 - [Гера](#)
 - [Посейдон](#)
 - [Аид](#)
 - [Деметра](#)
 - [Афина](#)
 - [Арес и Афродита](#)
 - [Гефест](#)
 - [Гермес](#)
 - [Аполлон](#)
 - [Артемида](#)
 - [Прометей](#)
 - [Пандора](#)
 - [Персей и медуза Горгона](#)
 - [Персей и Андромеда](#)
 - [Геракл и Гесиона](#)
 - [Геракл и Омфала](#)
 - [Геракл и Деянира](#)
 - [Смерть Геракла](#)
 - [Тесей и Эгей](#)
 - [Тесей и Антиопа](#)
 - [Тесей и Елена](#)
- [ЛИТЕРАТУРА](#)

И. А. Мудрова

**Великие мифы и легенды. 100 историй
о подвигах, мире богов, тайнах
рождения и смерти**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нет на земле такого народа, у которого не было бы легенд, мифов, сказаний. Эти произведения устного народного творчества дают представление о том, как складывалось мировоззрение народа, создавшего их, какие основы являются главными в существовании этого народа, какие перспективы видит для себя этот народ.

В мифах различных народов мира – при чрезвычайном их многообразии – целый ряд основных тем и мотивов повторяется. К числу древнейших и примитивнейших мифов принадлежат, вероятно, мифы о животных: о происхождении животных от людей (таких мифов очень много, например, у австралийцев) или о том, что люди были некогда животными.

Мифы о превращении людей в животных и в растения известны едва ли не всем народам земного шара.

Самые древние мифы – о происхождении солнца, месяца (луны), звезд (солярные мифы, лунарные мифы, астральные мифы). В одних мифах они нередко изображаются людьми, некогда жившими на земле и по какой-то причине поднявшимися на небо, в других – создание солнца приписывается какому-либо сверхъестественному существу.

Центральную группу мифов составляют мифы о происхождении мира, вселенной и человека. В этих мифах выделяются две идеи – идея творения и идея развития. По одним мифологическим представлениям мир создан каким-либо сверхъестественным существом – богом-творцом, демиургом, великим колдуном и т. п., по другим – мир постепенно развился из некоего первобытного бесформенного состояния – хаоса, мрака, либо из воды, яйца и пр.

В числе широко распространенных мифологических мотивов – мифы о чудесном рождении, о происхождении смерти; сравнительно поздно возникли мифологические представления о загробном мире, о судьбе.

Особое и очень важное место занимают мифы о происхождении и введении тех или иных культурных благ: добывании огня, изобретении ремесел, земледелия.

На ранних стадиях развития мифы по большей части примитивны, кратки, элементарны по содержанию, лишены связной фабулы. Позднее постепенно создаются более сложные мифы, разные по происхождению мифологические образы и мотивы переплетаются, мифы превращаются в развернутые повествования, связываются друг с другом, образуя циклы. Таким образом, сравнительное изучение мифов разных народов показало, что, во-первых, весьма сходные мифы часто существуют у разных народов, в самых различных частях мира, и, во-вторых, что уже самый круг тем, сюжетов, охватываемых мифами, – вопросы происхождения мира, человека, культурных благ, социального устройства, тайны рождения и смерти и др. – затрагивает широчайший, буквально «глобальный», круг коренных вопросов мироздания. Мифология выступает перед нами уже не как сумма или даже система «наивных» рассказов древних.

В первобытном обществе мифология представляла основной способ постижения мира. Миф выражает мироощущение и миропонимание эпохи его создания. Человеку с самых ранних времен приходилось осмысливать окружающий мир. Мифология и выступает как наиболее ранняя, соответствующая древнему и особенно первобытному обществу форма мировосприятия, понимания мира и самого себя первобытным человеком.

В данную книгу вошли мифы народов, населяющих различные, очень далекие друг от друга территории нашей планеты. Например, народов Северной Европы и Центральной Америки, Новой Зеландии и Южной Африки.

В Новой Зеландии живут маори, население с очень богатой и самобытной культурой, значительную часть которой занимает устное народное творчество. Люди прибыли туда из Полинезии, с многочисленных островов океана. Новая Зеландия – остров большой, это своего рода «микроконтинент», обломок древнего материка. В борьбе с природой ковался характер маори – людей правдивых, мужественных, смелых и прямых. Недаром о маори говорят как о «спартамцах Полинезии»!

Бушмены населяют районы в пустынях Калахари и Намиб. По данным обследований за последние годы, численность бушменов определяется более чем в 70 тыс., из которых примерно половина сохранила свой древний образ жизни. Бушменские племена Южной

Африки относятся к народам, ведущим бродячий образ жизни и живущим охотой и собирательством дикорастущих трав и плодов, съедобных насекомых и мелких животных. Для них характерны архаический уклад и перво бытнообщинные формы социального строя. Бушмены разбиты на множество изолированных групп, включающих несколько семей. Эти народности дарят мировой культуре весьма необычные и порой не сразу понятные образы устного творчества.

Также мифы очень отдалены друг от друга временем создания их народами. Это, к примеру, египетские и славянские мифы. Но все их объединяет желание народов понять суть вещей вокруг себя, дать объяснение явлениям жизни, увидеть свое будущее в туманной дали грядущих веков.

СЛАВЯНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Творение мира

Как Бог творил мир, была сначала везде все вода; вот Бог и послал доставить земли со дна морского птицу. Два раза она опускалась на дно, брала землю в лапу, да не могла удержать, покуда поднималась наверх, – водой-то землю у неё, вишь, вымывало; в третий раз взяла землю в рот и вынесла наверх. Вот Бог и велит ей выхаркнуть землю: «Да смотри, ничего не утаивай»; она выхаркнула и стала везде ровная земля. Только немножко она во рту утаила. И начала у неё та земля во рту расти, растёт и растёт. Она и взмолилась Богу: «Господи, ведь я земли-то утаила, не всю выхаркнула». – «Ну, не ладно это ты сделала, делать нечего, выхаркивай остальную». Она выхаркнула. И сделались от того горы по всей земле. А если бы она не утаила, так не было бы и гор.

Славянские боги

Сварог

Верховный владыка Вселенной, бог небесного огня, родоначальник богов. Во мраке он возжигал пламя молний, разбивая ими тучи. Он дал жизнь Солнцу. Один из главных богов славянского пантеона. Он зажег от своего огня домашние очаги и повелел людям жить семьями, научил их обрабатывать железо, выковал первый плуг и показал, как пахать землю.

Родив Дажьбога и других светлых богов, Сварог ушел на покой, и миром стали править его дети.

Имя Сварог, вероятно, происходит от корня «вар», то есть жар, горение. Сварог есть божество, дающее жизнь солнцу – рождающее Дажьбога.

Второй сын Сварога – Сварожич, олицетворение земного огня. Огню приписывалась очистительная сила. В старинном заговоре на горячие угли говорится: «Батюшко ты, Царь-Огонь, всем ты царям царь, всем ты огням огонь. Как ты жгешь и палишь в чистом поле травы и муравы, чащи и трущобы, у сыро го дуба подземельные коренья, тако же сожги и спали всяки скорби и болезни, страхи и переполохи».

Свентовид

Один из высших богов, наряду со Сварогом, Дивом, связан с войной и победами. Его атрибуты – знамя, боевые значки, в том числе изображение орла, седло, мундштук, огромный меч и копья. В правой руке держал он турий рог, наполненный вином. Все атрибуты бога характеризуют его ответственность за те или иные дела, в которых он помогал славянам, своим потомкам. Рог означал хороший урожай, изобилие.

Свентовид считался хранителем и продолжателем рода, прародителем, давшим свет и жизнь. Он обозначал то, что мы привыкли называть «весь белый свет». Отсюда и святки – игры в честь

бога Свентовида. Культовый центр Свентовида – деревянный четырёхстолпный храм в балтийско-славянском городе Аркона. Свентовид почитался у славян оракулом, пророком. Со всех сторон стекался к нему славянский народ. Все славяне посылали в Аркону дань свою. Иноземные купцы, приходившие в Аркону, должны были платить идолу часть своих товаров. Символический цвет Свентовида – красный: его храм был увенчан красной кровлей, в капище был пурпурный занавес, в сундуках – множество пурпурных одежд. Белый священный конь при храме Свентовида после, ночи оказывался покрытым грязью: верили, что ночью он выезжал для борьбы с врагами.

При гаданиях коня подводили к трём рядам копий, и если он спотыкался на левую ногу, это считалось дурным предзнаменованием, если же ступал с правой ноги – добрым. Сам жрец кормил этого коня, и он только один имел право иногда на нем выезжать. Это животное дочиталось столь святым, что не дерзали трогать у него ни одного волоса ни в гриве, ни в хвосте.

Ответы оракула Свентовида считались наиболее весомыми. Идол Свентовида имел четыре головы, расположенные справа, спереди и сзади, что позволяет соотнести Свентовида и его четырёхстолпный храм с четырёхчленной моделью мира в славянской мифологии. Четыре головы Свентовида, вероятно, обозначали четыре стороны света и поставленные с ними в связи четыре времени года (восток и юг – царство дня, весны, лета; запад и север – царство ночи, осени и зимы); борода – эмблема облаков, застилающих небо; меч – молния; поездки на коне и битвы с вражьиими силами – поэтическая картина бурно несущейся грозы; как владыка небесных громов, он выезжает по ночам, то есть во мраке ночеподобных туч, сражаться с демонами тьмы, разит их молниями и проливает на землю дождь. Четыре лица Свентовида указывают таким образом, что власть его распространяется «на все четыре стороны».

Четырёхчленность Свентовида находит многочисленные параллели в других традициях с четырёхглавыми божествами или четвёрками богов, охранителей стран света. Имя Свентовида, очевидно, представляет собой эпитет. Есть основания думать о глубинной связи Свентовида с первоначальным громовержцем Перуном, в образе которого особенно подчеркнута воинская функция.

Див

Представлялся в виде вихря-человека, сверкающего, точно молния, который внезапно появлялся на пути войска, идущего в поход, на бой, и выкликал пророчества: то страшные, то благоприятные. Считалось, что это одно из воплощений верховного бога Сварога. В его имени тот же корень, что и в словах «диво», «удивление», то есть нечто, вызывающее изумление. Трусливым хотелось бы думать, что это просто птица не добрая, ворон каркает, ревет ветер, грохочет буря, но Диву была ведома судьба тех, кто обречен на близкую смерть, и он силился предупредить людей об опасности. Но ведь судьбу обмануть невозможно, не уйти от нее никому... а потому пророчества Дива, оставались неслышанными, непонятыми – и никому не приносили удачи и счастья. В разгар боя он веял своими крыльями над теми, кто был обречен на поражение, и клики его чудились погребальным плачем, последним прощанием с жизнью, с белым светом...

Род

Повелитель земли и всего живого на ней, он – языческий бог-творец всего, что существует на земле. Имя Рода означает родство и рождение, воду (родник), прибыль (урожай), такие понятия, как «народ» и «родина», кроме того – красный цвет (рдяный) и молнию, особенно шаровую, называемую «родия». Такое разнообразие коренных слов, несомненно, доказывает величие языческого бога. Один из самых древних богов, воплощение рода, единства потомков одного предка. Олицетворял землю, всю природу и урожай. Несмотря на то что культ Рода был очень древним, он сохранялся долго, даже после принятия христианства.

Первейший славянский бог, творец, «родитель» всего видимого и невидимого мира на земле. Это «отец и мать» всех богов, воплощение нерушимости славянского племени, все многочисленные потомки которого некогда произошли от одного общего предка. Когда рождается человек, его будущая судьба записывается в книгу Рода, и «чего на роду написано», никому не миновать!

Рожаницы

Спутницами Рода были Рожаницы – безымянные богини плодородия, изобилия, благополучия. Рожаницы – не столько подательницы плодородия (это забота Рода), сколько хранительницы жизни. По наиболее древнему представлению Рожаницы мыслились в виде двух небесных богинь, подательницах дождя, но дольше всего держалась вера в них как в защитниц молодых матерей и маленьких детей.

В честь Рода и Рожаниц устраивались ритуальные пиры во время осеннего праздника урожая и на зимнее солнцестояние. Приношения богам состояли из хлеба, мёда, творога, пирогов.

Доля и Недоля

По-другому судьба и несудьба, удача и неудача. Одно из основополагающих философских противопоставлений в славянском мировоззрении. Наравне с правдой – кривдой, правым – левым, близким – далеким. В сознании древних славян это были две сестрицы, девы судьбы, – небесные пряжи, которые пряли нить жизни каждого человека. Но у Доли текла с веретена ровная, золотистая нить, в то время как Недоля пряла нитку остистую, неровную, кривую, непрочную. Такова и участь выпадала: кому-то удачная, кому-то злая.

Триглава

Богиня земли у древних славян. Как видно из ее имени, богиня эта трехглава, и три эти головы означают три начала, из которых состоит земная жизнь: небо, землю и преисподнюю, или три функции творца мира: творение, хранение (жизни), разрушение, а также время: прошлое, настоящее, будущее.

Храмы ее обычно ставили в полях, а не в городах и селениях, что подтверждает ее связь именно с почвой, из которой произрастает жизненно важный для человека урожай.

Стрибог и Дажьбог

Стрибог – верховный повелитель ветров, которые веют с моря стрелами, то есть мечут молнии из дождевой тучи. Его почитали и как истребителя всяческих злодеяний, разрушителя злоумышления. «Вот ветры, стрибожьи внуки, веют с моря на храбрые полки Игоря», – говорится в «Слове о полку Игореве». Имя Стрибога, возможно, происходит от древнего «стрити» – разрушать. И по имени, и по функции он является антиподом подателя добра Дажьбога.

Одним из самых почитаемых на Руси языческих божеств был Дажьбог (Даждьбог) – бог солнечного света, тепла, времени созревания урожая, плодородия вообще. Юный и прекрасный языческий бог, податель всевозможных благ, в сознании древних людей был как бы Дайбогом, т. е. «богом дающим». Русские люди почитали Дажьбога как своего защитника, называя себя его внуками. Дажьбог изображался летящим на колеснице, в которую запряжены грифоны – собаки с птичьими крыльями, спутники богов плодородия; в руках бога – ритуальные жезлы с изображением листьев папоротника.

Этот бог, связываемый с солнцем, является олицетворением солнечного света. Дажьбогу дал жизнь Сварог, владыка Вселенной.

Иногда Солнце представляли в виде царицы, одетой в пурпурные одежды зари и в сияющем венце лучей. В Иванов день Солнце выезжает навстречу своему супругу Месяцу, пляшет и рассыпает по небу лучи. А с началом зимы Солнце и Месяц расходятся в разные стороны и не встречаются друг с другом до самой весны. Солнце не знает, где живет и что делает Месяц, а он ничего не ведает про Солнце. Весной же они встречаются и долго рассказывают друг другу о том, где были и что видели.

Славяне представляли, что жилище Солнца находится на востоке. Там, в стране вечного лета, стоит его золотой дворец, оттуда выезжает оно поутру в своей золотой колеснице. Солнцевы девы расчесывают его золотые лучи и умывают его, тогда на землю льется благодатный дождь.

Дажьбог покровительствует свадьбам, встречает жениха на рассвете в день бракосочетания. Дажьбог замыкает зиму и отмыкает лето. В пантеоне князя Владимира в Киеве идол его стоял на холме.

В «Слове о полку Игореве» Дажьбожьи внуки – русские, покровителем и родоначальником которых считалось это светоносное

божество.

Хорс и Семаргл

Богом собственно солнца был Хорс. Представление о том, что солнечный свет существует независимо от солнца, свойственно многим народам; славянские книжники подчёркивали зависимость светила от вечного света. Хорс, чьё имя означает «солнце», «круг», воплощал в себе движущееся по небу светило. Это очень древнее божество, не имевшее человеческого облика и представлявшееся просто золотым диском. С культом Хорса были связаны ритуальный весенний танец – хоровод (движение по кругу), обычай печь на Масленицу блины, напоминающие по форме солнечный диск, и катать зажжённые колёса, также символизировавшие светило.

Спутником богов солнца и плодородия был Семаргл – крылатый пёс, охранитель посевов, бог корней, семян, ростков. О древности его говорит звериный облик; представление о Семаргле – защитнике посевов – как о чудесной собаке легко объяснимо: реальные псы оберегали поля от диких косуль и коз.

Лада, Лель, Полея, Дид и Леля

Лада – богиня красоты, плотской любви, а также крепкой любви супругов в семье. Она считалась еще и причиной горя из-за несчастной любви. Жениться следовало непременно по любви, богиню просили участвовать в бракосочетании, чтобы на долгие годы получить ее благоволение вновь созданной семье. Молодожены приносили богине в дар цветы, живых птиц, мед и ягоды. Кроме того, Лада считалась покровительницей первой зелени, первых всходов, первых колосьев. С наступлением весны, когда сама природа вступает в союз с Ярилой, наступали и Ладины праздники. В конце зимы девушки спрашивали у Лады благословения. Праздники, посвященные Ладе, приходились на весну и первую половину лета. Также Лада считалась подательницей животворящего летнего дождя.

Храм Лады стоял в Киеве, а в том храме – статуя несравненной красавицы в розовом венке. Ее золотоцветые волосы были убраны жемчугами, платье изукрашено богатым шитьем и драгоценностями.

Она держала за руку крылатого младенца, своего сына и бога любви Леля.

Лель – бог, сын богини красоты и любви Лады. Лель вызывал страсть друг к другу у людей. С его пальцев сыпались искры, которые зажигали в сердцах неугасимый огонь плотской, жаркой любви. Изображался он в виде златовласого, как и мать, крылатого младенца. В то же время он олицетворяет свободу в любви, которая рождается неожиданно и колеблется, как пламя.

От его имени до сих пор существует глагол «лелеять», обозначающий нежить, любить.

Полеля – второй сын богини любви Лады, младший брат Леля. Полеля – бог брака, древнейшее и наиболее чтимое нашими предками божество. Даже самое имя его означает: «следующий по Леле», ибо брак всегда следует за любовью, венчает ее. Облаченный в дорогие, златотканые одежды, увенчанный венком из цветущего шиповника, он по-прежнему дает молодоженам такой же венок и рог, в котором всегда пенилось вино столь же хмельное, как счастье, которого желал им сей добрый и ласковый бог.

Дид – третий сын богини Лады, после Леля и Полеля, бог супружеской любви. Некоторые полагают его покровителем охлаждения, остывших чувств, однако это не так: он покровительствовал прочным союзам, неизбывной любви. Дид, как и его братья, всегда молод, ибо истинная супружеская любовь никогда не стареет, не слабеет: она дарована богами для увеличения человеческого рода, для неумиряющего уважения друг к другу мужа и жены, для вечной взаимной нежности. Пусть угасает жар любви, страсть, – однако нежная дружба должна сохраняться. Символом этой неразрывной, только смерти подвластной связи были две горлинки, которые держал в руках Дид, каким его изображала статуя, воздвигнутая в огромном храме в Киеве. Как и братья его, как и мать, Дид любил не страшные, кровавые жертвы, а приношения цветов, ягод, веселые, приветливые песни, любил, когда большая семья приходила к алтарю и возносила благодарность за счастливо протекающие годы, за вечную любовь, которую благословляет добрый Дид.

Леля – божество весны и молодости, покровительница девушек, дочь богини Лады. Ей был посвящен праздник ляльник, Он отмечался

25 апреля. Девушки плели венки из первых весенних цветов. Одна из них изображала Лелю, она садилась на дерновую скамью, рядом с ней раскладывали венки. Остальные девушки водили вокруг Лели хоровод и пели обрядовые песни. В конце праздника Леся раздавала девушкам венки.

Дидилия

Богиня женского плодородия. Ей поклонялись все бесплодные, а особенно беременные женщины. Дидилия покровительствовала благополучным родам и воспитанию младенцев.

Статуя этой богини представляла собой молодую, прекрасную, цветущую женщину, увенчанную драгоценными камнями. Один кулак у нее был сжат, что знаменовало трудности родов, а другой разжат: это означало благополучное разрешение.

Главный храм Дидилии был в Киеве. Богине жертвовали цветы, плоды и новорожденных ягнят, телят, поросят, причем их никогда не убивали, а через некоторое время по воле Дидилии, извещенной жрецами, отдавали бедным.

Ярила

Бог зерна, умирающего в земле, чтобы возродиться колосом, был одновременно и прекрасным, и жестоким. Язычникам он представлялся юношей на белом коне, в белой одежде, в венке из полевых цветов, со снопом ржи в одной руке и отрубленной человеческой головой – в другой. Корень его имени – «яр» – встречается в словах, связанных с идеей плодородия и расцвета жизни: яровая пшеница; ярочка – молодая овца: но тот же корень означает гнев, пыл: яростный, ярый – сердитый или пыл кий; яркий огонь.

Внешне он был безумно обаятелен. Ярило сродни древнегреческому Эроту, богу любви, и в то же время не чужд богу веселья Бахусу. Веселый, разгульный бог страсти, удалы представляется народному воображению молодцем красоты неописанной; в белой епанче сидит он посадкой молодецкою на своем белом коне; на русых кудрях веночек цветочный, в левой руке ржаные колосья; ноги у Ярилы – босые. Разъезжает он по полям-нивам, рожь

растит – народу на радость на веселую. Он – представитель силы могучей, удали богатырской, веселья молодец кого, страсти молодой-горячей. Все, что передает животворящему лету весна, – все это воплощается в нем по прихотливой воле суеверного народного воображения. Взглянет Ярило на встречного – тот без пива пьян, без хмеля хмелен; встретится взором красавец-бог с девицей-красавицею – мигом ту в жар бросит: так бы на шею кому и кинулась... А вокруг него, по всему пути-по дороге Ярилиной, цветы зацветают-цветут, что ни шаг, что ни пядь – все духовитей, все ярче-цветистее.

Гульбища в честь веселого Ярилы ознаменовывались тем, что во время них радимичи, вятичи, северяне и древляне «умыкаху жены себе». На Ярилиной неделе, по суеверному представлению народа, особенно неотразимую силу имеют всевозможные любовные заговоры – на присуху, на зазнобу да на разгару.

Ярилин праздник начинается тем, что девушки – целым хороводом – выбирают прекрасного юношу, наряжают его всего в цветы и сажают на белого коня. Все участницы игрища одеты в праздничные наряды, с венками из полевых цветов на головах. Его возили по полям-лугам, ибо перед взором бога все должно цвести-колоситься. Проводы Ярилы – одновременно и проводы весны.

Уд

В глубокой древности дух-покровитель любовной связи, любострастия. Это один из самых загадочных славянских божеств, но несомненно то, что культ его существовал.

Уда представляли статным кудрявым молодцем, восседающем на туре. Рога тура повиты венком из калины – символом девичества, а сам Уд держит в руке деревянное копье, к тупому концу которого привязаны две круглые деревянные погремушки.

В позднейшие времена чародейное могущество Уда было поделено между Ярилой, Ладом, Купалой, Припекалой, Усладом.

Лад

Бог примирения и согласия, дружбы, искренности. Его культ возник довольно поздно, в период первых государственных

образований на славянских территориях. В эти времена договоры заключались устно, и важно было видеть при переговорах, что в руках договаривающихся нет оружия, то есть ладонь должна быть открыта, пуста, чтобы можно было вложить ее в ладонь собеседника.

Услад

Бог веселья и всяческого блаженства, пиров, гуляний и наслаждений, верный спутник Лады, богини любви. Его представляли прекрасным юношей, всегда сияющим открытой и радостной улыбкой, в венке из нежных привлекательных цветов.

На одежду Услад особого внимания не обращал, ибо всегда был готов к удовлетворению своих чувственных прихотей. При всяких пиршествах это божество призывалось в качестве самого почетного гостя, и первый глоток из всякого кубка жертвовался ему, так же, как и первый поцелуй, подаренный подруге подгулявшим молодцем. Со временем стали почитать его и как бога приятного сна и сновидений.

Припекало

Шаловливый, хитрый божок, покровитель супружеской неверности. Он вынуждал мужчин забывать свои семейные обязанности, свой долг перед женой и детьми. Иногда приключения на стороне быстро прекращались, иногда эти развлечения мужа доставляли женщине большие страдания. Припекало обрывал тенета супружеской верности и вовлекал мужей в опасные плотские приключения, склонял их к изменам.

Почитателей Припекалы было немало, правда, они предпочитали держать это в тайне, ибо часты были случаи, когда обманутые жены, собравшись вместе, поджигали святилище сего покровителя неприятностей и даже побивали камнями его жрецов. Беда лишь в том, что это мало содействовало исправлению и раскаянию изменников-мужей!

Купала

Его причисляли к знатнейшим богам. Он почитался третьим после Перуна и Велеса, ибо после плодов скотоводства, земные плоды всего более служат человеку и составляют его богатство. Веселый и прекрасный бог, одетый в легкую одежду и держащий в руках цветы и полевые плоды, с венком на голове из цветов купальниц, бог лета, полевых плодов и летних цветов. Праздник его отмечался в день летнего солнцестояния – 24 июня. Славяне уходили на ритуальные холмы, или на поляну у реки, жгли костры, пели, водили хороводы, ручейки. Прыжки через костры были одновременно испытанием ловкости и испытанием судьбы, гаданием: высокий прыжок символизировал удачу в замыслах. От костра к реке (или просто вниз с горы) откатывали колесо – символический знак солнца, выражая таким образом поворот солнца (вниз) на зиму. С шутками и песнями сжигали соломенные куклы Ярилы, Купалы.

На рассвете все участвовавшие в празднике купались, чтоб снять с себя злые немощи и болезни. В купальскую ночь, по преданиям, происходили всякие чудеса: цвели редкие загадочные травы: разрыв-трава, папоротник и другие; открывались невиданные клады. Нечисть – ведьмы и колдуны – тоже предавалась всяческому разгулу, скрадывали звезды, месяц и т. д.

Как сами обряды, так и название Купала (от глагола «купать», «кипеть») указывает на соотнесение купальских ритуалов с огнём (земным и небесным – солнцем, в купальских ритуалах представленным колесом) и водой, которые выступают в купальских мифах как брат и сестра. В основе мифа, реконструируемого по многочисленным купальским песням и другим фольклорным текстам, лежит мотив кровосмесительного брака брата с сестрой, воплощаемых двуцветным цветком иван-да-марья – важнейшим символом купальских обрядов; желтый цвет воплощает одного из них, синий – другого. В одном из вариантов мифа брат собирается убить сестру-соблазнительницу, а она просит посадить цветок на её могиле. Три вида волшебных трав и цветов в купальских песнях поверьям, целебная сила трав была наибольшей в ночь на Купалу) соотносятся с мотивами трёх змей и трёх дочерей Купалы.

Богиня, мать всего живого, подательница земного изобилия, одно из древнейших божеств славянского пантеона. Первоначально, по мнению многих исследователей, она олицетворяла собой стихию земли – Мать сыру землю. Впоследствии Мокошь приобрела многочисленные и разнообразные функции, прежде всего – богини судьбы. Можно сравнить часть ее имени со славянским словом «кош», что означает «судьба», «жребий». Находились такие ведуны-знахари, что умели гадать по горсти земли, взятой из-под левой ноги желающего узнать свою судьбу. Древний, известный многим народам символ человеческой судьбы – нить, которую прядет божественная пряжа. У славян такой богиней-пряхой была Мокошь. В более поздние времена она стала восприниматься как покровительница и помощница всех женщин-прях. Считалось, что о ее присутствии говорит жужжание веретена. Она представлялась длиннорукой, большеголовой женщиной, прядущей по ночам в избе. В жертву Мокоши приносили снопы льна и вышитые полотенца.

Посвященный ей праздник отмечался в начале ноября – на рубеже осени и зимы. В этот день девушки ткали особое полотно. Называлось оно обыденным, то есть изготовленным в один день. К работе приступали рано утром – теребили лен, пряли, ткали, белили, выполняя весь годовой цикл женских работ. Культ Мокоши, особенно среди женщин, сохранялся очень долго.

Мокошь почиталась также как богиня урожая. По мнению исследователей, часто встречающаяся в народных вышивках стилизованная женская фигура с руками, оберегающим жестом обращенными к земле, – это и есть изображение Мокоши.

Мокошь – единственное женское божество, чей идол стоял в Киеве на вершине холма рядом с кумирами Перуна, Велеса и других божеств.

Золотая Баба

Одна из самых древних славянских богинь. Ее культ со временем сильно менялся, но сущность ее почитания сохранялась во многих вариантах, поскольку ее сфера находится в основе всей жизни человечества. Это богиня тишины и покоя, домашнего благополучия, покровительница повитух, повивальных бабок, помогающих

женщинам разрешиться от бремени, а также и всех женщин – созидательниц, тружениц, хранительниц счастья.

Ее изображала статуя в виде красивой, сильной женщины. Она держала на руках одного ребенка, а другого вела за руку. Статуя стояла в храме. Почтение к богине было так велико, что никто не осмеливался пройти мимо статуи, не принеся хоть малой жертвы. Ей кланялись в землю и тем надеялись ее умиловить. Вообще же в жертву ей приносили соболей да куниц, одевали ее в их шкуры. Даже чужестранцы, верившие в иных богов, не скупилась для нее на золото, серебро и меха, ибо не принеся жертвы Золотой Бабе непременно должен был заблудиться в пути.

Ее атрибутами, в частности, были гусли и другие музыкальные инструменты, от которых постоянно слышались звуки, нежные и тихие, или погромче и увереннее. По этим звукам можно было предсказывать будущее. Таким образом эту богиню можно считать пророчицей.

Велес и Марена

Мужским божеством плодородия был Велес. Велес – владыка мира мёртвых, с которым связывались представления о магической силе, обладатель ее подчиняет себе людей, поэтому этот же корень означает могущество и встречается в словах «власть», «велеть», «владеть», «великий». Культ Велеса у славян сильно менялся на протяжении времени.

С развитием у славян земледелия Велес становится богом урожая, оставаясь по-прежнему богом мёртвых – предки, похороненные в земле, были покровителями и подателями урожая. Представление о Велесе как о боге мёртвых и боге урожая отразилось в обычае оставлять «Велесу на бородку» несжатым не первый, а последний сноп хлеба.

Ещё со времён скотоводческого образа жизни славяне почитали Велеса как бога богатства (в древности расплачивались домашними животными, слово «скот» имело значение «деньги»). В Древней Руси Велес был и покровителем купцов.

Культ Велеса – великого подземного бога, подателя плодородия и богатства, владыки мудрости, колдовства, поэзии, повелителя мёртвых

– был очень широко распространён на Руси. Об этом, в частности, говорит обилие деревень и сёл с названиями Велесово, Волосово, Волоотово.

Во многом схожа с Велесом Марена – богиня мира мёртвых (её имя имеет общий корень со слова ми «смерть» и «мор») и плодородия земли. Представления о Марене как царице иного мира, подательнице благ, сохранились в названии ее златокудрой царевной Марьей Моревной. Её обычно похищает Кощей (пленение богини плодородия приводит к голоду и бедам).

Морена, Мара и Чума

Морена – богиня бесплодной, болезненной дряхлости, увядания жизни и неизбежного конца ее – смерти. В образе Морены воплотилась идея ежегодного умирания и последующего возрождения природы. Это самое страшное, враждебное человеку божество – богиня ночи, зимы. От этого имени вошли в наш язык слова мрак, мор, смеркаться. Славяне представляли, что Морена живет на севере, в недрах покрытых вечными снегами скал. Она всеильна, но светлые боги заключают ее в оковы с приходом весны. Поэтому, встречая весну, славяне сжигали чучело Морены. Но кончается лето – и возвращается злая Морена. Так происходит вечная борьба между светлыми и темными богами за власть над миром. Одним из весенних обрядов было сжигание соломенной куклы – Морены.

Мара – злой дух, как и Морена, воплощение смерти, мора. Позднее Мара частично утратила связь со смертью, но сохранила свой вредный для человека характер, часто так называют всяческую нечисть. Мара – имя чучела, которое сжигают на костре в ночь на Ивана Купалу. В низшей мифологии воплощение ночного кошмара. Садится ночью на грудь спящего и вызывает удушье.

Чума, приближаясь к городу или деревне, она точит свои стрелы, и кому случится выйти на ту пору в поле – в того и стреляет, а затем уже входит в самое село или город. Оттого первые заболевающие страшным недугом бывают приезжие иди странники. Наравне с ведьмами Чума может оборачиваться кошкою, лошадью, коровою, птицею и клубком пряжи; где она покажется – там начинают выть собаки, туда при летает ворона или филин, и, садясь на кровлю,

криком своим предвещает беду. Уверяют, что во время чумы петухи хрипнут и замолкают, а собаки теряют способность лаять, а только ворчат и с визгом бросаются на ужасную гостью.

Один крестьянин спал на стогу сена; пробужденный шумом, он увидел огромную женщину, в белой одежде (в саване), с растрепанными волосами, которая бежала от стаи собак; она вскочила на лестницу, приставленную к стогу, и стала дразнить собаку ногою. Крестьянин узнал Чуму, подкрался сзади и толкнул ее с лестницы; Чума погрозила ему пальцем и исчезла, и хотя он остался в живых, но с той самой минуты беспрестанно дергал ногою. Петуший крик и колокольный звон признаны были за целебное средство против болезней. По на родному убеждению, собака одарена чрезвычайно тонким чутьем и острым зрением; она узнает присутствие нечистых духов, чует приближение Чумы и Смерти и кидается на них, как верный страж домохозяина и его семьи. Когда собака воеет – это считается знаком, что она видит Смерть. Отсюда возникли поверья, что Чума боится собак, что у петухов она отнимает голос и вырывает хвосты и что там, где владевает нечистая сила смерти – зараза, уже не раздастся ни петуший крик, ни собачий лай; согласно с этим малорусские заговоры отсылают сестер-лихорадок и другие болезни в те пустынные страны, где не слышится ни пения петухов, ни лая собак, ни церковного звона, то есть собственно в царство туч, оцепененных холодным дыханием зимы (в вертепы се верного ада). Рассказывают также, что Чума не любит кошек и при удобном случае убивает их.

Перун

Ему в славянском пантеоне принадлежит особое место. Он связывался с военной функцией и соответственно считался покровителем военной дружины и ее предводителя – князя.

Перун – сын Сварога. Он мечет свои стрелы-молнии, мощной палицей разбивает тучи, гром выражает его гнев, по всему небу развеваются его одежда и борода, ветры и бури – его дыхание.

Могучий и деятельный летом, Перун умирает на зиму. Морозы запечатывают его громовые уста, палица-молния выпадает из его ослабевших рук, и бог всю зиму покоится в гробе-туче. Когда же вернутся из теплых стран птицы, Перун разбивает свою темницу и

сбрасывает с высоты врагов. Богатырский конь переносит его в мгновение ока в любое место, мощными копытами побивает врагов. Перуну служат быстролетные сокол и орел, остроклювый ворон, петух, возвещающий утро. Земные травы крапива и чертополох напоминают о его стрелах. Могучие дубы, похожие на тучи, считались священными.

Перун посылает дожди, от него зависит урожай, а значит – жизнь. Он покровитель земледелия и кузнечного дела. Как Перун плугом-грозой вспахивает облачное небо, разбрасывает семя дождя, гремит палицей, так и человек на земле возделывает пашню, кует плуги и топоры. Как Перун побеждает темные силы, так и пахарь ведет вечный бой с засухой или холодом. Поэтому в древнерусском языке родственны слова: оратай (пахарь) и рать (войско). А Перун не только бог грома и молнии, но и покровитель воинов.

По традиции Перуна считают верховным божеством древних славян, хотя, по мнению исследователей, он занял главенствующее место относительно поздно, а до него во главе пантеона стояли Род (Сварог) или Дажьбог.

Перун представлялся славянам в образе немолодого длиннорядого мужа, разъезжающего по небу на огненной колеснице в сопровождении грозной свиты – Грома, Молнии, Дождя и Урагана. Перун мечет на землю каменные стрелы и там, где ударит такая стрела, из земли начинает бить гремучий (незамерзающий) ключ.

По свидетельству древнерусского летописца, идол Перуна был деревянный, с серебряной головой (то есть волосами; серебро изображало седину) и золотыми усами. Жрец Перуна поддерживал перед его идолом неугасимый огонь, в котором горели дубовые дрова.

Перуну посвящался центральный летний праздник земледельческого культа. В этот день в жертву Перуну приносили быка или вепря (дикого кабана). Шкура и внутренности жертвенного животного сжигались на священном огне, мясо съедалось во время ритуальной трапезы, а череп вешали на дуб – священное дерево Перуна, росший поблизости от святилища.

Перун почитался также как покровитель княжеской власти, воинов и военных подвигов. При заключении государственных соглашений князья клялись оружием и богом Перуном. В договоре князя Святослава с греками есть такая клятва: «Если же не соблюдем

мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною, будем прокляты от бога, в которого верим, от Перуна и Велеса, и да будем желты, как золото, и пусть посечет нас собственное оружие».

В одной из летописей содержится загадочная фраза о том, что «Перун есть мног». Исследователи толкуют ее по-разному: то ли «перуны» было собирательным названием какого-то разряда божеств, то ли это указание на большое количество святилищ Перуна. Таких святилищ действительно было много. Одно из наиболее значительных находилось в Киеве, другое – близ Новгорода, в местечке, до сих пор носящем название Перынь.

После введения христианства святилища всех языческих богов были уничтожены, идолы повержены. Идол Перуна, стоявший в Киеве на вершине холма, сбросили в Днепр. Летописец рассказывает, что, когда он плыл по течению, киевляне бежали по берегу следом и кричали: «Выплывай, Перуне, выплывай!»

В христианскую эпоху образ Перуна-громовержца слился в народном сознании с образом святого Ильи-пророка, так же, как и Перун, разъезжающего по небу на огненной колеснице. В засуху совершались молебны, посвященные Илье-пророку, а в Ильин день – 20 июля (2 августа по новому стилю) – строго запрещались полевые работы. Если же кто-нибудь нарушал этот запрет, то его лошадь распрягали, а сбрую всей деревней пропивали в кабаке.

Связь образа Ильи-пророка с языческими представлениями ясно выступает и в поверьях о том, что Илья-пророк своими громовыми стрелами преследует нечистую силу, которая в грозу прячется, превращаясь в змей, собак и кошек, укрывается под шляпками грибов-поганок. После Ильина дня запрещалось купаться, потому что в этот день купаются черти и вода становится опасной для человека.

Руевит

Свирепый и ужасающий бог войны, кровавой битвы, беспощадности к врагам. Главный его храм находился на острове Буяне (о. Рюген в Балтийском море). Идол этого бога сделан был из дуба и представлял собою чудовищного великана с семью личинами, которые все исходили из одной шеи и соединялись под одним огромным шлемом. На поясе висело семь ножен с мечами, а восьмой,

обнаженный и обоюдоострый, всегда готовый к бою, Руевит держал в правой руке. Победить его мог силач, который вырвет этот меч из деревянной руки бога Руевита. Это ознаменовало бы победу врага над славянами.

Озем и Сумерла

Хозяин и хозяйка подземного царства, хранители земных богатств. Им подвластно всё, что находится в недрах земли: золотые и серебряные жилы, гроздь самоцветных камней. В сумрачных кладовых, где всегда темно, видны отблески от драгоценных камней и нефтяных озер. Одежды Озема и Сумерлы из чистого золота. Несмотря на то что эти боги самые богатые, они всегда бледны и лица их не выражают радости. Они боятся за свои сокровища, не хотят их отдавать никому и ненавидят людей, которые пытаются проникнуть в недра и взять ископаемые для своих нужд. Эти боги наказывают пришельцев в свои покои и устраивают на рудниках взрывы, землетрясения, отчего обваливаются шахты, в людей летят камни, пыль и подземные газы душат добытчиков. Только мертвые угодны Озему и Сумерле – мертвые, недвижимые, покорные... Слуги богов – кроты, ужи и грибы, их соглядатаи и слухачи. Зимой боги Озем и Сумерла спят, крепко обнявшись, потому что знают, что через заснеженные поля и леса, через замерзшую землю расхитители их богатств не смогут проникнуть в их царство.

Зевана

Богиня ловли зверей и охоты периода, когда для славян главным занятием была охота. Ее почитали ловцы зверя и охотники, прося у неё счастья в звероловстве, а в благодарность приносили часть своей добычи. Славяне не могли не почитать такую богиню, ибо проживали они среди лесов, полных диких зверей, представлявших для людей большую ценность из-за меха и пищи. Зевану народное сознание изображало в богатой куньей шубе, отороченной белкой. Вместо епанчи (верхней одежды) на нее накинута медвежья шкура, а голова этого зверя служила шапкой. Ее атрибутами были лук, который она

всегда держала натянутым, то есть готовым к бою, капкан, рогатина для борьбы с медведем, нож.

Белбог и Чернобог

Белбог – это воплощение света, бог добра, удачи, счастья, блага у славян. Святилище его было на холме, открытом солнцу, а многочисленные золотые и серебряные украшения Белбога отражали игру лучей и да же ночью озаряли храм, где не было ни единой тени, ни единого мрачного уголка.

Жертвы Белбогу приносили веселием, игра ми и радостным пированием. Живая память о древнем Белбоге и доныне сохраняется в предании о Белуне. Он, представляясь старцем с длинной белой бородой, в белой одежде и с посохом в руках, является только днем, чтобы путников, заблудившихся в дремучем лесу, вывести на дорогу. Есть поговорка: «Темно в лесу без Белуна!»

Его почитают также подателем богатства и плодородия. Во время жатвы Белбог приходит на нивы и помогает жнецам в их работе. Чаще всего он показывается в колосистой ржи с сумою денег на носу, манит какого-нибудь бедняка и просит утереть себе нос: если тот исполнит просьбу, то из сумы посыплется деньги, а Белбог исчезнет. Поговорка: «Мужик с Белуном подружился» означает, что кого-то посетило счастье...

Чернобог – жуткое божество древних славян, олицетворение всех злоключений и бед, злой бог, приносящий несчастье. С ним, властителем подземного мира, связаны такие понятия, как «черная душа», «черный день». Это страшное божество услаждалось кровопролитием и неистовством:

Шумящ оружием приходит Чернобог; Сей лютый дух поля кровавые оставил, Где варварством себя и яростью прославил; Где были в снесь зверям разбросаны тела; Между трофеями, где смерть венцы плела, Ему коней своих на жертву приносили, Когда россияне побед себе просили.

Чернобога изображали закованным в крепкую броню, да и сам истукан его был железный. Имея лицо, исполненное ярости, он держал в руке копьё, готовое к нанесению всяких зол.

В пиршественном ритуале пускали вкруговую чашу и произносили заклинания от имени двух богов – доброго и злого. На основе этого противопоставления реконструируется пара Белобог – Чернобог, воплощение противопоставлений «счастье – несчастье, белый – черный».

Храм Чернобога был построен из черного камня, а перед статуей стоял жертвенник, всегда обливаемый кровью, как и ступени храма, на которых приносили ему в жертву коней, пленников и рабов. Однажды для умиловления грозного чудовища в лихую годину бросали жребий и среди жителей этих мест, чтобы новой кровью умиловить Чернобога. Сие страшное божество услаждалось кровопролитием и неистовством, а потому хоть и мог он отвратить войны и всяческие бедствия, молились ему, не испытывая никакой благодарности и любви, а один только страх.

Божества и духи

Чур

Божество не самого высокого ранга, однако имя его до сих пор по всюду знают и чествуют. Он почитался покровителем и сберегателем границ поземельных владений. На межах своих участков земледельцы насыпали бугры, огораживая их частоколом, и такого бугра никто не смел разрыть из опасения разгневать божество. Порубежная полоса считалась неприкосновенной, никто не мог переступить ее своевольно. В определенные дни глава семейства обходил владения по этой черте, гоня перед собою жертвенных животных, пел гимны и приносил дары божеству; здесь же, на некотором расстоянии друг от друга, ставились крупные камни или древесные стволы, носившие названия термов. В яму, в которой утверждался терм, клали горячие угли, хлебные зерна, караваи, плоды, лили мед и вино. Здесь все было подвластно Чуру, и место, где он главенствовал, а порою и показывался, получало таинственное освящение, и потому за черту родовых владений не дерзали переступить враждебные духи.

Позднее на межах начали ставить изображение самого Чура. Несмотря на грубость работы и ничтожность того материала, из которого вырубались, они почитались священными и неприкосновенными. На полях, отвоеванных у дрему чих лесов и не обозримых степей, Чур оберегал границы владений разных хозяев, удерживал дерзких и своевольных нарушителей, останавливал чужую разгулявшуюся соху, тупил расходившийся топор.

Олицетворяли Чура в деревянном изображении, имевшем форму кругляша, короткого обрубочка толщиной в руку. На нем вырезались условные знаки, обозначающие владельцев того или иного участка Земли. Такие обрубки сохранили древнее название свое в известных словах, уцелевших до нашего времени: чурбак, чурбан, чурка, чурбашка.

Также Чур охранял человека и все его добро от нечистой силы: как житель проезжих-прохожих дорог, он имел более всех власти над чертями. Поэтому при опасности до сих пор советуют вспомнить этого

бога и зачураться, сказав: «Чур меня!», то есть попросить: «Чур, побереги меня!» Даже тайны мыслей человека он охраняет. Если кто-то скажет тебе что-то неприятное, зачурай его: «Чур тебе на язык!» – и злое пожелание не сбудется. Ну а найдешь что-то ценное и не захочешь ни с кем делиться, тут же взмолишь: «Чур, мое!» – и добрый древний божок побережет твою находку только для тебя одного.

Пятница

Покровительница усопших душ, а также убогих и нищих во всей Древней Руси. Около церквей (обычно выстроенных на подоле, у рек и самой воды) во всех местах селилась нищая братия со своими хатами и логовищами. Где не было воды, там непременно рыли колодцы и пруды.

Пятнице молились о дожде: когда наступает время жатвы, одна из деревенских старух, легкая на руку и этим достоинством всем известная, отправляется в поле ночью и сжинает первый сноп. Связав его, ставит она на землю и три раза молится в это время Пятнице, чтобы помогла рабам Божиим (помянет всех женщин своей деревни, на которых, по хозяйскому обычаю, лежит обязанность жнитва). Просит старуха об окончании без скорбей и болезней тяжелой работы, молит Пятницу быть заступницей от лихих людей, особенно тех, которые умеют делать заломы. Затем берет она свой сноп и, крадучись ото всех, несет его в свою избу. Всякая встреча при этом – недобрый знак.

Пятницу также почитают богиней женского рукоделья, особенно пряжи. Она очень строго следила, чтобы в пятницу женщины не прикасались к работе.

Существует легенда о девушке, которой госпожа приказала в этот день работать. Она, конечно, послушалась. Пришла к ней Пятница и в наказание велела под страхом смерти спрясть сорок мычек и занять ими сорок веретен. Испуганная до лихорадки девушка, не зная, что думать и делать, пошла посоветоваться с опытной и умной старухой. Эта велела напрясть ей на каждое веретено по одной лишь нитке. Когда Пятница пришла за работой, она сказала девушке: «Догадалась!» – и сама скрылась, и сошла беда на этот раз с рук. Во всех других случаях бывает хуже именно потому, что Пятница, ходя по земле, сама

за всеми наблюдает (а хождение Пятницы – повсеместно распространенное верование). Ходит она всюду вместе со Смертью, а по тому немедля и наказывает ею: обычно делает так, что скрючит на руках пальцы, а мужчинам вложит в спину прострел и ломоту. Пятницу все могут видеть, и кто видел – тот хорошо распознал, что это еще молодая женщина.

Иногда она милует и награждает, а в иную пору жестоко наказывает. У одной женщины, не почтив шей ее и работавшей, она просто-напросто содрала с тела кожу и повесила на том же стану, на котором та ткала холст.

Попался ей раз навстречу по дороге работник, который отошел от хозяина. Сел этот прохожий закусить, а к нему и напрашивается неведомая красавица, чтоб разделил с нею хлеб-соль. Поели они. «Вот тебе за то награда: иди в это село, найди там богатую девушку-сиротку, бери ее за себя замуж. А я даю тебе сто лет веку». Он так и сделал. Жил он ровно сто лет, и пришла к нему Пятница с тем сказом, что пора-де умирать. Умирать не хочется: «Прибавь еще одну сотню!» Прибавила. Когда исполнился последний день этой второй сотни лет, она опять пришла. «Еще прибавь сотню!» Прибавила. Жил-жил человек, и самому даже надоело, и такой он стал старый, что по всему телу мох вырос.

Приходит Святая Пятница и Смерть с собой привела. «Ну, теперь пойдем: и вот тебе хорошее местечко здесь остаться». Место очень понравилось, но она повела на другое, которое ветхому старику еще больше полюбилось. Когда привела его на третье, то отворила дверь и пихнула его прямо в ад и промолвила: «Когда бы ты помер на первой сотне своих лет, то жил бы в первом месте, на второй – на втором, а то в триста-то лет ты столько нагрешил, что где же тебе и жить, как не у чертей в когтях?»

Этотю легендою дается объяснение тому повсеместному на Руси обстоятельству, что пятницким церквам отводятся места на кладбищах и там «девятничают» и «пятничают», то есть, по-старинному, старухи весь день проводят в строгом посте, воздерживаясь даже от рыбы в память умерших родите лей, именно в ильинскую пятницу особо и сверх прочих поминальных и панихидных дней.

Злая колдунья. Название это происходит от древнего слова «ведать», то есть знать, и родственно с благозвучным словом «ведунья». В эпоху матриархата все женщины считались ведуньями, ведьмами, знающими особые, запредельные тайны. До недавнего времени считалось, знахарки («знать» – то же, что «ведать») были наделены умениями исцелять даже и те болезни, от которых отступаются доктора! Но поскольку темному уму излишнее знание в другом человеке всегда кажется чем-то подозрительным и даже опасным, с течением времени представление о ведьмах очень изменилось.

Их приравнивают к сказочным Бабам-ягам, живущим в избушках «на курьих ножках», где они, по сказанию, вечно кудель прядут и в то же время «глазами в поле гусей пасут, а носом (вместо кочерги и ухватов) в печи возятся». Ведьм обыкновенно смешивают с колдуньями и представляют себе не иначе как в виде старых, иногда толстых, как кадушки, баб с растрепанными седыми космами, костлявыми руками и с огромными синими носами.

Ведьмы, по общему мнению, отличаются от всех прочих женщин тем, что имеют маленький хвост и владеют способностью летать по воздуху на помеле, кочергах, в ступах. Отправляются они на темные дела из своих жилищ непременно через печные трубы и, как все чародеи, могут оборачиваться в разных животных, чаще всего в сорок, свиней, собак и черных кошек.

Чаще всего ведьмы подвергаются истязаниям за выдаивание чужих коров, что они делают, приняв облик черной свиньи, или ласки, или лисицы. Обиженные крестьяне утешают себя возможностью поймать злодейку на месте преступления и изуродовать, отрезавши ей ухо, нос или сломавши ногу. После того в деревне не замедлит обнаружиться баба с подвязанной щекой или прихрамывающая на ту или другую ногу.

Ведьмы имеют чрезвычайно много общего с колдунами, находятся между собою в постоянном общении (вот для них-то и изобретены «Лысые горы» и шумные игры шаловливых ведьм с веселыми и страстными чертями). Умирают они, мучаясь в страшных судорогах, вызываемых желанием передать кому-нибудь свою науку, и у них точно так же, как у колдунов, после смерти высовывается изо рта язык, необычайно длинный и совсем похожий на лошадиный.

Затем начинаются беспокойные ночные хождения из свежих могил на старое пепелище (на лучший случай – отведать блинов, выставляемых за окно до за конного сорокового дня, на худший – выместить запоздавшую и неостывшую злобу и свести неоконченные при жизни расчеты с немилыми соседями). Наконец, успокаивает их точно так же осиновый кол, вбитый в могилу.

Колдун

Существо, наделенное сверхъестественными свойствами. Их представляли людьми старыми, с длинными седыми волосами и нечесаными бородами, с длинными неостриженными ногтями. Они вызывают страх, поскольку их возможности основаны на нечистой силе и постоянно ею подпитываются. Их слугами являются черти, ведьмы, которые выполняют их поручения и радуются, когда есть такая черная работа для них.

Колдуны бывают природные, добровольные и невольные. Колдун не может покинуть этот свет, пока не передаст свою силу кому-нибудь из наследников и он ее навязывает любыми хитростями кому только сможет. Если все-таки кто-то попался на эту хитрость колдуна и стал невольным колдуном, то его можно отмолить священником или в монастырях.

Самая смерть колдунов имеет много особенностей. Прежде всего колдуны заранее знают о смертном часе (за три дня), и, кроме того, все они умирают приблизительно на один манер. Чародеев бьют судороги, и настолько сильно, что они не умирают на лавке или на полатах, а непременно около порога или под печкой. Если над таким колдуном станут читать Псалтырь, то в полночь он вскакивает и ловит посиневшего от страха чтеца.

Колдуны перед смертными страданиями успевают дать родным словесное завещание: если умрет в поле – не вносить в избу, умрет в избе – выносить не ногами вперед, по обычаю всех православных, а головой, и у первой реки заблаговременно остановиться, перевернуть в гробу навзничь и подрезать пятки или подколенные жилы.

Все твердо знают, что необходимо тотчас же, как только зароят могилу колдуна, вбить в нее осиновый кол с целью помешать этому покойнику подыматься из гроба, бродить по белу свету и пугать живых

людей. Умирают колдуны непременно очень долго и страшно, так как им указано мучиться сверх положенного.

В большинстве случаев колдуны безродные и всегда холостые. За все деяния их обязательно постигнет лютая, мучительная смерть, а за гробом ждет суд праведный и беспощадный.

Русалки, берегини, мавки

Существа, как правило, вредоносные, в которых превращаются умершие девушки, преимущественно утопленницы, некрещёные дети. Представляются в виде красивых девушек с длинными распущенными зелёными волосами, реже – в виде косматых безобразных женщин (у северных русских).

Русалки – фантастические жилицы всех вод и источников Земли. Бледнолицые и прекрасные, с долгими зелеными волосами, они поют восхитительные песни не земными голосами и заманивают к себе неосторожных рыбаков и корабельщиков. Тела красавиц на столько нежны, что их можно пронизать взором, однако из объятий русалок никому не вырваться, да и не всякий смертный захочет променять обольстительную русалку на привычных земных жен!.. Могут за влечь русалки и случайного путника, особенно когда в лунную ночь выплывут из вод, сядут на ветку ивы, низко склонившуюся к волнам, и примутся расчесывать белым, из рыбьей кости выточенным, гребешком свои чудные зеленые кудри, по которым всегда струится вода. Беда, если кто поддастся их чарам! Одного хотят русалки от людей: защекотать до смерти и по топить.

Летом, начиная с Троицына дня, русалки оставляют речные и озерные омуты и выходят на землю, качаются на деревьях. В эту пору ни одна девушка не решится одна, без по друг, пойти в лес, опасаясь попасться русалкам: увлекут с собою, сманят – домой больше не воротится. А уж парням и вовсе беда: охочи русалки до земной любви! Рассказывают, один юноша поплясать решил с русалками – и только потому живой ушел, что надел два креста: один на грудь, другой – на спину, так что никак к нему не подступишься.

Особенно опасны в четверг – русаличий велик день. Поэтому в русальную неделю нельзя было купаться, а выходя из деревни, брали с собой полынь, которой русалки якобы боятся. На просьбы русалок

дать им одежду женщины вешали на деревья пряжу, полотенца, нитки, девушки – венки. Всю Троицкую неделю пели русальные песни, в воскресенье (русальное заговенье) изгоняли, «проводжали» русалок (или весну). Русалку обычно изображала девушка, которой распускали волосы, надевали венок и с песнями проводжали в рожь. Вталкивая её в рожь, с криками разбегались, а русалка догоняла.

Для жительство русалки выбирают себе плакучие березы, потому в русальную неделю деревенские девушки непременно ходят завивать березки, чтобы водяниц задобрить: связывают разноцветными лентами березовые ветви, на которых так любят качаться мавки при луне, которая для них светит ярче обычного. Русалки аукаются между собой, пляшут, водят веселые хороводы.

Образ русалки связан одновременно с водой и растительностью, сочетает черты водных духов (иногда русалку представляли в свите водяного) и карнавальных персонажей, воплощающих плодородие, типа Ярилы, смерть которых гарантировала урожай. Отсюда вероятна и связь русалки с миром мёртвых: по-видимому, под влиянием христианства русалок стали отождествлять лишь с вредоносными «заложными» покойниками, умершими неестественной смертью. Возможно, название русалок восходит к древнерусским языческим игрищам русалиям, известным по церковно-обличительной литературе.

Водяной

Злой дух, воплощение стихии воды как отрицательного и опасного начала. Чаще всего выступает в облике мужчины с отдельными чертами животного (лапы вместо рук, рога на голове) или безобразного старика, опутанного тиной, с большой бородой и зелёными усами. Водяные женятся на русалках, водяницах.

Над теми людьми, которым судьба определила утонуть, водяной получает таинственную власть, от которой никак нельзя оторваться, поэтому некоторые суеверные люди не решаются оказать помощь тонущему: от судьбы не уйти!

В своей родной стихии водяной неодолим, а на земле сила его слабеет. Но уж на реках все рыбы ему подвластны, все бури, штормы и

ураганы: он бережет пловца – или топит его, дает рыбаку счастливый улов – или рвет его сети.

Летом он бодрствует, а зимой спит, ибо зимние холода запирают дожди и застилают воды льдами. С началом же весны, в апреле, водяной пробуждается от зимней спячки, голодный и сердитый, как медведь: с досады ломает он лед, вздымает волны, разгоняет рыбу в разные стороны. В эту пору рассерженного властелина реки ублажают жертвами: поливают воду маслом, даруют гусей – любимую птицу водяного, могущественного, пугающего – и в то же время озорного и веселого.

Водяные соотносятся с чёрным цветом: им приносили в жертву чёрного козла, чёрного петуха, существовал обычай держать на водяных мельницах чёрных животных, любезных Водяному. По поверьям, у Водяного были коровы чёрного цвета, он обитал в чёрной воде – в сказках урочище Черная Вода служит местом встречи с Водяным. С левой полы Водяного постоянно капает вода (это можно сравнить с особым значением левой стороны у лешего), где бы он ни сел, место постоянно оказывается мокрым, а начнет причесываться – и с волос струится водица.

Водяные утаскивали людей к себе на дно, пугали и топили купающихся. Эти поверья о Водяных сопоставимы с легендой о морском (водяном, поддонном) царе, отразившейся в русских былинах о Садко. В волшебных сказках Водяной схватывает свою жертву, когда она пьёт из ручья или колодца, требует у схваченного царя или купца сына в залог и т. п. В славянских поверьях о Водяном и морском царе можно видеть отражение на более низком уровне мифологической системы представлений, некогда относившихся к особому богу моря и вод.

Домовой

Дух дома, он хранитель домашнего очага, незримый помощник хозяев. Представлялся в виде человека, часто очень похожим на хозяина дома, или в виде старика с лицом, покрытым белой шерстью. Он ответственен за благополучие дома, особенно скота (в более древнее время функцию защиты скота выполнял Дворовой). Главное же дело его – досмотр за хозяйством. Домовой видит всякую мелочь,

неустанно заботится и хлопочет, чтобы все было в порядке и наготове: подсобит работающему, поправит его про мах; ему приятен приплод домашних животных и птицы; он не терпит излишних расходов и сердится на них – словом, домовой склонен к труду, бережлив и расчетлив. Если ему жилье по душе, то он во всем служит этой семье.

Зато ленивым и нерадивым он охотно помогает запускать хозяйство, мучает людей. Кого домовой всерьез не любит, это пьяниц и простоволосых женщин.

Чтобы с ним помириться, нужно положить под печь нюхательного табака или разноцветный лоскут, горбушку хлеба.

При переезде в новый дом надлежало совершить особый ритуал, чтобы уговорить домового переехать вместе с хозяевами, в противном случае хозяевам грозили беды.

Леший

Дух лесов, которые окружали славян. Миф о леших просуществовал на Земле тысячелетия. По народным воззрениям, леший служит как бы бессознательным оружием наказания за вольные и невольные грехи человека. Например, леший на виду у всех унес мужика в лес за то, что тот, идя на колокольню, ругался непотребным словом. Еще сильнее карает леший за произнесение проклятий, и если случится, например, что роженица, потерявши в муках родов всякое терпение, проклянет себя и ребенка, то ребенок считается собственностью лешего с того момента, как только замер последний звук произнесенного проклятия. Обещанного ему ребенка леший уносит в лес тотчас по рождении, подкладывая вместо него «лесное детище» – больное и беспокойное. В случае же, если каким-ни будь чудом зачатого ребенка успеют окрестить ранее, так что взять его сразу нельзя, то леший ждет до семи лет отрочества и тогда сманивает его в лес. Лешему дана одна минута в сутки, когда он может сманить человека.

В лесу проклятые живут недолго и скоро умирают. А если и случится, что кто-нибудь из них, по усиленным молитвам матери, выживет, то находят его в самом жалком виде: ходит он одичалым, не помнит, что с ним было, и сохраняет полнейшее равнодушие ко всему, что его может ожидать при совместной жизни с людьми.

Деревенские слухи очень настойчиво приписывают лешим страсть к женщинам и обвиняют их в не редких похищениях девушек. Лешим также навязывают жен одинаковой с ними породы (лешачиха, лешуха) и детенышей (лешеня).

Оборотень

Это – более страждущие, чем зловредные существа: они живут в берлогах, рыскают по лесам, воют по-волчьи, но сохраняют человеческий смысл и почти никогда не нападают на деревенские стада; только нестерпимый голод может понудить их искать себе поживы. Нередко бродят они возле родного села и, когда завидят человека, смотрят на него так жалостно, как будто умоляют о помощи; случалось замечать при этом, что из глаз бедного оборотня струились в три ручья слезы; сырого мяса, которое ему предлагают, он не берет, а брошенный кусок хлеба поедает с жадностью.

Один пригожий юноша презрел любовь ведьмы, и вскоре его постигло жестокое мщение: раз поехал он за дровами, остановился в лесу, взялся за топор и только что замахнулся на дерево, как руки его превратились в волчьи лапы, а затем и весь он покрылся мохнатою шкурою; несчастный бросился к своим волам, но те в испуге шарахнулись в сторону; хотел было остановить их своим голосом, но вместо людской речи раздался протяжный дикий вой. Другая ведьма оборотила волком своего соседа, который впоследствии, когда освободился от заклятия, рассказы вал, что, будучи оборотнем, он подружился с настоящим волком, ходил с ним на добычу, и хотя чувствовал себя человеком, не мог выразить своих мыслей словами, а был по-волчьи...

Средства, употребляемые колдунами и ведьмами для превращения людей в животных, сходятся с теми, силою которых они сами становятся оборотня ми. Средства эти следующие.

Набрасывание звериной шкуры. Крестьяне уверяют, что в старые годы случалось, снимая шкуру с убитой волчицы или медведицы, находить под нею бабу в сарафане. Есть рассказ, что на охотничьей облове убили трех волков, и когда стали снимать с них шкуры, то под первую нашли молодого жениха, под вторую – невесту в ее венчальном уборе, а под третьей – музыканта со скрипкою.

Волшебная науза (петля). Чтобы превратить свадебное сборище в стаю волков, колдуны берут столько ремней или мочал, сколько нужно оборотить лиц; нашептывают на них заклятия и потом этими ремнями или мочалами подпоясывают обреченных, которые тотчас же и становятся волкодлаками. Такой оборотень не иначе может получить прежний человеческий образ, как разве в том случае, когда чародейный пояс изотрется и лопнет; но и после избавления долгое время бывает дик, сумрачен и не скоро навывает людской речи.

Народные сказки свидетельствуют еще, что колдуны и ведьмы превращают людей различными зверями и птицами, ударяя их зеленым прутиком, палкою или плетью. Удару волшебного прута придается двоякое значение и в преданиях о волкодлаках и оборотнях: им превращаются люди в звериные образы, и, наоборот, им же разрушается сила заклятия, и превращенные возвращаются в среду людей.

Обменыш

Бесы похищают детей. Дьявол подменяет своими чертенятами некрещеных человеческих младенцев. Без разбору черти уносят и тех, которых в сердцах проклинаят матери, и таких, которым в недобрый час скажут неладное (черное) слово, вроде: «Хоть бы черт тебя унес». Уносят и младенцев, оставленных до крещения без над лежащего присмотра, то есть когда младенцам дают заснуть, не перекрестивши их, дают чихнуть и не поздравляют ангельскую душу, не пожелают роста и здоровья. Особенно не советуют зевать в банях, где обыкновенно роженицы проводят первые дни после родов. Нечистая сила зорко сторожит и пользуется каждым случаем, когда роженица вздремнет или останется одна. Вот почему опытные повитухи стараются не покидать матерей ни на одну минуту; в крайнем случае, при выходе из бани, крестят все углы. Если же эти меры предосторожности не будут приняты, то мать и не заметит, как за крышей зашумит сильный ветер, спустится нечистая сила и обменяет ребенка, положив под бок роженицы своего лешачонка или обменаша. Эти обменаши бывают очень тощи те лом и крайне уродливы: ноги у них всегда тоненькие, руки висят плетью, брюхо огромное, а голова непременно большая и свисшая на сторону. Сверх того, они

отличаются природной тупостью и злостью и охотно покидают своих приемных родителей, уходя в лес. Впрочем, живут они недолго и часто пропадают без вести или обращаются в головешку.

Что касается судьбы похищенных детей, то черти обыкновенно носят их с собой, заставляя раздувать начавшиеся на земле пожары. Но бывает и иначе. Похищенные дети отдаются на воспитание русалкам или проклятым девкам, у которых они остаются, превращаясь впоследствии: девочки в русалок, мальчики в леших.

Сказочные и былинные персонажи

Снегурочка

Героиня русского фольклора. В сказках это девочка, вылепленная из снега на закате зимы и оставшаяся жить у стариков, приемных родителей, в деревне. Она добрая, внимательная, ласковая, но немного печальная, потому что летом радуется она только дождю и граду. В один из летних праздников деревенские подружки прыгали через костер, не отстала от них и Снегурочка, но растаяла над жарким костром и превратилась в легкое облачко, улетевшее по небу.

Снегурочка добра и нежна, поэтому, в отличие от злого Морозки, сварливой Зимы и смешной Масленицы, сказки всегда рисуют Снегурочку печальной белолицей красавицей, полной неизъяснимой, прохладной прелести.

Крупеничка

Прекрасная царевна, взятая в полон злыми татарами. Желая спастись из Золотой Орды хоть бы и после смерти, девушка попросила о помощи мудрую старуху – и чародейка обратила ее в гречневое зернышко.

Спрятала его старуха, пошла на Русь. Схоронила она гречневое зернышко в чистом поле – и начало то зернышко в рост идти, и выросла из того зернышка греча о семидесяти семи зернами. Повеяли ветры со всех четырех сторон, разнесли те семьдесят семь зерен на семьдесят семь полей. с той поры на Руси расплодилось греча.

Соловей-разбойник

О том, кто такой Соловей-разбойник, высказывались разные предположения. Исследователи XIX века полагали, что он олицетворяет силы природы, в частности разрушительную силу ветра. Позже были обнаружены некоторые исторические аналогии. Можно считать, что в былине о Соловье отразилась борьба за образование

единого государства, которую киевские князья вели с лесными славянскими племенами, желавшими сохранить свою обособленность.

Со временем образ Соловья-разбойника вобрал в себя черты врага-захватчика. В некоторых вариантах былины он назван по отчеству – Ахматович, или Рахматович. Возможно, это воспоминание о татарском хане Ахмате, совершившем в XIV веке набег на Москву.

Имя «Соловей» в применении к злобному чудовищу кажется довольно странным. Возможно, это слово имело в древности еще какое-то, пока не выясненное значение. Но не исключено, что имя ему дано на основании древнейшего уподобления свиста бури громозвучному пению этой птицы. В образе Соловья-разбойника народная фантазия олицетворяла демона бурной, грозной тучи.

Первым подвигом Ильи Муромца после того, как он покинул родное село, была победа над Соловьем-разбойником. Эта былина считается наиболее древней в цикле, в ее основе лежит мифологический мотив борьбы героя с чудовищем.

За десять верст раздался его свист – и даже богатырский конь под Ильєю Муромцем споткнулся:

Темны леса к земле приклонилися,
Мать-река Смородина со песком сомутилася.

Эпитет «разбойник» объясняется разрушительными свойствами бури и тем стародавним воззрением, которое с олицетворениями туч соединяло разбойничий, воровской характер. Закрытие тучами и зимними туманами небесных светил называлось на старинном поэтическом языке похищением золота; в подвалах Соловья-разбойника лежала несчетная золотая казна; точно так в летней засухе и в отсутствии дождей зимою видели похищение живой воды и урожаяев.

Ставр Годинович

Персонаж героического эпоса русского народа. Былина о Ставре известна во множестве записей, но все они сводятся к двум основным

вариантам, условно называемым «богатырским» и «новеллистическим».

В богатырском варианте жена Ставра выдает себя за грозного посла, побеждает семерых богатырей, лучше княжеских лучников стреляет из лука. В новеллистическом варианте она не наделена богатырской силой, а приезжает к княжескому двору под видом жениха, сватающегося к дочери (или племяннице) князя Владимира. Из испытаний, которые устраивает ей князь, Василиса выходит победительницей не при помощи силы, а хитростью.

Некоторые исследователи считают, что эта былина имеет под собой историческую основу. В одной из летописей сообщается, что в 1118 году Владимир Мономах разгневался на новгородских бояр и на сотского Ставра – и заточил его. В 1960 году на стене Софийского собора в Киеве была обнаружена процарапанная надпись: «Господи помози рабу своему Ставрови недостойному рабу твоему», сделанную почерком XI–XII веков. Видимо, это автограф боярина, послужившего прообразом былинного Ставра, который был грамотен и обладал красивым, выработанным почерком».

Вольга Святославич

Этого одного из старейших богатырей назвали в честь Волхва, божества всяческих чудес, превращений и колдовства, обладающего невероятной силой.

Он является олицетворением хитромудрости, сродной с колдовством. Вещий богатырь-знахарь, разъезжающий со своей дружиною по городам, выбивающий, как сказано в былинах, «с мужичков дани-выходы», являет собою яркое воплощение «змеиной мудрости», объединенной с красотой-молодечеством.

Много совершил он чудесных подвигов, только ни чего не смог поделаться с сохой, позабытой на недопаханной ниве любимым сыном Матери сырой земли Микулой Селяниновичем.

Микула Селянинович

Пахарь-исполин – один из самых монументальных и загадочных образов русско го эпоса. Это гигантский осколок некогда бывшего

цикла сказаний. В настоящее время известно лишь два былинных сюжета о Микуле Селяниновиче.

На княжий отряд нападают разбойники, Микула обращает их в бегство, и Вольга награждает Микулу «тремя городами со крестьянами». Былина заканчивается тем, что Микула Селянинович называет свое имя. Это свидетельствует об особой значительности и изначальной общеизвестности этого образа. По мнению многих исследователей, он принадлежит к древнейшему пласту русского эпоса и первоначально был не просто земледельцем, а богом земледелия. Не случайно противопоставление Микулы Вольге и явное первое над вторым превосходство. Дело в том, что Вольгу обычно отождествляют с богом охоты. В древнейшие времена охота была для человека основным источником существования, а затем, в конце каменного века, ее сменило земледелие. Таким образом, то, что в былине Микула оказывается сильнее Вольги и всей его дружины, верно отражает процесс исторического развития.

В другой былине Микула Селянинович противопоставляется богатырю Святогору. Святогор – также один из древнейших мифологических персонажей русского эпоса. Он олицетворяет абсолютную вселенскую силу. Сильнее него нет никого на свете, он настолько огромен и тяжел, что его «не держит мать сыра земля», и он ездит на своем богатырском коне по горам. В этой былине образ Микулы приобретает особое звучание.

Однако со временем образ Микулы стал восприниматься иначе – как олицетворение русского крестьянина-труженика.

Святогор-богатырь

Особо почитаемый народом былинный герой – старейший из всей дружины богатырской. Святогор принадлежит к древнейшему, мифологическому поколению героев русского эпоса. О нем можно сказать, что это старинный богатырь-стихия.

Святогор силен настолько, что сила тяготит его самого: «Грузно от силушки, как от тяжкого бремени». Сила Святогора существует сама по себе, не имея ни цели, ни применения, она прибывает день тот дня, а растрачивает ее некуда: нет на свете богатыря, с которым мог бы Святогор померяться силой.

В былине, в которой встречаются Святогор с Микулой Селяниновичем, богатырем-пахарем, рассказано, что Святогор не смог поднять сумку Микулы, а в сумке той была таинственная тяга – сила земли. В этой былине русский народ-пахарь воспел мощь и силу мирной, трудовой жизни, бывшей ему милее кочевой воинской, которая по степенно уходила в прошлое.

На смену Святогору приходит плеяда богатырей во главе с Ильей Муромцем. Илья Муромец – представитель новой, уже исторической «богатырской» эпохи. Его сила качественно иная – человеческая, и он отказывается принять противоречащую его природе стихийную силу Святогора. Когда Святогор, почуяв свою кончину, хотел вдохнуть свою непомерную силу в Илью, тот ему ответил: «Не надо мне больше силы, а то не будет носить меня Мать сыра земля».

Илья Муромец

Центральный герой русского героического эпоса. Ему посвящено более десяти былинных сюжетов, каждый из которых известен во множестве записей. Подвиги его не могут изгладиться из памяти народа-пахаря, которого охранял этот богатырь.

В. Я. Пропп, один из крупнейших ученых-фольклористов XX века, писал: «Образ Ильи – наиболее зрелое и наиболее совершенное создание русского эпоса. (...)

Только могучий народ в одну из решающих эпох своей истории мог создать этот монументальный и величественный, но вместе с тем простой в своей человечности образ национального героя».

Былины об Илье Муромце складывались в период с XI по XIV век, в эпоху борьбы русского народа с половцами, совершавшими набеги на Русь, а затем с монголо-татарами, под игом которых Русь находилась более двухсот лет.

Былиной о происхождении Ильи и обретении им силы открывается поэтическая биография Ильи Муромца. Он – «крестьянский сын» и происходит из села Карачарова близ города Мурома. Село Карачарово действительно существует, оно находится в двух верстах от Мурома вверх по Оке. По местному преданию, былинный герой погребен в своем родном селе, под часовней возле

дороги на Муром. В Муроме в конце XX века Илье Муромцу был поставлен памятник.

Однако иногда Илья в былинах называется Моровлином, или Муравлином, что дало некоторым исследователям основание предполагать, что ро диной богатыря был город Карачев близ Моровийска на Черниговщине.

Илья тридцать лет и три года не мог ходить и, едва поднявшись на ноги, сделался олицетворением несокрушимой силы богатырской дружины.

Илья Муромец – воин, защитник родины. В одной из былин он говорит:

У меня сделаны заповеди великий (...)
Сохранять мне надо стольный Киев-град,
Сберегать я буду церкви Божий
Сохранять буду веру православную.

В отличие от большинства эпических героев, Илья Муромец наделен не только силой и храбростью, но и вполне определенным мировоззрением. Он отвергает общепринятое в Средние века представление о том, что долг воина заключается прежде всего в верной службе своему господину. К князю Владимиру Илья относится критически и определяет смысл своей жизни следующим образом:

«Я иду служить за веру христианскую,
Да за землю российскую,
Да за славный за Киев-град,
За вдов, за сирот, за бедных людей (...).»

Был ли у Ильи Муромца исторический прототип, или он представляет собой собирательный образ – неизвестно. В летописях имя Ильи Муромца не упоминается ни разу. Но известно, что в XII веке в Киево-Печерской лавре рядом с Нестором-летописцем и первым русским иконописцем Алимпием был погребен некий Илья из Мурома.

Добрыня Никитич

Средний из трех богатырей, основных героев русского героического эпоса.

Его срединное положение обусловлено не только возрастом, но и тем, что в его образе нет крайностей, в нем гармонично сочетаются различные качества: храбрость воина – и мудрость дипломата, светские манеры («вежество») – и образованность. В тех былинах, где Добрыня не является главным героем, он обычно выступает в качестве мудрого помощника, примирителя ссорящихся.

Историческим прототипом Добрыни Никитича часто называют воеводу Добрыню, дядю князя Владимира Святого со стороны матери, видного военного и государственного деятеля. Летопись говорит о нем: «...бе Добрыня храбр и наряден муж». Однако историческому Добрыне была свойственна и жестокость, также отмеченная в летописях. В частности, о его участии в установлении христианства в Новгороде в 990 году там говорится, что он крестил новгородцев «огнем». Скорее всего, Добрыня Никитич – образ собирательный. Его имя образовано от слова «добро», означающего в древнерусском языке всю совокупность положительных качеств.

Былина «Добрыня и Змей» – центральная и самая древняя в цикле былин о Добрыне. Змееборчество – один из наиболее распространенных сюжетов в фольклоре народов всего мира. Змей – традиционное воплощение зла, и победа героя над змеем знаменует торжество положительного начала во вселенском масштабе.

Борьба героя со змеем часто встречается и в сказках, но сказки с подобным сюжетом обязательно заканчиваются женитьбой героя на спасенной им девушке. Добрыня же предлагает спасенной им от Змея княжьей племяннице «покрестосоваться» – поменяться крестами и тем самым стать названными братом и сестрой, и впоследствии, когда князь говорит: «Дак благословляю тебе ее взять в замужество», отказывается, поскольку она ему «сестра крестовая». Такой поступок Добрыни объясняется тем, что подвиг эпического героя, в отличие от героя сказочного, обязательно должен быть бескорыстным.

Некоторые исследователи соотносят былинку о Добрыне и Змее с историческим событием – крещением Руси, полагая, что «Пучай-река» – это Почайна, в которой князь Владимир Святой в 988 году крестил

киевлян. Змей – воплощение язычества, а Добрыня, победивший Змея при помощи «шапки земли греческой», – символ христианства, пришедшего на Русь из Византии, бывшей частью Греции. «Шапка земли греческой» присутствует почти во всех вариантах былины.

Алеша Попович

Младший из трех богатырей, основных героев русского эпоса. Имя Алеша в Древней Руси было уменьшительным от Александра. В летописях упоминается не сколько Александров Поповичей, живших в разное время. Один из них сражался с половцами и в 1100 году, другой был дружинником ростовского князя Константина Всеволодовича и в 1216 году участвовал в Липицкой битве против владимирского князя Юрия; третий – погиб в битве с татарами при Калке в 1223 году.

Вопрос о том, послужил ли какой-нибудь из этих героев прообразом Алеши Поповича, или же произошел обратный процесс, и летописцы, составлявшие летописи через несколько веков после описываемых в них событий, наделили реальных персонажей именем былинного богатыря, – остается открытым.

В былинах говорится, что Алеша родился в Ростове Великом и был сыном «ростовского попа».

В разных былинах образ Алеши Поповича поворачивается разными гранями. В более древних он прежде всего воин, отважный, хотя и несколько безрассудный – «напуском смелый». Позже Алеша нередко предстает легкомысленным хвастуном и «бабьим прелестником».

Центральная былина из цикла об Алеше Поповиче рассказывает о его победе над Тугарином Змеевичем. В своей основе эта былина одна из самых древних. В ней Алеша Попович еще не находится на службе у князя Владимира, а является независимым странствующим воином, разъезжающим по свету со своим товарищем-оруженосцем в поисках подвигов и приключений. В образе Тугарина слились воедино два персонажа: более древний, мифический – крылатый змей, и более поздний, исторический – половецкий хан Тугоркан, убитый в Киеве в 1096 году.

О змеиной природе Тугарина говорит его отчество – Змеевич, а также способность летать по воздуху. Но в былине крылья не являются

его неотъемлемой принадлежностью: он их «надевает», причем почти во всех вариантах былины указывается, что крылья – «бумажные».

Исторически достоверно упоминание о том, что слуги несут Тугарина «на золотой доске» – такой способ передвижения был характерен для степных владык.

Победил Алеша Тугарина и привез в Киев на княжий двор Тугаринову голову, бросил среди двора Владимирова. «Гой, еси, Алеша Попович млад! Ты мне свет дал, пожалуй ты живи в Киеве, служи мне, князю Владимиру!» – было к нему радостное слово князя стольнокиевского. Радость князя отразилась радостью по всему Киеву, разошлась от Киева по всей Руси...

Интересен образ княгини Апраксии, неверной жены князя Владимира. Прообразом ее можно считать Евпраксию Всеволодовну, сестру Владимира Мономаха. Евпраксия была выдана замуж за саксонского графа Штадена, вскоре овдовела и стала женой императора Священной Римской империи Генриха IV. Современники называли Евпраксию «бесстыдной, развратной женщиной». Впоследствии она бежала от мужа, обвинив его во многих злодеяниях, и вернулась в Киев. Народная молва могла приписать ей связь с Тугорканом, хотя в действительности он был убит за год до ее возвращения в Киев.

Василий Буслаев

Новгородский богатырь, чей образ связывается с бесшабашной и неустрашимой силой и энергией, силой, которую некуда девать. Сродни его характер был буйной разбойной натуре. Он повстречался с Морской Пучиной – Кругом Глаза. Это поэтическое отождествление образа Океана-моря с прекрасной женщиной, наделенной волшебными свойствами, умом и душой. Она требовала к себе такого же трепетного и уважительного отношения, а на него Василий Буслаев оказался неспособен.

Этот новгородский богатырь Василий Буслаев, который не знал, куда девать свою богатырскую силушку, имел и такую же дружину свою. Плыл как-то Василий Буслаев «через море к зеленым лужкам». Видит – лежит впереди Морская Пучина – Кругом Глаза. Начал Василий вокруг Морской Пучины похаживать, сафьян-сапожком ее

попинывать. Посмотрела на богатыря новгородского Морская Пучина – Кругом Глаза: «Не пинай меня, говорит, не то сам тут будешь!»

Смешлива была дружина Буслаевича, начали дружинники Пучину перескакивать: все до единого перескочили. Прыгнул Василий – да не перескочил, задел за Пучину пальцем правой ноги... Тут ему и последний, смертный час пришел!

Садко

Герой русского былинного эпоса. Былина о нем относится к новгородскому циклу былин. Возникновение новгородских былин исследователи датируют XII веком, временем упадка Киевской Руси и расцвета Новгорода. Новгород был крупнейшим торговым городом.

Герой новгородской былины Садко – не воин-богатырь, а купец. Был он прежде беден, имел из всего добра только «гусли звончаты», с которыми хаживал на пиры званые, веселил народ. За его мастерство песенника подарил ему Морской царь три рыбки-золотые перья. Закупил на них Садко товару видимо-невидимо, стал он богатым гостем-купцом господина Великого Новгорода...

Былина состоит из трех частей, которые встречаются и в качестве самостоятельных былин. В наиболее древней части былины рассказывается о пребывании Садко в подводном царстве. Этот сюжет восходит к мифам о путешествии героя в «иной мир». Такие мифы встречаются у всех народов. В мифах многих народов встречается и образ певца-музыканта, завораживающего своей игрой все живое и неживое. Рассказ о том, как Садко разбогател при помощи золотых рыб, подаренных ему Морским царем, в былинку был включен позже. Некоторые сказители в этой части былины говорят не «Морской», а «Водяной» царь. Самой поздней частью былины является колоритный рассказ о том, как Садко пытался «повыкупить все товары новгородские».

Некоторые исследователи считают, что у былинного Садко был реальный прототип – богатый новгородец Садко Сытинич, упомянутый в летописи в связи с тем, что он в 1167 году построил в Новгороде каменную церковь во имя Бориса и Глеба.

Троян

Легендарный царь. Жил он давно. С собой красавец, да только уши у него были ослиные. Царь очень боялся, что кто-нибудь об этом узнает: на людях показывался только в высокой шапке, а брадобреев, которые его брили и волей-неволей узнавали его тайну, приказывал казнить.

Однажды брадобрей, которому пришел черед брить царя, послал вместо себя подмастерья. Вот стал подмастерье брить царя. Говорит царь: «Очень уж ты молод. Отец-то у тебя есть?» Подмастерье отвечает: «Нет, давно помер. Я с матушкой живу – один у нее сын». Пожалел царь Троян парня, не велел его казнить. Только крепко-накрепко приказал молчать про царевы уши. Парень поклялся, что никому ни словечка не проронит, и царь назначил его своим постоянным брадобреем.

Парень, как и пообещал, держал язык за зубами. Да только не стало ему с тех пор покоя – до смерти хотелось кому-нибудь поведать царский секрет.

Видит старуха мать – сына что-то гложет, и стала спрашивать, не захворал ли он. Отвечает ей парень: «Не тревожьтесь, матушка, я здоров. Только вот знаю одну тайну, а рассказать никому не могу». Тогда мать посоветовала: «А ты открой свою тайну земле. Никто о ней не узнает, а тебе полегчает».

Парень так и сделал. Ушел подальше в поле, выкопал в земле ямку и шепнул в нее: «У царя Трояна ослиные уши!»

Прошло время. Однажды занес ветер в ту ямку семечко, выросло из семечка дерево. Проходил мимо пастух, срезал с дерева ветку, сделал себе дудку. Запела дудка человеческим голосом: «У царя Трояна ослиные уши!» Разнеслась ее песня по всему свету.

Прослышал царь Троян, что его тайна уже всем известна, призвал брадобрея, закричал, затопал нога ми: «Как посмел ты, несчастный, проболтаться? Я тебя пожалел, а ты меня перед всем светом опозорил!»

Брадобрей упал на колени, рассказал, как было дело. Царь не поверил. «Покажи, – говорит, – мне это голосистое дерево. И если ты солгал, то не сносить тебе головы».

Повел брадобрей царя в чистое поле, срезал с дерева ветку, сделал дудку. Дунул царь в дудку, запела она человеческим голосом: «У царя Трояна ослиные уши!»

Понял царь, что все тайное когда-нибудь становится явным, простил брадобрея и перестал с тех пор прятать свои уши: ослиные, так ослиные. И всё было хорошо.

Легендарный князь Святослав

Тридцать три года княжил в Киеве Игорь Рюрикович после смерти в 912 году воспитателя своего Вещего Олега. С трудом преодолевал Игорь опасности, грозившие неокрепшему Русскому государству. Козни плели хитрые византийцы. Нападали из Приднепровских степей половецкие ханы. От Дона и Волги наступали на славян хазары. Игорь ходил в походы на византийцев. Один раз войско его было разбито. Другой раз князь возвратился с полпути, взяв с Византии дань и заключив с ней мир. Игорь отражал набеги печенегов и брал дань с подвластных ему славянских племен. Племя древлян восстало и убило киевского князя. Маленький сын Игоря Святослав остался с матерью.

Мать Святослава, мудрая княгиня Ольга, решила страшно отомстить древлянам за смерть мужа. Заманила она древлянских послов в Киев и заживо погребла в ладье. Притворно помирившись с древлянами, Ольга пригласила их лучших людей на поминальный пир у могилы Игоря. Когда гости заснули, княгиня приказала всех их перебить.

Ольга желала, чтобы сын рос мужественным воином. Княгиня отдала маленького сына на воспитание славному ратнику Асмунду. Асмунд учил княжича владеть оружием, конем и ладьей, охотиться, ловить рыбу, бегать и плавать, не снимая брони, легко переносить голод и стужу. Искусству полководца обучал Святослава знаменитый воевода Свенельд, командир киевской дружины, не знавший поражений в схватках с половцами, византийцами и хазарами. От него княжич узнал, как выбирать путь в походах, вести разведку, готовить воинов к битве, штурмовать и защищать крепости. В 946 году дружина киевского князя Святослава Игоревича выступила против древлян. Войска сошлись и стали друг против друга. Мальчик выехал вперед и с трудом бросил в сторону неприятеля боевое копьё. «Князь начал! – крикнули Свенельд и Асмунд. – Вперед, дружина, за князем!» Древляне были разбиты и покорены.

Когда Святослав подрос и возмужал, стал он собирать к себе в дружину храбрецов. В походах князь ходил легко, как барс, и много воевал. Он не брал с собой ни возов, ни котлов – ел конину, зверину или говядину, зажарив ее на углях. Князь не имел шатра, но спал, подостлав конский потник, положив голову на седло. Такими же были и все воины Святослава.

Княгиня Ольга умело правила государством, которое защищал юный Святослав. Она объехала всю Русь от южных пределов до самого севера новгородских земель, налаживая дороги и переправы, строя места сбора дани. Княгиня давала людям уставы и назначала оброки, поощряла торговлю, творила суд и расправу на Руси. Ольга поехала в Константинополь и долго ждала приема в императорском дворце. Она приняла христианство, увидев государственную пользу этой религии. Когда же император послал в Киев за подарками и военной помощью, княгиня ответила: «Дам, если ты прстоишь перед моим дворцом столько, сколько я стояла в константинопольской гавани!» Ольга убеждала Святослава принять христианство, но он не изменил вере дружины и народа. Князь свято чтит древних славянских богов и обычаи предков. Он презирал обман и всегда, выступая в поход, посылал сказать врагам: «Иду на вы». В сражении князь был впереди воинов, первым принимая удары и последним кончая битву.

Прослышал Святослав, что свирепые хазары, поклонявшиеся Богу Иегове, обложили данью славянское племя вятичей, живших к северо-востоку от Киева. Быстро собрался князь с дружиной и пришел к вятичам, просившим его о помощи. Святослав принял вятичей в государство Русское а хазарскому кагану послал вызов на смертный бой. Великий Хазарский каганат не устоял против натиска россов. Святослав штурмом взял столицу каганата Белую Вежу (Саркел) и разрушил ее до основания, так что археологи и по сей день не могут найти места, где она стояла. С тех пор о хазарах не было ни слуху, ни духу.

Византийского императора Никифора беспокоили сведения о росте могущества Русского государства. Он послал в Киев хитроумного вельможу Калокира с богатыми дарами. Византийский посол просил у Святослава помощи против царя Болгарии Петра, прельщая князя знатной добычей и воинской славой. Святослав выступил в поход в 967 году. Болгарский царь Петр был союзником

Византии. Против воли своего народа он вредил Русскому государству. Византийский император боялся и болгар, и россов. Он надеялся ослабить тех и других, сталкивая их между собой. Но Святослав разгадал хитрость византийского императора. Киевская дружина хорошо знала морские дороги в Византию и вскоре достигла берегов Болгарии. Войско царя Петра, предупрежденного византийцами, хотело помешать россам высадиться с ладьей. Воины Святослава сошли на берег Дуная и, сомкнув щиты, устремились в бой. Россы шаг за шагом теснили царских дружинников, пока не обратили их в бегство. Болгары, жившие в придунайских городах и селах, мирно встречали дружину киевского князя. Царь Петр заперся в крепости Доростол и вскоре умер. Святослав не хотел завоевывать Болгарию. Он поселился в Переяславце на Дунае, заняв лишь пограничные со славянами земли. С Болгарией князь заключил мир, сорвав происки византийцев.

Не знал князь, что, пока он воевал на Дунае, византийцы подговорили печенегов напасть на его владения. Надеясь на легкую добычу, печенеги осадили Киев. Они окружили город так, что нельзя было ни выйти, ни послать весть. Княгиня Ольга не имела войска, чтобы сразиться с полчищами печенегов. Молодой киевлянин, знавший печенежский язык, вызвался пробраться из города и дать весть своим. Он взял в руку уздечку и прошел через вражий стан, спрашивая, не видел ли кто его коня. Юноша переплыл Днепр и рассказал россам, что киевляне совсем изнемогли от голода и жажды. Воевода Претич, собрав небольшую дружину, смело бросился на помощь Киеву. Печенежский хан подумал, что возвращается сам Святослав с дружиной. Он испугался и сказал Претичу: «Будь мне другом». Хан и воевода подали друг другу руки. Печенег подарил Претичу коня, саблю и стрелы. Претич отдался броней, щитом и мечом. Однако печенеги не ушли совсем. Они разбили стан на реке Лыбеди, угрожая Киеву. И послали киевляне сказать Святославу: «Ты, князь, ищешь чужой земли, а свою покинул. А нас чуть было не взяли печенеги, и мать, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь – возьмут нас. Неужели не жаль тебе своей отчизны, матери и детей?» Смутился Святослав, выслушав киевских гонцов, и решил скорее возвращаться домой. Россы сели на быстрых коней и поскакали степями к Киеву. Неприятели разбежались при одной вести о

возвращении великого князя. Приветствовал Святослав мать и детей своих и сокрушался о том, что они перенесли.

Пылая гневом, собрал князь сильное войско и пошел в Дикое поле против печенегов. Не устояли степные воины в бою, побежали, прогнал Святослав печенегов. Наступил на Руси долгожданный мир. Но князь и дружина не желали сидеть в Киеве и прохлаждаться, отдыхая от славных дел. В том же 968 году совещался князь Святослав со старой дружиной и задумал новый поход. Вскоре пятьсот боевых ладей с испытанными воинами князя по Оке вышли на Волгу. Россы начали войну с Волжской Булгарией. В упорных боях Святослав взял столицу Булгарии и освободил весь Волжский путь, соединявший Европу и Азию, для русской торговли.

По дороге с Каспия дружина Святослава воевала с храбрыми племенами Северного Кавказа – ясами и касогами. Одолев их, Святослав основал новое княжество на берегу пролива между Черным и Азовским морями. Столицей княжества он сделал город Тмутаракань – древнюю Гермонассу. Торговый путь по Дону был открыт для Руси.

В 969 году сказал Святослав своей матери и старым боярам: «Не люблю мне сидеть а Киеве. Хочу жить в Переяславце на Дунае. Там середина земли моей. Туда стекаются все блага из Византии, из Чехии и Венгрии, из Руси». – «Видишь – я больна, куда хочешь уйти от меня? – отвечала Ольга. – Когда похоронишь меня, отправляйся, куда захочешь».

Князь не покинул больную мать, он заботливо ухаживал за ней, пока Ольга не скончалась. Святослав исполнил завещание княгини и похоронил ее по христианскому обычаю. Тем временем войска нового болгарского царя Бориса напали на россов и взяли Переяславец. Раздав земли Руси детям, Святослав в 970 году вновь пошел на Дунай. Малая дружина была с киевским князем, когда воины царя Бориса вышли на лютую битву под стенами Переяславца. Увидел Святослав, что одолевают болгары, и воскликнул: «Здесь нам и умереть! Постоим же мужественно, братья и дружина!» Князь вдохновил ратоборцев своим примером. Россы победили и взяли Переяславец. Стремительным броском Святослав вновь отвоевал восемьдесят крепостей на Дунае. От пленных он узнал, что царь Борис напал на россов по наущению византийского императора. Князь заключил с Болгарией мир, а в

Константинополь послал сказать: «Хочу идти на вас и взять столицу вашу!»

Византийский император Иоанн Цимисхий хотел напугать россов бесчисленной своей армией. Великий князь ответил византийским посланцам: «Император по невежеству своему считает россов слабыми женщинами и хочет утратить их своими угрозами, как пугают детей разными чучелами».

Началась война с Византийской империей. К дружине Святослава присоединялись болгарские, венгерские и печенежские ратники. Его небольшое войско смело наступало во Фракии против огромной армии, разделившись на два отряда. В неравном бою один из отрядов разноплеменного воинства Святослава был разбит. Узнав о поражении товарищей, князь с дружиной спешно двинулся против главных сил неприятеля. На обширной фракийской равнине враги сошлись. Сверкая доспехами, выстроились в поле бесчисленные имперские легионы и закованные с ног до головы в латы всадники. Россы уставили копья и сомкнули щиты, наподобие стены. Святослав выступил перед строем и обратился к дружине, ободряя воинов на решающую битву. Его слова запомнились и россам, и грекам. Речь князя на поле боя была почти одинаково записана в русской летописи и византийской хронике. «Уже нам некуда деться, волей или неволей надо стоять». «Да не посрамят земли Русской, – слышали россы речь князя, – но ляжем костью, ибо мертвые сраму не имут. Если же побежим, будет нам стыд. Не отступим, но станем крепко. Я пойду перед вами – если моя голова падет, тогда делайте что хотите!» И воины закричали в ответ: «Где твоя голова – там и свои головы сложим!» «Погибнет слава, спутница русского оружия, – слышали речь Святослава во вражьем войске, – если мы постыдно уступим византийцам. С храбростью предков наших и мыслью, что русская сила была доселе непобедима, сразимся мужественно... У нас нет обычая бегством спасаться в отечество, но или жить победителями, или, совершив знаменитые подвиги, умереть со славой!»

Задрожали испытанные в боях византийские легионы, зная, что их противник отважен до безумия и даже побежденные россы никогда не сдаются живыми неприятелю. Дружинники же Святослава поклялись друг другу или победить, или погибнуть. «И ополчились россы, –

гласит летопись, – и была сеча великая, и одолел Святослав, и бежали греки».

Громя византийские крепости, Святослав шел на Константинополь. Император Иоанн Цимисхий послал ему богатые дары: золото и драгоценные ткани. Князь не взглянул на дары и отдал их слугам, а себе взял только меч. «Грозен и лют этот князь, – решили византийские послы, – он презирает золото, а любит лишь острое железо».

«Делать нечего, – сказали послы, вернувшись к императору, – станем платить русскому князю дань». Тогда Цимисхий послал сказать Святославу: «Не ходи к Константинополю, но возьми да ни, сколько хочешь». Руссы взяли дань на всех живых воинов и за убитых и с честью вернулись в Переяславец. На следующий год император нарушил мир и с огромной армией осадил столицу Болгарии Преслав. Болгары героически защищались. Император взял город обманом и пленил болгарского царя. Отряд руссов, помогавший оборонять город, до последнего бился в охваченных огнем зданиях. Руссы предпочли сгореть но не сдаться.

Дружина Святослава встретила армию императора Иоанна Цимисхия недалеко от крепости Доростол. Несмотря на неравенство сил, князь повел воинов в атаку. Двенадцать раз опрокидывали они тяжелую кавалерию и пехоту византийцев, но под напором бесчисленных легионов вынуждены были отступить и укрепиться в Доростоле.

Осажденные в Доростоле руссы не раз делали вылазки и сражались с византийцами под стенами крепости. Святослав вызывал на бой императора Иоанна Цимисхия. Однажды он увидел воина в драгоценных латах под имперским знаменем. Князь пробил себе дорогу сквозь императорскую гвардию и сразил ее начальника, думая, что это Цимисхий.

В Доростоле было мало запасов. Вскоре начался голод. Святослав задумал смелое предприятие и приготовил к плаванию свою ладью. Ночью, при свете молний, он пробился сквозь неприятельский флот на Дунае, добыл продовольствие и привез его в Доростол. Император понял, что не может победить Святослава в открытом бою. В золоченом вооружении, украшенном драгоценными камнями, окруженный большой свитой вельмож выехал Иоанн Цимисхий на

берег Дуная, чтобы говорить с русским князем о мире. Святослав приплыл к месту встречи в простой белой одежде и вел переговоры, сидя в ладье рядом с гребцами. Он был среднего роста, густобров и голубоглаз, с длинными усами и большим чубом на бритой голове. На нем не было драгоценностей, кроме серьги с жемчужинами и рубином. Киевский князь согласился заключить мир с Византией. Но император Иоанн Цимисхий вел переговоры с черными мыслями. Он тайно отправил посла к печенежскому хану Куре. Византиец передал печенегам подарки и уговаривал их напасть на поредевшую в боях дружину россов, когда те, взяв богатую дань, пойдут на Русь.

«Обойди, князь, днепровские пороги на конях, – советовал Святославу мудрый воевода Свенельд. – Не к добру стоят у порогов печенеги!» Но Святослав не хотел оставлять ладьи. Конницу под предводительством Свенельда князь отправил в Киев степью, а сам пошел водой.

В пути, в безлюдных местах, войско Святослава застала зима. Князь терпел голод и холод наравне с воинами. Весной 972 года дружина Святослава пошла в ладьях через днепровские пороги. Однажды россы пристали к острову посреди Днепра. В это время свирепый хан Куря собрал несметное войско и предательски напал на россов. Не дрогнули Святослав и дружина, когда бросилась на них огромная печенежская орда, мужественно приняли бой. В лютой сече сложили головы великий князь и все его воины. Не посрамили богатыри славы русского оружия, не отступив, полегли костью, ибо «мертвые сраму не имут». Подвиги Святослава навеки остались в памяти народной.

ИНДИЙСКИЕ МИФЫ

Творение мира

Вначале не было ничего. Не было ни солнца, ни луны, ни звезд. Только воды простирались беспредельно; из тьмы первозданного хаоса, покоившегося без движения, словно в глубоком сне, воды возник ли прежде иных творений. Воды породили огонь. Великой силой тепла в них рождено было Золотое Яйцо. Тогда еще не было года, ибо некому было отмерять время; но столько, сколько длится год, плавало Золотое Яйцо в водах, в безбрежном и бездонном океане. Через год из Золотого Зародыша возник Прародитель Брахма. Он разбил Яйцо, и оно расколосось надвое. Верхняя половина его стала Небом, нижняя – Землею, а между ними, чтобы разделить их, Брахма поместил воздушное пространство. И он утвердил землю среди вод, и создал страны света, и положил начало времени. Так была сотворена все ленная.

Но тогда творец огляделся вокруг и увидел, что нет никого, кроме него, во всей вселенной; и ему стало страшно. С той поры страх приходит ко всякому, кто остается один. Но он помыслил: «Ведь здесь нет никого, кроме меня. Кого же мне бояться?» И страх его прошел; ибо страх может быть перед кем-то другим. Но и радости не ведал он; и потому тот, кто пребывает один, не ведает радости.

Он помыслил: «Как мне сотворить потомство?» И силою мысли своей он породил шестерых сыновей.

Когда Брахма создал небо, и землю, и воздушное пространство и от сыновей его пошли все живые существа во вселенной, сам он, утомленный творением, удалился отдыхать под сенью шелковичного дерева, а власть над мирами передал своим потомкам – богам и асурам. Асуры были старшими братьями богов. Они были могучи и мудры и ведали тайны волшебства – майя, могли принимать различные образы или становиться невидимыми. Им принадлежали несметные сокровища, которые они хранили в своих твердынях в горных пещерах. И были у них три укрепленных города: сначала на небе, потом на земле – один из железа, другой из серебра, третий из золота; впоследствии они соединили эти три города в один, возвышающийся над землею; и они построили себе города в подземном царстве.

Некогда асуры были благочестивы и добродетельны, они соблюдали священные обряды, и счастье пребывало с ними. Но потом они возгордились своей силой и своей мудростью и склонились ко злу; и счастье покинуло их и перешло к богам. Индра, властитель богов, сокрушил в битвах многих могучих асуров. Грозный бог Рудра, по рождению гнева Брахмы, довершил их разгром, испепелив их волшебные три города, вознесенные над землею.

Богиня Савитри

На заре творения, томимый одиночеством, Брахма разделился надвое, и из тела его возникла женщина. Он назвал ее Савитри. Когда он взглянул на нее, в сердце его родилась любовь, и он вскричал: «О, сколь ты прекрасна!»

Он не мог наглядеться на нее. Смущенная его неотрывным взглядом, Савитри отошла в сторону и стала по правую руку от него. Но Брахма все еще не хотел оторвать от нее взор, и на плечах его возникла вторая голова, обращенная вправо. Савитри встала слева от него, и слева у Брахмы появилась третья голова. Когда она спряталась за его спину, четвертая голова выросла у него сзади. Она взлетела в поднебесье – и тогда стало у Брахмы пять голов.

Брахма сделал Савитри своей супругой. Первая из богинь, она породила науки и искусства и питает их своею грудью; покровительница мудрых и благочестивых, она одаряет их благоденствием и потомством и ходатайствует за них перед своим супругом, великим Брахмой.

Но однажды между супругами произошла размолвка. Это случилось, когда Брахма вместе со всеми богами и богинями вознамерился совершить торжественный обряд жертвоприношения. В том обряде каждому богу и каждой богине указано было свое место и на каждого возложены свои обязанности, от неукоснительного исполнения которых зависел общий успех. Все уже было готово, чтобы начать обряд, и не было уже времени медлить, как вдруг оказалось, что нет на своем месте Савитри.

Разгневанный Брахма послал жреца позвать ее, но Савитри не стала торопиться. «Еще не готово мое платье, не готово мое убранство для торжественного обряда», – сказала она посланцу Брахмы.

Жрец вернулся в собрание богов один, без Савитри, и передал Брахме слова его супруги. Тогда Творец вселенной разгневался еще больше и сказал владыке небесного царства: «Ступай, Индра, найди мне жену немедля. Пусть станет ею первая же дева, которую ты встретишь по дороге».

Индра тотчас отправился исполнять веление Брахмы. Вскоре он встретил юную и красивую пастушку Гаятри. Индра взял ее за руку и привел в собрание богов; и Гаятри склонилась к стопам Прародителя. И тогда Брахма возгласил: «Я беру эту прекрасную деву в супруги».

Когда жрецы готовы были приступить к свершению обряда, Савитри вступила в собрание богов и с нею Шачи, Лакшми и другие богини. Увидев на своем месте Гаятри в уборе невесты, увенчанную дивными цветами, блистающую драгоценностями, супруга Брахмы воскликнула в гневе: «О Самосуший! Неужели ты задумал отвергнуть меня, законную жену твою? Ты, кого почитают Творцом все ленной, Прародителем богов и смертных, не убоившись греха, венчаешься с простой пастушкой! И небожители и люди будут смеяться над тобою!»

«О Савитри, – отвечал ей Брахма, – я не хотел причинить тебе обиду. Но я не мог начать обряд без жены, а тебя не было на твоём месте. Вот Индра и привел мне эту юную и кроткую деву: он, и Вишну, и божественные мудрецы отдали ее мне в супруги. Успокойся, о Савитри, да утихнет твой гнев. Никогда больше не буду я ничем огорчать тебя!»

Но Савитри не в силах была унять свое негодование. «Ты причинил мне жестокую обиду, о Брахма, ты опозорил меня перед всеми небожителями! – сказала она. – Не будет тебе от меня прощения! Отныне перестанут люди почитать, как прежде, Прародителя и поклоняться ему. Только раз в году будут поминать его брахманы в храмах». Затем она обратилась к царю богов: «Не будет и тебе прощения от меня, о лукавый Индра! Придет время, и враг твой возьмет тебя в плен и отнимет у тебя власть над небесным царством».

И Вишну наказала гневная Савитри: «Некогда Бхригу обрек тебя проклятием родиться на земле в облике смертного. Знай же, Вишну, что в земной своей жизни ты лишишься любимой супруги – ее похитит твой враг, и ты изведешь страдания в разлуке с нею от тоски, ревности и унижения. А в другом своем рождении ты, давший мне в соперницы пастушку, сам будешь пастухом и долгие годы будешь пасти царский скот на земле».

Не простила Савитри и божественным подвижникам их участия в приглашении Гаятри на жертвоприношение. «Отныне, – сказала она им, – не благочестие, но жажда стяжания будет побуждать жрецов

совершать предписанные обряды, жадность обуяет вас, и вечно вы будете зариться на чужое!»

И негодующая Савитри покинула собрание богов. Удрученные стояли небожители, горестно размышляя о мрачных ее предсказаниях. Но тогда кроткая и незлобивая Гаятри вступилась за тех, кому предрекла кару яростная богиня. «Да будут вовек благословенны, – молвила Гаятри, – те, кто с чистым сердцем будет чтить великого Брахму и славить имя его.

А твой плен и унижение будут недолги, о могучий Индра. Снова вернется к тебе власть в небесном граде Амаравати, и боги и люди будут почитать тебя и прославлять твою отвагу и твои подвиги.

И ты не предавайся печали, великий Вишну. После долгой разлуки ты вновь обретешь свою возлюбленную супругу. А будучи пастухом у земного государя, ты прославишь доблестью свое имя, избавишь свой народ от великого злодея и вновь вернешься в небесное, царство.

А жажда земных благ овладеет только земными жрецами, но небесным мудрецам и подвижникам она останется чуждой».

Благодарные деве Гаятри, боги и мудрецы мирно и согласно завершили торжественный обряд жертвоприношения, и тогда Брахма, желая примирения с супругой, послал за ней Вишну и Лакшми с наказом привести ее непременно. Сначала гордая Савитри не хотела и слушать их, но потом склонилась на их мольбы и уговоры и вернулась с ними в собрание богов.

Обрадованный ее возвращением Брахма предал в ее руки судьбу Гаятри. Кроткая дева смиренно опустилась к ногам Савитри и обняла ее колени. Грозная богиня смягчилась; она подняла склонившуюся перед ней пастушку, ласково положила ей руки на плечи и сказала: «Нет твоей вины в случившемся, Гаятри. Жена должна подчиняться велениям мужа. Своевольная жена приносит мужу горе, лишает его счастья и здоровья, сокращает дни его жизни. Не будем же ссорой огорчать Брахму, порадуем его благочестием и покорностью. Следуй за мною во всем, будь второй Савитри, и никогда не будет соперничества между нами». И Гаятри обещала впредь во всем следовать Савитри, не перечить ей и исполнять все ее желания.

Кали

Страшная битва между богами и асурами длилась целых сто лет, Буйвол Махиша, потомок богини Дити, рассеял войска богов и вторгся в их царство. Он захватил власть и воцарился над миром.

Богам пришлось покориться асуру-буйволу. Но нелегко было им выносить его гнет; удрученные, они пошли к Брахме, Шиве и Вишну и рассказали им о бесчинствах Махиши: «Он отобрал все наши сокровища и превратил нас в своих слуг, и мы живем в постоянном страхе, не смея ослушаться его приказаний; богинь, наших жен, он заставил служить в своем доме. Своими рогами он вырывает из земли горы и баламутит океан, добывая сокровища его недр. И никто не может справиться с ним».

Выслушав богов, властители вселенной разгневались; пламя их гнева изошло из их уст и слилось в огненное облако, подобное горе; в том облаке воплотились силы всех богов. Из этой огненной тучи, озарившей грозным блеском вселенную, возникла женщина. Пламя Шивы стало ее лицом, силы Ямы – ее волосами, мощь Винту создала ее руки, бог луны сотворил ее грудь, опоясала ее сила Индры, могущество Варуны даровало ей ноги, Притхиви, богиня земли, сотворила ее бедра, пятки ей создал Сурья, зубы – Брахма, глаза – Агни, брови – Ашвины, нос – Кубера, уши – Ваю. Так возникла Великая богиня, могуществом и грозным нравом превосшедшая всех богов и асуров. Боги дали ей оружие. Шива дал ей трезубец, Вишну – боевой диск, Агни – копье, Ваю – лук и колчан, полный стрел, Индра, владыка богов, – свою прославленную ваджру, Яма – жезл, Варуна – петлю, Брахма даровал ей свое ожерелье, Сурья – свои лучи, Вишвакарман дал топор, искусно сработанный, и драгоценные ожерелья и перстни, Химават, Владыка гор, – льва, чтобы ездить на нем, Кубера – чашу с вином.

«Да победишь ты!» – вскричали небожители, а богиня издала воинственный клич, потрясший миры, и, оседлав льва, отправилась на битву. Асур Махиша, услышав этот устрашающий клич, вышел ей на встречу со своим войском. Он увидел тысячерукую богиню,

простершую длани, которые затмили все небо; под ее поступью содрогались земля и подземные миры. И началась битва.

Тысячи врагов напали на богиню – на колесницах, на слонах и верхом на конях, – поражая ее ударами палиц, и мечей, и топоров, и копий. Но Великая богиня, играючи, отразила удары и, невозмутимая и бестрепетная, обрушила свое оружие на бесчисленное войско асуров. Лев, на котором она восседала, с развевающейся гривой ворвался в ряды асуров словно пламя пожара в лесную чащу. А из дыхания Богини возникли сотни грозных воинов, последовавших за нею в сражение. Богиня рубила могучих асуров своим мечом, ошеломляла их ударами палицы, колола копьем и пронзала стрелами, набрасывала им петлю на шею и волочила за собой по земле. Тысячами валялись под ее ударами асуры, обезглавленные, рассеченные пополам, насквозь пронзенные или изрубленные в куски. Но некоторые из них, даже лишась головы, еще продолжали сжимать в руках оружие и сражаться с Богиней; и потоки крови лились по земле там, где она про носилась верхом на своем льве.

Сам буйволоподобный Махиша появился на поле битвы, устрашая воинов Богини своим обликом и грозным ревом. Он кинулся на них и одних потоптал копытами, других воздел на рога, третьих сразил ударами хвоста. Он устремился на льва Богини, и под ударами его копыт сотряслась и растрескалась земля; хвостом же он хлестал по великому океану, который взволновался как в самую страшную бурю и выплеснулся из берегов; рогами Махиша рвал в клочья тучи в небе, а от его дыхания валялись высокие утесы и горы.

Тогда Богиня набросила на Махишу страшную петлю Варуны и затянула ее крепко. Но тотчас асур покинул буйволиное тело и превратился во льва. Богиня взмахнула мечом Калы – Времени – и снесла голову льву, но в то же мгновение Махиша обернулся человеком, держащим в одной руке жезл, в другой – щит. Богиня схватила свой лук и пронзила стрелой человека с жезлом и щитом; но тот в один миг превратился в огромного слона и с ужасающим ревом устремился на Богиню и ее льва, размахивая чудовищным хоботом. Богиня топором отрубила хобот слону, но тогда Махиша принял свой прежний облик буйвола и принялся рыть землю рогами и метать в Богиню огромные горы и скалы.

Гневная Богиня отпила между тем хмельной влаги из кубка владыки богатств, царя царей Куберы, и глаза ее покраснели и загорелись, как пламя, и красная влага потекла у нее по губам. «Ревни, безумный, пока я пью вино! – сказала она. – Скоро боги взревет, ликуя, когда узнают, что я убила тебя!» Исполинским прыжком она взвилась в воздух и сверху обрушилась на великого асура. Ногой она ступила на голову буйвола и копьем пригвоздила его тело к земле. Стремясь ускользнуть от гибели, Махиша попытался принять новый облик и высунулся наполовину из буйволиной пасти, но Богиня тот час мечом отсекла ему голову.

Махиша пал на землю бездыханный, и боги возликовали и возгласили хвалу Великой богине. Гандхарвы воспели ее славу, а апсары пляской почтили ее победу. И когда небожители преклонились перед Богиней, она им сказала: «Всякий раз, когда вам будет грозить большая опасность, взывайте ко мне, и я приду вам на помощь». И она исчезла.

Царство Индры

Когда была добыта амрита из вод океана и боги победили асуров и изгнали их в подземный мир, Индра воцарился над вселенной, и наступили счастливые времена. Тучи проливали обильные дожди, земля дарила богатые урожаи, жители миров благоденствовали, следуя стезей добродетели и долга. Цари правили по законам справедливости, заботясь о благе подданных, брахманы совершали предписанные обряды и исполняли благочестивые обеты в мирных лесных обителях. И могучий Индра, победитель асуров, видя, что все живые существа во вселенной наслаждаются миром, счастьем и процветанием, сам преисполнился великой радости.

И он правил мирно в своем небесном царстве, в тысячевратном городе Амаравати, полном золота и драгоценных камней. Путь в тот небесный город лежит через северные горы, до вершины Меру и от нее далее по звездной дороге; но прекрасный город небожителей невидим для глаз грешника. Близ города Индры зеленеет дивная роща Нандана, место отдохновения богов и небесных мудрецов. У входа в город стоит на страже божественный слон Айравата, огромный, как облако, прародитель слонов, возникший из вод молочного океана; на нем объезжает свои владения Индра, когда мир царит во вселенной и отдыхает его боевая колесница. В самом городе – сто великолепных дворцов, но самый большой из них – украшенный лотосами дворец Индры, который он сам построил. В том дворце Индра восседает на троне под белым опахалом со своей супругой Шачи, окруженный богами и святыми мудрецами. Туда, в царство Индры, уходят герои, павшие в битве. Там простирает ветви с благоухающими цветами чудесное дерево Париджата, которое Индра подарил богине Шачи. Там вечно цветут сады, и ни холод, ни жара не угнетают обитателей небесного града. Они не ведают ни старости, ни недугов, ни страха. Взоры их услаждают плясками прекрасные апсары, а гандхарвы нежат их слух восхитительными мелодиями. Но только благочестивых и добрых людей, исполнивших свой долг на земле, и доблестных воинов, не отвративших лица перед смертью в бою, принимает в своей блаженной обители Индра.

Сказание о потопе

Ману, потомок Адити, поселился на земле в уединенной обители близ южных гор. Однажды поутру, когда он умывал руки, как это делают и по сей день, ему попала в воде, принесенной для умывания, маленькая рыбка. Она ему сказала: «Сохрани мне жизнь, и я спасу тебя». – «От чего ты спасешь меня?» – спросил удивленный Ману. Рыба сказала: «Придет потоп и погубит все живые существа. От него я спасу тебя». – «Как же мне сохранить тебе жизнь?» И она сказала: «Нам, рыбам, пока мы так милы, отовсюду грозит смерть. Одна рыба пожирает другую. Ты сначала держи меня в кувшине, когда я из него вырасту, выкопай пруд и держи меня там; и когда я вырасту еще больше, отнеси меня к морю и выпусти на простор, ибо тогда смерть уже не будет грозить мне ниоткуда». Ману так и сделал. Вскоре она выросла и стала огромной рыбою джхаша с рогом на голове; а это самая большая из всех рыб. И Ману выпустил ее в море. Тогда она сказала: «В такой-то год будет потоп. Ты сделай корабль и жди меня. А когда настанет потоп, взойди на корабль, и я спасу тебя».

И в том году, который ему указала рыба, Ману построил корабль. Когда настал потоп, он взошел на корабль, и рыба приплыла к нему. Повинуясь ее велению, Ману взял с собою семена различных растений. Потом он привязал веревку к рогу рыбы, и она быстро повлекла его судно по бушующим волнам. Не видно стало земли, скрылись из глаз страны света; одна вода была вокруг них. Ману и рыба были единственными живыми существами в этом водном хаосе. Свирепые ветры раскачивали корабль из стороны в сторону. Но рыба все плыла и плыла вперед по водной пустыне и наконец привела корабль Ману к высочайшей горе Хималая. Тогда она сказала Ману: «Я спасла тебя. Привяжи корабль к дереву. Но будь осторожен, во да может смыть тебя. Спускайся постепенно, вслед за спадом воды». Ману последовал совету рыбы. С тех пор это место в северных горах называется «Спуск Ману».

А потоп смыл все живые существа. Один Ману остался, чтобы продолжить человеческий род на земле.

Агни, бог огня

Когда Агни появился на свет, боги замыслили учредить жертвоприношение. И они хотели, чтобы Агни стал их жрецом, они хотели, чтобы он стал Возносителем жертвы. Но он устранился: «Когда я вознесу жертву и догорит жертвенный огонь, кончится и жизнь моя». И он бежал от богов и спрятался в водах.

Но когда Агни скрылся, воспряли духом демоны, ибо не стало огня на земле, разгоняющих ночной мрак, и ночь была отдана демонам в безраздельное владение. «Мы должны найти Агни», – сказали боги и во главе с Варуной, владыкою ночи и владыкою вод, отправились на поиски. Рыба выдала богам местопребывание Агни – она была обеспокоена жаром, распространившимся в воде. В гневе Агни проклял ее – и силою его проклятия рыбы стали с той поры за конной добычей людей, употребляющих рыбу в пищу.

Варуна воззвал к Агни: «Вернись! Ману, спасшийся от потопа, должен свершить жертвоприношение, чтобы продолжить человеческий род на земле. Кто же кроме тебя вознесет его жертву богам? Вернись, о Агни!» Агни возразил: «Уже гибли жертвенные огни на земле. Из страха гибели я бежал, как буйвол от стрелы охотника. Я вернусь, если вы дадите мне бессмертие».

Боги сказали: «Ты будешь нашим бессмертным жрецом, о Агни, такова милость Брахмы. Никогда не будет тебе ущерба при обряде, и жертва будет принадлежать тебе. И вселенная будет вечно почитать тебя». И Агни вернулся; вместе со своим братом Сомой он стал владыкою жертвоприношений.

Ганеша-победитель

У бога Шивы и богини Парвати были два сына – Картикейя (бог войны) и Ганеша (бог мудрости и устранитель препятствий в делах). По внешности и по характеру братья очень отличались друг от друга. Шестилетний Картикейя, высокий, худой, вспыльчивый, слыл искусным воином. Хобот и грузная фигура делали Ганешу похожим на слона. Зато нравом он обладал спокойным и добрым. От рождения Ганеша был очень красивым мальчиком, и вот как случилось, что он стал похож не на мальчика, а на слона.

Когда Ганеше пошел второй месяц, Парвати решила совершить обряд наречения имени.

Начались приготовления к празднеству. Всем богам были разосланы приглашения. Да и кто бы из них не пожелал прийти на праздник к великому Шиве! Наконец настал долгожданный день. Парвати надела на Ганешу красивое платье и драгоценности и уложила его в золотую колыбель.

Все боги, пожаловавшие на торжество, были восхищены красотой мальчика и принесли ему много подарков. Только бог Шани, стоя позади всех, упорно не поднимал глаз.

Перед уходом из дому он из-за чего-то поссорился со своей супругой, и та, видя, что Шани принарядился и собирается на праздник, вышла из себя. Ей хотелось, чтобы он остался дома и она смогла бы излить на него весь свой гнев. Но Шани ее капризы так надоели, что он во что бы то ни стало решил уйти. И тогда она его прокляла. «Первый, на кого упадет твой взгляд, останется без головы», – сказала она ему на прощанье. Вот почему Шани ни на кого и не смотрел.

Заметив это, Парвати взяла Ганешу на руки и подошла к Шани. Отвернувшись, он рассказал ей о проклятии супруги. Но гордость за сына затуманила Парвати голову, и она сказала:

– Полюбуйся, Шани, какой красивый у меня сын, и к тому же его отец – Великий Шива! Забудь о проклятии, посмотри на него.

Едва Шани взглянул на Ганешу, как голова мальчика отделилась от туловища и исчезла. Боги замерли. Веселье прервалось, все

опечалились. Парвати сперва будто окаменела, а потом, глядя на безглавого сына, громко зарыдала. К счастью, рядом был Вишну – устранитель всех бед.

– Если Ганеше немедля приставить чью-нибудь голову, она прирастет, – сказал он.

Первым на глаза Шиве попался слоненок. И Шива, не задумываясь, оторвал у него голову и приставил к телу мальчика. Мальчик ожил. Парвати обрадовалась, но, видя, как на лице Ганеши болтается хобот, опечалилась снова. «Теперь все будут смеяться над моим сыном и никто не станет почитать его», – подумала она. Но Ганеша не унывал. Он очень любил отца и мать, был послушным, преданным сыном. В благодарность за его преданность и терпеливость Шива благословил сына: «Да будешь ты самым умным, самым добрым и самым почитаемым из всех богов!» Парвати была счастлива. Так с тех пор и стали чтить Ганешу и за ним – всех других богов.

Однажды Картикейя и Ганеша играли на берегу святого озера Манасаровар. Ганеша брал сласти в хобот и протягивал их Картикейе. Когда Картикейя пытался схватить эти сласти, Ганеша ловко подбрасывал их вверх и съедал, а Картикейя так и оставался стоять с разинутым ртом.

«Так мне никогда не победить Ганешу, – решил Картикейя. – Лучше побегу с ним наперегонки. Ганеша грузный, неуклюжий, быстро бегать не умеет».

Но мудрый Ганеша прекрасно понял, что затевает его брат. Пряча улыбку, он сказал:

– Братец, зачем нам бегать наперегонки, все равно я обгоню тебя.

Спорили они, спорили и наконец порешили:

– Кто за пятнадцать дней обойдет вокруг трех миров и вернется первым, тот и будет победителем.

На другой день Картикейя ровно в четыре часа сел на своего павлина и отправился в путь.

«И как это Ганеша собирается обогнать меня, – размышлял по дороге Картикейя, – он такой неуклюжий, что ему ступить и то трудно, а когда Ганеша идет, его грузное тело все трясется и переваливается с боку на бок. А оттого, что он обжора и целый день лопает сласти, он разжирел еще больше. К тому же Ганеша ездит верхом только на мыши. Разве ее шаг может сравниться с павлиньим? Когда я приеду,

он, конечно, все еще будет купаться в озере. Тогда-то, победив Ганешу, я получу звание первого!»

Между тем Ганеша, вдоволь накупавшись и наевшись сластей, принялся за расчеты. Он точно высчитал время, когда должен возвратиться Картикейя, и спокойно погрузился в чтение. И в тот день, когда Картикейя должен был подойти к дому, Ганеша явился к своей матери Парвати, свершил вокруг нее парикраму, поклонился и сел рядом.

Усталый, запыхавшийся Картикейя вбежал в дом и видит: сидит Ганеша возле матери. Что за чудо!

– Разве ты, братец, уже успел обойти вокруг трех миров? – воскликнул он.

Ганеша, весело рассмеявшись, ответил:

– А я никуда и не ездил. Сидя здесь, я обошел вокруг трех миров.

– Но разве это возможно? – спросил Картикейя. И Ганеша сказал:

– Послушай, братец мой старший: мать главнее трех миров, и совершить парикраму вокруг нее – больше, чем обойти три мира.

Услышав это, Парвати улыбнулась. Картикейя попросил отца рассудить их. Выслушав сыновей, Шива принял сторону Ганеша.

Так умный, любящий Ганеша прослыл первым, лучшим.

И когда сказание о преданном Ганеше стало хорошо известно повсюду, среди богов произошел спор:

– Кого же теперь из богов люди будут почитать первым, кому первому станут они поклоняться, кому первому будут приносить жертвы, первому возжигать священный огонь?

Каждый хотел, чтобы все эти почести прежде других достались ему. Чтобы положить конец спору, самый старый бог – Брахма – сказал:

– Уважение заслужит тот, кто трижды обойдет вокруг земли и вернется первым.

Услышав о таком решении, боги собрались в указанном месте, чтобы участвовать в состязании. Едва под али знак, каждый сел на свое животное, и состязание началось. Только грузный, неуклюжий Ганеша на своей большой мыши отправился обратно к себе домой. «На мыши далеко не уедешь, – размышлял он по дороге. – Но что же делать? Да, вспомнил! Брахма несколько раз говорил, что мать по своей доброте, кротости и любви к детям важнее земли. А тело отца

Шивы вмещает весь мир. Почему бы не совершить парикраму вокруг них?»

Порешил он так и отправился на своей мыши к снежной вершине Кайласа (гора, обитель Шивы).

Приехал туда Ганеша, смотрит – отец Шива сидит, погруженный в глубокое созерцание.

– Мама, иди скорее, сядь рядом с отцом, – сказал он Парвати, взяв ее за руку.

– Что случилось, Ганеша? – удивленно спросила мать.

– Это я расскажу тебе потом, а сейчас, пожалуйста, сделай, как я прошу.

– Ну хорошо. – Она подошла к Шиве и села рядом.

Ганеша сперва поклонился в ноги своим родителям, затем семь раз совершил вокруг них парикраму и отправился в покои Брахмы.

Как раз в это время возвратились с состязания и другие боги. Застав у Брахмы Ганешу, они подумали: «Как видно, Ганеша не смог одолеть расстояние и вернулся с полдороги. А сейчас вот сидит у ног Брахмы и говорит ему льстивые слова, чтобы как-нибудь извинить свое поражение». Но когда почтенный Брахма объявил всем богам, что звание первого получил Ганеша, те удивились и возмутились.

– Как же это так, великий Брахма, ведь Ганеша не участвовал в состязаниях! Как же он мог выиграть?

Тогда Брахма объявил им:

– Ганеша не только семь раз обошел вокруг земли – он обошел семь раз вокруг вселенной!

– Разве возможно такое? – воскликнули изумленные боги.

– Ганеша – любящий и почитающий своих родителей сын; семь раз он совершил вокруг них парикраму. Кто же сомневается в том, что мать родная превышает матери-земли, а господь Шива – это вся вселенная! Вот потому-то Ганеша и стал победителем, – ответил богам Брахма.

Так и закрепилось за преданным своим родителям, верным сыном Ганешей звание первого – лучшего из богов.

Слепорожденный Андхака

Однажды, когда Шива пребывал со своею супругой на горе Мандара, прекрасная Парвати неслышно подошла к нему сзади и, шутя, закрыла ему глаза своими руками, подобными золотым лотосам. И тотчас вселенная погрузилась во мрак. А на челе Шивы выступил пот, рожденный страстью, и капля его упала на землю и превратилась в дитя ужасающего облика – уродливое, темное, волосатое существо с косматой головой и бородою. И так как оно родилось во тьме, у него не было глаз. Оно взревело страшным голосом и принялось плясать, хохоча и рыдая.

А у Шивы во лбу появился тогда третий глаз, сияющий, как солнце, и извергающий пламя. Дочь гор отняла свои руки от очей Владыки, и свет воссиял повсюду. Она увидела чудовищное дитя и спросила: «Кто это?» – «Это дитя, обладающее великой силой и свирепостью, родилось, когда ты закрыла мне глаза, – отвечал Шива. – Оно родилось из моего пота, имя его – Андхака, Слепец. Возьми его под свое покровительство. Пусть подруги твои вместе с тобою охраняют его». И Парвати преисполнилась жалости к уродливому дитяти и взяла его под свою защиту.

А в то время вождь асуров Хираньянетра предавался в лесах суровому подвижничеству ради обретения сына. Многие годы пребывал он в совершенной неподвижности, словно деревянный, а исполнив обет, обратился к Шиве и просил его о даре. «Нет у меня сына, который бы продолжил мой род, и потому я принял на себя этот обет, – сказал Хираньянетра. – Даруй же мне могучего сына, достойного стать царем асуров».

Шива, удовлетворенный его подвижничеством, сказал: «О владыка асуров, не суждено родиться сыну от тебя, но я отдам тебе моего сына Андхаку. Он равен тебе могуществом, и его не одолеет никакой враг. Прими его как собственного сына, и он будет твоим счастьем». Вождь асуров принял дар Шивы; он восхвалил великого бога, обошел его почтительно справа налево и с новообретенным сыном удалился в свои владения.

Прошло некоторое время, и Шива покинул свой дом, чтобы посетить обитель семерых мудрецов. Он оставил своего верного слугу Нандина охранять дом, а Вишну, Брахма и другие боги взяли на себя по печению о Парвати и в отсутствие Шивы служили ей, приняв женский образ, как ее служанки. Между тем злобный Андхака, возросший в доме вождя асуров, задумал похитить супругу своего истинного отца. Обезумевший от страсти, он пришел к горе Мандара, но не мог проникнуть в дом Шивы, двери которого бдительно охранял Нандин. Тогда Андхака обратился в птицу и влетел через окно в опочивальню Парвати. Здесь он принял свой истинный облик; но в то же мгновение перед ним явился сам грозный Шива, потрясая трезубцем. Он воздел Андхаку на острие трезубца и принялся танцевать. И пока он танцевал, грехи Андхаки, воздетого на трезубец, покинули несчастного, и он прозрел истину и восхвалил великого бога. Шива, удовлетворенный, снял его с трезубца и сказал: «Отныне ты останешься со мною, сын Хираньянетры. Ты будешь одним из вождей моего войска под началом Ганеши и Нандина, и больше ты не будешь знать невзгод, и даже боги будут почитать тебя». Он взял его за руку и подвел к Парвати, и та милостиво приняла его. Он же простерся ниц перед великой богиней и восхвалил ее. С той поры она вновь взяла его под свое покровительство как собственного сына. Он же возглавил сонму ужасных обликом духов, составляющих свиту Шивы.

Рамаяна

Рама и Сита

Давным-давно в Индии жил могущественный царь – раджа. Он правил богатым и сильным государством, столицей которого был город Айодхья. У царя было несколько жен и несколько сыновей. Самого старшего сына звали Рама, одного из младших – Лакшмана.

Братья очень любили друг друга.

Случилось однажды Рама быть в столице соседнего государства. Проезжая мимо дворца тамошнего раджи, он увидел в одном из окон девушку необычайной красоты.

– Кто это? – спросил Рама у торговков, сидевших возле дворцовых ворот.

– Это Сита, дочь нашего повелителя! – ответили те.

Рама повернул коня, чтобы еще раз взглянуть на девушку, но когда подъехал, окно уже было плотно закрыто.

Вернувшись в Айодхью, он рассказал об этой встрече брату.

– Ты знаешь, я полюбил ее с первого взгляда! – признался он. – Что делать, Лакшмана? Может быть, рассказать обо всем отцу и матери? Или – нет, муж чине пристало умение ждать...

На том и сошлись.

И действительно, вскоре отец Ситы решил, что пришла пора выдавать дочь замуж.

В те далекие времена в Индии был обычай сваямвар, по которому, для того чтобы невеста могла выбрать себе жениха, в ее честь назначались состязания. На них съезжались юноши. Они соревновались в стрельбе из лука, в борьбе, в метании копья. Победителю, если, конечно, он был ей по душе, невеста надевала на шею венки. Это был знак: она согласна стать его женой.

Как только такая весть достигла Айодхьи, Рама и Лакшмана стали собираться в путь. В назначенный день рано утром они уже въезжали в город, где жила Сита. Здесь все кипело: повсюду развевались пестрые флаги, играла музыка, над очагами, где разогревался рис и жарилось мясо, вились сладкие дымки, по улицам то и дело катили украшенные

цветами колесницы. С главной площади доносился нетерпеливый гул толпы.

– Как бы нам не опоздать! Давай пришпорим ко ней! – крикнул Лакшмана.

Они въехали на городскую площадь. Тут уже все было готово к состязанию: в беседке, украшенной цветами, сидели Сита и ее отец, напротив них стояли кучкой приехавшие со всех концов Индии женихи. Толпа запрудила не только площадь, но и окрестные улицы.

Загремели и смолкли барабаны. Царь встал и сделал знак, требуя тишины.

– Много лет тому назад, – начал он, – за совершенный в честь богов подвиг один из моих предков получил в подарок от всемогущего Шивы лук. Он столь тяжел и крепок, что никто никогда не смог ни поднять, ни натянуть его. Сегодня этот лук будет вынесен на площадь. Тот, кто сможет согнуть его, станет мужем моей дочери. Я сказал.

С этими словами царь важно кивнул слугам, те бросились во дворец и вскоре вернулись, сгибаясь под тяжестью необычной ноши. Увидев, сколь велик лук и как толста его тетива, некоторые женихи приуныли.

Слуги с трудом дотащили лук до середины площади, положили на землю и удалились.

И тогда к нему один за другим стали подходить те, кто добивался руки Ситы.

Сначала силу пробовали самые молодые. Они смело приближались к луку, брались за него, напрягали мышцы, но... пот струился по лицам, руки опускались – никто не смог даже на палец оторвать древко от земли.

Затем выступили женихи постарше. Это были настоящие богатыри. Они неторопливо выходили на середину площади, гордясь своим ростом, и силой, и прежними подвигами.

Некоторым из них удавалось чуть-чуть приподнять конец древка и даже ухватиться за тетиву, но лук снова падал, тетива оставалась недвижимой.

И вдруг в толпе раздался ропот.

Из шеренги женихов вышел чернобородый воин. Его глаза горели жестоким огнем. Он подошел к луку и без видимого усилия приподнял

его с земли. Все ахнули, царь привстал с сиденья, а Сита почувствовала, как страх проникает в ее сердце.

– Кто это? – спрашивали друг у друга жители города.

Воин упер конец лука в землю, ухватился одной рукой за древко, ладонь другой наложил на тетиву. Толстые кривые пальцы впились в нее, мышцы рук напряглись и стали похожи на камни. Тетива начала медленно оттягиваться. Среди женихов послышались горестные крики.

– Уж не сам ли это Равана-непобедимый? – заговорили в толпе.

Богатырь напряг все силы. Жилы на его лбу вздулись, концы лука начали сближаться. Но... раздался звон, подобный звону сабли, тетива вырвалась из рук, лук распрявился и упал на землю.

И тогда богатырь издал ужасный рев. Он топал ногами и ревел, как раненый слон. Глаза его налились кровью, облик, до того четкий и ясный, стал зыбким. Тело потеряло прежние очертания, вместо одной голо вы выросли десять, а две руки превратились в двадцать.

– Горе, горе нам! Это и верно Равана, царь ракшасов, демон среди демонов, владыка бродящих ночью, воин, не знающий жалости! – закричали в толпе.

Не успела испуганная Сита разглядеть того, кто чуть было не стал ее мужем, как ракшас поднялся в воздух и исчез, как исчезает столб пыли, развеянный ветром.

И тогда на площадь вышел Рама. Он подошел к луку, медленно поднял его и, разведя могучие плечи, стал натягивать тетиву. Черное, блестящее тяжелое дерево уступало сильным рукам – тетива все дальше отдалялась от древка, и наконец лук не выдержал: раздался треск, похожий на удар грома, крыши домов задрожали – лук разлетелся пополам.

Крики радости переполнили площадь.

– Он победил! Слава царевичу Айодхьи! – кричала толпа.

Царь встал, подняв в приветствии руки, а Сита вышла из беседки, приблизилась к Раме и, потупя глаза, надела на его шею венок.

Сыграли свадьбу. Рама вернулся во дворец отца и стал помогать ему править.

Вместе с ним в Айодхью приехала Сита.

Кайкейя

Шли дни. Старый раджа с каждым месяцем чувствовал себя все хуже и хуже. Наконец настал час, когда он решил передать Рама царство и удалиться на покой.

Но кроме жен, от которых родились Рама и Лакшмана, у раджи была еще одна – самая молодая – жена по имени Кайкейя. У них тоже был сын.

Служанкой Кайкейи была кривобокая горбунья, существо злобное, ненавидящее весь мир.

И вот однажды эта служанка вышла из дворца, чтобы послушать городские сплетни, и заметила, что на улицах какая-то особая, праздничная суета.

– Что это готовится? – обратилась она к первому же встречному. Тот узнал ее.

– Ты живешь во дворце и не знаешь? – удивился он. – Ведь завтра нашим государем станет мудрый и добрый Рама. Отец уступает ему власть. Все уже готово к коронованию!

Он удалился, весело напевая, а горбунья, дрожа от гнева – она ненавидела статного и красивого Раму, – бросилась назад во дворец.

Там она разыскала Кайкейю.

– Беда, беда, о, махарани! – запричитала служанка. – Ты сидишь у окна и любишься павлином в саду, а Рама уже готов надеть на голову корону отца... Почему ты не побледнела от испуга?

– Я уже слышала эту новость от самого Рамы, – спокойно ответила Кайкейя. – Так будет лучше, это решил сам раджа. Почему я должна бледнеть? Мне бояться нечего.

– Подумай, что ты говоришь. Разум покинул тебя, госпожа! – продолжала горбунья. – Разве ты не понимаешь, как изменится теперь твоя жизнь? Сегодня ты любимая жена правителя, первая среди его трех жен, а завтра? Он покинет дворец, и ты станешь никем. Рама коварен, он не захочет делить власть с твоим сыном, он изгонит его из страны, а тебя начнут унижать и превратят в простую служанку!

Кайкейя была доброй, но очень недалекой женщиной. Услышав слова горбунии, она испугалась. «А что, если и верно Рама и его мать до сих пор только притворялись моими друзьями? – подумала она. – Ведь раджа больше всех жен любит меня, значит, они не могут мне не завидовать... Неужели я стану нищей? Бедный мой сын!»

И, обращаясь к горбунье, вся в слезах, она попросила:

– Что делать? Научи меня!

Надо сказать, что служанка давно втайне вынашивала коварный замысел, как избавиться от Рамы и сделать сына Кайкейи единственным наследником. Теперь она рассказала все госпоже.

Скрепя сердце Кайкейя согласилась с коварным планом горбуньи. Растрепав волосы и размазав по лицу слезы (они были уж не такими притворными), она стала ждать, когда раджа в обычный час навестит ее. Он пришел вечером, когда павлины в садах перестают ворчать и усаживаются на ветки, а беспокойные мангусты – гроза змей и лягушек – выходят на охоту. Увидев Кайкейю, лежащую на полу и сотрясающуюся от рыданий, царь воскликнул:

– Кто посмел обидеть тебя?

– Никто, о царь. Но я плачу потому, что, ты, такой честный и преданный долгу, забыл свои обещания.

– О чем ты говоришь, Кайкейя? – воскликнул царь. – Не было случая, чтобы я не держал данное мной слово.

– Это так, – возразила младшая жена, – но помнишь много лет назад битву под стенами города? Ты дрался, не ведая страха, но был сражен копьем. Раненый, истекающий кровью, лежал ты на поле, и коршуны уже кружили над тобой.

– Так, – сказал царь, потому что всегда помнил этот страшный миг.

– Кто прокрался ночью на поле брани, нашел тебя, омыл и перевязал раны? Кто отогнал злых птиц и приложил к губам твоим целебные травы? Кто перенес тебя во дворец?

– Это сделала ты, Кайкейя! – сказал царь.

– И вот тогда, вспомни, придя в себя, ты предложил исполнить любые мои два желания. Ты умолял назвать их...

– Да, я прекрасно помню все это, – не подозревая ничего худого, весело сказал царь. – Я и сейчас готов исполнить обещание. Тогда ты сказала, что повременишь, назови эти два желания теперь.

– Хорошо, – я скажу. Вот они. Первое – чтобы правителем страны после твоей смерти стал мой сын. Второе – чтобы Рама тотчас отправился в изгнание. Он должен уйти в лес и прожить там четырнадцать лет. Я сказала.

Долго молчал царь, не в силах поверить услышанному.

– О Кайкейя! – наконец воскликнул он. – Что слышу я? Или это дурной сон и мне только кажется, что я разговариваю с тобой? Или в груди у тебя камень вместо сердца? Ты знаешь, что ни один раджа, если он действительно раджа, а не злобный временщик, никогда не посмеет отказаться от своего слова... Что тебе ешь ты? Зачем? Неужели я столько лет обманывался, считая тебя доброй?.. Но я обещал, и я исполню твои желания.

С этими словами царь удалился, а Кайкейя, оставшись одна, снова залилась слезами. Она все-таки была доброй женщиной и не радовалась победе, понимая, что теперь ей предстоит быть жестокой до конца.

Изгнание Рама

На другой день чуть свет она приказала позвать Рама к отцу.

– Я прибыл! – сказал Рама, входя в зал и почтительно склоняясь перед раджей. – Ты хочешь мне что-то сказать, отец?

Но подавленный горем старик молчал. И тогда заговорила сидевшая у его ног Кайкейя.

– Готов ли ты исполнить волю своего родителя, Рама? – спросила она.

– Всегда, матушка! (В старых индийских семьях, когда случалось одному мужчине иметь несколько жен, дети их всех называли матерями).

– Какой бы суровой она ни была?

– Пусть отец приказывает.

– Отцу больно говорить, и его волю сообщу я. Он решил, что ты должен отправиться в лес и жить там четырнадцать лет, не вмешиваясь в дела государства. После этого ты можешь вернуться. Я сказала.

Ошеломленный стоял Рама перед отцом.

– Что слышу я? – воскликнул он наконец. – Это изгнание. Но за что? Ты знаешь, отец, по одному твоему слову я пойду в огонь, выпью яд, брошусь в океан. Но сейчас, когда управлять страной тебе все труднее... Неужели правда, что это твоя воля?

Старый раджа, еле сдерживая слезы, кивнул.

Понурился, Рама удалился.

Медленно прошел он по залам в дальнюю половину дворца, где с нетерпением ждали его Сита и Лакшмана.

Они гадали: зачем понадобилось отцу так рано вызывать Раму?

– Я думаю, он хочет поручить ему вести новую войну с соседями, – говорила Сита. – Они все время нападают на наши города и жгут наши деревни.

– Нет, – возражал ей Лакшмана. – Я думаю другое. Отец решил дать ему еще несколько советов, как управлять страной. Ведь это большое искусство!

В комнату вошел Рама.

– Сита и Лакшмана, – сказал он, – отец приказал мне удалиться в лес на четырнадцать лет. Это – изгнание, хотя я и не знаю за что. Долг детей – слушаться родителей. Я удаляюсь. Живите счастливо, не беспокойтесь обо мне. Годы пройдут, я вернусь.

Пораженные Лакшмана и Сита долго не могли прийти в себя от этой вести.

Первой заговорила Сита.

– Ты прав, Рама, – печально сказала она. – Волю отца надо исполнить. Но и я последую за тобой. Лакшмана вскричал:

– Нет, нет! Это Кайкейя! Отец не мог принять такого решения. Это она подговорила его. Она ненавидит нас. Сейчас же иду к отцу!

– Не делай этого! Ему и так тяжело. Своими невоздержанными речами ты убьешь его! – отвечал Рама.

– Тогда я отправляюсь в лес с вами!

Решив так, они покинули дворец. Ни одна живая душа, кроме молчаливых стражников, не видела их, и только, когда они проходили мимо покоев Кайкейи, на одной из дверей низко, у самого пола шевельнулся занавес, словно там стоял кто-то, подглядывая.

Они прошли тихими утренними улицами Айодхьи, вышли за городские стены и оказались в поле. Но едва они очутились там, с большого сухого дерева, что стояло около дороги, слетел ястреб и стал кружиться, над ними.

Все дальше и дальше от города уходили братья, ястреб в небе все сопровождал их.

– Что надо этой птице? – грустно спросил Рама. – Уж не предвещает ли она нам новые беды?

– Я пушу стрелу и собью ее! – сказал Лакшмана.

– Не следует этого делать, – возразила Сита. – Ведь это Джатаю – король ястребов.

Похищение Ситы

И вскоре весть об изгнании Рамы и о том, что Сита живет не во дворце, окруженная стражей, а в лесу, охраняемая только двумя воинами, долетела до Ланки, где царствовал Равана.

«Вот и настал мой час!» – подумал он и тотчас позвал слугу, умевшего принимать облик любого животного.

– Ты отправишься со мной! – сказал он. – Там, на севере, в густом лесу живет женщина, которую нужно похитить. Но с ней живут и два могучих воина. Ты обернешься прекрасным оленем и будешь бегать около мужчин до тех пор, пока они не погонятся за тобой. А я спрячусь в кустах. Уведи их подальше. Как только воины удалятся, я унесу женщину. Ты меня понял?

– Я понял все, владыка! – ответил раکشас.

Они взошли на колесницу, и безмолвный возница помчал их по небу, все дальше удаляясь от Ланки.

Когда синие вершины Гималайских гор закрыли полнеба, колесница опустилась, и Равана со слугой очутились в густом лесу. Они пошли, раздвигая руками кусты, и шли до тех пор, пока не увидели на зеленой поляне близ ручья маленькую хижину, около которой на корточках сидела женщина и перетирала в ступе пшеничные зерна. Женщина подняла лицо, чтобы отереть пот, и Равана узнал Ситу.

– Это она! Ступай! – приказал он, и раکشас, обернувшись золотистым оленем, прыжками выскочил на поляну.

– Рама, Лакшмана! – удивленно вскричала женщина. – Смотрите, кто пожаловал к нам!

Из дома вышли Рама и Лакшмана. Они замерли у дверей и вместе с Ситой стали любоваться, как олень то выбегает, словно танцуя, на поляну, то скрывается в кустах.

– Какое чудесное животное! – сказала Сита. – Рама, Лакшмана, вы по очереди ходите на охоту, а я всегда дома. Как бы я хотела, чтобы этот олень стал товарищем моих игр и чтобы я могла ухаживать за ним, как за ребенком.

Рама переглянулся с братом, улыбнулся, перекинул лук через плечо и быстрыми шагами направился к кустам, возле которых стоял олень.

– Подожди! – крикнул Лакшмана. – Я помогу тебе!

Они стали подкрадываться к оленю с разных сторон и уже были готовы схватить его, но животное в последний момент отскочило в сторону.

Снова и снова пытались поймать его братья, но олень каждый раз ускользал из их рук, все дальше углубляясь в чащу.

– Мы удаляемся от хижины, – сказал Рама. – Вернись, Лакшмана! И Лакшмана, к глубокой досаде Раваны, возвратился к Сите.

Но у Раваны и его слуги была приготовлена еще одна хитрость. Увлекая Раму все дальше и дальше, олень завел его в самую гущу леса. Когда Рама в последний раз попытался поймать его, олень выскользнул из рук, отбежал в сторону и крикнул голосом Рамы:

– О Сита, о Лакшмана!

Этот крик, полный боли и отчаяния, возник в самой чаще и, подобно быстрой волне, которая кругами разбегается вокруг упавшего камня, разнесся по лесу.

И тогда Рама понял, что его обманули, что это не олень, а злой дух и что этот крик предвещает беду.

В гневе выхватил он из колчана стрелу, натянул лук и пустил ее вслед убежавшему оленю. И хотя тот мчался, как ветер, стрела догнала его. Олень упал с пробитым сердцем и едва только коснулся земли, как превратился в уродливого кривобокого ракшаса.

В ужасе стоял Рама над телом демона.

– Брат, не ходи сюда! – крикнул он, предчувствуя беду.

Но голос его вернулся, отраженный стеною деревьев...

Тем временем Сита и Лакшмана с нетерпением ожидали возвращения Рамы. Наконец до их слуха донесся жалобный голос:

– О Сита, о Лакшмана!

– Скорее на помощь! Беги – это голос Рамы! – воскликнула Сита.

– Но брат приказал мне ни в коем случае не оставлять тебя, – возразил царевич.

– Что значит моя жизнь, если опасность грозит Раме? Беги скорее. Он, наверное, ранен, умирает... Беги! Я требую, я, наконец, приказываю!

И Лакшмана, понурив голову, удалился. Сперва он шел, потом ускорил шаги и наконец побежал. Он мчался через лес до тех пор, пока не встретил бегущего навстречу Раму.

– Почему ты здесь? – воскликнул в испуге старший брат. – Разве я не приказал тебе?..

Лакшмана опустил голову, но тут же глаза его сверкнули гневом.

– Назад, к хижине! Нас обманули! – крикнул он.

Братья бежали что было сил. Ручей – они перемахнули и через него... Поляна – пронеслись, как ветер... Вот и хижина... Перед ней никого нет. Они распахнули дверь – внутри пусто... Сита исчезла...

Равана и Сита

Вот что случилось у хижины. Пока Рама охотился за оленем, а Лакшмана и Сита прислушивались к звукам, доносившимся из чащи, Равана, приняв облик странствующего старца, стоял за кустами и ждал, когда раздастся роковой зов.

– О Сита, о Лакшмана! – донеслось наконец из глубины леса.

Едва Лакшмана скрылся, Равана вышел из кустов и направился прямо к хижине. Удивленная появлением в этом глухом, безлюдном месте человека, Сита приветствовала его низким поклоном.

– Будь нашим гостем, добрый старец, – сказала она. —

Скоро вернутся из леса мой муж и его брат. Они будут рады тебе. В лесу жарко, не хочешь ли испить воды?

Равана поблагодарил.

Но едва только Сита, держа в вытянутой руке кувшин, приблизилась к нему, он крепко схватил ее за руки, подал знак, из кустов выкатилась колесница, Равана вскочил в нее, втащил Ситу, кони поднялись в воздух и, подгоняемые возницей, помчались над лесом.

– Кто ты? Что тебе надо от меня? – в ужасе воскликнула Сита. – Зачем ты увозишь меня?

– Кто я? – усмехнулся ракшас и принял свой обычный облик.

Узнав Равану, царица, зарыдав, взмолилась:

– О вы, люди, живущие в лесах, и их враги – хищные звери, – причитала она. – Вы, птицы, поющие в рощах бильвы! Вы, деревья, покрытые цветами, и вы, травы, по которым я так любила ступать! Расскажите Раме, что меня похитил злой демон. О олени, вы часто

приходили ко мне и, стоя около хижины, слизывали соль, которую я сыпала для вас на землю! Укажите Рама и его брату, куда унес меня злой ракшас. Ты, река, которую я так любила слушать в полуденные часы, помоги им!..

Так молила, горя, Сита. Но людей нигде не было видно; в ужасе они разбежались.

Ситана Ланке

Между тем колесница Раваны достигла Ланки. Зеленые кони сделали круг над городом и опустились перед дворцом. Его золотые крыши горели на солнце, стены были украшены стягами, играла музыка.

Колесница остановилась. Равана поручил Ситу служанкам – безобразным ракшаси, а вечером, приняв облик прекрасного воина, пришел в отведенные ей покои.

– Выслушай меня, Сита! – сказал он. – Однажды – я делаю это часто – в одежде простого смертного я бродил среди людей по улицам твоего родного города. Около дворцовой стены играла с подругами девушка. Ее красота поразила меня. Это была ты. И я дал себе слово, что ты станешь моей женой. Теперь ты здесь, в моем доме. Слышишь – гремят ножи и бубны? Это повара готовят праздничный обед, а музыканты разучивают танцы твоей родины. Они будут играть до утра. Служанки ждут твоих приказаний; в сундуках, которые открыли они, – одежды и драгоценности, о которых еще не мечтала ни одна женщина. Торопись надеть их!

Но Сита, опустив голову, ответила:

– Что значат драгоценности и сотни слуг по сравнению с любовью и долгом? Напрасны твои приготовления, Равана! Я супруга Рама, и никто не заменит мне его. Ты говоришь, что часто бываешь среди людей. Разве ты не знаешь, что хорошая жена всегда остается верной?

И тогда Равана вскричал:

– Безумная женщина! Только любовь удерживает меня от того, чтобы пронзить тебя мечом. Даю год. Если через двенадцать месяцев ты не переменишь свое решение – ты умрешь.

– Не надо угрожать. Если через год Рама не вызволит меня, я и сама не захочу жить, – тихо сказала Сита.

Тогда Равана приказал увести Ситу из дворца. Рядом, еще за одной стеной был сад, в котором цвели круглый год огненные деревья ашока – их индийцы посвящают богам. В этот ашоковый сад ракшаси, злые служанки, отвели Ситу. Они заперлись там вместе с пленницей, чтобы ни на минуту не спускать с нее глаз.

Рама и Лакшмана ищут Ситу

Долго брели Рама и Лакшмана через непроходимые джунгли по звериным тропам, страдали от зноя, голода и жажды, переплывали на плотах реки, продирались сквозь заросли деревьев и колючих кустарников.

Наступила пора дождей.

Рама, наблюдая, как небо обрушивает на землю потоки воды, говорил брату:

– О Лакшмана! Только что земля, пересохшая и покрытая трещинами, жаждала влаги. Она стонала, и морщины покрывали ее лик. Казалось, нет муки горше. Но теперь посмотри: добрый океан наслал на землю летний дождь. Он гонит потемневшие от обилия влаги облака, и те, едва успев докатиться до подножия гор, разражаются ливнями. Земля забывает о страданиях, и месяцы, проведенные в томительном ожидании, кажутся ей мгновениями. Не так ли я, страдающий без Ситы, обретя ее вновь, скажу – мы не разлучались!

– Брат мой, – отвечал Лакшмана. – Ты, наверное, прав, но сейчас нам надо торопиться. Сита в руках у злого ракшаса.

– Так, – отвечал Рама, и они вновь пускались в путь. Мокрые и усталые карабкались на холмы, поднимались на скользкие горные склоны, побеждали в пути хищных зверей. Но вот однажды они вышли к подножию горы, на вершине которой увидели несколько обезьян. При их появлении обезьяны спрятались, и только одна продолжала стоять, не выказывая признаков страха.

– Идем дальше. Что нам какие-то обезьяны! – сказал Лакшмана. – Солнце уже склоняется к закату, плохо, если мы не достигнем до ночи жилища людей.

– В этих диких краях люди не живут, – возразил ему Рама. – Подождем: мне кажется, это не простые обезьяны. Видишь, одна

направляется к нам.

Действительно, обезьяна, которая не укрылась при виде братьев, уже спускалась с горы. Скоро она предстала перед ними. Это было рослое животное, которое уверенно стояло на двух ногах. В глазах обезьяны светились ум и отвага, на плечи был наброшен алый плащ, в руке она держала копье.

– Кто ты, о чудесный незнакомец? – спросил Рама. – Мы люди с севера. Полгода уже бродим по земле, разыскивая похищенную царевну Ситу. Еще раз заклинаю тебя, ответь – кто ты?

– Меня зовут Хануман, я слуга Сугривы, царя обезьян, – отвечал незнакомец. – Это он скрывается сейчас на вершине горы. С ним его придворные. Мы все – изгнанники, нашу страну коварством захватил враг. – Он рассказал о Валине. – Только могучий, непобедимый воин может спасти нас. Сугрива уже дважды выходил на бой с Валином, и тот каждый раз побеждал.

Рама задумался.

– Я рад бы помочь, – сказал он, – но Сита – моя жена. Ее похитил злой демон Равана. Сейчас мы держим путь к океану.

– И очень торопимся, – добавил Лакшмана.

– О, конечно! – согласился Хануман. – Но у демона, я слышал, огромное войско. Вам без помощи тоже не обойтись! Ждите меня здесь!

С этими словами он снова отправился на гору и вернулся, ведя за собой Сугриву и его придворных.

Едва только царь обезьян услышал горестную историю Ситы, он вытащил из кармана желтый лоскут.

– Этот кусочек ткани упал с колесницы, которая пролетела над нашей горой, – сказал он.

– Ткань ее платья! – воскликнул Рама. – Значит, это пролетал Равана!

– Он промчался на юг.

– О горе! Демон увез ее на Ланку... Я предлагаю тебе союз, о царь обезьян! Я вызову на бой Валина.

– А я помогу тебе в войне с Раваной, – сказал Сугрива. И Лакшмана воскликнул:

– Мы вместе спасем Ситу!

Равана снова приходит к Сите

И все-таки, вернувшись во дворец, жестокий ракшас задумался. Одно дело вступить в бой из-за жены и совсем другое – вести кровавую битву из-за непокорной, готовой вот-вот умереть упрямыцы.

«Ты сама обрекаешь меня на обман и жестокость!» – мысленно обратился он к Сите и приказал привести искусного мага, способного силой волшебства создавать людей и оружие.

– Ты звал меня? – спросил маг, появляясь в покоях у Раваны.

– Мудрец! – обратился к нему ракшас. – Все знают, что твое искусство удивительно. Ты можешь создать из песка птицу, а из птичьего крыла – меч. Я приказываю тебе создать из воздуха голову моего злейшего врага Рамы, а кроме того, сотворить из сухой палки его лук, а из перьев козодоя – стрелы, такие, которые ничем не отличались бы от тех, которыми владеет Рама.

– Слушаю и повинуюсь! – ответил маг.

Он отступил на один шаг, зачерпнул ладонями воз дух, прошептал слова волшебного заклинания мантры, и в руках у него появилась голова, которую даже отец Рамы не смог бы отличить от головы сына. Затем маг приказал принести себе из сада сухую палку и пучок перьев козодоя. Приняв их из рук слуги, он снова прошептал волшебные слова и бросил на пол перед Раваной лук и стрелы точно такие, как те, что носил Рама.

– Я сделал так, как ты приказал, – сказал маг. – Но только помни: сила волшебства, которым созданы голова, лук и стрелы, рождена твоим желанием, Равана! Пока ты держишь их в руках, сердцем стремишься к Сите, а умом боишься Рамы – они существуют, но стоит тебе выпустить их из ладоней, забыть о Сите и перестать бояться – они исчезнут.

– Хорошо! – сказал ракшас, поднял с пола голову, стрелы, лук и тяжелым шагом направился в ашоковый сад.

По пути он приказал слугам принести горсть пыли с площади и чашку с кровью только что убитого гепарда. Он посыпал пылью и побрызгал кровью голову, лук и стрелы, и они стали выглядеть так, будто их только что подобрали на поле жестокого сражения.

Войдя в сад, Равана отыскал Ситу, но не приблизился к ней, а, став за кустом, сказал, пряча за спиной ношу.

– О своенравная и гордая женщина! Для чего ты упрямишься и не соглашаешься на мои просьбы? Неужели ты не знаешь, что по обычаям вашей страны женщину, побывавшую в чужом доме, муж никогда снова не возьмет в жены? Ты живешь в моем дворце уже скоро год, и даже простой народ не простит Раме, если он нарушит этот закон.

– Зависть к Раме ослепила тебя, ракшас, – ответила ему Сита. – Ты забыл, что по тем же законам огонь очищает всякого, и неужели ты думаешь, что я убоюсь войти в него, чтобы снова соединиться с Рамой?

– Безумная, – воскликнул Равана, – ты сама обрекаешь близких своих на муку и смерть! Так знай: сегодня Рама прибыл с войском обезьян под стены Ланки. Только что закончилась битва, в которой мои ракшасы обратили обезьян в бегство. Вместе с ними бежал, теряя оружие, Лакшмана, бояться которого ты так уговаривала меня...

– Он бежал?! – воскликнула, встрепенувшись, Сита. – Тогда что же ты не говоришь ничего о моем супруге? Что стало с Рамой? Почему ты стоишь за кустом, пряча что-то за спиной?

И тогда Равана вышел из-за куста и протянул Сите голову Рама.

Как смерть побледнела Сита и долго без слов всматривалась в дорогие черты мужа.

– Да, это его лук и стрелы, – прошептала она наконец. – Значит, Рама погиб...

Но тут гордая кровь царицы вновь прилила к ее щекам, и Сита, пылая от гнева, воскликнула:

– Ты думаешь, Равана, что смерть Рама изменит мое решение? Ты добился только одного – я умру сейчас. Ты этого хотел?

– Равана солгал – битвы еще не было, Рама и Лакшмана идут за мной! – услышав шум битвы, вскричала Сита.

Счастье Рама и Ситы

По улицам, покрытым, как ковром, телами ракшасов, вступили в Ланку Рама и его товарищи.

– Но где же Сита? – повторял Рама, оглядывая пустынные дворцы.

Тогда Хануман, взлетев, помчался туда, где за каменной стеной в ашоковом саду прекрасная Сита с ужасом прислушивалась к тишине,

которая сменила грохот сражения.

– Твой супруг ждет тебя, госпожа! – сказала летающая обезьяна, низко склоняясь перед Ситой. – Идем!

Печальным был путь прекрасной царевны через улицы поверженной Ланки. Жители с ужасом показывали на нее.

– Смотрите, – говорили они, – вот идет та, из-за которой разрушен наш город и убиты тысячи тысяч. Это из-за нее стал безумным Равана, самый жестокий из правителей!

Слыша эти речи, Сита все ниже опускала голову, и когда Рама, увидя ее, бросился навстречу, жестом остановила его.

– О супруг мой! – сказала она. – Я виновата перед тобой и перед народом трех царств – людей, обезьян и ракшасов. Страсть, внушенная мною Раване, обернулась небывалой бедой. Да и обычай не позволяет тебе коснуться меня после того, как я была во дворце ракшаса. Только всеочищающий огонь, быть может, вновь соединит нас.

И она повелела слугам развести на площади перед дворцом большой костер.

Молча отправились те в лес и принесли оттуда вязанки ароматного самшита и тонкие ветви бимбы. Они сложили их грудой перед дворцом, и Сита, попросив прощения у людей, вошла на костер.

Вспыхнул яркий огонь. Багровые языки пламени взметнулись в воздух, черные клочья дыма взлетели, как стая ворон. И все, кто был на площади: и оставшиеся в живых ракшасы, и жители окрестных деревень, и косматые обезьяны, – все испустили горестный вопль.

Но вдруг пламя и дым разделились – из костра вышел великан в красной одежде. На руках он нес бесчувственную Ситу. Это был бог огня.

Он сошел с костра и направился назад, пламя сомкнулось вновь, огромный клуб черного дыма вырвался из костра и устремился к небу. Костер погас.

– Смотрите, она открыла глаза! Она вдохнула! Сита жива и по-прежнему прекрасна, огонь не коснулся ее! – закричали люди. – Хвала Сите!

И тогда счастливый Рама приказал заложить воз душную колесницу Раваны. Держа за руки Ситу, он вошел на колесницу, рядом стали Лакшмана и Сугрива. Кони взвились в воздух и, провожаемые

прощальными криками и визгом обезьян, устремились в обратный путь.

Герои пролетели над океаном и увидели под собой мост, соединивший отныне Ланку с материком, гору, на вершину которой Сита обронила кусок платья, и скалу, около которой погиб в неравной битве мужественный царь ястребов. И все время впереди колесницы, оглашая воздух радостными кликами, неся верный Хануман, похожий сразу и на льва и на птицу.

– Смотрите! – говорили люди, живущие и на самом краю земли, на песчаном желтом мысе Коморин, и на плоских красных горах Декана, и на берегах великого мутного Ганга. – Вот несется по небу колесница великого Рама. Как светлая луна сияет рядом с ним прекрасная Сита. А впереди мчится, как туча, ликующий сын ветра. Смотрите, потому что это летят те, кто долг всегда ставил превыше жизни!

Так Рама вернулся в Айодхью. Старый раджа к тому времени умер, государством правил сын Кайкеи. Но и он и другие братья беспрекословно отдали престол Раме. Его короновали. Рама простил Кайкею (ее служанки уже не было в живых), и еще много лет они с Ситой жили и правили страной, ободряя воинов, облегчая труд земледельцев, строго наблюдая за торговцами и сочувствуя бедным.

КИТАЙСКИЕ МИФЫ

О происхождении всего на земле

Пань-гу вывел Вселенную из Хаоса и придал ей определенность. Как считают, он был порождением первоначальной двойственности при роды, инь и ян, созданным для того, чтобы придать форму всему существу и «создать Небеса и Землю».

В некоторых мифах он показан как создатель Все ленной, предок Неба и Земли и всего того, что живет, двигается и производит себе подобных. Слово «пань» означает «блюдо» и «гу» – «тыква». Это имя связано с легендой о том, что его вырастили в тыкве.

Пань-гу вначале существовал в образе собаки, и лишь позже он обрел человеческие черты, сохранив собачью голову. Его изображают как карлика, одетого в медвежью шкуру или с передником из листьев с двумя рогами на голове. Как демиург, в правой руке он держит молоток, в левой – стамеску – инструменты, символизирующие его созидательную миссию.

На ряде изображений его можно увидеть в обществе четырех мифологических существ: единорога, феникса, черепахи и дракона, на некоторых он показан с солнцем в одной руке и луной в другой, символизирующими его деятельность как творца мира.

Пань-гу трудился восемнадцать тысяч лет, за это время он создал солнце, луну и звезды, Небеса и Землю.

Наконец завершив свои земные труды, он умер, продолжая жить в своих творениях. Его голова стала гора ми, дыхание преобразилось в ветер, реки и облака, голос в гром; плоть стала землей, конечности – четырьмя частями; кожа и волосы превратились в травы и деревья, зубы, кости и мозг стали металлами, скалами и драгоценными камнями, пот – дождем, ползавшие по его телу насекомые обернулись людьми; таким образом, он отдал всего себя тому, чтобы созданный им мир был богатым и прекрасным.

Когда пребывание Пань-гу в примитивном Хаосе окончилось, собственный дух переместил его смертную оболочку в пустое пространство без всякой видимой опоры. «Он должен, – заявил дух, – возродиться в видимом образе, иначе я потеряю свою сущность и не обрету покой».

Перенесясь на крыльях ветра, его душа достигла Фую Тяй. Там ее заметила святая по имени Тяй Юань; хотя ей было сорок лет, она оставалась девственницей и жила одна на горе Цуо, питаясь воздухом и разно цветными облаками. Она ежедневно поднималась на высочайшую гору, чтобы вдыхать росу, выпадавшую с солнца и луны.

Очарованный ее девственной чистотой, Пань-гу воспользовался моментом, когда она, по обыкновению, вдыхала росу, и вошел в нее в виде луча света. Богиня забеременела, и через двенадцать лет плод покинул ее чрево через позвоночный столб. Едва появившись на свет, ребенок начал ходить и говорить, вокруг его тела образовалось пятицветное облако. Новорожденного назвали Юаньши Дяньван, а его мать стала именоваться Тяйюань Шэнму – «Священной матерью Первопричины».

Алмазные владыки Неба

Алмазные владыки Неба были братьями, их звали Мо Лицзин (чистый), Цзэн Чжан, Мо Лихун (суша), Гуанму Мо Лигай (море) и Мо Лишу (время). Самый старший – Мо Лицзин, его рост достигает семи метров, у него борода ярко-рыжего цвета, он носит внушительное кольцо из жадеита, всегда сражается пешим; у него есть волшебная сабля, «Голубое облако», на ее лезвии выгравированы иероглифы Ди, Шуи, Го, Фэн (земля, вода, огонь, ветер).

Взмахнув мечом, он поднимает черный вихрь из сотен тысяч копий, пронизывающих тела людей и обращающих их в прах. За ветром следует десять тысяч огненных змей, сжигающих все на своем пути. Одновременно из земли поднимается густой дым, ослепляющий людей, и никто не может от него спастись.

В руках у Мо Лихуна зонт, который называют Завесой Хаоса, унизанный множеством волшебных жемчужин. Если его открыть, то Небеса и Землю накроет густая тьма. Повернув его вниз, можно вызывать сильный ветер и сотрясение земли во всем мире.

Мо Лигай держит четырехструнную гитару, ее резкие звуки способны воздействовать на землю, воду, огонь или ветер. Своей игрой Мо Лигай завораживает всех и заставляет людей заслушаться, а лагерь противника вспыхивает от огня.

У Мо Лихуна два кнута и сумка из шкуры пантеры, где сидит белая крыса Хуа Худяо, выполняющая все его приказы. Оказавшись на свободе, это существо превращается в белого крылатого слона, пожирающего людей. Иногда она превращается в змею или другое плотоядное существо.

Сторонники дома Шан обратились к четырем духам Мо, умоляя их прийти на помощь. Те согласились, собрали армию из 100 тысяч небесных воинов и, миновав огромное расстояние, через города, поля и горы меньше чем через день подошли к северным воротам Сичжи, где Мо Лицзин разбил свой лагерь и обосновался вместе со своими солдатами.

Услышав о прибытии войска, Хуан Фэйху поспешил предупредить Цзян Цзы-я об угрожавшей ему опасности. «Четыре великих генерала

только что прибыли к северным воротам, – заявил он. – Они необычайно сильны в магии. Скорее всего, мы не сможем устоять против них».

Действительно, вскоре они вступили в сражение. Вначале перевес был на стороне Мо Лихуна и его крысы Хуа Худяо, пожиравшей самых храбрых воинов.

Цзин Гану не повезло: крыса напала на Ян Цзяня, зятя Ю-Хуана, и проглотила его. Оказавшись в теле чудовища, богатырь разорвал его сердце и рассек его на две части. Как только он выбрался, тотчас принял облик Хуа Худяо и отправился к Мо Лишу. Не подозревая о подмене, тот поместил его, как обычно, в свою сумку.

Чтобы отпраздновать победу, четыре Алмазных владыки устроили пирушку; хватив лишку, Мо Лишу от правился спать. Ночью Ян Цзянь вышел из сумки, что бы захватить три волшебных предмета Цзин Гана, но смог унести только зонтик Мо Лихуна. Во время по следующего сражения Ночжа, сын бога Грома, разбил жадеитовое кольцо Мо Лицзина. Одно несчастье следовало за другим.

Лишившись своего могущественного оружия, Цзин Ган начал задыхаться. В это время Хуан Тяньхуа обрушился на него со своим волшебным оружием. Это был шип длиной 20 сантиметров в шелковом чехле. Он назывался «пробивающий сердце» и испускал такой сильный луч света, что можно было ослепнуть.

Когда Хуан Тяньхуа стиснул Мо Лицзина, тот вытащил таинственный шип из чехла и бросил его в противника. Шип вонзился в шею гиганта, он громко застонал и упал замертво.

Мо Лихун и Мо Лигай поспешили, чтобы отомстить за своего брата, но, прежде чем они смогли подоспеть на нужное для удара расстояние, грозный шип, брошенный Хуаном Тяньхуа, поразил их прямо в сердце, и братья распростерлись у его ног.

Надежда теперь осталась на Хуа Худяо, единственного уцелевшего. Не зная, что существо было заколото, Мо Лишу опустил руку в сумку, чтобы вытащить его, и в это время Ян Цзянь, сидевший в сумке, откусил ему кисть руки.

Не взвидевший света от страшной боли, Мо Лишу стал легкой добычей для Хуана Тяньхуа – волшебный шип пронзил его сердце, и он упал, захлебнувшись собственной кровью. Так погибли последние Цзин Ганы.

Храбрые братья

Цзяньли Янь, прозванный «глаз в тысячу ли», и Шуньфэн Эр – «ветер, благоприятствующий уху» были когда-то двумя братьями по имени Гао Мин и Гао Цзо. Прослышав об их храбрости, император Чжоу Ван назначил их генералами и отправил служить в Мэнцзы под началом командующего Юань Хуна, который был на самом деле обезьяной, принявшей человеческий облик.

Гао Мин был очень высокого роста, с голубым лицом, пылающими глазами и огромным ртом с острыми, как у тигра, зубами. Он был удивительно зорек: мог разглядеть комара на расстоянии в тысячу ли.

У Гао Цзо было два рога, красная борода и торчащие, как сабли, зубы. Он отличался удивительным слухом и мог услышать шепот на расстоянии трех дней пути.

Первым на них напал царевич Ночжа. Он бросил свое волшебное огненное колесо в голову Гао Цзо, но не причинил ему вреда. Однако когда царевич схватился за свое колесо, братья решили отступить.

Почувствовав столь серьезную опасность, Ян Цзянь, Цзы-я и Ли Цин собрались на совет. Обдумав все, они решили взять триграммы Фу-си, омыть их кровью птицы и собаки и уничтожить духовную силу братьев. Но братья сумели разгадать коварные замыслы, ибо Зоркий Глаз все разглядел, а Чуткое Ухо все услышал. В результате происки врагов не увенчались успехом.

Тогда Ян Цзянь отправился к Цян Цзы-я и заявил: «Эти два брата – сущие дьяволы. Чтобы справиться с ними, нужно придумать что-нибудь пострашнее». – «К кому ты отправишься за помощью?» – спросил Цян Цзы-я. «Я не скажу тебе, потому что они могут услышать», – ответил тот и отправился в путь.

Однако Чуткое Ухо подслушал разговор, а Зоркий Глаз увидел, как Ян Цзянь отправился в путь.

Между тем Ян Цзянь отправился на гору Ючжань-шань, где жил Ютин Чжэнь-чжэнь, обладавший волшебным яшмовым треножником. Он рассказал ему о двух могущественных противниках и попросил совета, как их победить.

«Это два духа, – ответил Ютин Чжэнь-чжэнь. – Один из них – божественное персиковое дерево, другой – божественное гранатовое дерево. Их корни покрывают площадь в тридцать квадратных ли. На этой горе находится храм, посвященный Хуан-ди, в нем есть глиняные статуи двух дьяволов по имени Цзяньли Янь и Шуньфэн Эр.

Поскольку и персиковое, и гранатовое деревья имеют божественное происхождение, они обладают особы ми свойствами: у одного есть глаза, с помощью которых он может легко разглядеть комара, который находится на расстоянии в тысячу ли, другой способен слышать любой звук на расстоянии трех дней пути. Пока они находятся на территории, прилегающей к горе, вы их не одолеете. Но за ее пределами они теряют свои магические свойства. Вернись к Цзян Цзы-я и распорядись, чтобы статуи разрушили, а корни деревьев вырвали и сожгли. После этого с братьями расправиться будет легко. Главное – когда ты будешь говорить с Цзян Цзы-я, вели поднять повыше как можно больше знамен и изо всех сил бить в гонги и барабаны».

Узнав секрет могущества братьев, Ян Цзянь вернулся к Цзян Цзы-я. «Что ты делал?» – спросил у него тот. Прежде чем дать ответ, Ян Цзянь распорядился, чтобы солдаты размахивали огромными красными флагами, а тысяча воинов била в гонги и барабаны.

И только тогда рассказал о совете отшельника.

Вскоре Ли Цинь в сопровождении трех тысяч солдат отправился к горе Цзыбаньшань, выкопал и сжег корни двух деревьев, а затем в храме, посвященном Хуан-ди, разбил статуи на куски. Одновременно была дана команда начать атаку против братьев.

Зоркий Глаз и Чуткое Ухо ни о чем не подозревали, ибо ничего не видели и не слышали: флаги закрывали весь горизонт, а гром барабанов и гонгов заглушал все другие звуки – поэтому остановить нападавших не смогли.

На следующую ночь Юань Гун решил напасть на лагерь Цзян Цзы-я и послал братьев на разведку. Но стоило им приблизиться, как внезапно их окружили вражеские солдаты под командованием Ву Вана. Цзян Цзы-я взмахнул своим волшебным хлыстом и рассек головы братьев надвое.

Волшебное животное

Банда разбойников похитила отца девушки. Прошел год, а лошадь отца стояла в конюшне. Мысль о том, что девушка больше не увидит своего отца, настолько опечалила ее, что она перестала есть. Мать делала все, что могла, чтобы успокоить дочь, и даже пообещала выдать ее за того, кто вернет отца. Словно услышав эти слова, лошадь взбунтовалась, вырвалась из стойла, пустилась галопом и скрылась из вида.

Через несколько дней отец вернулся домой верхом на лошади. Но с этого времени лошадь потеряла покой, тревожно ржала и отказывалась от всякой еды. Тогда женщина вспомнила о данном ею обещании и рассказала об этом мужу. «Но ты поклялась выдать дочь за мужчину», – ответил ее муж.

Однако лошадь по-прежнему тревожилась, а когда видела девушку, то поднималась на дыбы и яростно лягалась. Однажды, выйдя из себя, отец выпустил стрелу и убил животное; сняв кожу, он разложил ее на земле за домом для просушки. Когда девушка проходила мимо, шкура неожиданно поднялась, обернулась вокруг девушки и исчезла в небе.

Спустя десять дней шкуру обнаружили у подножия тутового дерева, а превратившаяся в шелковичного червя девушка поела листья дерева и ткала для себя серебряное одеяние.

Родители впали в отчаяние. Но однажды, когда они предавались своему горю, увидели, что на облаке появилась дочь верхом на лошади. Ее сопровождали несколько десятков слуг. Она спустилась на землю и сказала родителям: «Небесный Владыка вознаградил меня за муки и проявленное благочестие и возложил на меня обязанности Госпожи Девяти дворцов. Радуйтесь за меня, потому что на Небесах я буду жить вечно». И она исчезла в небе.

Богиня Луны

Во время отсутствия мужа прекрасная богиня Чан Э увидела, что между бревнами и крышей просвечивается небо, а все комнаты наполнились необычайным ароматом. Она взяла лестницу и поднялась к тому месту, откуда исходил свет, нашла снадобье бессмертия и проглотила ее.

Неожиданно она почувствовала, что взмывает в небо, будто на крыльях. Она еще не отправилась в свой первый полет, когда вернулся муж. Он начал искать спрятанное под балкой снадобье, а не обнаружив, начал спрашивать жену.

Обезумев от страха, юная женщина открыла окно и выпорхнула из него. Муж схватил свой лук и начал преследование. Небо было беззвездным, но луна была огромной. Он увидел, как его жена быстро перемещается по воздуху, став не больше жабы. Однако едва он начал приближаться к ней, чтобы схватить, порыв ветра сбросил его на землю, как высохший лист.

Между тем богиня продолжала свой полет, пока не достигла огромного, очень холодного светила, блестящего как стекло и совершенно пустынного: здесь не было никаких растений, кроме коричневых деревьев, ни одного живого существа.

Неожиданно женщина закашлялась и выплюнула оболочку от пилюли бессмертия, которая превратилась в белого зайца, воплощающего темное начало инь. Почувствовав горький привкус во рту, женщина выпила немного росы, а голод утолила корицей, а затем нашла убежище, став богиней Луны.

Бог Мужчин Чжан Сянь

В семейных спальнях китайских домов висят изображения белолицего, длиннобородого мужчины, около него стоит маленький мальчик, держащий в руках лук и стрелы, которыми стреляет в небесную собаку. Собака – это собака-звезда, и, если судьба семьи находится под этой звездой, она будет лишена мужского потомства или родившийся мальчик проживет недолго.

В то же время Чжан Сянь считается покровителем беременных женщин; со времен династии Сун женщины возносили ему молитвы, прося послать им мальчика. Введение этого божества в китайский пантеон произошло благодаря истории, которая случилась с Хуажи Фужень, – так звали наложницу Мэн Чжана, последнего правителя позднего царства Шу (935–964 гг. н. э.).

Рассказывают, что, когда в 960 году ее привезли из Шу, чтобы она украсила гарем основателя династии Сун, она тайно сохранила портрет своего бывшего хозяина, князя Шу, и лелеяла память о нем. Увидев это, новый хозяин спросил ее о портрете, женщина ответила, что это изображение Чжан Сяня, божественного существа, которому поклоняются все женщины, стремящиеся зачать сына.

Встречаются разные точки зрения по поводу зарождения культа. Согласно одной версии, император Чжэнь Цзун из династии Сун увидел во сне прекрасного молодого человека с белой кожей и черными волосами, державшего в руках лук. Он заявил императору: «Звезда Тянь Гоу, божественная собака, в небе прячет солнце и луну, а оказавшись на земле, пожирает маленьких детей. Только в моем присутствии она не причиняет вреда».

Когда император проснулся, то немедленно распорядился, чтобы нарисовали портрет молодого человека и вывесили повсюду; с этого времени бездетные семьи пишут имя Чжан Сяня на табличках и поклоняются ему.

По другой версии, Чжан Сянь является духом звезды Чжан. Широко распространено мнение, согласно которому он выглядит как воин с луком в руках. Расказывают, что дух звезды Цзя восседает в небесной кухне и устраивает пиры для богов.

Поклонение звездам

Родители поклоняются звездным божествам, чтобы обеспечить счастливую судьбу своим детям, считается, что поклонение звездам определяет удачу при ухаживании и женитьбе, процветание или неудачу в делах, что эти божества насылают чуму и войны, дожди и засуху. Звезды управляют добрыми и злыми духами, поэтому каждое событие определяется «звездным правителем», который в определенное время с небес устраивает судьбы людей и народов.

Поклонение божествам осуществляется или обычными людьми, или астрологами, которых нанимают специально для этого, или даосскими священниками. Когда кто-то заболевает, то выкладывают десять бумажных изображений небесных богов: с одной стороны пять добрых, а с другой – пять злых. Перед ними выставляют угощение; предполагают, что когда плохие божества наедятся, то улетают на юго-запад. Воздавая почести добрым звездным богам, люди надеются, что изгонят злых, и тогда все будут счастливы.

Приведем некоторые примеры, свидетельствующие о том, как помогали жертвоприношения. Они взяты из китайского перечня ста двадцати девяти счастливых и несчастных звезд, которым вместе с шестьюдесятью циклическими звездами и двадцатью восьмью созвездиями, кроме бесчисленного множества других звезд, поклонялись миллионы китайцев.

Звезда сирот позволяет женщине превратиться в мужчину. Звезда удовольствия способствует обручению, связывает ноги тех, которым суждено стать возлюбленными, серебряными веревками. Звезда пронзительной боли вызывает ревматизм. Если не поклоняться утренней звезде, то она убивает в течение года мать или отца. Звезда ограждения защищает от судебных преследований, звезда трех тел «отвечает» за самоубийства, звезда цветущего персика – за лунатизм и т. д.

Мифы о времени

Тяй Суй является небесным духом, который возглавляет год. Он возглавляет и департамент времени. Ему поклонялись из страха, ибо все знали, что он никогда не оставляет обидчика безнаказанным и наносит удар неожиданно.

Ему подчиняются сто двадцать подданных, которые обеспечивают правильное чередование лет, месяцев и дней. Некоторые исследователи полагают, что подобные верования восходят к халдейско-ассирийскому источнику, но на самом деле подобные представления есть в мифологиях практически всех древних народов. Они отражают стремление людей объяснить непонятные им явления.

Обрядов, посвященных богу времени, не было во времена династий Тан и Сун. Только в период династии Юань (1206–1368 гг. н. э.) ему стали постоянно поклоняться благодаря резко возросшему интересу к истории. После утверждения династии Цин (1644–1912) маньчжуры вводили поклонение богам, управлявшим чередованием месяцев и дней.

Дух Грома

Некогда в Синчжоу жил юноша по имени Е Цяньчжао. Каждый день он взбирался на гору Гянь-Шань рубить дрова и собирать лекарственные травы. Однажды, когда во время ливня он укрылся под деревом, раздался оглушительный раскат грома, и он увидел, что в ветках запуталось крылатое существо с голубым лицом, огромным ртом и когтями птицы. Увидев юношу, оно сказало: «Я – Лэй Гун. Помоги мне освободиться от этого дерева, и я щедро награжу тебя».

Используя камни в качестве клиньев, дровосек расширил щель и освободил пленника. «Вернись на это место завтра, – сказал Лэй Гун, – и я вознагражу тебя». На следующий день дровосек вернулся и получил обещанную книгу. «Если ты будешь следовать тому, что написано в книге, – заявил Лэй Гун, – ты сможешь вызывать гром или дождь, лечить болезни или прогонять печаль. Нас пятеро братьев, из которых я младший. Когда ты захочешь вызывать дождь, то вызови одного из моих братьев. Но ко мне обращайся только в случае острой необходимости, потому что я капризен и приду, только если это действительно нужно». Произнеся это, Лэй Гун исчез.

С помощью заклинаний, которые он нашел в волшебной книге, Е Цяньчжао смог лечить болезни так же легко, как солнце рассеивало утренний туман. Однажды, когда он напился и уснул в храме Цзы Чжоу Сы, староста решил его арестовать и наказать. Но когда он довел юношу до дверей суда, тот призвал на помощь Лэй Гуна.

Тотчас раздался ужасный раскат грома. Чуть не умире от страха, чиновник прекратил дело, не вынеся наказания обвиняемому.

Используя дарованную ему власть, Е Цяньчжао удалось спасти многие провинции от засухи, периодически вызывая дождь.

Таинственная бутылка

Однажды молния попала в пожилую женщину, жившую в Гуанси, и сломала ей руку. Тут же раздался голос свыше, заявивший: «Я совершил ошибку». С неба упала бутылка, и снова раздался чей-то голос: «Смажь руку тем, что в бутылке, и ты тотчас исцелишься».

Женщина так и поступила и тотчас исцелилась. Деревенские жители решили, что в бутылке находится божественное лекарство, они захотели припрятать ее для дальнейших нужд. Но даже всем вместе не удалось сдвинуть бутылку с места. Неожиданно она поднялась в небо и исчезла. Несколько человек в Гуанси были парализованы, и вновь послышался голос с небес: «Приложите к горлу несколько капель грязи из-под бутылки, и больные исцелятся». Так и случилось.

Лэй Гуну поклонялись постоянно примерно с начала христианского летосчисления.

Бог Ветра

Бога Ветра Фэн Бо представляют в виде пожилого человека с белой бородой, в желтом плаще и красной шляпе. Он держит огромный мешок и управляет ветром, который выпускает изо рта, куда нужно.

Объясняют происхождение этого божества по-разному. Его считают звездным божеством, зависящим от звезды Чжи в созвездии Стрельца, потому что ветер дует в то время, когда Луна покидает свой звездный дом.

В ряде случаев он предстает в виде дракона по имени Фэй Линь, вначале он разбойничал вместе с Чи, они были разгромлены Хуанди. Превратившись в небесное чудовище, он начал вызывать страшные ураганы в южных районах.

Чтобы утихомирить стихии и умиловать родственников Чи Ю, которые причиняли вред людям, император Яо отправил к ним Шэнь И с тремя сотнями солдат. Шэнь И распорядился, чтобы люди растянули перед своими домами длинные полотнища и укрепили их камнями, — тогда дувший в их сторону ветер должен был переменить направление.

После этого Шэнь И взлетел с ветром на вершину высокой горы, у подножия которой увидел огромный желто-белый мешок, испускавший порывы ветра. Выяснив, что чудовище и являлось причиной всех бурь, Шэнь И выпустил стрелу и поразил чудовище. Затем он начал его преследовать и загнал в глубокую пещеру. Там чудовище ринулось в бой, размахивая мечом, который ему дала мать Ветров. Однако Шэнь И не испугался и выпустил в него еще одну стрелу, попав в его колено. Чудовище тотчас опустило саблю и принялось умолять, чтобы Шэнь И пощадил его.

Во всех источниках Фэй Линь изображается как дракон, который когда-то был одним из безнравственных министров тирана Чжоу. Рассказывают, что он перемещался с необычайной скоростью. Как он, так и его сын О Лай слыли такими силачами, что могли разорвать на куски тигра или носорога. Их убили, когда они находились на службе у Чжоу Вана.

Верили, что у Фэй Линя было туловище оленя или леопарда, голова птицы, рога и хвост змеи. Он мог заставить дуть ветер в любом направлении.

Повелитель Дождя

Одетый в желтую кольчугу и голубую шляпу, повелитель Дождя по имени Ю Ши стоит на облаке и вы пускает на землю дождь из желтого сосуда. Как и другие боги, он предстает в разных обличьях. Иногда он держит в левой руке чашу, в которой находится дракон, а правой разбрызгивает дождь.

Узнав о волшебной силе Чжи Сунцзы, император повелел ему вызвать с неба дождь. «Нет ничего проще, – ответил тот, – наполните водой глиняный кувшин и передайте его мне».

Получив кувшин с водой, он сорвал на ближайшей горе ветку дерева, обмакнул ее в воду и сбрызнул ею землю. Тотчас собрались облака, и хлынул ливень, вы звав наводнение. После этого Чжи Сунцзы стали славить как повелителя Дождя. На картинах его изображают с волшебным сосудом в руках. Говорят, что он живет в горах Куньлунь.

Он обладает множеством различных способностей: может сухим выйти из воды, пройти через огонь и не обгореть, летать по воздуху.

По другим источникам, повелитель Дождя похож на шелковичного червя. У него есть наложница с черным лицом, которая всегда держит в руках по змее. Со всех сторон ее окружают красные и синие змеи. Рассказывают также, что дождь вызывает волшебная одноногая птица шэньянь. Она может увеличиваться и уменьшаться, способна выпить море, а затем выпускает воду на землю в виде дождя.

Драконы-правители

Драконы считаются духами Воды. Дракон относится к тем существам, чьи чудесные превращения необъяснимы. В известном смысле дракон – особая личность, управляющая своими эмоциями и обладающая сверхъестественными способностями. Дракон совершает добрые, а не злые поступки, вызывая дождь и способствуя плодородию земли.

Морские драконы-правители живут в роскошных дворцах, построенных в глубине моря, где питаются жемчугом и опалами. Встречается всего пять подобных божеств, и главный из них находится в центре, четыре других располагаются соответственно на севере, на западе, юге и востоке. Каждый равен нескольким ли в длину и настолько огромен, что, когда движется, кажется, что передвигаются горы. У дракона пять лап, одна находится посередине живота, каждая с пятью огромными клешнями.

Дракон может достичь небес и вытянуться во всю длину моря. У него сверкающая кольчуга из желтых чешуек, борода под длинным рылом, волосатый хвост и мохнатые ноги. Над сверкающими очами – лоб, уши маленькие и толстые, рот широко открыт, и в нем длинный язык и острые зубы.

Своим дыханием он может сварить рыбу или поджарить ее с помощью мощных испарений тела. Когда он поднимается на поверхность, весь океан вздымается, возникают водяные смерчи и тайфуны. Когда он пролетает без крыльев по воздуху, то ревут ветры, выпадают потоки дождя, с домов срываются крыши, небесный свод сотрясается. Того, кто оказывается на его пути, сметает ураганом, возникшим от быстрого движения дракона.

Все пять чудищ бессмертны. Даже не общаясь друг с другом, они знают о планах, мыслях и желаниях друг друга. Как и остальные боги, раз в год драконы отправляются в высшие сферы, чтобы отчитаться перед правителем. Они пускаются в дорогу в третий месяц года, и в это время никто не осмеливается появляться на их пути, но это длится недолго. Обычно они пребывают в глубинах океана, их двор состоит из потомков драконов, их подчиненных и помощников. Иногда их

посещают боги и духи. Дворцы драконов сделаны из различных цветных прозрачных камней, двери – хрустальные. Рассказывают, что дракона можно разглядеть ранним утром, если пристально всматриваться в глубину вод.

Дракон и обезьяна

В легенде о великом Будде рассказывается следующая история о драконе.

Годы шли, и однажды живший в великом море дракон понял, что его жена теряет силы, что с каждым днем выглядит все хуже, и тогда спросил у нее: «Моя дорогая, чего бы тебе хотелось поесть? Только скажи – и я достану тебе все, что ты просишь». – «Ты все равно не сможешь этого сделать, так зачем мне напрасно тебя беспокоить?» – «Доверься мне, и ты получишь желаемое», – настаивал дракон. «Ну что ж, раз ты настаиваешь, я скажу тебе: мне хотелось бы съесть сердце обезьяны». – «Но почему именно это, – забеспокоился дракон, – ведь обезьяны живут в лесах и на горах. Как же я смогу выполнить твою просьбу?» – «Ну что ж, тогда, видно, мне суждено умереть», – ответила жена. Дракон тотчас отправился в путь, и, выследив обезьяну на верхушке дерева, он обратился к ней: «Приветствую тебя, великолепнейшая, разве ты не боишься упасть?» – «Вовсе нет», – ответила та. «По чему ты ешь плоды только с одного дерева? Если пересечешь море, то найдешь леса, где плодов и цветов великое множество». – «Как же я смогу перебраться через море?» – огорчилось доверчивое животное. «Я охотно помогу тебе, садись мне на спину», – коварно заверил ее дракон и со своей легкой ношей пустился через море, но в пути неожиданно нырнул. «Куда ты направляешься?» – спросила обезьяна, выплевывая соленую воду, которой она наглоталась. «О, моя дорогая жена печалится – она больна, и ей хочется попробовать твое сердце». «Что же делать?» – подумала обезьяна, но тут же нашлась и заявила дракону следующее: «Мой друг, почему ты не сказал мне об этом раньше? Я оставила свое сердце на верхушке дерева, вернемся обратно, и я с радостью отдам его твоей жене». Легко верный дракон повернул обратно. Обезьяна ловко вскарабкалась на дерево. «Поторапливайся, мой маленький друг, я жду!» – крикнул ей дракон. Обезьяна промолчала, но про себя подумала: «Как же глуп этот дракон».

Дракон в пруду

Однажды Чжан Даолин, основоположник современного даосизма, прогуливался вместе со своим учеником Ван Шаном близ горы Гоминьшань. «Взгляни на белое сияние над горой, – сказал он. – Очевидно, здесь по явился злой дух. Надо укротить его». Добравшись до подножия горы, они встретили двенадцать злых духов, принявших облик женщин.

Тогда Чжан Даолин спросил их, откуда исходит этот поток белого света. Они ответили, что это инь – женское начало. «Где находится источник соленой воды?» – продолжал расспрашивать даос. «В пруду, который перед вами, – ответили женщины. – В нем живет очень свирепый дракон».

Чжан Даолин попытался вызвать дракона на поверхность, но ему не удалось этого сделать. Тогда с помощью заклинания он призвал феникса с золотыми крыльями и заставил его летать над прудом. Тогда дракон испугался и пустился наутек, пруд же немедленно высох. После этого Чжан Даолин взял саблю и ударил ею по земле – тот час появился колодец и наполнился соленой водой.

Духи колодца

Каждая из двенадцати женщин предложила Чжан Даолину кольцо из жадеита и предложила стать его женой. Он собрал все кольца и, сжав их в руках, сделал из них одно большое. «Я брошу это кольцо в колодец, – заявил он, – и та из вас, кто вернет его мне, станет моей женой». Все женщины бросились в колодец. Чжан Даолин мгновенно закрыл его крышкой и произнес заклинание, добавив, что если женщины – духи колодца, то пусть там и останутся.

Вскоре после этого он повстречался с охотником. Чжан Даолин начал уговаривать его не убивать живых существ, а стать добытчиком соли. После этого он научил бывшего охотника, как добывать соль из соляных колодцев.

Теперь население района смогло спокойно добывать соль, и им больше не досаждали двенадцать женских призраков. В память о Чжан Даолине жители построили храм, названный Храмом князя Цзинхо, а область Линчжоу отдали Чжан Даолину за деяния, которые он совершил.

Дочь дракона-правителя

Однажды в правление императора Гао Цзуна из династии Тан (676–679 гг. до н. э.) сюцай по имени И Фэн провалился на императорских экзаменах. По пути домой, близ Шэньси, он увидел молодую женщину, которая пасла около дороги коз. Она сказала ему: «Я младшая дочь дракона правителя озера Дунтин. Мои родители выдали меня замуж за бога реки Цин, но мой муж поверил клевете слуг и отрекся от меня. Я слышала, вы возвращаетесь в царство Ву, которое находится неподалеку от моих родных мест, поэтому я решила попросить, чтобы вы отнесли это письмо моему отцу. К северу от Дунтина растет огромное апельсиновое дерево, которое местные жители называют Защитником души. Ударь по нему три раза своим поясом – и перед тобой появится один из его слуг».

Спустя несколько месяцев сюцай Фэн прибыл на указанное ему место, нашел там апельсиновое дерево и ударил по нему три раза. Тут же из озера поднялся воин и, приветствуя юношу, спросил, чего тот хочет. «Я хотел бы увидеть вашего правителя», – ответил сюцай.

Воин ударил рукой по воде, открыл ход, по которому Фэн мог спуститься, и провел его во дворец. «Это, – произнес он, – дворец Лин Сю». Через несколько минут перед ним появился человек, одетый в фиолетовые одежды, в руке он держал сверкающий кусок нефрита. «Это наш правитель», – сказал воин.

«Я живу неподалеку, ваше величество, – пояснил сюцай. – Я провел свою молодость в Чжоу и обучался в Цинь. Недавно я не сумел выдержать экзамен. По пути домой увидел вашу дочь, которая пасла коз, она была в таком плачевном виде, что на нее нельзя было смотреть без слез. Она передала вам это письмо».

Прочитав письмо, правитель заплакал, и вслед за ним закручинились его придворные. «Перестаньте при читать, – сказал правитель, – иначе вас услышит Цзянтян». – «Кто это?» – спросил сюцай. «Он мой возлюбленный брат, – ответил правитель, – когда-то был одним из главных правителей реки Цзянтян. Теперь он Повелитель всех рек». – «Почему вы так боитесь, что он услышит

нас?» – «Он известен своим ужасным характером. Именно он вызвал наводнение в Яо, которое продолжалось девять лет».

Владыка озера не успел договорить, как по воздуху промчался и тотчас исчез красный дракон длиной 300 метров, его глаза сверкали, как молнии. Прошло несколько минут, и он вернулся с молодой женщиной, в которой Фэн тотчас узнал ту, которая передала через него письмо.

Дракон-правитель заявил: «Вот моя дочь, у нее больше нет мужа, и я хочу выдать ее за вас». Фэн не осмелился принять предложение, понимая, что драконы только что убили мужа этой женщины. Вскоре он женился на девушке Цзян, но она вскоре умерла. Тогда он женился на Хан, но она также вскоре умерла. Затем он отправился в Нанкин и поселился там, но, не вынеся одиночества, решил вновь жениться. Два года назад мать девушки Шэн выдала ее за человека, который вскоре умер. Она сильно горевала, что ее дочь осталась вдовой в таком юном возрасте, и хотела найти ей нового мужа. Фэну понравилась девушка, и он согласился жениться на ней. Они зажили счастливо, и спустя год у них родился сын.

Невеста бога Реки

Некогда в Есине существовал обычай ежегодно выбирать невесту бога Реки. Для этого жрецы заранее выбирали красивую девушку незнатного происхождения, которая должна была стать его супругой. Девушку ку пали и одевали в прекрасные одежды из яркого и дорогого шелка. Потом ее доставляли к берегу реки, где был выстроен помост, пышно разукрашенный свитка ми и знаменами. После пиршества девушку укладывали на кровать, которая плавала до тех пор, пока не погружалась в воды реки. Верили, что, если не подарить богу Реки жену, начнется наводнение и затопит местность.

Опасаясь подобной участи, многие семейства, в которых были красивые дочери, уходили из родных мест, и вскоре город опустел. Узнав о столь жестоком обычае, начальник уезда Симэнь Бао, известный своей справедливостью и отвращением к лжи, сказал своим помощникам: «Когда придет время женитьбы бога Реки, я хотел бы попрощаться с девушкой, которая выбрана его невестой».

В назначенное время Бао в сопровождении пышной свиты пришел на берег реки, где должна была состояться церемония. С ним явились примерно три тысячи человек. Жрецы привели пышно разодетую девушку. Увидев ее, Бао сказал: «Почему вы проявляете такое не почтение к богу? Разве можно отправлять ему невесту, не предупредив его об этом? Отправляйтесь к богу Реки и скажите, чтобы он ожидал невесту». Тотчас помощники Бао схватили главного жреца и бросили его в реку.

Через некоторое время Бао заявил: «Почему он так долго не возвращается? Отправьте кого-нибудь ему в помощь». Бросили в реку и помощника жреца. За ним постепенно последовали все другие помощники жреца.

Будто ожидая ответа, Бао долго стоял на берегу реки. Наблюдавшие за происходящим люди начали волноваться.

Тогда он предложил своим помощникам отправить туда же оставшихся жрецов и их помощников. Несчастные бросились на колени, бились лбами о землю, пока она не обагрилась их кровью. Слезы раскаяния выступили на их лицах.

«Бог Реки слишком надолго задерживает у себя гостей, – наконец произнес Бао. – Давайте отложим его свадьбу».

С тех пор больше никто не осмеливался отправлять невест к богу Реки.

Боги эпидемий

Их называют Ву-юэ – Богами пяти гор, и им поклоняются в храме Сянь-и Ко в Жугао во время вспышек инфекционных болезней и лихорадок. Больной отправляется в храм и обещает и случае выздоровления принести богам соответствующие подношения. Обычно дарят пять небольших пшеничных буханок, называемых шаобин, и пол килограмма мяса.

Рассказывают, что Боги пяти гор на самом деле являются духами звезд, по повелению Юань-юя переродившимися на земле. Их звали Тянь Босюэ, Дун Хун-вэнь, Цай Вэньчжу, Чжао Вучжэнь и Гуань Инь-ду. После перерождения они поселились в Наньчжанфу, Чжэньчжаньфу, Яньмэнь Гуане, Ян Чжу и Нанкине. Все они отличались выдающимися способностями, стали известными учеными, успешно сдали экзамены и получили высокие должности.

Когда Ли Шиминь взшел на трон, а это случилось в 627 году, он призвал всех образованных людей империи держать экзамен на степень доктора в столице. Наши выпускники отправились в метрополию, но сбились с дороги, их ограбили разбойники, и им пришлось обратиться за помощью, чтобы завершить свое путешествие.

К счастью, им удалось собраться всем вместе в храме Сяньиго, где они и поведали друг другу о своих злоключениях и поклялись на крови помогать друг другу. Когда наконец они добрались до столицы, то оказалось, что экзамены уже закончились, а они оказались на улице без гроша в кармане. Заложив часть своей одежды, они купили несколько музыкальных инструментов и стали странствующими музыкантами. Один купил барабан, второй – семиструнную гитару, третий – мандолину, четвертый – свирель, самый молодой, пятый, стал сочинять песни. В этом составе они и отправились по улицам столицы играть и петь. Судьба распорядилась так, что император услышал этих музыкантов. Очарованный нежными звуками, он расспрашивал у своих придворных, откуда появилась эта группа искусных музыкантов.

Министр Сю Маогун рассказал об их умениях императору. Тот распорядился, чтобы их привели во дворец, и взял их в свою свиту. С

тех пор музыканты повсюду сопровождали императора.

Богиня милосердия

Если Дева Мария – защитница всех христиан, то к Гуаньинь, богине-защитнице от всех напастей, обращаются буддисты.

В одной из красивых китайских легенд рассказывается о том, что однажды, когда Гуаньинь собиралась вознестись на небо, с земли до нее донесся призыв о помощи. Движимая состраданием, богиня замешкалась, когда ногами коснулась божественного порога. С тех пор ее зовут Гуаньинь («та, кто слышит крик смертных»).

Одно время Гуаньинь представляли в образе мужчины, но во времена династии Тан и во времена Пяти династий появились ее изображения в женском облике. С тех пор ее обычно так и изображают.

В старом буддизме главным богом считался Шакья-муни, во многих храмах он занимает почетное место, но по популярности его превосходит бог или богиня Милосердия.

«Мужчины любят ее, дети обожают, а женщины поют ей гимны. Если строили храм, то рядом устраивали часовню, посвященную Гуаньинь. Ее изображения можно увидеть почти в каждом китайском доме, во многих сердцах она занимает значимое место. Она покровительствует матерям. Когда мы вспоминаем о том, что многие китайцы мечтают о рождении сына, то легко поймем значение поклонения ей. Она охраняет в горе, и ей приносят многократно заклинание: «Снизойшли нам свою великую милость, скорби вместе с нами, спаси от печали, обереги от страданий». В книжном варианте оно звучит несколько иначе: «Снизойшли на нас свою великую милость, скорби вместе с нами, защити от зла, о великодушная, всемогущая, справедливая Гуаньинь».

Когда-то она спасла матроса, потерпевшего кораблекрушение. Как и бог Моря, она покровительствует морякам.

Во время засухи мандарины поклонялись дракону и Жемчужному императору, но если оказывались бессильны, то припадали к стопам богини Милосердия и просили ли принести с гор дождь.

Если других богов боялись и представляли их с мрачными или злобно-высокомерными лицами, то Гуаньинь любили и всегда

изображали лучезарной и сверкающей. Она не отдалялась от людей, и те стремились быть по ближе к ней.

Трон Гуаньинь находится над островом Путо, туда она отправляется, чтобы поплавать на водяной линии. Гуаньинь считается эталоном китайской красоты, и сказать о женщине или маленькой девочке, что она похожа на Гуаньинь, – значит сделать ей комплимент, превознося ее грациозность и красоту. Обычно празднуют три дня рождения Гуаньинь, в девятнадцатый день второго, шестого и девятого лунных месяцев».

Известны множество воплощений этой богини.

Спасительница буддистов

«Ее зовут Гуаньинь, потому что, услышав о страдании, она сразу же пытается помочь и избавить от мук. Обычно ее называют «та, которая вселяет веру в Будду». Если во время пожара вознести мольбу Гуаньинь, то огонь не сожжет, если преодолевающий обрушившуюся горную лавину выкрикнет ее имя, то вскоре выберется в безопасное место.

Если купцы отправляются через море в поисках золота, серебра, жемчуга и драгоценных камней и на них обрушится шторм, угрожающий забрать всю команду в царство злого дьявола, но кто-то на борту выкрикнет имя Гуаньинь, то корабль удастся спасти.

Если кто-то во время сражения призовет Гуаньинь, то враг не сможет причинить ему вред ни саблей, ни копьем. Если на три тысячи великих царства нападут демоны, достаточно только позвать ее – и демоны не смогут сглазить ни одного человека.

Если тобой овладеют дурные мысли, то призови Гуаньинь – и твое сердце очистится от скверны. При одном только упоминании имени богини опасность от ступает и гнев стихает. Молящийся Гуаньинь лунатик исцелится. Она дарует сыновей матерям, и если будущая мать попросит, чтобы у нее родилась дочь, то та будет красавицей.

Те, кто поет имена 6 миллионов 200 тысяч Будд, число которых равно числу песчинок в священной реке Ганг, и те, кто просто воспевают Гуаньинь, обладают равными достоинствами. Она может принять облик Будды, принца, священника, монахини, ученого – любой образ – и отправиться в любое царство проповедовать учение Будды по всей земле».

Восхождение принцессы Мяо Шань

Три дочери

Правитель Мяо Чжуан сделал обильные подношения и попросил, чтобы бог вознаградил его наследником. Напряженно ожидая рождения наследника, однажды утром правитель Мяо Чжуан узнал, что у него родилась дочь. Ее на звали Мяо Цин. Прошел год, и родилась еще одна дочь; ее назвали Мяо Инь. Когда на исходе третьего года по явилась третья дочь, то правитель, глубоко опечаленный, призвал главного министра. «Мне уже минуло пятьдесят, – сказал он горестно, – и у меня нет наследника. Моя династия обрывается. Зачем же я трудился всю свою жизнь и одержал столько доблестных побед?»

Министр пытался его успокоить, сказав: «Небеса даровали вам трех дочерей, и никто из людей не может изменить предначертания свыше. Когда принцессы подрастут, вы сами выберете для дочерей мужей и сможете назначить преемником кого-то из них. Кто осмелится оспорить его права на трон?»

Третья дочь правителя по имени Мяо Шань прославилась своей скромностью и многими другими замечательными качествами, кроме того, она добросовестно соблюдала все правила буддизма. Казалось, что трудно найти девушку добродетельнее.

Надежды Мяо Шань

Однажды, когда три сестры играли в дворцовом Саду вечной весны, Мяо Шань обратилась к сестрам: «Богатство и слава мимолетны, они проходят, как дождь, или высыхают, как утренняя роса. Пройдет немного времени – и все мы тоже уйдем. Правители думают, что до конца своих дней будут наслаждаться могуществом, но болезни побеждают и их, умирают и они. Разве кто-ни будь помнит сегодня о тех могущественных династиях, которые некогда управляли миром?»

Что же касается меня, то я больше всего на свете хочу найти мирное уединенное убежище где-нибудь на горе. Если мне удастся

достичь высшей степени совершенства, то тогда, возродившись на облаке Неба, я смогу путешествовать по всей Вселенной со скоростью света от Востока до Запада.

Тогда я спасу своих родителей и перенесу их на Небо, стану избавлять от болезней несчастных и калек на земле, я заставлю злых духов делать добро, – вот о чем я мечтаю».

Свадьбы сестер Мяо

Не успела Мяо Шань закончить свою речь, как по явилась фрейлина и объявила, что правитель нашел женихов для двух старших дочерей. На следующий день должен был состояться праздничный пир. «Поторапливайтесь, – волновалась фрейлина, – приготовьте свои подарки, наденьте красивые одежды. И пожалуйста, быстрее, потому что правитель не любит проволочек».

В качестве мужа для Мяо Цин правитель выбрал юношу по имени Чжао Гуй, занявшего первое место на императорских испытаниях. Его личное имя было Дэ Да, он был сыном известного министра правящей династии. Для Мяо Инь отец выбрал военного по имени Хо Фэн, его личное имя было Чжао Ян. Он также занял первое место в испытаниях на высшую степень в военном министерстве.

Свадебные торжества отличались необычайной пышностью. Одни блюда сменялись другими, затем ново брачных с поздравлениями и почестями проводили в их покои; казалось, все совершенно счастливы.

Отказ Мяо Шань

Незамужней оставалась только Мяо Шань. Родители мечтали, что ее мужем будет человек, отличающийся особыми знаниями и добродетелями, способный управлять царством и достойный занять трон.

Правитель призвал к себе свою третью дочь и объяснил, что все его надежды связаны с ее будущим замужеством.

«Я не смогу перечить вам, – печально произнесла Мяо Шань, – но не скрою, что хочу совсем иного». – «Скажи мне, чего же ты хочешь», – спросил отец. «Я не хочу выходить замуж, – ответила Мяо Шань, – я хочу достичь совершенства и стать Буддой. Я обещаю, что

всегда буду испытывать по отношению к вам чувство благодарности и всегда уважать вас». – «Негодная! – закричал разгневанный император. – Ты думаешь, что можешь противоречить мне – правителю такого многочисленного народа! Разве дочь правителя может стать монахиней? Отбрось свои неисполнимые мечтания и немедленно выходи замуж за достойного человека, которого я выбрал для тебя!» – «Разве много таких, кто отрекается от царских почестей, кто не стремится насладиться радостями брака? – ответила девушка. – Но меня влечет монашеская жизнь. Уважая богатых и доблестных людей, я не хочу ни богатства, ни славы. Мой путь – путь самосовершенствования, дорога к Будде».

Разгневанный правитель поднялся, чтобы уйти, он не желал продолжать разговор со строптивицей. Понимая, что она не может открыто перечить отцу, Мяо Шань предприняла еще одну попытку. «Если вы так настаиваете на моем браке, – заметила она, – я вынуждена согласиться, но я хотела бы выйти замуж за врача». – «За врача? – возмутился правитель. – Разве в моем царстве нет мужчин из добропорядочных семейств? Что за нелепая идея – выйти замуж за лекаря!» – «Такова моя воля, – ответила Мяо Шань, – я хотела бы лечить все болезни, исцелять от обморожений, ожогов, похоти, старости и других напастей. Я хотела бы, чтобы все были равны, что бы не было богатых и бедных. Возможно, так я смогу стать Буддой, спасителем человечества. Не нужно звать предсказателя, чтобы определить благоприятный для брака день. Я готова выйти замуж прямо сейчас».

Мяо Шань ссылают в сад

Выслушав свою дочь, Мяо Чжуан окончательно вышел из себя. «Ты совсем сошла с ума, – закричал он, – ты осмеливаешься предлагать мне чудовищные вещи!»

Не мешкая он призвал Хо Тяо, который в тот день возглавлял придворную стражу. Когда тот прибыл и склонился, чтобы выслушать приказания правителя, тот заявил: «Лишите эту непокорную ее красивых одеяний и уберите с глаз моих. Отведите ее в сад Бао Дэ, и пусть она скорее погибнет там от голода, чем я соглашусь ее послушаться». Мяо Шань упала ниц и попрощалась с отцом, а за тем

отправилась вместе с чиновником в сад матери, где стала вести жизнь затворницы, ибо ее единственным собеседником был только ветер. Но она была счастлива, потому что считала, что все трудности только сокращают путь к достижению нирваны – высшей стадии духовного просветления. Она была рада сменить все удовольствия на покой и уединение.

Женский монастырь Белой птицы

После безуспешных попыток изменить намерения Мяо Шань, которые предпринимали все близкие, к ней направили Мяо Гуня и Цзуй Гуня как последнюю по пытку образумить заблудшую дочь.

Раздосадованная беспрестанными требованиями, Мяо Шань резко заявила им, чтобы ее оставили в покое. «Мне стало известно, – добавила она, – что в Жучжоу находится прославленный монастырь Белой птицы – Боцзяо-шаньсы. В нем пятьсот монахинь посвятили себя изучению буддизма и самосовершенствованию. Отправляйтесь и от моего имени попросите настоятельницу, чтобы она добилась от моего отца разрешения отправиться туда. Если вы добьетесь этого, я сумею в будущем отблагодарить вас».

Мяо Чжуан призвал к себе посланцев и спросил, чего им удалось добиться. Те ответили: «Она стала еще настойчивее и потребовала попросить настоятельницу монастыря Белой птицы добиться разрешения вашего величества уйти в этот монастырь».

Правителю ничего другого не оставалось, и он позволил дочери стать монахиней, повелев затворницам сделать все возможное, чтобы заставить принцессу возвратиться в мир.

Принятие монашества

Монастырь Белой птицы был построен еще во времена Хуан-ди, и в это время там жили пятьсот монахинь, которыми управляла настоятельница И Ю, известная своей добродетельностью. После получения предписания от Мяо Чжуана она призвала Чжэнь Чжэньчан, регентшу хора, и рассказала ей, что принцесса Мяо Шань прогневила своего отца и что вскоре она прибудет в храм. И Ю распорядилась, чтобы монахини вежливо обошлись с прибывающей, но в то же время

сделали все от них зависящее, чтобы отговорить принцессу от житья в монастырских стенах.

Сделав все наставления, И Ю, сопровождаемая двумя послушницами, вышла встретить Мяо Шань у ворот храма. Когда принцесса прибыла, они приветствовали ее. Мяо Шань поздоровалась и сказала: «Я только что оставила мир, чтобы стать послушницей, почему же вы вышли, чтобы приветствовать меня? Прошу вас, отведите меня в храм, чтобы я могла выразить свое почтение Будде».

И Ю проводила принцессу в главный зал и приказала монахиням зажечь благовонные свечи, звонить в колокола и бить в барабаны. Затем принцесса отправилась в молельню. Настоятельница, помня о приказаниях правителя, начала убеждать принцессу вернуться домой. Когда ее увещевания оказались тщетными, она решила испытать принцессу и отправила ее на кухню, где та должна была готовить еду для всех монахинь. Если бы Мяо Шань не справилась с этим послушанием, то ей пришлось бы покинуть монастырь.

Помощь свыше

Принцесса с радостью начала служить Будде. Она преклонила колени перед статуей Жу Лая и сделала ему подношения со словами: «Великий Будда, прояви свою доброту и милосердие, твоя покорная слуга хочет оставить мир. Сделай так, чтобы я смогла выдержать все испытания». Затем Мяо Шань дала обет выполнять все правила монашеской жизни.

Чистота и искренность девушки тронули Ю Гуана, Небесного Владыку, который призвал к себе духа Северной звезды и сказал: «Мяо Шань – третья дочь правителя Мяо Чжуана, она отреклась от мирской жизни, чтобы посвятить себя самосовершенствованию. Отец скрепя сердце позволил ей отправиться в монастырь Белой птицы. Она безропотно выполняет послушание. Если ей сей час не помочь, кто же захочет вступить на путь праведной жизни? Немедленно отправляйся и распорядись, чтобы Три посредника, боги Пяти священных вершин, восемь министров Небесного дракона немедленно отправились к ней на помощь. Распорядись, чтобы морской дракон вырыл для нее колодец около кухни, тигр принес дрова, птицы собрали овощи для обитателей монастыря и все небесные духи помогли принцессе

выполнять ее обязанности. Тогда ничто не позволит Мяо Шань свернуть с пути самосовершенствования. Убедись же сам, что все мои распоряжения выполнены».

Дух Северной звезды тотчас отправился выполнять приказание Небесного Владыки.

Мяо Шань становится Буддой

Мяо Чжуан, правитель царства Синлинь, пренебрегший волей Небес и забывший шесть заповедей добродетели, вел жизнь, заслуживающую порицания. Но девять лет молитв за него и набожность его дочери Мяо Шань заставили пожертвовать её своим телом, чтобы вылечить отца. Её добродетели перевесили и искупили его прегрешения. Её глаза могут видеть, а её уши могут слышать обо всех добрых и злых поступках людей. Бог пристально наблюдал за ней, поэтому объявил о ее канонизации.

Мяо Шань получает титул Самой милосердной и самой сострадательной Пу-са – спасительницы угнетенных, а также защитницы морали. На своем высоком троне из лотоса она будет правителем Северного моря и острова Путо.

Две её сестры, до сих пор предававшиеся земным удовольствиям, со временем изменятся и достигнут истинного совершенства.

Мяо Цинь получит титул Самой добродетельной и прекраснейшей Пу-са, оседлавшей Зеленого Льва.

Мяо Инь будет дарован титул Самой добродетельной и блистательной Пу-са, оседлавшей Белого Слона.

Правителю Мяо Чжуану даровано звание Завоевав шего добродетель бессмертного воина.

Правительница получила титул Пу-са, обладающей десятью тысячами добродетелей.

Во веки веков перед всеми канонизированными следует воскурить благовония.

Царь обезьян

Далекая страна

За морями, на Восточном континенте, в стране Аолай, находится гора Цветов (Хуагошань). Ее крутые склоны завершаются остроконечной скалой. Однажды скала произвела на свет каменное яйцо. Его оплодотворило дыхание ветра, и через некоторое время из него вылупилась каменная обезьяна. Появившись, новорожденный приветствовал все четыре стороны света. Облик его оказался совершенно необычным: из глаз исходили золотые лучи, заливающие светом дворец Северной полярной звезды. Сияние уменьшалось, если обезьяна собиралась подкрепиться.

«Сегодня, – сказал себе Ю Гуан, – я собираюсь пополнить удивительное разнообразие существ, порожденных небом и землей. Эта обезьяна сможет скакать и допрыгнет до самых высоких горных вершин. Она также сможет прыгать по воде и поедать плоды деревьев. Обезьяна подружится с гиббоном и журавлем. Как и олень, она может проводить ночи на горных склонах, а днем будет спускаться с вершин и отдыхать в пещерах. Обезьяна считается прекрасным украшением гор!»

За проявленные свойства обезьяну вскоре провозгласили правителем всех обезьян. Тогда она начала изыскивать средства, чтобы стать Бессмертной. Путешествуя в течение восемнадцати лет по земле и по морю, она встретила Бессмертного Пути Цзуши на горе Линтяйфанцун. Во время странствий обезьяна постепенно приобретала человеческие свойства, и, хотя ее лицо оставалось тем же, в человеческом одеянии она все же выглядела более пристойно.

Бессмертный назвал ее Сунь Укун, что означало «открыватель секретов». Наставник научил обезьяну летать по воздуху и принимать обличья семидесяти двух существ. Одним прыжком обезьяна могла покрыть 108 тысяч ли.

Похвалы Суня

Совершенные обезьяной многочисленные несправедливые поступки вызвали негодование со стороны всех богов и богинь. Об обвинениях узнал Ю Гуан и распорядился, чтобы четыре небесных бога и его главные полководцы привели к нему Суня. Войска осадили скалу Хуагошань и растянули вокруг нее сеть, произошла фантастическая битва, но сопротивление врага оказалось более сильным и упорным, чем раньше.

Тогда на поле битвы появился Лао Изюнь и Эрлан, племянник Ю Гуана. Воины Суня храбро сопротивлялись, но небесные силы явно превосходили их. Наконец сопротивление было сломлено. Учитывая сложившиеся обстоятельства Сунь изменил свой облик и, хотя попал в сеть, сумел выбраться наружу.

Поиски были безрезультатными, пока Ли Тяньван с помощью зеркала, которым он ловил демонов, не определил местонахождение Суня и не доложил об этом Эрлану. Он тотчас ринулся в погоню. Лао Цзюнь надел свое волшебное кольцо на голову беглеца, который тот час споткнулся и упал.

Перемещавшийся со скоростью молнии небесный пес Тянь Гоу, находившийся на службе у Эрлана, тотчас укусил Суня за ногу и тем усилил его хромоту. Так наступил конец битвы. Окруженного со всех сторон Суня поймали и заковали в цепи. Битву выиграли боги.

Теперь небесная армия смогла снять осаду и вернуться домой. Но возникло новое и неожиданное затруднение. Ю Гуан приговорил преступника к смерти, но когда стали исполнять приговор, то палачи выяснили, что Сунь неуязвим. Ни сабли, ни железо, ни огонь, ни молния никак не могли повредить ему.

Обеспокоившись, Ю Гуан спросил у Лао Цзюня, в чем причина неуязвимости пленника. Тот ответил, что ничего необычного нет, поскольку мошенник съел все персики бессмертия, которые росли в саду Неба, и проглотил порошки бессмертия, которые он сам приготовил.

«Доставьте его ко мне, – распорядился Лао Цзюнь. – Я сожгу его в моей печи с Восемью триграммами, а из остатков извлеку элементы, которые сделали его Бессмертным».

Ю Гуан распорядился, чтобы привели пленника, по том его поместили в алхимическую печьку, где за сорок девять дней раскалили докрасна. Но в какой-то момент, когда за ним перестали следить, Сунь

мгновенно воспользовался ситуацией, поднял крышку, схватил свой магический жезл и начал угрожать Небу, объявив, что собирается уничтожить его жителей. Исчерпав все свои возможности, Ю Гуан призвал Будду, который обратился к Суню со следующими словами: «Почему ты хочешь обладать Небесным царством?» – «Разве я не наделен достаточным могуществом, чтобы провозгласить себя Небесным владыкой?» – заносчиво спросил в свою очередь Сунь Укун. «А что ты умеешь?» – осведомился Будда. «Мои умения бесчисленны, – похвастался Сунь. – Я неуязвим, я бессмертен, могу принимать семьдесят два различных образа, перемещаться на облаках и проходить, когда хочу, сквозь воздух. Одним прыжком я покрываю сто восемьдесят тысяч ли». – «Ну что ж, давай посоревнуемся, – предложил Будда. – Думаю, одним прыжком ты не преодолешь расстояния больше моей ладони. Впрочем, если тебе удастся это сделать, я передам тебе бразды правления Небом».

Прыжок в космос

Сунь поднялся в космос, пролетел как молния, преодолев огромное расстояние, и добрался до границ неба – пяти огромных красных столбов. На одной из колонн он написал свое имя, поскольку был полностью уверен в том, что достиг предела. Торжествуя, Сунь вернулся, что бы потребовать у Будды вождеденное наследство.

«Негодник! – заявил Будда. – Ты так и не двинулся дальше моей ладони!» – «Как же это? Я дошел до небесных столбов и в доказательство даже написал свое имя на одном из них», – самодовольно сообщил Сунь. «Тогда посмотри на это», – ответил Будда и поднял палец, на котором изумленный Сунь прочитал собственное имя, и узнал сделанную им надпись.

Не мешкая Будда схватил обезьяну, перенес его с неба, превратил его пять пальцев в пять элементов: металл, дерево, воду, огонь и землю, – которые тотчас образовали пять высоких гор, прилегающих друг к другу, их назвали Вусиншань, туда, в их глубину, Будда и поместил Сунь Укуна.

ВАВИЛОНСКИЕ МИФЫ

Творение мира

Когда вверху еще не было названо небо и внизу не было дано имя земле, тогда не было никаких богов, ничего не существовало вообще, не было мира. Повсюду были воды первобытной бездны – только драконы водной стихии Апсу и Тиамат, и Мумму, их первый помощник. И воды Апсу и Тиамат смешивались вместе, и огромная пучина, океаны воды разлились во всем мире.

И древние боги, водяные чудовища, создали всех богов – Аншара, Ану, Энлиля и Эа. Появился и бог Мардук. И самым старшим из них был Аншар, а самым мудрым – Эа.

Надоели богам беспорядок и тьма, захотели они устроить порядок в мире, и для этого уничтожить богов-драконов Апсу и Тиамат.

Узнали об этом древние боги-драконы и потеряли покой. Позвал Апсу своего помощника и советника Мумму и стал спрашивать его: «Днем у меня нет отдыха, ночью потерял я сон. Уничтожить надо их замыслы! Что делать, чтобы вернуть покой?»

– Что делать?! – воскликнул Мумму. – Истребить! Разрушить их планы, и мы будем вечно царствовать во мраке! И снова ты будешь отдыхать днем и спать спокойно по ночам.

Услышал Апсу совет Мумму, и пришелся он ему по сердцу. Просияло лицо, и разгладились морщины забот на его лбу. Стал собираться он в бой против богов, готовить им страшные козни.

Дошла об этом весть до богов, и ужас охватил их сердца. Но мудрый Эа заклинаниями усыпил Апсу, одолел его сонного, тяжело ранил он Мумму, уничтожил чудовищ, устранил опасность, грозившую всем богам. Сказали Тиамат о гибели Апсу и Мумму, и распалилась она гневом на богов. Днем и ночью обдумывала она план страшной мести. Готовилась Тиамат к жестокой борьбе, кипела от ярости, налилась вся злобой и сотворила отвратительных чудовищ, чтобы с этим войском идти на смертный бой против великих богов.

Она породила огромных змей с острыми зубами, ядом вместо крови были наполнены их жилы; собрались там неистовые саламандры гигантских размеров, они становились на дыбы и были так страшны, что кто смотрел на них, тот немедленно погибал от

ужаса; собрались бешеные собаки непомерной величины, человекоскорпионы и рыболоди, воюющие рогатые звери, могучие ураганы и яростные бури. Страшной силой обладало войско Тиамат, беспощадным оружием были вооружены чудовища, никто не боялся войны, все рвались в бой.

Выбрала Тиамат среди богов Кингу, сделала его начальником над всеми чудовищами, поставила его во главе своего ужасного войска и сказала ему:

– Я поставила тебя выше всех богов, я дала тебе власть над богами, и пусть возвысится твое имя над именами всех богов!

Повесила Тиамат на грудь Кингу талисман с надписью: «Твое приказание будет неизменным, непоколебимым будет то, что скажут твои уста!»

– Кто силен своей храбростью, тот будет велик, когда станет господином!

Стало известно богу Эа, что Тиамат готовится к бою.

Великая печаль охватила его, и тяжело стало у него на сердце.

Отправился Эа к старейшему богу Аншару и рассказал ему обо всем:

– Тиамат – богиня страшная, неистовствует и бушует она от ярости, замышляет она зло против нас. Она беснуется в гневном своем, день и ночь строит она козни, собрала она войско из чудовищ и готовится к последнему бою.

Услыхал Аншар о злодейских замыслах Тиамат, загрустил бог, тревогой наполнилось сердце его. И послал Аншар мудрого Эа на борьбу с Тиамат:

– О, Эа, самый мудрый среди всех богов! Возьми свое боевое оружие! Ты мудрый и сильный герой, ты убил Апсу и Мумму, порази теперь Кингу, который идет впереди Тиамат.

Не нашел Эа Тиамат, не встретился с ее воинством из чудовищ, и по-прежнему в страхе были боги, в тревоге оставался Аншар.

И послал Аншар бога Ану, великого силой, сказав ему:

– Ты, Ану, сильнее всех среди богов, уничтожь дракона, спаси своих братьев!

Пошел могучий Ану, но и ему не удалось вступить в бой с Тиамат, и вернулся он ни с чем, и страшная угроза продолжала висеть над судьбой богов.

Снова позвал Аншар мудрого Эа и сказал ему:

– Позови сына твоего Мардука, он такой же мудрый, как ты. Пусть выйдет Мардук на поединок с Тиамат и спасет всех богов.

Позвал Эа Мардука и велел ему пойти к Аншару; пришел Мардук к великому богу и выслушал его приказание:

– Мардук, ты могуч! Выйди на бой с гневной Тиамат!

Согласился Мардук исполнить волю Аншара, обрадовался Аншар, успокоилось его сердце, и напутствовал он Мардука на прощание:

– Сын мой, ты знаешь много мудрых вещей и заговоров!

Одолей Тиамат колдовством, избавь богов от ужаса!

Тогда обратился Мардук ко всем богам и изложил им свое желание:

– Ты, Аншар, владыка богов, и все боги, слушайте меня. Если я низвергну Тиамат, спасу жизнь всех богов, соберитесь все вместе и решите мою судьбу. Сядьте все в большой зале и дайте слово, что теперь я вместо вас буду решать вашу судьбу. И никто не изменит то, что я постановил, и никто не отменит мои приказы!

Собрались все боги во главе с Аншаром, и повторил им Аншар условие, которое поставил Мардук:

– Страшна Тиамат, велик ужас перед ней. Войско из чудовищ собрала она, и бог Кингу ведет его в бой. Выйдет Мардук на поединок с богиней. Только хочет за это Мардук решать судьбы всех богов, хочет, чтобы постановление его было неизменно, а приказы все выполнялись.

Сидели перед Аншаром боги, определяющие судьбы. Они сидели и пировали, ели белый хлеб и пили вкусное вино. И сладкий напиток затуманил им головы и лишил их разума, и они пообещали Мардуку исполнить его пожелания, уступили они Мардуку власть над собой, сделали его главным богом.

Воссел Мардук на царский трон, и сказали ему все боги:

– Ты выше всех богов, нет тебе равного! С этих пор твое приказание закон для нас, и мы даем тебе царскую власть над всеми нами!

Тогда Мардук решил показать богам, какие он умеет творить чудеса. Принесли одежду, положили ее перед Мардуком. Приказал Мардук одежде:

– Исчезни, – и одежды как не бывало. Повелел Мардук:

– Вернись! – и одежда снова лежала перед ним.

Поверили боги в силу слова Мардука, в его власть и закричали в радости:

– Ты наш царь! Тебе принадлежит трон!

Стал готовиться Мардук к встрече с Тиамат. Собрал он свое оружие, взял копье боевое, наточил его остро и сделал его надежной защитой, лук и колчан привязал сбоку, в правую руку взял палицу. Захватил Мардук с собой молнию, наполнил своё тело бушующим огнем и взял густую сеть, чтобы поймать в нее Тиамат. И создал Мардук свое войско – семь страшных ветров, дующих с неистовой силой. Был там злой ветер Имхуллу, южный Вихрь, страшный Ураган и бешеный Штурм, четверократный Ветер, и семикратный Ветер, и ужасающая Буря. И все семь ветров выпустил Мардук на Тиамат. А сам он на боевой колеснице понесся вперед навстречу богине. Задрожали чудища-воины Тиамат, испугались они Мардука и его семи ветров, а сама Тиамат, извергая проклятия, кинулась в ярости на Мардука. Не растерялся Мардук, расставил он свою сеть и накинул ее на богиню. Распалась гневом Тиамат, закричала страшным голосом и раскрыла свою пасть, чтобы проглотить Мардука. Но едва она разжала свои страшные челюсти, как южный ветер Имхуллу влетел ей в рот, вслед за ним ветры наполнили ее тело, и Мардук пронзил острым копьем ослабевшую Тиамат, упала она вниз, и победитель стал ногами на безжизненное чудовище.

Убил Мардук все войско Тиамат, поразил их военачальника Кингу и отобрал у него талисман, данный ему Тиамат.

Когда было покончено со всеми врагами, Мардук подошел к трупу Тиамат, взял большой меч и разрезал им тело Тиамат вдоль, как рыбу, на две части. Одну часть поднял Мардук вверх и сделал ее небом, другую часть опустил вниз и стала она землею. Сделал Мардук вверху на небе ворота и запер их крепкими засовами, чтобы воды небесные не пролились на землю, и, чтобы никто не открыл их, приставил Мардук к засовам сторожей.

В океане построил Мардук жилище богу Эа, богу воды и моря, на небе построил он дворец Ану – богу неба, а рядом с ним воздвиг он дом Энлилю – богу земли.

Доволен был Аншар, радовались все боги победе Мардука над Тиамат, славили его и называли великим царем.

Но пусто было на небе и на земле. И тогда Мардук сделал звезды, чтобы могли жить на небе великие боги. Он устроил год и разделил его на 12 месяцев, он сделал сутки и поделил их на день и ночь. Сделал он ночью месяц и дал ему необыкновенную корону, чтобы освещать землю. Изменялась корона в течение 28 дней: в первые шесть дней сияла она, как рога, на седьмой начинала светить половина, а в 14-й день сверкал полный круг. А потом шел на убыль круг, доходил до половины, и опять оставались рога. В 28-й день сходились пути луны и солнца, исчезала луна, а потом снова на небе начинали сиять рога, и опять все повторялось сначала.

Когда небо было устроено и засияли на нем светила и звезды, принялся Мардук за землю. Создал он сна чала растения, сотворил многочисленных животных, потекли реки по лугам и полям, в зеленый покров оделась земля. Но не было никого в мире, кто почитал бы богов, никто не строил им храмов, не приносил жертв, не славил богов в молитвах и гимнах.

Обратился Мардук к богам и сказал: «Вот я соберу кости и кровь и сделаю человека, пусть он служит нам!»

И решили боги, что одним богом надо пожертвовать, надо принести его в жертву богам, чтобы из крови его сделать человека. Пал выбор на бога Кингу. Он пошел с Тиамат против богов, своих братьев, его надо принести в жертву. И убили боги Кингу, собрали его кровь и принесли ее Мардуку. Смешал Мардук кровь Кингу с глиной и вылепил человека.

Так сделал Мардук небо и землю, сотворил на земле растения и животных, и сделал человека, и стали люди служить богам, чтобы боги имели покой.

В благодарность за все боги создали для Мардука небесный храм, чтобы Мардук жил в нем и правил оттуда всем миром. Через два года была окончена постройка храма, и собрались в нем все боги. Сидели они вокруг стола, пировали и прославляли силу и мудрость великого владыки, царя всех богов, Мардука.

Адапа

Был у бога Эа сын, звали его Адапа. Умен был Адапа, силен был он и искусен во многих делах. Был Адапа самым мудрым во всем городе Эриду. Всем наделил своего сына бог Эа, только не дал ему бессмертия.

Безупречен был Адапа, чисты были его руки, и поставили его в Эриду служить богам. Все делал для своего города Адапа. Вместе с пекарями он пек хлеб для Эриду, каждый день готовил он пищу и питье, без него не накрывали стола. Правил Адапа лодкой, ходил на охоту, ловил рыбу, все для родного Эриду. А когда Эа, господин города Эриду, ложился отдыхать, Адапа охранял ворота города.

Однажды отправился Адапа на своей лодке в море, чтобы ловить рыбу. Попутный ветер двигал лодку, веслами греб Адапа и уже уплыл совсем далеко. Вдруг налетел на него южный Ветер, поднял лодку и опрокинул ее.

– Ладно, – крикнул Адапа, – ты, южный Ветер, можешь собрать своих братьев. Все равно твои крылья будут сломаны!

Только произнес Адапа эти слова, как сломались крылья у южного Ветра.

Семь дней прошло, и южный Ветер не дул больше. Удивился отец ветров бог Ану и спросил своего визиря:

– Почему не дует семь дней южный Ветер?

Ответил визирь:

– Мой господин! Адапа, сын бога Эа, сломал крылья южному Ветру.

Как услышал об этом Ану, так закричал он не своим голосом:

– О, горе мне! Он вскочил со своего трона и закричал в гневе:

– Пусть его приведут ко мне! А сам послал гонцов к Эа, чтобы известить его обо всем.

Эа хороню знал мысли великих богов и понимал, зачем зовут Адапу на совет богов. Велел Эа надеть Адапе старое платье, надеть траурные одежды и отправиться к богу Ану. На прощание сказал Эа Адапе:

– Когда ты поднимешься на небо, у ворот там ты увидишь бога Тамуза, он спросит тебя, по ком ты носишь траур, а ты отвечай, что на земле у нас пропал бог. Как зовут этого бога, спросит Тамуз, а ты ответишь: Тамуз. И тогда понравится это Тамузу, и он заступится за тебя перед богом Ану, и Ану будет милостив к тебе. А когда ты предстанешь перед Ану, будут давать тебе пить и есть. Смотри, остерегайся, откажись от всего, не пей, не ешь, тебе дадут пищу смерти. Дадут тебе одежды, возьми, надень их. Дадут тебе масло, умасти им свое тело. Но помни мой совет, пусть будет крепко слово, что я сказал тебе!

Пришли к Адапе послы Ану и повели с собой Адапу на небо. Быстро достигли они неба и пошли к Ану. Подошли они к воротам, и стоял там Тамуз. Увидел он траурные одежды Адапы и удивился:

– Скажи, человек, почему ты так оделся? По ком, Адапа, надел ты траур?

– На земле у нас бог погиб, и по нем ношу я траур.

– Кто же этот бог? – спросил Тамуз.

– Тамуз, – ответил Адапа, как научил его Эа.

Когда Адапа подошел к царю богов Ану, посмотрел на него Ану и спросил:

– Зачем, Адапа, ты сломал крылья у южного Ветра?

– Мой господин, – отвечал Адапа, – я ловил рыбу для дома моего господина. Когда я был в открытом море, вдруг поднялся южный Ветер и опрокинул мою лодку. В гневе сердца своего я сломал его крылья!

Тогда Тамуз выступил на защиту Адапы и прошел гнев у бога Ану.

И сказал Ану:

– Зачем Эа сделал его человеком и обрек жить на земле? Красив и силен юноша, что мы можем еще сделать для него! Дадим ему пищу жизни, и он станет бессмертным, как боги!

Приказал Ану принести Адапе пищу жизни, но Адапа не знал этого, он помнил совет отца, и не стал ни пить, ни есть.

Принесли Адапе платье, он надел его, дали Адапе масло, он умастил им свое тело.

Удивился Ану и спросил юношу:

– Почему же ты, Адапа, не ешь и не пьешь? Разве ты нездоров?

– Эа, отец мой, приказал мне: не ешь и не пей там ничего.

– Отнесите его обратно на землю, – распорядился Ану.

Так отказался Адапа от бессмертия, а вместе с ним и все люди остались смертными.

Этан

Обратилась змея к орлу: – Давай с тобой дружить, станем товарищами. Согласился орел:

– Пусть будет проклят тот, кто нарушит нашу дружбу, и пусть тот понесет наказание, кто причинит зло своему другу. Поклянемся в этом.

Пошли оба, и орел и змея, к богу солнца Шамашу и поклялись перед ним клятвой в вечной дружбе. Кто окажется неверным, предаст друга, того Шамаш может поразить страшной казнью.

Ушли после этого змея и орел, спустились с гор, вернулись домой. Целый день были они верны своему соглашению. Поймал орел дикого быка и дикого осла, ела его змея, ели дети ее. Газелей и горных коз захватила змея, ели орел и его дети. Так продолжалось несколько дней. Что удавалось поймать орлу, делил он со змеей и ее детьми. Попадались добыча змее, и орел и его дети были сыты.

Когда вся еда была съедена, стал сын орла толстым и гладким. И задумал орел злое дело, захотелось ему съесть детей своего друга. Сказал орел сыну своему:

– Я хочу съесть детей змеи. Полечу я на небо, послежу за ней, улучу удобный момент и съем весь ее выводок.

Но юный орел возразил своему отцу:

– Не делай этого, отец мой! Гнев Шамаша настигнет тебя, а рука Шамаша жестоко тебя накажет.

Но не послушал орел мудрого совета своего сына, полетел он вниз и сожрал всех детей змеи.

Узнала об этом змея и пошла к Шамашу:

– Я хочу, чтоб ты знал, что со мной случилось. Поклялись мы с орлом в вечной дружбе. Но орел шпионил за моим гнездом. Дождался он, когда я ушла, налетел на мой дом и съел всех моих детей. Злодеяние совершил орел! О Шамаш, накажи его, отомсти злодею, преступнику!

Услышал Шамаш жалобы змеи и сказал ей:

– Отправляйся в дорогу, доберись до гор. Там ты найдешь мертвого быка. Заберись внутрь быка и живи там. Все птицы будут прилетать и есть мясо мертвого быка. Прилетит и твой обидчик, орел.

Поймай его за крылья, схвати его и кинь в яму... Пусть он там погибнет от голода и жажды!

Послушалась змея Шамаша и отправилась в путь. Нашла она в горах дохлого дикого быка, вползла внутрь его тела и стала ожидать, когда прилетит орел.

Все птицы небесные прилетали и питались мясом мертвого быка. Только один орел не прилетал сюда со всеми птицами, чувствовал он, что у него совесть нечиста. И все же не выдержал он и позвал сына полететь вместе с ним к быку полакомиться мясом.

Предупредил молодой орел отца:

– Не спускайся вниз, мой отец, может быть, внутри быка скрывается змея!

Не послушался орел, не обратил внимания на слова своего сына и полетел вниз, туда, где лежал мертвый бык. Вонзил орел когти в быка и стал есть мясо. Выползла змея и схватила орла за крылья. И взмолился орел: – Пожалей меня, отпусти. Я принесу тебе дорогой подарок!

Ответила змея:

– Если я отпущу тебя, то как я буду смотреть в глаза Шамашу? Твоя вина падет на мою голову, и наказание понесу я вместо тебя!

Скрутила змея крылья орла и кинула его в глубокую яму, чтобы он погиб там от голода и жажды.

Каждый день умолял орел Шамаша: «Я умру в яме. Спаси меня, оставь в живых, и я буду вечно прославлять твое имя».

Но был непреклонен Шамаш:

– Ты совершил злое дело, ты должен погибнуть. Я не хочу ничего для тебя делать. Может быть, найдется человек, который захочет тебя спасти, тогда ты будешь жить!

И вот однажды пришел к Шамашу человек по имени Этана и обратился к богу за советом. Много лет они с женой мечтали, чтоб родился у них сын, а у них нет никаких детей. И сказал Шамаш Этане:

– Высоко в горах есть глубокая яма, а в ней в заключении томится орел. Он покажет тебе волшебную траву, которая тебе нужна.

Пошел Этана в горы, нашел там глубокую яму и нашел там обессилевшего орла. Рассказал Этана орлу, зачем он пришел, и пообещал ему орел помочь.

Вытащил Этана орла из ямы и стал откармливать его. Через восемь месяцев оправился орел, и стал он сильным, как лев. Тогда обратился орел к Этане с такими словами:

– Мой друг, я хочу подняться с тобой до неба бога Ану, там мы найдем волшебную траву. Ляг твоей грудью мне на спину, положи руки на мои крылья.

Лег Этана на орла, как тот велел ему, и поднялись они в воздух.

Тяжела стала ноша орла. Один час уже они находят ся в дороге.

Сказал орел Этане:

– Посмотри вниз, мой друг, какой ты видишь землю?

– Земля, как холм, а море, как колодец! Второй час уже прошел. И опять спросил орел:

– Посмотри-ка вниз, какой стала теперь земля?

– Земля, как мельничный жернов, а море, как чаша!

Третий час летят они все выше и выше, и море уже кажется им, как маленькая лейка садовника.

Добрались они до неба Ану, но ничего не нашли там. Но есть еще небо богини Иштар. И орел предложил Этане лететь еще выше, к Иштар, матери всех богов.

Остановился в раздумье Этана, боялся он лететь так высоко. Но потом решился, снова лег грудью на спину орла, положил свои руки на крылья, и взлетели они все выше и выше.

Прошел час пути, и спросил его орел, какой он видит землю. А земля и море становились все меньше и меньше.

Третий час наступил, и спросил опять орел Этану:

– Какой теперь стала земля?

– Ах, земля теперь, как пылинка, а море я не вижу совсем!

Стало страшно Этане, и взмолился он: «Вернемся обратно, не хочу я больше лететь».

Дрогнули от страха руки Этаны, сорвался он со спины орла и камнем полетел вниз, а за ним свалился орел.

Иштар

Хороша была Иштар, дочь Сина, бога луны, сестра Шамаша, бога солнца. Драгоценными камнями любила украшать себя Иштар, но и без них сияла красотой богиня утренней звезды, царица всех женщин. И радовались все сердца, когда проходила мимо людей блистательная богиня, расцветало все живое на земле. И был у богини Иштар муж – юный прекрасный Тамуз, бог растений, бог всей живой природы.

И однажды случилось несчастье. Был похищен смертью Тамуз, попал он в страшное царство мертвых, где правили богиня Эрешкигаль и бог подземного мира Иркалла. Темно и мрачно было в их владениях, никогда не проникал туда свет, не было выхода оттуда. Но не испугалась Иштар ужасов подземного царства, смело пошла она вслед за Тамузом, хотела вернуть его обратно на землю.

Подошла Иштар к воротам и стала стучаться:

– Сторож, сторож, открой ворота,пусти меня! Если ты не откроешь, я разломаю двери, открою выход и выпущу всех из подземного царства, и станет на земле мертвых больше, чем живых.

Испугался сторож, пошел он к богине Эрешкигаль и спросил, как ему быть, богиня Иштар требует, чтоб ее пустили.

Разгневалась Эрешкигаль, пожелтела от злости и приказала сторожу: «Зачем она хочет идти сюда? Иди, сторож, открой ворота, но поступай с ней по законам нашего царства!»

Распахнул сторож двери перед Иштар и мрачно приветствовал ее:

– Входи, богиня, подземное царство приветствует тебя, жилище Иркаллы радуется твоему приходу.

Подошли Иштар и сторож к первым воротам, и снял он с богини корону.

– Зачем ты снимаешь корону с моей головы? – удивилась богиня.

– Иди дальше, госпожа! Таков закон подземного царства!

Подошли они ко вторым воротам, и вынул сторож серьги из ушей Иштар.

– Зачем, сторож, ты вынул серьги мои из ушей?

– Иди дальше, госпожа! Таков закон подземного царства! У третьих ворот снял сторож цепь с ее шеи, и так шли они до седьмых

ворот, и у каждого сторож срывал с богини то, что было на ней надето. И вошла Иштар в подземное царство без одежды и без украшений.

Неприветливо встретила ее богиня Эрешкигаль, посмотрела угрюмо и приказала запереть Иштар во дворце и напустить на нее 60 болезней, болезни уха на уши, болезни глаз на глаза, недуги на голову, на руки и ноги, на все тело.

И Тамуз, а вслед за ним Иштар, очутились в стране безысходной, в обители смерти у богов Иркаллы и Эрешкигаль.

И на земле стала замирать жизнь, не росла трава, не зеленели деревья, не рождались детеныши у скота, у людей не родились больше младенцы.

Обеспокоились боги и послали к мудрому Эа спросить совета, что делать.

Велел Эа послать к богине Эрешкигаль шута Аснамира. Пусть он своими шутками развеселит богиню и заставит ее рассмеяться. За это пусть Аснамир потребует в награду освобождения Иштар и Тамуза.

Так и сделали боги. Спустился Аснамир в подземное царство, прошел сквозь семь ворот и предстал перед страшной богиней. Не испугался он ее мрачного вида, а стал шутить с ней, и удалось Аснамиру развеселить владычицу мрака. Воспользовался этим Аснамир и потребовал от богини клятву, что она исполнит его просьбу. Поклялась Эрешкигаль. И тогда Аснамир попросил освободить Иштар и Тамуза.

Распалась гневом Эрешкигаль на Аснамира за его дерзость, но не могла она нарушить клятву.

Пришлось ей отпустить своих пленников.

Послала она за Иштар и Тамузом, велела окропить их живой водой. И когда они ожили, повели их из подземного царства наверх. Снова проходили они через семь ворот, и у каждого ворот возвращал сторож Иштар ее одежду и украшения.

Вернулись на землю Иштар и Тамуз, и встретили их с радостью и ликованием.

Гильгамеш

В городе Уруке правил царь – Гильгамеш. Его мать была богиней, поэтому он сам был на две трети богом.

Могуч и прекрасен был Гильгамеш, полон он был жажды кипучей деятельности. Начал украшать свой город Гильгамеш. Высокой стеною обнес он Урук, построил храм богине. День работают люди на стройке, а по ночам царь устраивает во дворце пиры, нет ни днем, ни ночью покоя. И взмолились богам жители Урука. Пусть на другие дела направит Гильгамеш свои силы. Он прекрасен, он мудрый, он добрый, нет равного ему на свете. Но нет сил больше терпеть, никто не может вынести такой жизни, день и ночь пировать и работать.

Вняли боги мольбам и приказали богине Аруру создать героя, равного Гильгамешу, пусть они состязаются в силе, и Урук отдохнет.

Вымыла руки Аруру, взяла глину и создала Энкиду, великого силой. Шерстью покрыла тело его, длинные волосы, как у женщины, кудрями пышными падают на плечи, одет он, как бог охоты. Не знал Энкиду людей, жил он среди животных, вместе с газелями ел он траву, с зверями ходил к водопою. Одной жизнью с животными жил Энкиду, спасал зверей от ловушек человека.

Однажды увидел охотник, как Энкиду с газелями спускался к водопою, и страшно испугался, не посмел приблизиться к зверям.

Понял тогда охотник, кто засыпает его ямы и рвет силки, почему перестала попадать в них дичь.

Пошел он к царю Гильгамешу, рассказал о своей беде. И дал ему Гильгамеш мудрый совет:

– Иди к водопою и приведи с собой красивую девушку. Увидит красавицу тот человек, полюбит ее и забудет зверей, уйдет с ней из пустыни.

Нашел охотник красивую девушку и отправился с ней в пустыню; на третий день достигли они цели и сели у водопою ожидать Энкиду.

День прошел, и второй день сидели они ожидая, и только на третий день спустились с гор звери и стали пить холодную воду и с ними Энкиду.

Увидел Энкиду красавицу, и любовь охватила его сердце. Подошел он к ней и не смог уже больше уйти. И сказала ему девушка:

– Ты силен, ты прекрасен, Энкиду. Что ты делаешь в пустыне среди зверей? Идем со мной! Я приведу тебя в Урук, в лучезарный дворец к Гильгамешу могучему, который, как дикий телец, правит людьми.

Позабыл Энкиду зверей своих, жадно внимал он речам любимой и согласился с ней пойти.

– Идем в Урук к Гильгамешу, великому силой. Я хочу его вызвать и с ним сразиться. Посмотрим, кто из нас сильнее, он, могучий царь, или я, который родился в пустыне!

Пришел Энкиду со спутницей своей в Урук, встретился с Гильгамешем, и вступили они в единоборство. Долго состязались герои, ни один не смог одолеть другого. Устали они от поединка, посмотрели друг на друга и поняли, что оба они равны своей силой. И заключили герои союз дружбы, сели, как братья, рядом.

Задумал Гильгамеш добыть строевой лес из кедровой рощи; страшное чудовище Хумбаба охранял ее, и надо было уничтожить ужасного сторожа.

Стал отговаривать Энкиду своего друга от опасного похода:

– Знаю я это место, был я там, когда бродил по пустыне. Лес там дремучий, как забраться вглубь? Хумбаба же страшен, голос его – ураган, уста его – пламя, его дыхание несет гибель, удар его смертелен, откажись от задуманного!

Не послушался Гильгамеш своего друга:

– Кто из людей может сравняться с богом солнца и жить вечно? Годы жизни – коротки они, а дела человека – ветер, пройдет, и нет ничего. Если паду я в бою, останется в памяти мое имя, будут говорить – погиб Гильгамеш от Хумбабы!

Собрались в дорогу друзья. Попрощались с родными, со старейшинами города, с жителями Урука и двинулись в долгий путь.

Много дней шли герои и, наконец, достигли высокой горы, жилища Хумбабы.

Остановились они и смотрят вглубь, и видят – огромные кедры высоко поднимают вершины, тропы лесные проложены в чаще, бродит по ним Хумбаба мерным шагом. Перед горою стоят пышные кедры, тень под ними манит прохладой, и растут под ними кустарники и

травы. На целую милю тянутся кедры, простирается лес, и высока над ними лесистая гора Хумбабы.

Вошли бесстрашные герои в лес, встретили Хумбабу, и начался жестокий, смертельный бой. Одолели друзья чудовище, и вот уже мертвый Хумбаба лежал у их ног. Окончилось сражение. Отдохнули уставшие друзья. Гильгамеш омыл свое оружие, расчесал кудри, надел чистые одежды, и увидела богиня Иштар прекрасного героя и полюбила его своим сердцем. Позвала она Гильгамеша к себе во дворец и обещала ему богатства, которым нет равных, такие, какими никто не владеет в мире. Но Гильгамеш хорошо знал непостоянство и коварство богини и гордо отверг ее любовь.

Вспыхнула гневом оскорбленная богиня и поднялась на небо к богу Ану.

Пожаловалась она Ану на Гильгамеша и потребовала, чтобы был жестоко наказан обидчик:

– Создай небесного быка с огненным дыханием и кинь его на землю, пусть он убьет Гильгамеша!

Послушался Ану и бросил на землю могучего быка, извергавшего пламя. Упал бык в Урук, и погибли сотни людей от его дыхания. Кинулся бык на Энкиду, но тот схватил его за рога и пригнул его голову к земле. Сильным ударом убил Энкиду животное, освободил от ужаса людей Урука.

Пришла в неистовство Иштар, узнав о победе героев. Села она на городской стене со своими жрицами и оплакала гибель быка и прокляла Гильгамеша.

Услыхал ее проклятия Энкиду, рассердился он на богиню. Вырвал у быка ногу и швырнул ей в лицо со словами:

– Если бы я поймал тебя, то и с тобой поступил бы так же, как с быком!

Не могла снести нового оскорбления Иштар, в ярости она наслала на Энкиду страшную болезнь, и обрекла его на смерть в наказание за дерзость.

Невероятная слабость охватила Энкиду, он лежит обессиленный на постели, и снятся ему тревожные сны.

Лишь только заря показалась на небе, проснулся Энкиду и сказал Гильгамешу:

– Смерть покорила меня. Никогда я не сяду рядом с тобой!

Шесть дней и шесть ночей сидел Гильгамеш у постели друга. Как орел закричал о своей орлице, так зарыдал Гильгамеш над своим другом.

– Энкиду, друг мой, брат мой! Пантера Пустыни! Вместе с тобой мы победили Хумбабу, мы убили небесного быка. А теперь ты лежишь неподвижно. Что за сон овладел тобою? Потемнело твое лицо, и не слышишь ты моих речей!

Тронул Гильгамеш сердце Энкиду, а оно не бьется, глаза не открываются. Нежно, как невесту, закрыл Гильгамеш тело друга и горько заплакал. Отчаяние охватило сердце Гильгамеша. Друг любимый, названный брат, с которым он совершал подвиги, убил льва и быка, победил Хумбабу, лежит теперь без движения. Но и самого Гильгамеша ждет та же судьба. Придет время, и он умрет, подобно Энкиду. И решил Гильгамеш достать людям бессмертие. Он отправился на поиски своего предка Ут-Напишти, который живет с богами, чтобы узнать у него, как избавить людей от смерти.

Далек путь до Ут-Напишти, тяжела дорога. Но не испугался трудностей Гильгамеш. Много дней шел он и прибыл к горе Машу, на край земли. Там человеко-скорпионы охраняют вход, откуда ежедневно утром выходит солнце и куда ночью возвращается оно. Внушал ужас один вид этих чудовищ. Не испугался их Гильгамеш, подошел к ним отважно и попросил указать дорогу в место, где живет Ут-Напишти.

Открыли скорпионы ворота в пещеру и велели Гильгамешу пройти сквозь гору. Вошел Гильгамеш, и мрак обступил его со всех сторон. Тьма беспробудная, нигде ни просвета, не проникает сюда солнечный луч. Не видит он, что лежит впереди, что остается позади него. Но смело идет вперед Гильгамеш, ведь он идет за бессмертием, он хочет освободить людей от смерти.

Вот уже восемь часов идет он во мраке. Уже десятый час проходит, близок восход. Двенадцатый час прошел, и увидел Гильгамеш сияние дня. Вышел он в блаженную рощу и увидел прекрасные деревья, отягощенные изумрудными плодами. Прошел Гильгамеш через волшебный сад, и достиг он моря смерти. Никто уже давно не плыл через море. Глубоки воды смерти, заградили они путь, тяжела дорога.

Зачем ты идешь, Гильгамеш? Боги создали людей, смерть они сделали уделом человека, вечную жизнь оставили для себя!

Но ничто не останавливало Гильгамеша. Нашел он перевозчика у моря, кормчего Ур-Шанаби, упросил его перевезти через страшные воды и достиг, наконец, острова блаженных, где живет Ут-Напишти со своею женой.

Удивился Ут-Напишти, увидав Гильгамеша. Как добрался он до острова блаженных, зачем прошел такой тяжкий путь?

И рассказал ему Гильгамеш о своем горе, об умершем друге, и спросил предка, в чем секрет бессмертия, как он, Ут-Напишти, остался жить вечно. Открыл тайну Ут-Напишти, рассказал, как он спасся от всемирного потопа.

В старом городе Шуррупаке, что стоит на Евфрате, обитали боги. Задумали они погубить всех людей, ни один из них не должен остаться в живых; устроить потоп, послать на землю бурю и потоки воды решили боги. Только Эа мудрый пожелал спасти Ут-Напишти. Посоветовал Эа построить большое судно, нагрузить его семенами жизни, взять зверей, и птиц, и рыб и спустить корабль на воду.

Только заря занялась, принялся Ут-Напишти строить судно, через пять дней все было готово.

Все богатство свое отнес на корабль Ут-Напишти, всю взял с собою семью, погрузил он животных, птиц и рыб, вошел внутрь и крепко запер двери.

И наступил час, назначенный богами. Лишь только занялась заря, покрыло небо темное облако, загремел Адад – бог бури и урагана, хлынули воды, мрак охватил всю вселенную, брат не видит брата, люди не узнают друга, даже боги испугались потопа и поднялись на небо.

Шесть дней и шесть ночей гремел ураган, бушевала непогода. На седьмой день утих ветер, успокоилась буря, прекратился потоп.

Открыл Ут-Напишти окно, и засиял свет и увидел Ут-Напишти, что нет ничего, все покрыто водой, все живое превратилось в глину; сел он тогда и заплакал.

Через сутки показался остров, – к горе Нисир причалил корабль, не дала ему гора качаться. Шесть дней стоял у горы корабль, на седьмой день выпустил Ут-Напишти голубя. Полетел голубь и вернулся, негде было сесть ему. Выпустил ласточку Ут-Напишти, полетела она и вернулась, не нашла себе места. Выпустил ворона Ут-

Напишти, улетел ворон, не прилетел назад, спад воды он увидел, нашел сушу и остался там.

Вышел тогда Ут-Напишти из корабля, и зажег огонь, и принес жертвы богам.

Раскаялись боги в том, что они сделали, обрадовались тому, что остался один человек, и наградили его бессмертием.

Так рассказал о потопе Ут-Напишти Гильгамешу.

– Кто же из богов совершит подобное для тебя? – заключил Ут-Напишти свою повесть.

Огорчился Гильгамеш, потерял он надежду на вечную жизнь. Пожалел его Ут-Напишти и посоветовал попробовать преодолеть сон, подобие смерти. Но не смог долго бодрствовать Гильгамеш, устал он от своих странствий, и крепкий сон смежил его веки.

Проснулся Гильгамеш, и печаль была на его сердце, с грустью обратился он к предку:

– Что мне делать, Ут-Напишти? Куда мне идти? Не смог одолеть я сон, не нашел я бессмертия для людей!

И Ут-Напишти открыл Гильгамешу тайну богов. Глубоко на дне морском есть волшебная трава, не дает она вечной жизни, но тот, кто ее ест, становится молодым.

И пошел неутомимый Гильгамеш искать чудесную траву. Привел его перевозчик на берег моря. Привязал Гильгамеш к ногам тяжелые камни, опустил на дно морское и увидел растение с острым шипом, как терновник. Сорвал его Гильгамеш, больно, до крови пора нив руку, отвязал камни от ног и поднялся на берег. Радостно пошел он в обратный путь, спрятав драгоценную траву. Не захотел сам он попробовать ее, бережно нес Гильгамеш подарок в Урук, хотел он осчастливить всех людей.

Долго шли они по пустыне, раскаленной солнцем, Гильгамеш и его проводник-первозчик. Зной палил, жажда томила путников. Увидали они водоем и реши ли искупаться в нем. Осторожно положил Гильгамеш волшебную траву и погрузился в прохладную воду.

Почувствовав запах травы, из норы своей выползла змея и утащила волшебный корень. С тех пор змеи меняют кожу и молодеют. Люди же обречены на старость, и никогда не вернуть им юности своей.

Горько рыдал Гильгамеш, увидев, что напрасны все труды его. Много ходил он, долго искал бессмертия и приходит домой с пустыми

руками.

И вот уже виден Урук, его высокие стены и город прекрасный.

И гордостью наполнилось сердце Гильгамеша.

– Смотри, – сказал своему спутнику-перевозчику, – как прекрасна кладка, как хорошо основание стен. Здесь семь мудрецов заложили фундамент. Каждый квартал города, каждый храм, каждый участок сада заставляют помнить о тех, кто это сделал.

Много добрых дел сделал Гильгамеш, много мужественных подвигов совершил он вместе с Энкиду. Но бессильны люди против богов, не может человек изменить свою судьбу.

Но все же бросили вызов богам герои. И хотя не достиг Гильгамеш бессмертия, не дал он вечной жизни людям, но он понял, что память о людях живет в том добре, которое они творят.

Смертен человек, но вечно живут его дела.

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Творение мира

Однажды на поверхности первозданного океана Нуна появился великий бог Атум.

– Я существую! – воскликнул он, и Вселенная содрогнулась от громоподобного голоса, возвестившего начало жизни. – Я сотворю мир! Я сделаю это, ибо мое могущество настолько велико, что я сумел сам себя создать из вод океана! Нет у меня отца и нет матери; я – первый бог во Вселенной, и я сотворю других богов!

А вокруг, как и прежде, все было объято непроглядным мраком и мертвенным безмолвием. В океане не было ни одного, даже самого крошечного, клочка суши, куда можно было бы ступить ногами – все затопляла вода. Мрачная пучина уже клокотала, готовясь поглотить Атума: уже пенился внизу похожий на разинутую пасть чудовища водоворот и неумолимо затягивал бога в свое жерло. Надо было как можно скорей создать землю, хоть какой-нибудь островок. Спасение от гибели было только в этом. С невероятным усилием Атум оторвался от воды, воспарил над бездной и, воздев руки, произнес волшебное заклинание. В тот же миг раздался оглушительный грохот, и среди пенных брызг из пучины вырос холм Бенбен.

Сам себя оплодотворив (проглотив собственное семя), Атум родил, выплюнув изо рта, богов-близнецов воздух – Шу и влагу – Тефнут, от которых произошли земля – Геб и небо – Нут.

Ссора Геба и Нут

Но однажды Геб и Нут поссорились. Причиной ссоры послужило то, что богиня неба пожирала своих детей – звезды. Разгневанный Геб напустился на свою супругу и принялся осыпать ее проклятиями. Желая положить конец их разладу, солнечный бог Ра велел Шу:

– Ступай и разлучи их! Раз они не могут жить в мире, пусть живут врозь.

Богу ветра ничего не оставалось делать, как выполнить приказ владыки. Он взмахнул руками, произнес заклинание, и в тот же миг по всей Вселенной разразилась страшная буря, завыл-забушевал ураган. Сколь ко ни противились Геб и Нут, сколько ни напрягали силы, ветер разорвал их объятия. Небо отделилось от земли. По всему океану зачернели маленькие острова и огромные материки, вздыбились горные хребты, потекли реки, и родившиеся из слез Ра люди с радостными криками покинули холм Бен-Бен и разбежались по зеленым долинам. Они построили города, воздвигли величественные храмы для богов и дворцы для вельмож, стали обрабатывать пашни и собирать богатые урожаи. Вокруг холма Бен-Бен они построили город Иуну, а на самом холме соорудили святилище солнечного бога Ра.

Наступил золотой век – время, когда люди и боги жили на земле совместно.

Ссора Тефнут и Ра

Известен миф, по которому Тефнут, богиня влаги, – Око Ра, рассорившись со своим отцом, царствовавшим в Египте, удалилась в Нубию, и в Египте наступил период засухи, а затем по просьбе Ра, пославшего за ней Тота и Шу (в другом варианте – Онуриса), которые в образе павианов песнями и танцами завлекли ее в Египет, вернулась обратно. Приход Тефнут из Нубии и последовавшее за этим вступление её в брак с Шу предвещает расцвет природы. Вот как это случилось. Однажды между Тефнут и Ра неожиданно вспыхнула ссора. Люди не могли знать, что уже в недалеком будущем на них обрушатся величайшие бедствия – засуха и мор.

Гордая богиня дождя принимала от людей жертвенные дары и слушала сладкозвучные хвалебные песнопения в свою честь. Но вдруг на холме Бенбен, в храме солнца, зазвучала музыка. Это земледельцы благодарили лучезарного Ра за свет и тепло, которые он дарит Черной Земле.

И лицо богини сразу помрачнело. Ей показалось, что, хотя египтяне и поют ей каждый день о своей любви, все-таки гораздо больше почестей достается солнечному богу.

– Как же так! – нахмурилась она. – Солнце иссушает почву, и, если б не мои дожди, ни одно зерно, брошенное под соху, не проросло бы.

– Ты неправа, – рассудительно возразил ей бог солнца, случайно услышав ее слова. – Посмотри на землю: по всей реке люди построили дамбы, плотины и оросительные каналы. Они сами питают поля водой, если нет дождя. Но что бы они делали без моих лучей?

– Ах так? – вскричала оскорбленная богиня. – Ладно! Раз мои дожди никому не нужны, я навсегда покидаю Та-Кемет!

Она превратилась в львицу и бросилась бежать, грозно сверкая раскаленными, как угли, глазами и оглашая горы лютым рычанием.

– Остановись! – закричал ей вслед солнечный бог.

Но Тефнут не слушала его. Она неслась, едва касаясь земли, и вскоре скрылась из виду.

Поняв, что взывать к строптивой богине бесполезно, Ра замолчал. «Что же делать? – в ужасе подумал он, встревоженным взглядом окидывая побережье Нила. – Ведь с ее уходом на землю обрушится смертоносная засуха, которая погубит всех людей, а ведь они ничем не провинились!.. Надо во что бы то ни стало вернуть эту своенравную горячку».

– Тефнут! – крикнул он в последний раз, но в ответ услышал лишь собственное эхо. Оно зловеще прохотало в ущелье, и горы погрузились в безмолвие, такое же мрачное, какое миллионы лет назад царило в океане Нуе.

Солнце между тем палило все сильнее, и вскоре жара сделалась уже совершенно невыносимой. К вечеру земля на побережье ссохлась, стала твердой, как камень, пожухла трава на заливных лугах, заметно обмелели колодцы. А ночью налетел огнедышащий ветер-сухой и обрушил на города тучи раскаленного песка, принесенного из пустыни. Только к утру песчаная буря наконец утихла, и люди смогли выйти из домов. Многим пришлось вылезать через окно и отгребать песок от дверей – иначе их было не открыть. Густой слой песка покрывал сады, огороды, крыши, а плодовые деревья, еще вчера зеленые и свежие, были теперь как мумии с сухими скрюченными руками-сучьями.

Час спустя в городе Иуну, на рыночной площади, собралась огромная толпа. Люди возбужденно переговаривались, спорили. То один, то другой украдкой кидал взгляд на небо: не покажется ли из-за гор хоть маленькая дождевая тучка? Но небо сияло бездонной, безнадежной голубизной, а солнечные лучи жгли все сильнее, так что невозможно уже было оставаться на открытом месте. Вскоре толпу облетела страшная весть: пересох Нил.

– О великая Тефнут! Чем мы прогневали тебя?! – в отчаянии воскликнули люди.

Долго не могли боги и люди вернуть Тефнут в Та-Кемет. Помог это сделать хитрый бог Тот.

Вернувшись на родину, Тефнут совершила торжественное шествие по городам. Жители Та-Кемет ликовали:

Ее величество возвращалась из земли Бугем,
Чтобы увидеть Нил египетский со всеми чудесами Земли

возлюбленной...

Приносятся ей жертвы из всяких прекрасных вещей, быки и гуси...

Ударяют женщины в бубны для нее.

Возливали ей вино и приносили масло,

И венок золотой был обвит вокруг ее головы.

Наконец Тефнут встретила с Ра. Узнав о возвращении Тефнут, солнечный бог пустился в пляс. В честь богини дождя был устроен пир, который продолжался много дней подряд.

Хитроумный Тот

Когда разгневанная богиня влаги и дождя Тефнут удалилась из Та-Кемет в пустыню, могущественный бог Ра вызвал к себе в тронный зал Золотого Чертога Тота, чтобы поручить ему вернуть ее. Через несколько минут перед тронном солнечного бога предстал Тот. Это был высокий, хоть и немного сутулый, мужчина с бронзово-смуглым телом; только голова у него была не человеческая, а птичья – голова ибиса: изогнутый длинный клюв и блестящие глаза, похожие на виноградины. Он был в одной набедренной повязке, да голые плечи прикрывал полосатый праздничный платок.

От мудрого сердца Тота не укроется ничего, даже тайные помыслы богов. Недаром Тот считался покровителем знаний, мудрости, медицины и колдовства, недаром ему известны все волшебные слова и чудодейственные заклинания. Ни один египетский писец, ни один школьник не приступит к работе, не помолившись Тоту.

– Ты хочешь, чтобы я привел Тефнут из Нубии? Ибо она убежала в нубийскую пустыню, – сказал Тот, задумчиво вертя в руках пальмовую ветку – символ владычества над временем.

– Да, – сказал Ра, – Но учти: богиня очень самолюбива и могущественна. Она приняла облик лютой львицы. Силой ее назад не привести. Одолеть ее гнев можно только умом и хитростью. Поэтому я и обратился за помощью к тебе.

– Хорошо, – поклонился Тот. – Я исполню твой приказ.

Приняв облик забавного павиана, Тот льстивыми речами усмирил Тефнут. Затем он сказал, что ее мудрость будет всем видна, если она сумеет победить свой гнев.

– Вернись же на родину, львица. Помни: нет ничего дороже родины. Даже крокодил, когда он стареет, покидает чужбину и приплывает умирать в свой родной водоем. А люди говорят: лучше быть бедняком у себя на родине, чем богачом на чужой стороне.

Лесть маленького павиана и его разумные речи оказали действие на своенравную Тефнут. Богиня дождя решила вернуться в Та-Кемет.

Истребление людей

Великий Ра состарился. В крыльях его уже не было прежней силы, острые соколиные глаза перестали различать мелкие предметы, когда бог солнца взирал с поднебесной высоты на долину Нила, притупился слух, покрылись хлопьями седины голубые волосы. У всех богов волосы были голубого цвета – такие же, как небо в ясную погоду.

Однажды владыка мира, сидя в Золотом Чертоге на своем троне, обложенном пуховыми подушками, предавался горьким размышлениям о том, что могущество его иссякает.

– Как знать, смог ли бы я теперь разгромить армаду вооруженных демонов? – задумчиво проговорил он, устремив взгляд на расписной потолок Чертога.

И случилось на беду, что как раз в этот момент мимо дворца гнал упряжку быков один человек из близлежащего города. Услышав, что сказал солнечный бог, этот человек вздрогнул, словно его хлестнули по спине бичом, боязливо втянул голову и ускорил шаг. Отойдя подальше от Чертога, он воровато оглянулся. Вокруг не было никого. Египтянин сел на землю и, подперев голову рукой, глубоко задумался. Вдруг глаза его при щурились и торжествующая улыбка выступила на лице. Он вскочил на ноги и бегом помчался в город.

А Ра и не подозревал, что его сокровенные мысли, которые он не решился бы открыть даже богам из своей свиты, стали, по собственной его неосторожности, известны людям. Как обычно, он позавтракал, с наслаждением съев изысканные яства, что принесла ему на серебряном блюде Утренняя Звезда, – сочные плоды, финики, мед, орехи; умылся водой из священного озера и взлетел на небо. Снова ослепительные лучи его короны затопили Та-Кемет, снова защебетали птицы, распустились цветочные бутоны, потянулись навстречу теплу колосья и луговые травы.

Вдруг Ра заметил, что в городе царит какое-то непонятное оживление. Люди огромной толпой собрались на рыночной площади и что-то горячо обсуждали.

– Что там происходит? – удивился бог. – О чем эти люди так спорят?

Он вернулся в Чертог и приказал слугам немедленно привести к нему Тота.

– Ступай в город, узнай, что там случилось, а потом вернись и все мне расскажи, – велел он Тоту, когда бог мудрости и луны явился на его зов.

– Мне незачем туда ходить, я уже все знаю, – ответил Тот.

– Тогда рассказывай! – воскликнул Ра, в нетерпении взмахивая жезлом.

– Мне незачем и рассказывать, – так же спокойно ответил Тот. – Посмотри в окно.

Бог солнца повернулся к окну и оцепенел. Чего угодно он ждал, но только не того, что открылось его взору. Вдоль речной долины двигались полчища вооруженных воинов. Ярко блестели на солнце кованые щиты, развевались флаги, остро заточенные наконечники копий и стрел были нацелены в сторону дворца богов. Армия стремительно приближалась. Многие воины уже вскинули на изготовку туго изогнутые луки.

– Что это значит, Тот?! – едва смог выговорить бог солнца.

– Это значит, что они хотят тебя убить и захватить власть, – ответил бог мудрости. – Кто-то им сказал, что ты уже одряхлел и не можешь вступать в сражения. Вот они и решили, что им легко удастся тебя свергнуть.

– Ах вот как! – воскликнул Ра. – Ну нет! Я еще силен!.. Послушай, Тот. Отправляйся и приведи сюда немедленно всех богов. Я хочу знать, что они думают об этом. Пусть они скажут, как нам бороться с мятежниками.

Вскоре в Золотой Чертог явились Шу, Тефнут, Геб и Нут. Последней пришла любимая дочь Ра – богиня веселья, любви, пляски и музыки Хатхор. Это была совсем юная и очень красивая девушка, облаченная в голубые, ниспадающие до земли одежды. Голову ее украшала корона в виде золотого диска и коровьих рогов. Эти коровьи рога символизировали небо: ведь египтяне часто изображали небеса в виде коровы со звездами на животе. Вокруг диска обвилась кобра-урей. Подняв голову, раздув шею и обнажив налитые ядом зубы, змея грозно шипела. В руке у Хатхор был систр – музыкальный

инструмент, состоящий из гирлянд металлических кружочков. Когда богиня встряхивала систром, кружочки издавали мелодичный звон.

Войдя в тронный зал, все боги пали перед владыкой на колени.

– Что случилось? Зачем ты нас позвал? – спросили они.

– Случилось неслыханное! – воскликнул Ра. – Люди, которые родились из моих слез, платят мне теперь черной неблагодарностью. Я заботился о них, щедро дарил тепло их садам и пашням, а они нацелили в меня свое оружие и хотят меня убить. Посмотрите в окно! Вот они идут с воинственными криками. Коварные предатели!.. Ответьте же мне: что нам делать? Я бы, конечно, мог испепелить их всех своими лучами, но я решил сперва дожждаться вас и выслушать ваши советы.

– Нет у тебя времени выслушивать наши советы! – закричал Геб. – Армия уже окружила Чертог. Злодеи вот-вот ворвутся сюда. Убей же их скорее, иначе будет поздно.

– Да, их надо проучить, – подхватил Шу, боязливо косясь в окно. – О владыка наш, великий Ра, зачем тебе нужны наши советы? Беспощадная расправа – вот наказание, которого они заслуживают. Если бы ты даже собрал всех мудрейших богов во главе с Тотом, и они бы три года думали, как усмирить мятежников, все равно они не придумали бы ничего другого. Убей людей.

– Что ж, – сказал Ра, – если нет другого выхода...

Он подошел к окну и резко распахнул его. В тот же миг толпа воинов с яростными криками бросилась на приступ. Забряцало оружие, тонко зазвенела тетива на луках, в воздух поднялась туча стрел.

Ра произнес заклинание. Кобра-урей, дремавшая на его короне, зашипела, раздула шею и сверкнула глаза ми. Из глаз змеи, подобно молниям, вылетели сотни раскаленных лучей. Стрелы мятежников вспыхнули и сгорели в воздухе, не долетев до окна. Потом загорелась трава. В одно мгновение все поле было охвачено огнем.

Толпа смешалась, но люди не кинулись врассыпную. Они отступили, укрылись в горной расселине и продолжали из укрытия обстреливать дворец.

– Смотрите! – воскликнул Ра. – Они все еще не образумились! Горы надежно защищают их от лучей урея. – Он помолчал,

испытующе глядя на богов. – Ну? Кто из вас может теперь сказать, что нам делать дальше.

– Пусть кто-нибудь из нас сам пойдет в горы и сразится с ними, – неуверенно предложил Шу.

– Кто?

Боги не ответили. Ра поочередно посмотрел им в лица, но каждый, встретившись взглядом с владыкой, тут же смущенно опускал глаза. Каждый понимал, что если сейчас сразиться с людьми, можно этим очень угодить Ра и снискать его особую милость. Но страшно было вступать в битву с такой огромной и хорошо вооруженной армией. Ра нахмурился.

– Так кто же? – Он помолчал еще немного, затем пристально посмотрел на Геба. Геб весь съежился под взглядом властелина. Он понял, что из всех богов Ра выбрал его. Ужас обуял бога земли. Опустив глаза, он пролепетал:

– Пусть это будет... твоя дочь, богиня Хатхор!

Ра вздрогнул. В очах его сверкнули ненависть и досада, лицо помрачнело. Он не хотел подвергать свою дочь опасности. Но коварный Геб поставил его в без выходное положение. Теперь Ра не мог отвергнуть предложение Геба, потому что этим он слишком явно бы показал свите, что готов пожертвовать кем угодно, лишь бы сохранить дочь. Властелину Вселенной это не к лицу: властелин должен быть суров и тверд, как гранитная скала.

Бог солнца посмотрел на Хатхор и, подавив вздох, хмуро сказал:

– Иди же и убей их, дочь моя!

– Ты приказываешь это... мне? – переспросила Хатхор.

Можно было понять ее растерянность! Ведь она была богиней любви и добра, она привыкла веселить и ублажать людей. Она всегда помогала девушкам-невестам шить наряды к свадьбе, а женщинам – заботиться о семье и растить детей. Ее музыкой наслаждались от мала до велика все египтяне. И после этого она должна заняться убийствами, как свирепая дочь бога Итаха – богиня войны Сохмет!..

Сохмет?.. Едва только Хатхор вспомнила про Сохмет, как на ум ей пришла спасительная мысль. Она, конечно, не могла послушаться приказа владыки, не смотря даже на то, что он был ее родным отцом. Но она не могла и выполнить этот приказ – во всяком случае до тех

пор, пока она была доброй богиней Хатхор. Оставалось одно: перестать быть такой богиней.

Хатхор произнесла волшебное заклинание и тут же превратилась в Сохмет.

А Сохмет, дочь Итаха, покровителя искусств и ремесел, который построил Золотой Чертог, была боги ней грозной, не знающей ни жалости, ни сострадания. Гнев ее был страшен: он приносил засухи, эпидемии и мор. Египтяне боялись эту богиню до ужаса и потому изображали ее в виде лютой львицы или женщины с львиной головой. Нельзя было без содрогания смотреть даже на статуи Сохмет.

Вот в какое чудовище превратилась добрая богиня Хатхор! В свирепую львицу.

С кровожадным рыком львица ринулась в горы, где затаились люди. Крик ужаса прокатился по горным склонам и ущельям, когда египтяне увидели приближающуюся богиню. Никто даже не выпустил стрелы в Сохмет, никто не метнул в нее копья – все побросали оружие и обратились в бегство.

Но разве можно убежать от разлютовавшейся львицы? Сохмет в два прыжка настигла людей и принялась безжалостно их терзать, орошая поля и горные склоны кровью и разбрасывая вокруг себя куски окровавленного мяса.

Ра, стоя у окна, молча наблюдал это побоище. Боги столпились у него за спиной и тоже смотрели вдаль, как замороженные.

– Они уже достаточно наказаны, эти бунтари! Они больше никогда не причинят тебе зла. Пощади людей! – вдруг взмолилась небесная богиня Нут, не в силах больше выносить страшное зрелище.

– Ты права, – согласился Ра. – Сохмет, богиня! – окликнул он бегущую львицу. – Оставь их и уходи. Ты уже выполнила то, что я тебе велел.

Львица обернулась.

– Ну уж нет! – свирепо прорычала она, оскалив окровавленные клыки. – Я уничтожу их всех до одного! Хочу досыта напиться кровью этих злодеев.

– Уходи! Я – владыка мира, я создал людей, и только я один имею право решать, жить им или нет. Повелеваю: уходи!

Но упрямая Хатхор-Сохмет не послушалась отца. Ей очень понравилось пить человеческую кровь. Жажда мести заглушила в ней

голос разума. Она вновь набросилась на людей. Полные ужаса египтяне убегали вверх по Нилу, а львица неотступно их преследовала и не давала пощады никому.

Видя, какую бойню учиняет его любимая дочь, Ра понял, что конца этой кровавой бойне не будет, что уговаривать Сохмет бесполезно. Бог солнца не на шутку встревожился. Его гнев на людей окончательно прошел.

– Что нам делать? – воскликнул он.

Ответом ему было растерянное молчание.

– Ведь она убьет всех людей! Не останется ни одно го! – в отчаянии закричал Ра.

Вдруг в окно впорхнула черная белогрудая птица с длинным клювом. Это был ибис, священная птица бога Тота. Ибис встряхнул перьями – и перед тронем Ра предстал сам бог мудрости, луны и письменности Тот.

– Я научу вас, что делать, – сказал он своим рассудительным, невозмутимым голосом. – Прежде всего, владыка, погаси свои лучи. Пусть наступит ночь.

Ра погасил лучи. Смолкло пение птиц; ночной мрак окутал долину Нила.

– Теперь, – продолжал Тот с каменным спокойствием, – теперь пошли своих рабов-скороходов к верховью Нила, на остров Элефантину. Там в горах есть каменоломни, а в каменоломнях тех находится руд ник, и в этом руднике есть очень много красного минерала «диди». Пусть твои гонцы наберут полные мешки этого диди и принесут сюда.

– Я все понял! – закричал Ра. – Воистину, Тот, ты – мудрейший из богов!.. Зовите же, зовите поскорее гонцов!

Вскоре гонцы по приказу Ра умчались на остров Элефантину. Боги, сидя в Чертоге, с нетерпением дожидались их возвращения.

Гонцы вернулись через несколько часов, неся полные мешки диди.

– Теперь, – воскликнул Ра, – отнесите это все на мельницу! Пусть мельники истолкут красный камень в порошок, а их рабыни пусть сварят как можно больше ячменного пива.

И опять потянулось томительное ожидание. Боги взволнованно ходили по залу. Один только Тот ничем не выказывал своего волнения.

К утру владыке Вселенной наконец доложили, что пиво сварено. Целых семь тысяч сосудов. Ра вскочил с трона.

– Скорее же, не медлите! Насыпьте в пиво толченого красного порошка диди и вылейте сосуды на поля!.. Теперь люди будут спасены, – добавил бог, с облегчением вздыхая.

Повеление Ра было незамедлительно исполнено: пиво, смешанное с порошком, вылили на поля. Долина Нила покрылась лужами кроваво-красного цвета. Ра взмахнул крыльями и взлетел на небо. Наступило утро.

Солнце и птичье щебетание разбудили львицу Сохмет, дремавшую в ущелье. Богиня зевнула во всю ширь своей клыкастой пасти, продрала заспанные глаза и увидела алые лужи. Взгляд ее хищно засверкал. Она тут же бросилась пить окрашенное пиво, приняв его за кровь.

На славу потрудились ночью мельники и пивовары! Пиво получилось очень вкусное. Сохмет лакала его, лакала, выпивая лужу за лужей – и не могла насытиться. Вскоре голова у нее закружилась, взгляд сделался мутным, ноги перестали слушаться. Она так опьянела, что уже не только забыла про людей, но и не видела ничего вокруг. Тут к ней подошел бог солнца и сказал:

– Успокойся, любимая моя дочь. Прими свой прежний облик – облик доброй богини Хатхор – и ступай отдыхать в Чертог богов. Люди никогда не забудут, как жестоко они поплатились за свою дерзость. Отныне все жители Та-Кемет будут чтить тебя еще больше и каждый год будут устраивать праздник в твою честь.

С тех пор египтяне каждый год в день праздника Хатхор приносят в храмы кувшины с пивом и пальмовым вином и ставят их к изваяниям любимой дочери солнечного бога.

Как Ра покинул землю

Когда бог солнца спас египтян от расправы, которую учинила над ними свирепая львица Сохмет, он снова созвал богов и пожаловался им:

– Устал я царствовать. Силы мои иссякают с каждым днем. Поэтому я решил покинуть землю.

– Что такое ты говоришь?! – запротестовали боги. – Нет равных тебе в могуществе! Кто дерзнет оспаривать твой трон после того, как ты расправился с целой армией бунтовщиков?

– Мне лучше знать! – сурово возразил владыка Вселенной. – Если я останусь на земле, то рано или поздно придет время, когда мне уже будет не под силу сражаться, и какой-нибудь бог или демон свергнет меня с престола. Поэтому я улечу на небеса.

– Что ж, будь по-твоему, владыка, – печально согласились боги.

Тогда небесная богиня Нут превратилась в корову. Ра сел на ее спину и торжественно сказал:

– Вознеси меня на небо! Там я буду царствовать над миром. Но пусть мои враги – крокодилы, змеи и гиппопотамы – знают: хоть я и удаляюсь с земли, я все равно остаюсь властителем Вселенной. Я буду без жалости пресекать все зло, которое они замыслият. Земной же престол я передаю Гебу. Поклонитесь ему, боги: отныне он ваш повелитель и царь.

Сказав это, Ра вручил Гебу царский жезл. Нут, приняв облик коровы, стремительно взмыла ввысь, унося великого солнечного бога.

Так закончилось земное царствование Ра. Наступила новая эпоха золотого века – эпоха царствования Геба.

Солнечная ладья

Ра уже не летал, как прежде, над землей и не ночевал в священном лотосе. Но несмотря на это, солнце все так же сияло днем, гасло вечером и вновь вспыхивало утром. Боги – Ра и его свита – теперь перевозили солнечный диск в ладье. Днем она плыла по небесному океану с востока на запад, и солнце освещало землю. Обратный же путь – с запада на восток – ладья проделывала ночью: она плыла под землей через Загробное Царство, и солнце дарило тепло своих лучей мумиям, лежащим в саркофагах.

Вот приблизилась полночь. Свита Ра столпилась у трона. Только Маат осталась на носу ладьи, да гребцы по-прежнему мерно взмахивали веслами. Солнце плыло на восток. По мере его движения бледнел и гас за кормой световой ореол. Зато впереди мрак рассеивался. Вскоре лучи высветили круто вздыбленные скалы, между которыми, уходя за поворот, извивалась подземная река.

– Боги! Я вижу пещеру Апопа. Приготовьтесь к бою! – воскликнул Ра.

Боги похватили оружие. Гор Бехдетский вскинул на изготовку свое не знающее промаха копье. Упуат и Нехебкау обнажили мечи. Урей на короне Хатор раздул шею и воинственно зашипел.

Внезапно вода вспенилась, забурлила; река в одно мгновение превратилась в бешеный поток. Казалось, ладья подплыла к водопаду. С ревом разбрызгивая пенные хлопья, поток несся вперед, увлекая за собой ладью. Тут и там над водой чернели острые камни, похожие на клыки чудовища. Гребцы вонзили в клокочущую воду лопасти весел и с невероятным трудом остановили ладью.

Потом вода исчезла. Словно ее и не было; только сухое каменистое русло напоминало о том, что еще минуту назад здесь текла полноводная река. Ладья проскребла грунт и легла на днище.

За скалой раздалось рычание, от которого с уступов с грохотом повалились камни. Это рычал Апоп – повелитель злых сил, враг солнца – гигантский пестрый змей. Каждую ночь Апоп подстерегает ладью у подземных скал. Заметив ее, он разевает пасть и выпивает всю воду подземного Нила.

И каждую ночь бог Ра и его свита бьются с исполинским змеем, чтобы утром солнце снова взошло на небосвод.

– Дрожи, Апоп! Сгинь, Апоп! Пропади, Апоп! – закричали боги и кинулись сражаться с чудовищем.

Огнеглазый урей Хатор метнул пучок раскаленных лучей, которые, словно стрелы, впились в тело змея. Гор Бехдетский вонзил в него копье. Упуат и Нехебкау стали яростно рубить мечами извивающееся страшилище.

Змей взревел от боли. Из разинутой его пасти хлынула вода. Вскоре ладья спокойно закачалась на волнах. Истекающий кровью Апоп уполз в пещеру. За день он успеет залечить раны и следующей ночью снова нападет на Ладью Вечности.

Ладья обогнула скалу, миновала последние врата Загробного Царства и вскоре причалила к подножию восточных гор. Боги и Ра умылись в священном озере и снова заняли свои места. Неутомимые гребцы взмахнули веслами – и Ладья Вечности выплыла на небо.

На рассвете ладья через пещеру в восточных скалах вновь выплывала на небосвод, и все повторялось сызнова – изо дня в день, из года в год, из столетия в столетие.

Исида и Осирис

Рождение Осириса

Ра однажды разгневался на богиню неба Нут за непослушание. Разгорелась ссора. Слепленный яростью бог Ра воскликнул, потрясая кулаками:

– Знай же, непокорная ослушница: страшное наказание ждет тебя! Отныне и навеки я обрекаю проклятию все триста шестьдесят дней года. Ни в один из них ты не сможешь рожать детей и навсегда останешься бездетной!

Богу мудрости Тоту без особого труда удалось перехитрить Луну и изменить миропорядок. Он выиграл у нее несколько дней. Заполучив свой выигрыш – пять дней – Тот прибавил их к солнечному году.

С тех пор лунный год сделался короче: в нем осталось лишь 355 дней. А солнечный год увеличился, поскольку дней в нем стало 365. Но самое главное, на пять лишних дней солнечного года не распространялось проклятие Ра! Ведь когда владыка Вселенной обрекал проклятию все дни года, их было только 360.

Правда, Ра немедленно проклял бы и эти новые пять дней и вдобавок наказал бы Тота за столь дерзкую проделку. Но мудрый бог все предусмотрел заранее. Пять дней, которые он прибавил к году, он посвятил Ра. Не станет же владыка проклинать дни, посвященные ему самому!

Как Тот рассчитал, так и вышло. Узнав обо всем, Ра было осердился и обрушился на бога мудрости Тота, грозя ему всеми мыслимыми и немыслимыми карами. Но когда Тот, покорно склонив голову, сказал богу солнца, что новые дни он посвятил ему, Ра, задобренный таким богатым подарком, смирил гнев и простил Тоту его выходку.

Прошло немного времени, и вот в конце года, в те самые пять дней, на которые не было наложено проклятие, у Нут родилось пятеро детей.

В первый день на свет появился Осирис. Младенец заплакал так громко, что земля задрожала, а в небе вспыхнуло зарево, возвестившее

о рождении величайшего бога.

Во второй день родился Гор Бехдетский.

В третий день родился Сет, бог пустыни, войны и стихийных бедствий. У малыша была звериная морда: красные его глаза сверкали злобой, и волосы его были тоже красными, как горячий песок пустыни. День рождения Сета – третий предновогодний день – считался в Та-Кемет, то есть в Египте, несчастливым. Фараоны и придворные сановники не занимались в этот день государственными делами, не принимали никаких важных решений и не допускали к себе иноземных послов.

Четвертый день был днем рождения доброй богини Исиды.

И наконец, в пятый день родилась ее сестра Нефтида.

Все это произошло в те времена золотого века, когда Ра уже вознесся на небо, а землю правил Геб.

Царствование Осириса

Египтяне в то время были еще народом диким и темным, как племя кочевников. Они не знали целебных трав, не умели лечить самые простые болезни и часто умирали еще в молодости. У них не было ни письменности, ни законов. Селения враждовали друг с другом, и вражда то и дело выливалась в кровавые побоища. В некоторых областях люди не умели готовить мясо и ели его сырым, а кое-где даже процветало людоедство. Царствуя над Египтом, Осирис отучил людей от дикого образа жизни и людоедства, научил сеять злаки (ячмень и полбу), сажать виноградники, выпекать хлеб, изготавливать пиво и вино, а также добывать и обрабатывать медную и золотую руды. Осирис, став царем, решил, что прежде всего нужно дать народу знания. Это было нелегкой задачей, но Осирис успешно с нею справился. Он разъяснил людям, какие поступки благородны, а какие нет, установил с помощью бога Тота справедливые законы, научил египтян строить плотины и ирригационные каналы, чтобы земледельцы могли в засушливые годы орошать поля. Это избавило страну от засух и голода. Он обучил людей врачебному искусству, строительству городов, учредил культ богов.

Осирис и Тот правили в Та-Кемет, не допуская насилия и кровопролитий. Боги не учиняли расправы над теми, кто не хотел их

слушаться. Они решили, что воспитывать этих полудиких людей нужно не устрашением, а мудрыми, убедительными речами, добротой и, главное, хорошим примером, который они сами подавали им. Это были лучшие дни золотого века!

Когда все жители Та-Кемет стали грамотными, и по всей стране установился угодный богам порядок, Осирис решил обойти соседние страны, поскольку другие народы все еще прозябали в варварстве. В сопровождении музыкантов и певцов Осирис отправился в путешествие и вскоре преобразил весь мир так же, как некогда преобразил Та-Кемет. Ни разу не прибегнув к насилию, покоря сердца людей только красноречием и добром, Осирис подчинил себе большинство племен.

Прошло двадцать восемь лет с тех пор, как Осирис стал царем. За годы его царствования Египет изменился до неузнаваемости. Города увеличились во много раз, перекинулись с черной плодородной земли на пески, а окраины дотянулись уже до самого восточного предгорья. Там, на окраине, стояли роскошные усадьбы вельмож. Ближе к берегу селился незнатный люд: тесно лепились друг к другу дворики с небогатыми лачугами из кирпича-сырца. Крыши на этих лачугах были тростниковые, обмазанные илом. Зной быстро превращал ил в засохшую корку, – поэтому каждый год после половодья египтяне везли с реки новый ил и обмазывали крыши заново.

Так выглядели города на восточном берегу Нила. А западная часть любого города принадлежала мертвым. Там египтяне хоронили тех, кто ушел в Дуат. Боги еще не научили людей делать мумии, поэтому тела, облаченные в погребальное убранство, просто клали в деревянные ящики и закапывали в песок. Только высекатели саркофагов и гробовщики жили за рекой, около своих мастерских. Суда доставляли им гранит и песчаник из каменоломен и кедровые бревна из чужеземных стран. По ночам на западном берегу уныло плакали шакалы, священные животные бога Анубиса.

С раннего утра в городе закипала жизнь. Пчеловоды торговали на площадях медом, пекари – пышным хлебом и лепешками, пивовары разливали в кружки пахучее ячменное зелье; гончары, высекатели статуэток и другие ремесленники горласто нахваливали свои товары. Кто-то возделывал деревья в саду, чинил за пруды в оросительных каналах либо брал челнок и отправлялся на реку рыбачить.

Так продолжалось до полудня, пока Ладья Вечности не достигала зенита. В полдень жара делалась уже невыносимой. Тогда все прятались в тень, в дома или пальмовые рощи, и отдыхали. А к вечеру горожане вновь собирались в людных местах или принимались каждый за свою работу. Вдали, у подножия гор, красовались дворцы богов.

Гибель Осириса

Сет, желавший править вместо Осириса, придумывал способ погубить его. После победоносного возвращения из похода в Азию Осирис устроил пир. Сет, явившийся на пир со своими 72 соумышленниками, велел внести роскошно украшенный ящик (очевидно, саркофаг) и заявил, что он будет подарен тому, кому придется впору. Когда очередь дошла до Осириса и он лег на дно ящика (сделанного специально по его мерке), заговорщики захлопнули крышку, залили ее свинцом и бросили ящик в воды Нила. Течением ящик прибило к берегу, и растущий там куст вереска охватил его своими ветвями. Там через многое время его нашла верная супруга Осириса Исида и отправилась за помощью к своей сестре Нефтиде.

Тихо было там, где Исида оставила ящик. Плескалась речная вода, шуршал папирус у берега, редко-редко в рассеянном лунном свете черной тенью проносилась сова или летучая мышь.

Вдруг по болоту зашлепали шаги. Потом, как две пылающих головешки, в темноте вспыхнули два красных глаза. Это Сет вышел на охоту. Он очень любил поохотиться ночью, при луне. На поясе у злодея был меч, в руке – копьё. Кровожадно оскалась, он побежал к кустам и споткнулся о ящик.

Он раскидал ветки, прикрывавшие ящик. В этот момент луна вышла из-за облака, и в ее серебристом свете ярко вспыхнули драгоценные камни. Крик изумления вырвался у Сета.

– Сокровища! – воскликнул он и захохотал, алчно потирая руки. – Воистину: сегодня у меня самая удачная охота, какую только можно себе представить!

Он выхватил меч, перерубил ремни, которыми был обвязан ящик, откинул крышку. И попятился. Он увидел в ящике тело Осириса. Громко расхохотавшись, Сет изрубил тело Осириса на четырнадцать

частей и разбросал эти части по всей земле Та-Кемет. На следующий день вернулась Исида вместе с Нефтидой и Анубисом. Богини бросились к сундуку. Он был пуст. Молча оглядела Исида поляну, увидела кровь на траве и все поняла. Ей сразу представилось, как злорадно хохотал Сет, рубя мечом мертвого Осириса. Богиня захлопнула ящик и в изнеможении села на него. У нее уже не было сил плакать.

Нужно было собрать тело Осириса по частям. Анубис воскликнул:

– Я могу их срастить при помощи снадобий и целебных трав. Давайте же не будем медлить и отправимся на поиски. Пусть каждый из нас, найдя какую-либо часть, поставит надгробную плиту в том месте. Чем больше будет плит, тем труднее потом Сету будет найти настоящую могилу. К тому же эти плиты будут напоминать людям, какой добрый бог правил ими раньше и какой злодей царствует теперь. Люди перестанут приносить жертвы Сету и понесут их к надгробиям Осириса.

Поиски останков Осириса продолжались двенадцать дней. Анубис обошел пустыню, Нефтида – горы, Исида же смастерила папирусную ладью и плавала в ней по рекам и болотам. С тех пор крокодилы из почтения к великой богине колдовства не нападают на рыбаков, плавающих в папирусных челноках. Когда останки Осириса были собраны, Анубис их срастил и смазал труп бога специальными маслами и снадобьями, предохраняющими от тления.

И вот умерший бог лежал на погребальном ложе. Это была первая на земле мумия. Именно с того дня среди людей и утвердился обычай мумифицировать покойников.

Когда мумия была готова, Исида и Нефтида стали, причитать над мертвым телом:

Приближается Исида,
Приближается Нефтида,
Одна – справа,
Другая – слева.
Нашли они Осириса...
Спеши, спеши!
Плачь о брате твоём, Исида!

Плачь о брате твоём, Нефтида!
Плачь о брате твоём!

Плачем мы
по владыке,
Не исчезла любовь
к тебе средь нас!
О муж, владыка
любви,
О севера царь,
господь вечности,
Взлети к жизни,
о князь
бесконечности!
О брат мой, владыка,
отошедший в край
Безмолвия!
Вернись же к нам
в прежнем
облике твоём!
Приди же в мире,
в мире!
Севера царь,
владыка,
приди в мире!
Да узрим мы лик твой
как прежде,
Как жаждала я
видеть тебя!

Вместе с двумя сестрами горевали духи гор, полей и городов. Услышав причитания Исиды и Нефтиды, они слетелись к погребальному ложу и стали танцевать танец печали, избивая свои тела, ударяя в ладоши, рвали на себе волосы. Тело Осириса было спасено и предано погребению. Однако злодейство Сета оставалось пока безнаказанным. Верная супруга Осириса – Исида, когда нашла

тело мужа, извлекла чудесным образом скрытую в нем жизненную силу и зачала от мертвого Осириса сына, названного Гором.

Воскрешение Осириса

Сет не подозревал, что тело Осириса восстановлено. Он думал, что Исида только оплакала и похоронила останки мужа. Но и этого было достаточно, чтоб бога пустыни обуяла ярость. Он призвал стражу, велел схватить Исиду и заточить ее в темницу. Исиду бросили в подземелье. Но на выручку ей пришел бог Тот. Он помог Исиде бежать. Исида укрылась от преследователей в непролазных болотах дельты Нила.

Вскоре у нее родился сын. Богиня назвала его Гором. В тайне ото всех Исида стала растить малыша и с нетерпением дожидалась того дня, когда он окрепнет, возмужает, сделается непобедимым богатырем, отомстит Сету за убийство отца и сядет на престол Та-Кемет (Черная Земля, то есть Египет). Никто другой не решался оспаривать трон у могущественного Сета.

По утрам Исида, накормив и убаюкав малютку, прятала его в тростниковый шалаш и отправлялась в какое-нибудь селение за пищей, а к вечеру возвращалась назад.

Однажды во время ее отсутствия Гора ужалил скорпион. Вернувшись, богиня увидела, что ее сын умирает.

Исида схватила ребенка на руки и с плачем обратилась к Ра, умоляя владыку спасти Гора. Ра внял мольбе богини. Ладья Вечности остановилась над болотами Дельты, бог Тот покинул свое место в Ладье и спустился с небес к Исиде. Он прочел волшебное заклинание, которое исцелило малыша. Когда же Гор выздоровел, Тот, обращаясь ко всем жителям Та-Кемет, сказал:

– Слушайте меня! Слушайте и помните: вы должны беречь Гора, заботиться о нем и помогать Исиде. Если же вы не будете этого делать, на землю обрушатся голод, мрак и запустение.

Когда Гор подрос, Исида явилась с ним на суд эннеады и стала требовать для него, как законного сына Осириса, царский престол. По настоянию Сета она была отстранена от участия в судебном разбирательстве. Боги-судьи собрались на Внутреннем острове и строго запретили перевозчику Немти доставлять туда Исиду. Приняв

образ старухи, она подкупила перевозчика золотым кольцом, и он переправил её на заповедный остров. Там она превратилась в прекрасную девушку и рассказала Сету историю о сыне пастуха, которого ограбил чужеземец, лишив его стад умершего отца. Сет возмутился незаконностью такого поступка и этим невольно осудил самого себя и признал, что наследство отца следует передавать сыну.

Исида помогла Гору в дальнейших спорах и столкновениях с Сетом. Когда жизненная сила Сета проникла в руку Гора и наполнила её отравой, Исида оторвала руку и заменила её здоровой. Она добилась осуждения Сета и признания царём Египта сына.

Гор

Когда Исида зачала Гора, она удалилась в болота дельты Нила. Там Гор родился, и Исида его воспитала.

Возмужав, Гор на суде богов в споре с Сетом добивается признания себя единственным наследником Осириса. В битве с Сетом Гор сначала терпит поражение, Сет вырывает у него глаз – чудесное око, однако затем наступает их долгая борьба. Потом они встретились на суде богов, на Внутреннем острове.

– Клянусь, этот юнец не получит сана царя, пока мы не померяемся силами! – надрывался криком Сет. – Мы не будем драться, не будем проливать кровь. Мы построим себе каменные ладьи и поплывем наперегонки. Тому, кто одолеет соперника, будет отдан сан владыки. Это будет честное состязание!

– Ты лжешь! – сказала Исида. – Ты не способен состязаться честно!

Ра хотел возразить Исиде, но Гор его опередил.

– Хорошо! Я согласен! – вдруг объявил Гор во всеуслышание.

Боги переглянулись. Даже Сет замер в недоумении, торчком подняв уши.

– Но это состязание будет последним! – твердо добавил юноша и, не говоря больше ни слова, ушел.

Состязание было назначено на следующий день. Боги во главе с Ра приготовились наблюдать за ним. Сет сразу побежал в горы, отколол дубиной вершину скалы и вытесал из нее ладью. А сын Исиды

построил себе ладью из кедрового дерева и обмазал ее сверху гипсом. С виду его лодка тоже казалась сделанной из камня.

Наступил день состязания. Соперники уселись каждый в свою лодку и по команде взмахнули веслами. Ладья Гора легко заскользила по воде. Ладья же глупого Сета, едва отчалив от берега, с бульканьем ушла под воду.

Разъяренный Сет превратился в гиппопотама и бросился вдогонку за Гором.

– Я убью тебя! – хрипел он. – Никогда, никогда не быть тебе царем! Я переверну твою лодку и утоплю тебя!

Услыхав эти слова, Исида, наблюдавшая за состязанием с берега, в страхе замерла.

– Я же вам говорила, говорила: нельзя ему верить! – вскричала она, ломая руки. – Этот коварный злодей убьет моего сына! Боги! Помогите Гору!

Боги переполошились. Один только Гор не проявлял ни малейших признаков волнения. С невозмутимым лицом он смотрел на Сета и ждал, когда тот подплывет поближе. Потом он встал во весь рост. В руках у него был гарпун. Глаза гиппопотама-Сета округлились от ужаса.

– Спасите! – завизжал он. – Великий Ра, спаси меня! Я проиграл состязание, я сдаюсь, я больше никогда не буду оспаривать у Гора власть!

Но никто на берегу не двинулся с места. Все смотре ли на Ра: что скажет он.

– Пощади его, – сказал Ра, опуская глаза. – Пощади своего соперника, Гор. Ты – царь Египта!.. Ликуйте же, боги! – скрепя сердце, добавил он. – Ликуйте и падите ниц перед новым властелином!

Так Гор одержал окончательную победу в споре и получил трон своего отца Осириса.

В знак подчинения Сета он кладёт ему на голову сандалию Осириса. Своё око Гор даёт проглотить Осирису, и тот оживает. Воскресший Осирис передаёт свой трон в Египте Гору, а сам становится царём загробного мира, где его охраняют дети Гора.

Сын Исиды был последним из богов, царствовавших на земле. Проществовав много лет, он вознесся на небо, присоединился к свите

Ра в Ладье Вечности и вместе с другими богами стал защищать солнце от демонов и от Апопа.

С уходом Гора кончился золотой век. Земная власть перешла к фараонам. Каждый фараон считается земным воплощением Гора.

МИФЫ НАРОДОВ МАОРИ

Сотворение мира

Небо и Земля

Давным-давно, когда еще не было ни дня, ни ночи, ни солнца, ни луны, ни зеленых полей, ни золотого песка, Ранги, небо-отец, лежал в объятиях Папы, земли-матери. Много столетий они лежали, крепко обняв друг друга, и их дети, как слепые, ощупью пробирались между ними. В мире, где жили дети Ранги и Папы, было темно, и дети мечтали вырваться из мрака. Им хотелось, чтобы ветры резвились над вершинами холмов и лучи света согревали их бледные тела.

Теснота, на которую они были обречены, стала в конце концов невыносимой. Тогда сыновья Неба и Земли прокрались ползком по узким подземным коридорам и пещерам своего мира и собрались вместе. Они расселись под несколькими деревьями, которые ухитрились подняться над землей, причудливо изогнув ветви.

– Что нам делать? – спрашивали друг друга дети богов. – Убить отца и мать, чтобы открыть путь свету? Или силой разлучить их? Нужно же что-нибудь сделать, ведь мы уже не маленькие. Мы не можем постоянно цепляться за мать!

– Давайте убьем их, – сказал Ту-матауенга. Тане встал и выпрямился, насколько позволяло нависшее небо.

– Нет, – воскликнул он, – мы не можем их убить! Это наши отец и мать. Давайте силой разлучим их. Давайте отодвинем небо далеко-далеко и будем жить около сердца нашей матери.

Так сказал Тане, потому что он был богом деревьев, а деревья питаются соками земли.

Братья одобрительно зашептались – все, кроме Тафириматеа, отца ветров. Его голос сорвался в пронзительный свист, когда он взглянул в лицо братьям и с яростью воскликнул:

– Так не пойдет! Сейчас мы живем в безопасности и ничего не боимся! Тане сам сказал: «Это наши отец и мать».

Берегись, Тане, ты надумал постыдное дело!

Его слова потонули в криках других богов, теснившихся под деревьями.

– Нам нужен свет! – негодовали они. – Нам тесно, у нас затекли руки и ноги! Нам нужно место, чтобы двигаться.

Боги столпились вокруг Тафири, а Ронго-ма-Тане, отец полей и огородов, уперся плечами в Небо и пытался выпрямиться во весь рост. Братья слышали в темноте его быстрое дыхание. Но тело Ранги оставалось неподвижным, и густой мрак по-прежнему окутывал их всех. На помощь Ронго пришел Тангароа, отец морей, рыб и пресмыкающихся. К нему присоединился Хаумиа-тикитики, отец диких ягод и корней папоротника, а потом и Ту-матауенга, отец мужчин и женщин. Но все их усилия были тщетны. Тогда боги догадались, что канаты, которыми родители были крепко-накрепко привязаны друг к другу, – это руки Ранги. Ту-матауенга отсек руки отца, и из крови, хлынув шей на тело Папы, образовалась красная охра, которую до сих пор находят в земле.

Последним поднялся могущественный Тане-махута, отец лесов, птиц, насекомых и всех живых существ, которые любят свет и свободу. Тане долго стоял молча и неподвижно, затаив дыхание, чтобы собраться с силами. Потом он уперся ногами в Землю, а руки прижал к Небу. Выпрямляя спину, Тане изо всех сил отталкивал ногами Землю. Раздался глухой стон. Он пронзил сердца богов, упавших ничком, потому что исходил из тела земли-матери, которая задрожала, почувствовав, что Ранги вы пустил ее из объятий. Папа стонала все громче и громче, ее стоны слились в оглушительный крик. А Ранги уносился все дальше и дальше от Папы, и злые ветры с воем закружились по просторам, которые открылись между небом и землей.

Тане и его братья разглядывали плавные изгибы тела матери. Они впервые увидели ее во всей красе, потому что свет только что забрезжил над землей. Серебристая пелена тумана закрывала обнаженные плечи Папы, а из глаз опечаленного Ранги одна за другой падали слезы.

Боги радовались свежему воздуху и приводили в порядок свои новые владения. Хотя Тане разлучил родителей, он любил их обоих, и ему хотелось сделать для матери такой красивый наряд, о котором она не могла и мечтать в их прежнем темном мире. Он принес деревья – своих детей – и посадил их в землю. Но так как новый мир еще только начинал строиться и сам Тане, как ребенок, еще только постигал

простейшие истины, он ошибся и посадил деревья кронами в землю, и их толстые белые корни, недвижимые на ветру, торчали наружу.

Тане прислонился к стволу дерева и хмуро оглядел странный лес. Он понял, что птицы и насекомые, его веселые дети, не могут жить в таком лесу. Тогда Тане вырвал огромное дерево каури и снова посадил его, но на этот раз старательно засыпал корни землей. Теперь он мог с гордостью любоваться нарядной зеленой кроной над гладким прямым стволом. Шелест листьев ласкал его слух. Земля стала такой красивой в зеленом одеянии!

Создание людей

Тане видел, как прекрасны земля и небо, и все-таки был недоволен. Он понимал, что его труд нельзя считать законченным, потому что на земле все еще нет мужчин и женщин. У Тана и его братьев рождались дети, но то были боги, бессмертные небожители, чуждые земле и ее заботам.

Однажды боги спустились на землю и из мягкой красной глины слепили куклу-женщину. У нее была гладкая кожа, округлое тело, длинные черные волосы – она ласкала взгляд, но в ней не было огня жизни. Тане наклонился и вдохнул воздух в ее ноздри.

Веки женщины дрогнули и приподнялись, она оглядела богов, которые не сводили с нее глаз, и чихнула. Тане одарил ее дыханием, и кукла превратилась в женщину.

Боги отнесли ее к себе домой, на небо, омыли в небесных водах и назвали Хине-аху – Женщина, Слепленная из Земли. Потом Хине-аху отослали обратно на землю, и Тане взял ее в жены. Но у них рождались только девочки.

Тики – первый мужчина – был создан Ту-матауенгой, богом войны. Спустя несколько лет он тоже женился на Хине-аху и стал отцом мужчин и женщин, которые заселили землю донныне радуются ее неиссякаемым богатствам, созданным и заботами Тана.

Луна

Давным-давно, когда дорога в нижний мир еще была открыта для смертных, двум женщинам захотелось узнать, что там делается. Они

взяли с собой полные корзины сушеной кумары и отправились в дальний путь, в Рейнгу. Женщины спустились по корням древней похутукавы и осторожно продолжали идти вниз, держась за морские водоросли. Вскоре они оказались в темной пещере, которая уходила далеко под землю. Ощупывая путь руками, женщины шли вниз и наконец увидели вдалеке слабый мерцающий огонек, будто где-то впереди полз жук-светлячок.

Через некоторое время свет стал ярче, и они увидели костер, вокруг которого сидели на корточках трое седоволосых стариков-духов.

– Это костер духов, – прошептала одна из женщин. – Если мы унесем отсюда хоть головешку, в наших домах всегда будет тепло, только я боюсь подойти поближе.

Другая женщина оказалась храбрее. Она приблизилась к духам, и те в изумлении подняли на нее глаза. Прежде чем они успели опомниться, женщина поставила перед ними корзину с кумарой и выхватила из костра горящее полено.

Подруги побежали назад в Рейнгу, старики погнались за ними.

Женщинам казалось, что они уже спасены, но когда они вынырнули из воды, один из духов схватил за пятку ту, что держала горящее полено. Женщина испугалась, швырнула полено, но все-таки сумела вырваться из рук старика.

Ужас придал силы рукам женщины. Горящее полено улетело высоко в небо, оно летело все выше и выше, пока не запуталось в складках плаща Ранги. С тех пор оно горит на небе и будет гореть вечно. Люди называют его Марама, что значит луна.

Радуга

Однажды ранним утром, еще до рассвета, юноша по имени Уенуку бродил по лесу и засмотрелся на столб тумана, который стоял над озером. Уенуку часто видел, как туман стелется над водой, но ему еще не приходилось видеть, чтобы туман стоял над озером, как высокое дерево. Любопытство заставило его ускорить шаг. На опушке леса, почти у самого берега, он остановился. В спокойной воде озера плескались две женщины. Дымка тумана, как облачко, окутывала их обеих, но не мешала Уенуку любоваться их красотой. Воздух вокруг

был чист и прозрачен, а у берега, вблизи облачка, все было покрыто серебряной пылью. Женщин звали Хине-пукоху-ранги, или Дева-Туман, и Хине-ваи, или Дева-Дождь. Девы-сестры спустились с неба, потому что им захотелось искупаться в спокойном лесном озере.

Уенуку смотрел на сестер и чувствовал, как им овладевает странное волнение. Он подходил к ним все ближе и ближе, будто влекомый неодолимой силой. Сестры спокойно смотрели на юношу, они не боялись его, а только удивлялись. Уенуку опустился на колени у кромки воды и сказал одной из них:

– Меня зовут Уенуку. Скажи мне свое имя.

– Я дочь неба, Хине-пукоху-ранги.

Уенуку протянул к ней руки.

– Останься со мной, останься в мире света, – сказал он, – никогда не видел такой красивой женщины, как ты. Я сильный, я буду о тебе заботиться.

Сестры любили спускаться на землю при темном и облачном небе, а в эту минуту на ветвях деревьев заиграли солнечные блики. Хине-пукоху-ранги не сводила глаз с красивого юноши, но сестра крикнула ей, что настал день.

– Я не могу покинуть свой дом, – сказала Хине-пукоху-ранги. – Слышишь, меня зовет сестра.

– Тебе понравится наш мир, – уговаривал ее Уенуку. – На небе холодно и пусто. А у нас летом тепло, потому что солнечные лучи заглядывают даже под деревья. И зимой у нас тоже тепло, потому что в наших очагах пылает огонь. В лесу поют птицы, смеются мужчины и женщины. Пойдем со мной, дочь неба.

Девушка сделала шаг к нему навстречу и отпрянула.

– Ты будешь несчастлив со мной, – сказала она.

– Я всегда буду тебя любить, – только и мог сказать ей в ответ Уенуку.

– Ты не понимаешь. Я пришла сюда из другого мира, я могу быть с тобой только ночью, на рассвете я должна возвращаться домой, на небо.

Уенуку стоял на своем.

– Я все равно хочу тебя, – сказал он. – Пусть я днем буду один, я все равно хочу, чтобы ты осталась и жила со мной.

Дева-Туман улыбнулась.

– Хорошо, я приду к тебе, – сказала она.

В тот вечер Уенуку сидел один в своем доме, смотрел на огонь и вспоминал Деву-Туман. Пламя угасало, от него уже остались только синие язычки. В эту минуту Уенуку услышал негромкие голоса, потом дверь осторожно приоткрылась. Уенуку увидел Хине-пукоху-ранги и с радостью обнял ее. Ночь они провели вдвоем. Но утром Дева-Туман вместе с сестрой вновь поднялась на небо. Сестры встретились, как два облачка, и уплыли в вышину прежде, чем их настигли первые лучи солнца. Ночь за ночью Хине-пукоху-ранги приходила к Уенуку, но она предупредила его, чтобы он ни в коем случае не рассказывал о ней своим соплеменникам.

– Мне так хочется, чтобы они увидели, какая ты красивая, – сказал как-то Уенуку.

– Будь терпелив и жди, – ответила она. – Ты расскажешь обо мне, когда родится наш ребенок, тогда я объявлю всем, что ты мой муж, но до тех пор о наших встречах не должен знать никто, кроме тебя, меня и Хине-ваи. Если ты кому-нибудь скажешь обо мне хоть слово, я больше никогда к тебе не приду.

Уенуку боялся лишиться молодой жены и хранил тайну, но с каждым месяцем все больше гордился своей небесной подругой и в конце концов не устоял перед искушением: он рассказал о ней друзьям и похвастался ее красотой. Новость скоро облетела всю деревню. Летние дни становились длиннее, и женщины не давали покоя Уенуку.

– Ты говоришь, что у тебя есть жена, – смеялись они. – Где же она, Уенуку, где твоя жена, почему мы ее ни разу не видели? Может, ты прячешь дома не женщину, а бревно или охапку льна? Ты только говоришь, что она красивая, покажи ее нам, тогда мы тебе поверим.

– Я не могу ее показать, – защищался Уенуку. – Каждое утро, едва забрезжит рассвет, они с сестрой улетают к себе на небо.

– А ты заделай все щели в доме и скажи, что еще темно. Она останется, а когда совсем рассветет, мы откроем дверь и увидим, правду ты говоришь или нет.

От заката солнца до восхода времени было так мало! А дневные часы тянулись бесконечно. Уенуку хотелось услышать смех своей подруги, послушать, как она поет, увидеть, как она вместе с другими танцует пои.

В конце концов Уенуку почувствовал, что больше не в силах ежедневно разлучаться с женой. Он завесил окна циновками и заткнул мхом щели в стенах. При закрытой двери в доме было темно, как в безлунную ночь, когда все небо затянуто облаками.

Вечером дочь неба по обыкновению пришла к нему. Ночные, часы пролетели будто минуты, на востоке появились первые лучи света, и Хине-ваи окликнула сестру:

– Пора, пришло время расставаться с землей!

– Иду! – крикнула Дева-Туман, шаря в темноте в поисках плаща.

– Что случилось? – спросил Уенуку.

– Мне пора идти.

– Еще рано, – сказал Уенуку, притворяясь, что говорит в полусне. – Зачем ты понапрасну меня беспокоишь? Посмотри, еще совсем темно.

– Скоро утро. Сестра уже звала меня.

– Она ошиблась. Может быть, ее обманул свет луны или звезд. Еще совсем темно. Ложись и спи.

Хине-пукоху-ранги снова легла.

– Наверное, Хине-ваи ошиблась, – сказала она. – Как странно. Не знаю, что с ней случилось. Раньше она никогда не ошибалась.

Дева-Дождь звала и звала сестру, ее оклики сливались с пением пробудившихся птиц, а Уенуку продолжал твердить, что Хине-ваи ошиблась. Хине-ваи ничего не оставалось, как возвращаться без сестры. Она медленно поднималась на небо, ее голос звучал все глуше и наконец перестал долетать до Уенуку и его жены.

– Что-то случилось, я знаю, – сказала вдруг Дева-Туман, окончательно проснувшись. – Ты слышишь, в лесу поют птицы!

Оба прислушались. Хине-ваи умолкла. Зато до них доносились громкое пение птиц и голоса людей, собравшихся на марае. Хине-пукоху-ранги забыла о плаще и бросилась прочь из дома. Дверь распахнулась, яркий солнечный свет затопил дом. На мгновение Дева-Туман замерла, и люди, собравшиеся перед домом, тоже замерли, потому что ее наготу прикрывали только длинные черные волосы, и мужчинам никогда прежде не приходилось видеть такой стройной, такой красивой женщины. Глядя на Хине-пукоху-ранги, они поверили, что она явилась из другого мира.

Уенуку вышел вслед за женой и с гордой улыбкой сел на пороге, радуясь завистливым взглядам, которые бросали на него со всех сторон. В ту же минуту Дева-Туман взобралась на крышу и вскарабкалась на конек. Люди закричали, но тут же смолкли.

– О Уенуку! – печально запела Хине-пукоху-ранги. – Ты показал меня своим соплеменникам, когда взошла утренняя звезда и засияло солнце. Мы лежали у тебя в доме, и я не услышала зова Хине-ваи. О Уенуку, ты опозорил меня!

И тогда произошло чудо. На ясном небе появилось облачко, окутало Хине-пукоху-ранги всю, с головы до ног, и скрыло от глаз людей. Только ее голос еще доносился до них. А потом песня смолкла и наступила тишина. Облачко слетело с крыши. Оно поднималось все выше и выше, пока не растаяло под лучами яркого солнца, залившего расплавленным золотом пустой конек крыши.

Шли годы, Уенуку пережил много опасных приключений, побывал в чужих странах, но так и не узнал, куда исчезла Хине-пукоху-ранги. Уенуку состарился, лишился зубов, его спина сторбилась, и наконец где-то вдали от родных мест одинокого и несчастного старика настигла смерть.

Так Уенуку поплатился за легкомыслие и гордость, но боги сжалились над ним. Они взяли на небо его старое тело и превратили Уенуку в многоцветную радугу, которой до сих пор радуются люди.

И когда солнце всходит над холмами и согревает влажную землю, Дева-Туман поднимается на небо, где радуга-Уенуку нежно обвивает свою дорожную жену сверкающей разноцветной лентой.

О любви

В давние времена Матаора, предводитель воинов, однажды ночью беспокойно заметался во сне. Ему приснилось, что у него в руках таиаха и он сражается со смертью. Вокруг на земле сидят мужчины и женщины и при каждом его ударе, при каждом броске вскрикивают от удовольствия. Потом крики почему-то стихли и раздался смех. Матаора с изумлением оглянулся по сторонам. И тогда пелена сна упала с его глаз, Матаора вскочил. В окно и в двери он увидел чьи-то внимательные белые лица. Матаора взгляделся в незнакомцев и заметил, что их волосы светятся, будто метелки осоки тоетое на утреннем солнце.

– Кто вы такие? – воскликнул Матаора.

– Мы туреху, – услышал он в ответ.

– Откуда вы пришли?

– Из нижнего мира. А ты кто такой? Бог? – спросила одна из туреху. – Мужчина? – спросила другая под смех остальных, потому что они все были женщинами.

– Почему вы спрашиваете? – рассердился Матаора. – Вы что, не видите, что я мужчина?

Туреху снова засмеялись.

– Откуда мы знаем, кто ты, если на тебе нет татуировки. У тебя раскрашено только лицо.

Матаора с удивлением посмотрел на туреху.

– Что же еще нужно раскрашивать? – спросил он. Туреху молчали, потом одна высокая женщина сказала:

– Придет день, может, узнаешь. Матаора не обратил внимания на ее слова. Его мучило любопытство: в тех местах никто прежде не видел туреху.

– Входите, – пригласил он женщин, – я дам вам поесть.

– Хорошо, – сказали туреху, – только лучше мы подождем здесь.

Матаора поспешил принести остатки еды, которые нашлись у него в доме. Но туреху вели себя как-то странно.

– Разве это едят? – спрашивали они друг у друга. А одна из них взглянула на угощение и сказала: – Нет, не едят.

Услышав эти слова, Матаора рассердился.

– Смотрите! Я покажу вам, что едят! – воскликнул он и съел кусочек.

– Ой! Он ест мидии!

– Их нельзя есть! – воскликнуло сразу несколько туреху.

Тогда Матаора вспомнил, что туреху едят только сырую пищу и пошел на пруд, наловил рыбы и положил перед светлокожими женщинами.

Туреху радостно засмеялись и быстро покончили с рыбой. Пока они ели, Матаора успел разглядеть их получше. У них была светлая кожа и светлые волосы до пояса. Тонкие носы и прямая спина. Они носили короткие юбочки, сплетенные из сухих морских водорослей. Когда туреху поели, Матаора встал и начал танцевать. Он шел по кругу и заметил, что одна из женщин следит за каждым его движением. Она была выше своих подруг, и Матаора без труда отличал ее от других туреху. Каждый раз, когда их глаза встречались, он чувствовал, что любит ее все сильнее.

Наконец он сел, и туреху начали свой плавный танец. Совсем непохожий на женский танец пои пли воинственную хаку, которые столько раз видел Матаора. Высокая девушка, которая не спускала с него глаз, вышла вперед. Остальные взяли за руки и пошли за ней, повторяя движения ее ног. Женщины наклонялись и скользили под арками сцепленных рук то в одном направлении, то в другом – у Матаоры закружилась голова от их хоровода.

Когда они закончили, Матаора спросил, может ли он выбрать кого-нибудь из них себе в жены.

– Кого из нас ты хочешь взять в жены? – наперебой спрашивали туреху и со смехом подступали к нему все ближе.

Матаора указал на высокую девушку, которая стояла позади подруг. Туреху засмеялись еще громче, они обступали его все теснее, но высокая девушка робко вышла вперед и потерлась носом о его нос. Матаора взял ее за руку, и сердце его радостно забилося. Туреху ушли, а Матаора и его жена стояли на пороге и смотрели им вслед.

– Куда они пошли? – спросил Матаора.

– Назад, в нижний мир. Там так светло и красиво, – с грустью сказала Ниварека.

Матаора обнял ее:

– Что ты говоришь! Свет только здесь, где на небо приходит Тама-Нуи, жаркое солнце, ты сама увидишь. Скажи, жена, кто твой отец?

Ниварека обернулась к нему:

– Меня зовут Ниварека. Я дочь знатного Уе-тонги из нижнего мира, а теперь я принадлежу Матаоре, могущественному вождю мира света.

Матаора горячо любил жену, и чем больше проходило дней, тем горячее становилась его любовь. Только одна туча омрачала безоблачное небо над их головой. У Матаоры бывали дурные дни, когда его охватывал гнев, и в один из таких дней он ударил жену. Ниварека посмотрела на него с глубокой обидой. Туреху – кроткие создания, они не привыкли к жестокому обращению.

В тот же вечер Ниварека убежала из дома, Матаора искал ее, где только мог, но не нашел. Он скучал о ней и тосковал – жизнь стала ему не мила. День проходил за днем, Ниварека не возвращалась. И тогда Матаора догадался, что она ушла к отцу, в нижний мир. Он решил идти за ней, хотя знал, как опасно это путешествие.

Матаора пришел в Дом ветров, откуда души умерших отправляются в Рарохонгу.

– Ты не видел, здесь по проходила женщина? – спросил он у стража Дома ветров.

– Какая женщина? – спросил тот.

– Красивая бледнолицая женщина с длинными светлыми волосами, со светлой кожей и прямым носом.

– Видел, – сказал страж. – Она проходила здесь несколько дней назад, шла и плакала.

– Можно мне пойти за ней?

– Можно, – сказал страж. – Если хватит храбрости, то можно. Подойди сюда.

Страж открыл дверь, и Матаора увидел подземный ход, который уходил куда-то вниз. Матаора нагнулся, и дверь захлопнулась. Ни один луч света не освещал его путь, под землей было душно и холодно. Матаора шел несколько часов в полной темноте, спотыкаясь на каждом шагу, не слыша ни звука, и наконец увидел вдалеке слабое мерцание. Он заторопился и скоро разглядел в полутьме тиваиваку, голубя, который беспокойно топтался па месте.

– Ты не видел, здесь не проходила женщина? – спросил Матаора.

– Видел, – сказал тиваивака. – У нее глаза покраснели от слез.

Матаора пошел еще быстрее и вскоре выбрался из подземелья. Он ступил в новый мир. Там не было солнца и голубого неба над головой. Над этим огромным миром возвышался толь ко каменный свод, но всюду было светло, пели птицы, трава и листья на деревьях колыхались от легкого ветерка, и где-то в отдалении вода бежала по камням. Матаора шел и шел, пока не пришел в деревню, где жил Уе-тонга, отец Нивареки. Уе-тонга сидел на земле. Матаора остановился посмотреть, что он делает. Рядом с Уе-тонгой, вытянувшись во весь рост, лежал юноша, и Уе-тонга с помощью костяной иглы и молоточка накалывал узор на его лице и втирал краску в ранки. Матаора с удивлением увидел, что из-под острой иглы бежит кровь.

– Разве так можно делать татуировку? – закричал он. – Мы разрисовываем лицо краской, белой и синей краской, без крови!

Уе-тонга бросил на него взгляд.

– Наклони голову, – приказал он.

Матаора наклонился, и Уе-тонга быстро провел рукой по его лицу. Узора как не бывало, а за спиной у Матаоры раздался смех светловолосых женщин, похожих на тех, что разбудили его однажды утром, когда он впервые увидел Нивареку. Матаора оглянулся и поискал глазами, нет ли среди них его высокой подруги, но не нашел ни одного знакомого лица.

– Видишь, чего стоит твоя раскраска, – сказал Уе-тонга. – Ты понятия не имеешь об этом искусстве. Здесь, в Рарохонге мы делаем рисунки, которые не стираются никогда. Матаора взгляделся пристальнее в лицо Уе-тонги и увидел рубцы и щербины, покрытые краской, над которой был не властен бег времени. А когда он разглядел замысловатые узоры, сделанные рукой мастера, ему стало стыдно, что его лицо украшает такой простой рисунок.

– Ты стер мою татуировку, – сказал он Уе-тонге, – теперь ты должен наколоть новую.

– Хорошо, – охотно согласился Уе-тонга. – Ложись.

Матаора лег на спину, Уе-тонга разрисовал углем его лицо. Потом он наклонился и пустил в ход иглу и молоточек. Матаора вздрагивал от каждого укола. Он чуть не с корнем вырвал пучок травы, в который вцепился рукой. Молоточек постукивал, игла медленно двигалась по

лицу Матаоры, и судороги боли пробегали по всему его телу. Матаора не выдержал и запел:

Где ты, где ты, Ниварека?
Покажись, о Ниварека!
К тебе пришел я, Ниварека!
Ниварека, Ниварека!

Младшая сестра Нивареки была недалеко. Она услышала песню и побежала к Нивареке:

– Отец делает татуировку какому-то человеку, а тот зовет тебя. Кто это может быть?

– Пойдемте посмотрим! – сказали подруги Нивареки. Женщины столпились вокруг Матаоры. Уе-тонга сердился, потому что они мешали ему.

– Что вам здесь нужно? – спросил он.

– Мы хотим пригласить чужестранца в деревню и развлечь его.

К этому времени Уе-тонга уже отложил иглу: он видел, что силы Матаоры на исходе. Коричневый мужчина медленно поднялся. Его лицо стало безобразным, оно отекло, из ранок сочилась кровь, но широкие плечи и стройное тело очень понравились женщинам. Ниварека пристально разглядывала незнакомца.

– Это Матаора, – сказала она, – это его набедренная повязка, я сама сплела ее.

Матаора сел, а Ниварека встала поодаль и спросила:

– Это ты, Матаора?

Матаора не видел Нивареки: лицо так распухло, что он не мог открыть глаз, но как только она заговорила, он узнал ее по голосу. Матаора махнул рукой, и Ниварека убедилась, что перед ней ее муж. Она подошла к нему и заплакала от радости.

Наконец татуировка была закончена, раны зажили, и Матаора объявил Нивареке:

– Пора возвращаться в мир над Парохонгой, туда, где мы жили прежде.

Ниварека взглянула на него и сказала:

– А я думала, мы останемся здесь. Давай спросим отца.

Уе-тонга ответил, не задумываясь:

– Пусть Матаора возвращается к себе. А ты, Ниварека, оставайся здесь. – Уе-тонга посмотрел в глаза зятю. – Говорят, в верхнем мире мужья иногда бьют жен.

Матаоре стало стыдно.

– Это больше не повторится, – сказал он. – Теперь я всегда буду таким же добрым, как те, кто живет в Рарохонге.

Уе-тонга улыбнулся:

– Если твои слова идут от сердца, сын мой, иди и уводи с собой Нивареку. В верхнем мире царит тьма, а наша Рарохонга полна света. Возьми у нас частичку света, пусть она осветит твой темный мир.

– Посмотри на мое лицо, – сказал Матаора. – На нем татуировка нижнего мира. Она не сотрется никогда. И никогда не угаснет мое желание мирно жить по законам любви.

Муж и жена вместе отправились в обратный путь. Они вернулись домой и счастливо жили до конца своих дней. Матаора научил мужчин делать татуировку, которую нельзя стереть, а Ниварека научила женщин плести цветную кайму на плащах.

Вот как все это было, вот что принесла людям любовь Матаоры и Нивареки, которые жили в те времена, когда мир еще только начинал строиться.

Руаранги и туреху

Руаранги и его жена Тафай-ту жили на склоне Пиронгиа, горы-стража округа Уаикато. Однажды Руаранги ушел на не сколько дней из дома. А в это время какой-то туреху вышел из леса и увел его жену.

Бедный Руаранги обезумел от горя, когда вернулся домой и не нашел жены. Кое-кто из друзей говорил, что Тафай-ту сама убежала из дома, но Руаранги не верил им, потому что они с женой любили друг друга.

Руаранги взял копье, дубину с нефритовым наконечником и пошел искать жену. Где только он ее не искал! Руаранги карабкался по крутым ущельям Пиронгиа, где ветви деревьев смыкались над головой и гирлянды ползучих растений свисали с искривленных, покрытых мхом стволов, а робкий вечерний свет не мог пробиться сквозь густую листву. Руаранги знал, что в этих местах жили необыкновенные существа. Но в его глазах светилась ярость, и не было страха в его сердце, только ненависть к светлокожим демонам, которые украли его жену. Он не сомневался, что это они похитили Тафай-ту.

Однажды Руаранги поел и лег на спину на влажный мох. В лесу уже темнело, но вдруг он протер глаза и с криком вскочил на ноги. На другой стороне ручья он увидел жену и рядом с ней отвратительного туреху.

К изумлению Руаранги, Тафай-ту взглянула на него, отвернулась и побежала в лес. Мгновение Руаранги не мог поверить своим глазам, но потом догадался, что жена околдована. Он за держался еще на миг, чтобы схватить оружие, и помчался за беглецами.

Туреху бежал бесшумно, но Руаранги слышал, как с треском ломаются большие и маленькие ветки, за которые на бегу заде вала жена. Вскоре он понял, что нагоняет ее, потому что треск стал слышнее. Наконец он выбежал на ровную, поросшую травой поляну, где валялись упавшие деревья. Туреху торопил жену, ему хотелось поскорее скрыться в лесу.

Руаранги остановился и старательно прицелился. Тонкий дротик запел в воздухе, он летел прямо в демона. Но в последний миг какая-то

неведомая сила заставила его отклониться в сторону. Дротик пролетел мимо и, дрожа, вонзился в землю.

Руаранги знал, что еще немного – и беглецы скроются из глаз. Уже смеркалось, и Руаранги боялся потерять их в тем ноте. У него осталась кое-какая еда от обеда, который он себе приготовил, и его рука потянулась к вареной кумаре. Тафай-ту и туреху были уже на опушке леса, но на этот раз Руаранги не промахнулся: кумара ударила Тафай-ту прямо в спину.

Сердце Руаранги запрыгало от радости: он знал, что вареная кумара расколдует его жену. Тафай-ту на мгновение остановилась, потом вырвала руку у туреху и обернулась. Она увидела мужа, увидела, что он стоит и ждет ее! С радостным криком она подбежала к Руаранги и бросилась к нему в объятия.

Руаранги и Тафай-ту бежали, не разбирая дороги, они продирались сквозь кусты, натыкались на деревья, спотыкались о корни и думали только об одном: как бы поскорее покинуть эти мрачные места, где жили туреху. Наконец они выбежали из леса и увидели нижние склоны Пиронгия, безмятежные и невозмутимые в серебряном свете луны.

Руаранги и Тафай-ту лежали у себя дома. Руаранги старался успокоить жену и сначала ни о чем ее не расспрашивал. А она не так уж много могла рассказать о своей жизни с туреху. Тафай-ту вздрагивала, когда слышала это страшное слово, и Руаранги старался его не произносить. Но утром она больше походила на прежнюю Тафай-ту.

– Мы должны быть очень осторожны, – сказала она. – Туреху снова придет за мной.

– Как ему помешать? – спросил Руаранги. – Неужели туреху ничего не боятся?

Тафай-ту на минуту задумалась.

– Конечно, боятся, – сказала она. – Красная охра! Они боятся священной красной охры!

Прошло несколько дней, светлокожие жители лесов не показывались. Жена Руаранги постепенно забывала о своих страхах. Но однажды вечером она стояла перед домом вместе с мужем и внезапно пронзительно закричала.

– Смотри!

Большими шагами к ним шел туреху. Муж и жена вбежали в дом. Руаранги схватил красную охру и натер жену. В ту же минуту туреху распахнул дверь и прыгнул через порог. При тусклом свете очага он казался огромным. Зубы торчали у него изо рта. От его белой кожи веяло холодом. Холод пришел в дом вместе с ним. Руаранги натерся красной охрой и закричал:

– Ты не посмеешь прикоснуться к нам!

Туреху увидел священную красную охру и отпрянул.

Руаранги провел красной охрой по двери. Туреху застонал и вы прыгнул в окно. Руаранги в ярости прыгнул за ним. Он водил красной охрой по земле, а туреху перепрыгивал через священные полосы. Ему уже некуда было поставить ногу, только на марае оставалось еще немного места. Увидев, что все кругом покрыто священной краской, к которой он не смел прикоснуться, туреху одним прыжком взобрался на крышу дома Руаранги, с тоской оглядел каингу и запел прощальную песню, потому что он тоже любил Тафай-ту.

Жители деревни услышали голос туреху и с опаской выглянули из домов. В песне туреху слышались слезы, и они навсегда запомнили эту песню, прощальную песню, которую туреху спел маори.

Потом туреху спрыгнул на землю и при неверном свете луны исчез, как призрачная ночная бабочка.

Да, да, все это правда, говорят маори. Если вы проведете по двери красной охрой, в ваш дом никогда не заглянут туреху или патупаиарехе.

Копувай

Людоед? Великан? Мы сами не знаем, кто такой Копувай, чье имя означает «Живот, раздувшийся от воды» или «Водоглот». У Копувай была голова собаки и тело человека, только покрытое рыбьей чешуей. С собакой его роднило еще одно: Копувай прекрасно различал запахи и на воде не хуже, чем на суше. Он жил в пещере возле реки Матау и держал свору свирепых двухголовых собак. Копувай рыскал по окрестностям в поисках пищи. Любимым же лакомством людоеда и его собак были люди.

В большой деревне в устье Матау жил хапу племени рапувай. Мужчины и женщины из этой деревни бродили в поисках пищи по равнине, поднимались вверх по реке, ловили рыбу, угрей, охотились за лесными птицами и старались доверху на полнить амбары, чтобы не голодать, когда наступят зимние холода. Охотничьи отряды не всегда возвращались домой. Сначала люди с огорчением думали, что виной тому столкновения с враждебными племенами или несчастные случаи. Но охотники погибали все чаще, и жители деревни встревожились так сильно, что начали выходить на охоту только под охраной воинов.

Однажды несколько молодых женщин и мужчин отправились на охоту. Одна из девушек – Каиамио – отстала от других. Копувай притаился в кустах и не спускал глаз с охотников. Когда он уверился, что крики Каиамио не достигнут ушей ее подруг, убежавших далеко вперед, он спустил двухголовых собак, и те с яростным лаем бросились на девушку. Каиамио попятилась. Но она испугалась в десять раз больше, когда чудовище с собачьей мордой схватило ее чешуйчатыми лапами и земля ушла у нее из-под ног. Копувай быстро донес девушку до пещеры, где ее окружили рычащие собаки.

Каиамио знала, что ей грозит, потому что в деревне рассказывали о людоедских пиршествах Копувай. Но ее ожидала иная участь. Девушка была так хороша собой, что тронула каменное сердце Копувай. Он решил сделать ее своей женой, но вовсе не для того, чтобы баловать. Каиамио должна была заботиться о муже и готовить ему еду. Копувай не разрешал жене оставлять пещеру, а когда уходил на реку за водой, привязывал длинную льняную веревку к ее волосам.

Он не выпускал веревку из рук и время от времени дергал за конец, чтобы проверить, в пещере его жена или нет. Год проходил за годом, но Копувай не становился доверчивее, и Каиамио продолжала жить как пленница в ненавистной пещере. Родные искали Каиамио, но убежище Копувай было хорошо спрятано, и они и конце концов решили, что она умерла.

Каиамио не теряла надежды убежать. Как-то раз Копувай разрешил ей пойти на реку за водой, но не отвязал веревку. Много месяцев ходила Каиамио на реку и каждый раз по несколько минут рвала тайком стебли льна и связывала в снопы.

Потом она складывала снопы рядом и крепко связывала друг с другом, пока не получился плот – мокихи – достаточно прочный, чтобы удержать ее на воде.

Однажды утром Каиамио вышла из пещеры раньше обычного. На берегу реки она отвязала веревку от волос и обмотала ее вокруг пучка тростника. Потом торопливо толкнула мокихи в воду и поплыла вниз по реке, со страхом поглядывая на берег, где в любую минуту мог появиться Копувай со своими кровожадными псами. Но людоед спал, пригревшись на ярком солнце. Время от времени он просыпался и дергал за податливую веревку, проверяя, на месте ли жена. Внезапно что-то его потревожило. Вербка была крепко натянута, а это означало, что Каиамио все время оставалась на одном месте. Кликнув собак, Копувай поспешил к реке. Каиамио нигде не было видно, и он понял, что жена провела его. Копувай завыл от ярости и велел собакам искать ее на берегу. Но собаки вернулись ни с чем, и тогда Копувай догадался, что это река помогла убежать его жене. Он опустил голову в воду и пил, пока в реке совсем не осталось воды (за что его и называли Копувай). Но свежая вода из озера вновь наполнила русло, и людоеду ничего не оставалось, как вернуться в пещеру.

Увидав Каиамио, соплеменники не поверили своим глазам. Радостным крикам не было конца. А вечером все плакали, с ужасом слушая рассказ о ее жизни в пещере. Соплеменники Каиамио решили разделаться с людоедом, тем более что стало известно, где он скрывается. Каиамио будет их проводником! Но Каиамио сказала, что надо дожидаться лета, потому что летом дует теплый северо-западный ветер. Ветер навевает на Копувай сон, и тогда вооруженные мужчины справятся с ним без труда.

Через несколько месяцев большой отряд воинов направился к пещере людоеда. По дороге мужчины собирали сухой тростник и стебли льна. Когда до пещеры было уже недалеко, Каиамио пошла вперед посмотреть, что делает Копуваи. Вскоре она вернулась и сказала, что они пришли вовремя. Копуваи и его псы крепко спят в пещере. Воины прокрались вперед и сложили ли сухой тростник перед входом в пещеру. В своде пещеры было отверстие, и самые отважные расположились вокруг него.

Мужчины бросили факел в кучу сухой травы, льна и веток. Огонь занялся, и ветер унес горящие ветки и траву во мрак пещеры. Собаки Копуваи задохнулись в дыму, только две из них перепрыгнули через стену огня и убежали в лес. Сам Копуваи попытался вылезти из пещеры через отверстие в своде. Но как только собачья голова показалась снаружи, воины, поджидавшие дикаря, убили его.

Собаки, спасшиеся от огня, прибежали в другую пещеру и окаменели, выставив наружу передние лапы – их можно отыскать и посмотреть. Один из горных кряжей с тех пор называют Копуваи, потому что на его вершине стоит огромный камень, похожий на туловище людоеда.

Повелитель китов и колдун

Тохунга Те Тахи-о-те-Ранги жил в лесу. Он обладал огромной маной. Его фаре стоял отдельно от остальных домов па, потому что все боялись его: про тохунгу говорили, что он занимается колдовством и способен совершать самые страшные дела, даже наслать на человека смерть. Год за годом росла дурная слава тохунги, и люди боялись его все больше и больше, пока, наконец, их терпение не истощилось. А тут еще произошло большое наводнение, и все были уверены, что в этом несчастье повинен Те Тахи. Мужчины говорили, что тохунгу нужно убить, но никто не решался поднять на него руку. Много вечеров думали мужчины, как им быть, и в конце концов придумали. Они решили не покупиться на похвалы и уговорить Те Тахи отправиться с ними на остров Факаари, где из-под камней со свистом вырывается пар и при каждом шаге чувствуется, как Руаумоко ворочается под матерью-землей, на тот самый остров, где нет ни капли воды и человеку нечем утолить жажду. Они бросят его на этом страшном безводном острове и будут жить спокойно, не опасаясь его злодеяний.

Тохунге было лестно, что мужчины попросили его поплыть с ними на Факаари ловить птиц тити – буревестников. Охотники высадились на острове в конце дня. Два-три человека остались на берегу охранять лодки, а остальные разбились на несколько отрядов. Те Тахи вместе с самыми знатными рангатирами пошел на северо-восточный берег. Их сопровождали рабы, которые несли корзины с провизией и кувшины с водой.

Когда они нашли пещеру, где можно было укрыться на ночь, стало совсем темно. Мужчины зажгли факелы и несколько часов вместе с тохунгой ощупью пробирались по узким ходам пещеры, отыскивая птичьи гнезда, а потом при свете факелов убивали птиц. К тому времени, когда корзины наполнились доверху, все устали. Охотники и тохунга, едва передвигая ноги, забрались в пещеру, и скоро все уже крепко спали.

Первые солнечные лучи разбудили Те Тахи. Он сел и прежде всего посмотрел, цела ли его добыча. К его удивлению, корзин в пещере не было. Он знал, что охотники не могли унести их, потому что

пища тохунги – табу. Но как ни странно, ни птиц, ни кувшинов, ни вождей, ни рабов в пещере тоже не было. И вдруг тохунга понял, что означало его одиночество. Он попался на удочку льстивых похвал, и его бросили на этом зловонном коварном острове, где из-под земли выбивается пламя. Тохунга вылез из пещеры и побежал по скалам к тому месту, где лодки пристали к берегу. На берегу не было ни людей, ни лодок, но далеко в море виднелись черные точки – лодки его соплеменников.

Невеселая улыбка появилась на лице Те Тахи. Он снял пояс, скрученный из листьев льна, и отделил от него три листика. Он сорвал эти листья с неприкосновенного куста льна, который рос в священнейшем из священных мест рядом с его домом. Эти листья обладали большой маной. Размахивая листьями, Те Тахи произнес заклинание, обращенное к Тангароа и Тутаре-кауикае, слуге бога моря, повелителю китов и океанских чудовищ. Ему не пришлось долго ждать ответа. Огромное чудовище появилось в заливе и подплыло к самому берегу. Струя пара поднялась над водой, утренний ветер подхватил ее и унес прочь. Те Тахи вошел в воду и подплыл к танифе, терпеливо ожидавшему, пока тохунга взберется к нему на спину и устроится в небольшом углублении, которое есть на спинах у всех китов и морских тациф, наверное, потому, что так им удобнее переносить людей.

Танифа с тохунгой на спине быстро пересек залив. Когда они проплывали мимо стремительно скользивших лодок, Тутара-кауикае хотел потопить их, но Те Тахи воспротивился.

– Пусть они будут наказаны стыдом, – сказал он. – Пусть милосердие умножит нашу славу.

Никем не замеченные, они проплыли мимо лодок, и танифа благополучно высадил тохунгу в устье реки Факатане, откуда он без труда вернулся домой. Те Тахи сидел перед своим фаре все с той же невеселой улыбкой на лице и держал в руках листья льна, а охотники один за другим проходили мимо него. Они шли с опущенными головами и не смели взглянуть на тохунгу: им было стыдно, что Те Тахи узнал, сколько злобы накопилось в их сердцах, и оказался сильнее их.

Через некоторое время тохунга покинул своих неблагодарных соплеменников и вскоре умер. Танифа пришел к своему другу и унес его тело в море, где тохунга превратился в мараки-хау – в морское

чудовище с человеческим телом и головой, но хвостом вместо ног. С тех пор мараки-хау всегда помогает людям, когда им грозит гибель в воде.

Сила вечной любви

О Роне вздыхали сорок пять молодых мужчин из ее племени и множество других, которых она не знала. Среди них был Хакавау, тохунга из Кафии, который издали восхищался ею, но ни разу не сказал девушке о своей любви. А вот тохунга-злодей Паава, которому подчинялось великое множество атуа, поступил иначе. Один из его атуа рассказал Пааве о необыкновенной красоте Роны – светлокожей, веселой, прекрасной, как день. Однажды она купалась со своими подругами, и чьи-то невидимые руки схватили ее и перенесли в па, где жил Паава. И Паава насильно сделал ее своей женой.

Подруги с ужасом рассказали о таинственном похищении Роны ее брату Корокиа. Тот призвал на помощь всех, кто любил Рону, и их друзей. Корокиа знал, что никто, кроме злодея Паавы, обладавшего чудодейственной силой, не мог перенести девушку из одного места в другое.

Молодые мужчины поспешно явились на зов Корокиа и отправились в путь. Они боялись могущественного Паавы и крались по лесу, избегая тропинок, в надежде застать тохунгу врасплох. Только на опушке воины Корокиа сомкнули ряды и побежали по полю, окружавшему па тохунги Паавы. Но их приближение не осталось незамеченным. Они обезумели, прежде чем достигли частокола па. Некоторые из них бездыханными упали на землю, другие начали ожесточенно сражаться друг с другом. Из ста сорока человек, которые отправились за Роной, спасся только один. Только Корокиа остался в живых из всего отряда бесстрашных воинов.

Опечаленные родные долго советовались друг с другом и решили попросить Хакавау помочь им спасти Рону. Тохунга Хакавау, слывший искусным воином, погрузился в глубокую скорбь, узнав о похищении Роны.

– Если бы Пааву можно было одолеть в бою, – сказал он, – я с радостью повел бы воинов против него, но в этом деле все зависит от макуту. Я бессилен перед Паавой, мы ничего не добьемся, только погибнет еще несколько десятков храбрых мужчин. Надо сделать по-другому. Я поговорю с отцом.

Отец Хакавау выслушал сына и сказал:

– Да, злодея Пааву можно одолеть. Но не с помощью дубины, таиахи, или палицы-мере, а иначе. Надо, чтобы его сила обернулась его слабостью. Вот что я тебе скажу, сын мой: у меня есть брат, он хорошо знает заклинания, его мана могущественнее маны Паавы. Он живет в Уревере. Ты должен пройти долгий путь до Уреверы и рассказать ему, что случилось. Нас выносило одно чрево, он поделится с тобой тем, что знает, и посвятит тебя во все тайны своего искусства.

Прошло немало дней и недель, прежде чем Хакавау вернулся к отцу.

– Прими мою благодарность, отец. Спасибо тебе и твоему брату. Теперь я знаю заклинание, которое поможет мне одолеть злодея Пааву. С помощью этой каракиа я заставлю его пасть к нашим ногам.

Хакавау набрал небольшой отряд всего из пятидесяти человек, потому что в деревне почти не осталось мужчин, способных носить оружие. На этот раз отряд не старался скрыться от глаз врагов и скоро подошел к па, где жил Паава. Хакавау прокрался вперед, чтобы получше разглядеть па. Он заметил на сторожевой башне Пааву, который жестами указывал в сторону отряда Хакавау. Обладая даром проникать взглядом в невидимый мир демонов, Хакавау с тревогой смотрел, как атуа Паавы приближаются к ничего не подозревавшим воинам его отряда. Собрав все свои силы и припомнив все, чему его научил дядя, Хакавау произнес заклинание и призвал на помощь многочисленных атуа из Уреверы.

Благодаря своему особому зрению он видел, как они появились на поле и вступили в бой с атуа Паавы. Только два человека различали призрачных воинов, сражавшихся друг с другом. Их хриплое дыхание, крики демонов-соперников, тяжелые удары дубин, стоны раненых терзали слух только двух людей: Хакавау и Паавы. Некоторое время трудно было понять, кто сильнее, но атуа из Уреверы были опытными воинами и в конце концов обратили в бегство атуа, которых призвал на помощь Паава.

Тогда Хакавау возвратился к своему отряду.

– Вперед! – крикнул он. – Настал час отмщения. Один из храбрейших воинов приблизился к нему.

– О Хакавау! – воскликнул он. – Я знаю, ты ничего не боишься, а я дрожу, мне страшно выполнить твое приказание. Я умею драться с

людьми из плоти и крови, но демоны убьют нас, прежде чем мы подойдем к наружной ограде па.

Хакавау посмотрел на него с удивлением.

– Бой окончен, – сказал он. – Я видел все, что произошло, своими глазами. Атуа Паавы мертвы. Сейчас ты сам в этом убедишься.

Хакавау пошел вперед, воины боязливо двинулись за ним. Им трудно было поверить в невидимый бой, но они верили своему вождю. Хакавау вел их по безлюдному лабиринту оград. Паава покинул сторожевую башню. Он видел разгром своих атуа и понял, что лишился маны. Вернувшись к себе в фаре, он ждал конца.

Хакавау велел привести Пааву, воины исполнили его приказ. Хакавау взял палицу-мере и подошел к Пааве. Мере дрожала в его руке, он поднес ее к голове Паавы, но отвел руку, потом снова приблизил, но так и не ударил Пааву. Хакавау только слегка прикоснулся мере к виску Паавы в том месте, где череп тоньше всего; умелый воин ловким ударом в это место сносит голову противнику. Мере поранила кожу, не повредив кость, и тонкая струйка крови побежала по лицу Паавы. Хакавау выдернул перья из волос Паавы, снял с его уха нефритовую подвеску и бросил на землю его плащ.

– Паава, настал конец твоему всевластию, – сурово проговорил он. – Твоя каракиа бессильна против моей. Я не убью тебя. Я покрою тебя позором. Помни о своем унижении, помни, что ты обязан мне спасением своей жизни. Отныне ты не тохунга и не рангатира. Теперь ты тутуа, низкорожденный. Отвечай, где Рона? – приказал Хакавау.

Развенчанный тохунга смиренно повел своего соперника к дому и проскользнул за дверь. Из дома вышла Рона. Она в самом деле была красавицей, желанной для каждого мужчины. У нее была светлая кожа, стройное тело, она двигалась легко и красиво, и в ее глазах светилось нежное пламя любви к молодому тохунге из Кафии.

Все остальные мужчины, которые мечтали о ней, погибли. Но какое значение имели эти беды – гибель молодых храбрых воинов, ласки ненавистного Паавы, долгая неволя, разлука с друзьями – какое значение имели все эти беды по сравнению с любовью мудрого, сильного, красивого, грозного, желанного Хакавау? Обрадованная встречей, Рона бросилась ему на шею, и Хакавау привел ее назад в родную па. Горе слилось с радостью, но в па еще оставались молодые люди, а это означало, что пройдет немного времени и голые детишки

будут бегать на марае и между домами, в знак того, что к па
возвращается былая сила.

Драгоценный нефрит

Хине-ту-а-хоанга, хранительница песчаника Фаиапу, завидовала Нгауе, хранителю драгоценного нефрита Поутини. Хине не могла не мучиться от зависти и ревности, пока Нгауе жил рядом с ней и владел сверкающим куском нефрита. Она наговаривала на него, распускала про него сплетни, и друзья начали коситься на Нгауе. Его жизнь стала невыносимой, и в конце концов Нгауе решил, что единственное спасение для него – это покинуть свой дом на Гавайки.

Нгауе сложил в лодку все, что нужно для долгого плавания, взял с собой Поутини и отправился в путь, сам не зная, куда плывет. Он был готов уплыть куда угодно, лишь бы избавиться от преследований Хине. Как только Нгауе отплыл от берега, взбалмошная Хине затосковала: она не могла смириться с тем, что никогда больше не увидит Поутини. Фаиапу и Поутини постоянно враждовали, но не могли жить друг без друга, потому что Фаиапу, песчаник, – это точильный камень, на котором точат наконечники из нефрита, Поутини.

Хине поспешно спустила лодку на воду и поплыла за своим врагом, чей парус она видела на горизонте. День за днем плыла Хине, пока Нгауе не высадился на острове Тухуа. Хине тоже высадилась на острове, но вскоре снова убедилась, что не может долго выносить присутствие Нгауе, а Фаиапу и Поутини не в состоянии мирно ужиться друг с другом. Нгауе взял Поутини и вновь поставил парус, а неугомонная Хине-ту-а-хоанга, коварная и завистливая Хине, продолжала преследовать его, пока он не приплыл к берегам Ао-Теа-Роа, земли, которую ни он, ни она никогда прежде не видели.

Перед ними лежала страна снежных гор, окутанных облаками, страна зеленых лесов, полных звонкоголосых птиц, и Нгауе решил, что здесь он сможет без помехи радоваться своему сокровищу, Поутини. Нгауе хотел положить конец распре между камнями и плыл, не останавливаясь, вдоль берега Ао-Теа-Роа. Наконец он подплыл к устью реки Арахуры и спрятал навеки свой бесценный нефрит. Нгауе опустил камень в торопливо бегущую реку, над которой шептались деревья, и холодная вспененная вода сомкнулась над ним.

Нгауе поплыл домой и увез с собой кусочек Поутини, потому что не мог расстаться со своим сокровищем.

– Что ты видел в далекой стране? – спросили его люди, когда он вернулся.

Нгауе улыбнулся и рассказал много удивительного о птицах моа, во много раз больше человека, о нефрите, погребенном в холодном горном потоке, о трубастых голубях, о белых цаплях необыкновенной красоты, о деревьях, усыпанных ярко-красными цветами, будто объятых пламенем. Нгауе вынул спрятанный кусок Поутини и сделал несколько наконечников и подвесок. Он рассказал своим соплеменникам, как много на Южном острове нефрита, который так их обрадовал.

Рассказы Нгауе передавались из уст в уста. Наверное, эти рассказы и привели маори в страну Ао-Теа-Роа.

Наказание за длинный язык

Рона была очень красивая, и муж горячо любил ее. Но они часто ссорились, потому что Рона то и дело сердилась и давала волю своему языку.

Однажды муж сказал Роне:

– Сегодня будет лунная ночь, в такую ночь хорошо удить рыбу. Я возьму мальчиков и поплыву подальше, до острова, там всегда много рыбы. Мы вернемся только завтра вечером, раньше нас не жди. Зато привезем хороший улов. Смотри, чтобы к нашему возвращению еда была готова.

На следующий день Рона приготовила печь и стала поджидать мужа и сыновей. Когда тени удлинились, она разожгла костер. Рона так хорошо рассчитала время, что раскаленные камни засветились в темноте, как раз когда до нее долетела песня спешивших домой рыбаков. Рона уже собралась положить еду в печь, как вдруг увидела, что в кувшинах нет воды. А ей нужно было вылить воду на раскаленные камни, чтобы на пару сготовить пищу.

Песня звучала все громче над затихшим морем, и Рона знала, что мужчины рассердятся, если еда не поспеет, потому что они долго ловили рыбу и сильно проголодались.

Источник был недалеко. Рона схватила кувшины и побежала. Уже совсем стемнело, но на небе сияла полная луна, и Рона хорошо видела тропинку, залитую лунным светом. Вдруг случайное облачко закрыло луну. После яркого света Рона оказалась в темноте и потеряла тропинку. Она споткнулась о корень, пошатнулась и, пытаясь устоять на ногах, ударилась о скалу и разбила лицо.

Роне было очень больно, она рассердилась на луну за то, что та перестала освещать ей путь, и крикнула:

– Вареная башка!

Луна услышала эти оскорбительные слова – это злобное проклятие! – и спустилась на землю. Она схватила Рону и потащила на небо. Тогда Рона, спасая свою жизнь, уцепилась за ветку дерева нгаио. Но кому под силу сражаться с богами? Луна вырвала с корнями дерево, за которое в отчаянии цеплялась Рона, и унесла женщину вместе с

деревом. С тех пор Рона живет на луне, и каждый может увидеть, что она держит в руках два кувшина и дерево нгаио, которое донесла до своего нового дома.

Нерадостным оказалось возвращение мужа и детей с рыбной ловли. Огонь еще мерцал в уму, сырая пища лежала рядом с печью, а Роны нигде не было. Только взглянув на ночное небо, муж и сыновья поняли, что длинный язык Роны в конце концов вывел богов из терпения. На круглолицей луне они увидели Рону с нгаио и двумя кувшинами.

«Помните, как дурно поступила Рона!» – говорится в старой поговорке маори.

Подвиг родителей

Рау-фато была женой Тури-роа, потомка великого прародителя племени Таупо. Они оба были молоды и жили счастливо вместе со своими соплеменниками в деревне Пониу на северном берегу озера Таупо. Однажды ночью на их па напал вражеский отряд из Нгати-раукавы. В па никто не ожидал беды, большинство мужчин были тут же убиты, несколько уведены в рабство. Под покровом ночи среди всеобщего смятения Тури-роа удалось провести жену и маленького сына на берег и спрятаться вместе с ними в неглубокой пещере на мысу. Это было ненадежное укрытие, но другие пути бегства оказались отрезаны. Воины из Нгати-раукавы уничтожили все лодки, а их вождь знал про пещеру на мысу. В этой пещере беглецы могли только недолго передохнуть.

– Мне все равно не скрыться от врагов, – сказал жене Тури-роа. – А ты должна попытаться спастись ради нашего сына. Ты хорошо плаваешь. Я привяжу мальчика тебе на спину. Постарайся переплыть озеро, может быть, ты доберешься до па, где живет твоя мать.

Рау-фато сняла набедренную повязку. Тури-роа свернул ее жгутом и крепко завязал у нее на плечах, чтобы у сына под головой была подушка. Потом он положил мальчика жене на спину и туго затянул веревку. Рау-фато и Тури-роа в последний раз обняли друг друга. Женщина вошла в холодную воду и поплыла. Едва она успела отплыть от берега, как вождь вражеского отряда с несколькими воинами окружил пещеру. Тури-роа спросил их, почему они напали на Пониу. Вождь пустился в объяснения, а когда он кончил, Тури-роа без сопротивления покорился своей участи. Умирая, он знал, что его жене и сыну удалось вырваться из рук врагов.

Добрый атуа защитил отважную женщину. Рау-фато проплыла километров восемь! Измученная и обессиленная, она наконец почувствовала под руками плоский камень и с трудом взобралась на него. К счастью, Рау-фато вышла на берег недалеко от деревни матери. Женщины привели ее в па, согрели и постарались утешить, но она тревожилась только о сыне, спасая которого едва не погибла сама. Мальчика растерли, согрели у костра и накормили. Ему дали имя Те

Урунга, что значит подушка, в память о том, как он плыл на спине матери, где была привязана подушка из ее одежды, чтобы поддерживать его голову над водой.

Борьба за любимую женщину

Хине-и-те-какара вышла замуж не за Ту-те-амоамо, а за его младшего брата Ваи-хуку. У Ту-те-амоамо и Ваи-хуки не было ни отца, ни матери, они жили одни, вдали от своих соплеменников. Ваи-хука долго добивался благосклонности красавицы Хине-и-те-какары и наконец привел ее домой, нисколько не опасаясь соперничества брата. А Ту-те-амоамо полюбил Хине-и-те-какару и решил во что бы то ни стало завладеть ею, даже если ради этого придется убить Ваи-хуку.

Однажды братья отправились в море ловить рыбу. Когда пришло время возвращаться, Ту-те-амоамо притворился, что не может поднять из воды камень, который держал лодку на якорю. Он попросил младшего брата нырнуть и освободить веревку. Как только Ваи-хука скрылся под водой, Ту-те-амоамо отплыл от этого места и стал поджидать брата. Ваи-хука вынырнул и с удивлением взглянул на брата.

– Я отрезал веревку, – сказал он, ничего не подозревая. – Подгони лодку поближе.

Ту-те-амоамо с презрением рассмеялся. А потом выбросил за борт циновку брата, удочку и весло.

– Вот теперь твоя лодка, – сказал он и, не обращая внимания на крики брата, стремительно поплыл к берегу и вскоре вернулся домой.

– Где мой муж? – спросила Хине.

– Ничего с ним не случилось. Сидит в своей лодке.

– Вы поплыли вместе. Почему же он сидит в своей лодке?

Ту-те-амоамо снова рассмеялся.

– Говорю тебе, ничего с ним не случилось. Он в состоянии сам о себе позаботиться. А ты очень опечалишься, если он никогда не вернется? Можешь положиться на меня, я не дам тебя в обиду.

Хине догадалась, что с мужем случилась беда, и ее глаза наполнились слезами.

Ту-те-амоамо старался утешить ее, но Хине почувствовала в его ласках дурной умысел. Она убежала в фаре и заперла дверь на засов. Ту-те-амоамо попытался выманить ее льстивыми речами, но понял,

что словами ничего не добьется, и набросился на дверь с кулаками. Хине-и-те-какара упорно молчала.

Час проходил за часом, из дома по-прежнему не доносилось ни звука. Наступила ночь, и Ту-те-амоамо вновь стал упрашивать Хине впустить его.

– О Хине! Отодвинь засов, – молил он. – Я не сделаю тебе ничего плохого. У тебя нет больше мужа, теперь я буду заботиться о тебе, теперь я буду любить тебя.

Но молодая женщина только пела печальную песню.

Ту-те-амоамо ждал. Время от времени он возобновлял свои мольбы, но Хине больше не отвечала. Наконец его терпение истощилось, и он взломал дверь. К его великому изумлению, в доме никого не было. Ту-те-амоамо выбежал из пустого фаре и бросился в лес на поиски Хине.

Ваи-хука едва не погиб в море, где его бросил Ту-те-амоамо. Он плыл и, пока были силы, старался держаться на воде, а когда совсем ослабел, попросил помощи у птиц. Но птицы со зловещими криками кружились над головой Ваи-хуки и ждали его смерти. Тогда Ваи-хука попросил помощи у рыб, и на этот раз его просьба не осталась без ответа. Стараниями кита Ваи-хука вскоре оказался на берегу недалеко от дома. Он брел по песку, с трудом передвигая ноги, и вдруг к нему в объятия бросилась Хине-и-те-какара. Оказалось, что пока Ту-те-амоамо уговаривал ее открыть дверь, она вырыла в углу фаре подземный ход и выбралась наружу, прикрыв дыру в полу циновкой, чтобы Ту-те-амоамо ни о чем не догадался. Хине-и-те-какара решила идти вдоль берега моря, потому что хотела найти тело мужа, она и не думала, что увидит его живым.

Ваи-хука и Хине-и-те-какара вернулись в фаре и обняли друг друга. Хине рассказала мужу о недостойной страсти его брата, и Ваи-хука понял, почему тот попытался утопить его в море.

Ту-те-амоамо подошел к фаре и услышал, что там кто-то есть. Его лицо расплылось в самодовольной улыбке. На этот раз он решил войти без предупреждения. Ту-те-амоамо обошел на цыпочках вокруг дома, взялся обеими руками за дверь и с треском распахнул ее. Он ничего не видел в темноте, но слышал ровное дыхание и какой-то шорох.

Ту-те-амоамо вытянул руки и сделал шаг вперед. Его рука коснулась голы ноги. Он потянул ногу к себе и в тот же миг узнал

брата, а в следующий миг Ваи-хука ударом палицы мере проломил ему голову.

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ БУШМЕНОВ

Происхождение живого на земле

Предки бушменов вышли из дыры в земле среди корней огромного дерева, покрывавших страну. Следом за людьми тотчас вышли толпы различных животных – некоторые по двое, по трое и четверо, а другие – стадами. И все они второпях пихали, толкали и давили друг друга. По мере того как они выходили, толпа делалась все гуще и плотнее, и наконец толпы животных стали выходить не только из-под корней, но и из ветвей. Когда солнце село, новые животные больше не появлялись. Те же, кто вышел, оставались под большим деревом и вокруг него. Животные были наделены даром речи.

Когда настала ночь, людям, которые сидели под деревом, было сказано, чтобы этой ночью, до восхода солнца, они не разжигали огня. И долгое время они так и просидели там, а животные мирно спали во круг. Но вот людям стало очень холодно, и они по пытались разжечь огонь, несмотря на предупреждение. Тут же животные в ужасе вскочили и устремились к горам и на равнины, лишившись от страха дара речи. С тех пор они всегда убегают от человека.

Только очень немногие животные остались, и они стали домашними. Но великая семья животных распалась и никогда больше не может быть воссоединена.

Возле города Сечеле есть Пещера, которую называют Лоове. Она уходит очень глубоко под землю. Никто из нас не отважился пройти в глубь пещеры, так как мы боимся. Она так глубока, что если бросить камень, то потом очень долго слышно, как он падает, но никому еще не удалось услышать, чтобы камень добрался до конца, поэтому никто не знает, насколько глубока эта пещера. Некоторые говорят, что она доходит до дна мира.

Сначала в этой большой пещере все люди и животные были вместе. Но потом пещера стала для них слишком мала, и они постоянно ссорились из-за места, и каждый норовил вытолкнуть соседа. Наконец люди, которые были хитрее животных, стали выгонять их наружу, но животные отказывались выходить, и люди выталкивали их. Животные снова пытались войти в пещеру, пока, наконец, их не выгнали окончательно.

У входа в эту пещеру протекала заросшая тростником река, поэтому земля вокруг пещеры была мягкой и на ней остались отпечатки следов животных, в особенности крупного рогатого скота.

Первое время животные боялись далеко отойти от пещеры и оставались возле входа. Но затем они проголодались. Когда животные жили в пещере, то, как и люди, не нуждались в пище и никогда не умирали. Но теперь они проголодались и стали есть тростник, которым заросла река. Когда они съели весь тростник, они разбрелись в поисках травы и забыли о пещере.

Прошло много времени. Людям в пещере снова стало тесно, и они стали ссориться и выгонять друг друга. Когда люди, в свою очередь, вышли из пещеры, они затоптали следы животных, и теперь вокруг пещеры видны только следы людей. И до сих пор там можно видеть множество следов.

Откуда взялись дети

Сначала мужчины и женщины жили без еды и питья, у них не было детей и они не умирали. Просо и тыквы ежегодно вырастали сами, люди не сажали и не пропалывали их. Хотя люди и видели, как повсюду вырастают эти растения, они не притрагивались к ним, так как не чувствовали голода.

Люди не знали, что их можно есть, и никогда не видели, чтобы их ели животные.

Крупный рогатый скот, овцы, козы, буйволы, зебры и все другие животные жили в кустарнике или стадами бродили по всей стране. Люди не обращали внимания на животных, так как они не были им нужны, и животные их не боялись.

В те дни все жили счастливо – не было войн, болезней, плохих людей и плохих вещей. Не было ни споров, ни сражений.

Так продолжалось долгое время. Но вот однажды какая-то женщина пожаловалась на боли в животе и вынуждена была прилечь. Другие женщины были очень добры к ней, по боль становилась все сильнее. Через некоторое время из нее вышел маленький чело век, очень похожий на нее. Люди были так изумлены и испуганы, что убежали от этой женщины. Это было что-то непонятное и не пришлось им по нраву.

Но одна женщина из этой же деревни сказала, после того как появился маленький человек:

– Эта женщина приносит несчастье, она колдунья. Дамка я ей и этому существу, которое из нее получилось, немного вот этих стеблей (она имела в виду кукурузу и тыквы) и убью ее!

И она отнесла немного кукурузы и тыкв больной женщине. Та поела немного и почувствовала себя лучше, а через некоторое время поднялась. Вместо того чтобы умереть, она стала очень толстой, и маленький человек тоже стал очень толстым. Мало-помалу женщины преодолели свой страх и пришли по посмотреть на эту женщину. Они ощупали маленького человека, и он им очень понравился.

Так люди узнали, что кукуруза и тыквы пригодны для еды, и они стали собирать их и хранить. Как-то они убили одну из овец и

обнаружили, что ее мясо очень вкусное. Они растолстели, наевшись его, и за хотели еще, особенно женщины. Тогда люди решили наловить животных, чтобы их можно было зарезать, когда им захочется мяса. И вот они стали приручать крупный рогатый скот, овец и коз, но буйволов, зебр и антилоп они не смогли поймать, поэтому по сей день те остаются дикими животными и живут в чаще.

Затем люди начали возделывать тыквы и зерно. Они стали жить в деревнях, и у них появились дети. Так людей стало много.

Огонь

У страуса под крылом была головешка. Страус, сова и Хейсеб играли вместе. Страус боялся совы – он думал, что у нее есть рога. Он посоветовал всем немного поспать. Когда сова заснула, страус дунул на нее и увидел, что у нее на голове только хохол из перьев, а никаких рогов нет. Тогда он разбудил их и предложил продолжить игру.

А Хейсеб сказал:

– Дорогой страус, взмахни же крылом!

Тот так и сделал, и тогда головешка упала на землю. Хейсеб схватил ее и забросил на смоковницу.

С тех пор у людей появился огонь.

Вода

Сначала у людей не было воды. Слон нашел воду и пил ее. Он узнал, где она находится, и вот он ходил туда и пил воду. Но его жена и ее родня страдали от жажды. И только у слона было что пить. Он попьет, а потом отправляется поесть, – возвращается, чтобы поесть снова.

Все остальные каждый вечер ложились спать, мучимые жаждой, и только слон пил воду.

Все же однажды остальные украли у слона воду. Это сделали маленькие птички дождя.

Как мужчины и женщины стали жить вместе

Очень давно, в самом начале, когда на земле жили мужчины и женщины древнего народа, людей было немного. В те времена мужчины и женщины жили от дельно. Мужчины охотились на животных, которых было повсюду множество, а женщины собирали семена и зерна. Мужчины жили в пещерах в горах, а женщины – в маленьких травяных хижинах возле рек. Мужчины и женщины не общались друг с другом.

Однажды мужчины отправились охотиться и убили своими отравленными ядом стрелами газель. Но по недосмотру у них погас огонь, поэтому они не могли поджарить мясо газели. Ведь они не такие, как женщины, которые всегда заботливо поддерживают огонь и старательно выполняют всю домашнюю работу.

Мужчины, а их было пятеро, были так голодны, что послали одного из них вниз, к реке, одолжить огонь у женщин. Когда тот спустился к реке и пере брался через нее, он обнаружил в тростниках женщину, собиравшую там семена трав, и попросил у нее огня.

Она сказала ему:

– Пойдем ко мне в дом, и я дам тебе огня.

И он отправился с ней.

Когда они добрались до хижины, она сказала ему:

– Ты очень голоден. Подожди, пока я растолку эти семена, я сварю их и дам тебе поесть.

И он уселся и стал ждать. Женщина взяла камень, растерла зерна, положила их в горшок и поставила вариться. Когда каша была готова, женщина дала немного мужчине и поела сама. Он спросил ее, что это такое, и она ответила:

– Это каша.

– О, это прекрасная пища, – сказал он, – поэтому я останусь с тобой.

И он не вернулся к своим товарищам.

Те долго ждали, пока он принесет огонь, и еще больше проголодались. Поэтому они послали за огнем к женщинам второго мужчину. Он также встретил у реки женщину, собиравшую зерна, и

сказал ей, что пришел одолжить огня. Она попросила, чтобы он пошел к ее хижине, где она даст ему огня. Он отправился к ней, но, вместо того чтобы сразу дать ему огня, женщина предложила ему каши, которую он нашел очень вкусной. Мужчина сказал, что останется с ней. Он совсем забыл, что должен был вернуться с огнем к своим товарищам.

Теперь там осталось только трое мужчин, которые к тому времени чуть не умирали от голода. Поэтому они послали еще одного из них вниз, к домам женщин, чтобы одолжить огня.

Когда он пришел к реке, он также встретил в тростниках женщину, собиравшую семена трав.

Он сказал ей, что пришел, чтобы раздобыть огня для мужчин – они хотели поджарить газель, а их огонь потух. Мужчина сказал, что они очень голодны. Но он ничего не сказал ей о других мужчинах, которые ушли за огнем и не вернулись. Эта женщина предложила ему:

– Если ты придешь в мой дом, я дам тебе огня.

Он пошел с ней, и она растолкла зерна, приготовила кашу и предложила ему поесть. Он сказал, что это вкусная еда, еще вкуснее, чем мясо антилопы, и что он останется с ней. Так он совсем забыл, что должен был вернуться к своим друзьям с огнем. Теперь там осталось только двое мужчин, и они были очень удивлены и напуганы тем, что ушедшие не возвращаются. Они стали бросать гадальные кости. И хотя кости сказали, что все в порядке, они очень боялись. В те времена было множество злых духов, и мужчины думали, что их товарищи убиты.

Они долго думали и решили, что один из них должен пойти попытаться раздобыть огонь. Тогда они бросили кости, чтобы узнать, кому из них идти. Мужчина, который оставался, заставил другого пообещать, что тот вернется обратно, что бы ни случилось.

Когда тот спустился к реке, он обнаружил там женщину, собиравшую семена трав. Он сказал ей, что ему нужен огонь, а она попросила его пойти к ее хижине, где она даст ему огня. И он отправился к ней. Она же сварила кашу из семян и предложила ему отведать. Это было так вкусно, что он остался вместе с женщиной и совершенно забыл о своем обещании вернуться к другу.

Прошло еще несколько дней. Было очень жарко, и туша газели протухла.

Последний из оставшихся мужчин был ужасно голоден. Он с трудом удерживался, чтобы не съесть газель. Он долго ждал своего товарища, который обе щал вернуться с огнем, и наконец так испугался, что взял свой лук и стрелы и бросился бежать. Он погиб в далекой стране. Мужчина без женщины всегда погибнет.

Луна

Когда луна умирает, она потом снова возвращается к жизни и снова движется по небу.

– Пусть все делают так, как я, – сказала луна. – Если кто-нибудь умрет, не думайте, что он умер – и все, и будет лежать там и разлагаться. Будьте внимательны и делайте вслед за мной то, что я, луна, делаю: я умираю и оживаю вновь, и умираю только для того, чтобы ожить снова. Все должны делать так, как я.

Но заяц возразил луне:

– Нет! – сказал он. – Тот, кто рождается, должен и умереть. И когда он разлагается, он скверно пахнет.

Луна стала спорить с ним и сказала:

– Следите за мной. Я умру, а потом оживу снова. Следите за мной и учитесь, и тогда мы все сможем делать так.

Луна и заяц спорили друг с другом, то один говорил, то другой.

Луна сказала:

– Послушайте моего совета... человек умрет, но он вернется!

Но заяц отказался. Тогда луна взяла топор и расщепила ему губу. А заяц в ответ на это расцарапал луне лицо. Так они боролись. Они оба разгневались и боролись друг с другом, раздирая рты и царапая когтями лица. Луна расщепила зайцу губу, и заяц стал зайцем с заячьей губой, на которого охотятся люди. А заяц расцарапал луне лицо!

И до сих пор можно видеть отметины на лице луны – когда заяц расцарапал луне лицо, царапины загноились. И когда заяц испортил луне лицо, они разошлись. Они не встречались на следующий день и в день, который наступил за этим днем.

Смерть

Когда луна снова оживает и возвращается и мы видим ее, то закрываем глаза руками и обращаемся к ней:

– О луна, там, в вышине! Возьми мое лицо! А мне дай свое лицо! Ты должна взять мое лицо к себе, туда! Дай мне твое лицо, с которым ты умираешь и вновь возвращаешься, чтобы я мог походить на тебя. Ведь там – радость, там у тебя – всегда радость! Ты говорила прежде, что и мы должны возвращаться, после того как умрем. Так было, пока заяц не рассердил тебя.

Вот что сделал заяц. Он сказал, что не перестанет плакать, потому что его мать не вернется, потому что мать умерла навсегда. И он будет плакать по матери.

Луна же сказала зайцу, чтобы он перестал плакать, так как его мать не умерла навсегда. Она снова оживет и вернется.

А заяц сказал, что он не замолчит, так как он знает, что его мать не оживет и не вернется. Потому что она умерла навсегда. Луна рассердилась, что заяц не соглашается с ней. И она ударила его кулаком и рассекла ему губу.

Луна воскликнула:

– Теперь у тебя всегда будет такой рот, даже когда ты станешь зайцем! У тебя всегда будет рубец на губе, и ты будешь скакать, убегая, и, петляя, возвращаться. Собаки будут гнаться за тобой, будут хватать тебя и кусать и рвать на части, и ты умрешь навсегда! И люди будут умирать, уходя навсегда, из-за того, что ты не согласился со мной, когда я говорила тебе, что твоя мать вернется и ты не должен оплакивать ее.

Ты сказал мне, что твоя мать не оживет и не вернется. Вот поэтому ты должен навсегда стать зайцем, а люди должны навсегда умирать.

Заяц был человеком, но луна прокляла его, сказав, что он должен навсегда превратиться в зайца. И люди теперь умирают и не возвращаются, не оживают из-за того, что заяц некогда отвечал так луне: он сказал, что его мать не вернется, не оживет.

Наши матери говорили, что заяц прежде был человеком, а когда он поступил так, луна прокляла его. Она сказала, что он навсегда должен стать зайцем. Наши матери говорят, что у зайца есть человечесьё мясо. Когда мы убиваем зайца и собираемся съесть его, то вынимаем это мясо, не едим его – ведь это человечесьё мясо, это не мясо зайца. Оно осталось у зайца с того времени, когда он был человеком. Наши матери не разрешают нам есть этот кусочек мяса. Они говорят, что если мы его съедем, то появится тяжесть в желудке. И вот луна сказала:

– Вы, люди, когда умрете, исчезнете навсегда. Я думала, что дам вам радость. Ведь я знала, что мать зайца не умерла, а спит. Заяц же сказал, что мать не спит, а умерла насовсем. Вот так все было, и я рассердилась. Ведь я думала, что заяц согласится со мной: «Да, моя мать спит».

И луна сказала, что теперь заяц будет лежать на открытом месте, и там его будут кусать паразиты. Заяц не должен жить в кустарнике, он лежит не под деревьями, а на открытом месте. Потом он вскакивает, мчится и на бегу трясет головой, чтобы стряхнуть с себя паразитов.

Смерть и люди

В давние времена луна призвала черепаху и велела ей передать людям:

– О люди, как я, умирая, снова возвращаюсь к жизни, так и вы, умерев, воскреснете!

Черепаша пустилась в путь, чтобы передать людям слова луны, и чтобы не забыть, все время повторяла их про себя. Но она передвигалась так медленно, что все-таки забыла слова луны, и ей пришлось повернуть обратно, чтобы еще раз спросить луну. Когда луна услышала, что черепаха забыла ее слова, она рассердилась и позвала зайца. Луна сказала зайцу:

– Ты быстро бегаешь. Передай мои слова людям: «О люди, как я, умирая, снова возвращаюсь к жизни, так и вы, умерев, воскреснете вновь!»

Заяц побежал очень быстро, но вскоре увидел вкусную траву и остановился, чтобы полакомиться.

И он тоже забыл слова луны, но побоялся вернуться и передал людям следующее: «О люди, вы умрете, и умрете навсегда!»

Когда он это сказал, пришла наконец черепаха и передала людям слова луны. Тут между зайцем и черепахой разгорелся спор о том, кто из них прав. Заяц сказал, что черепаха лжет. А люди так рассердились на зайца, что один из них поднял камень и швырнул в зайца. Он разбил зайцу губу, так что теперь у всех зайцев расщепленная губа.

Люди отправили к луне своих посыльных, чтобы выяснить, что она сказала, но было слишком поздно – ведь неправильные слова уже были переданы.

С тех пор все люди умирают.

Лев – царь зверей

Сначала царем животных был страус. Сейчас лев – царь животных.

Давно страус и лев были большими друзьями и обычно они охотились вместе. Во время охоты им встречалось множество различных животных, но убить им никого не удавалось – животных отпугивал шум, который производил страус своими крыльями.

Наконец страус сказал льву:

– Ты оставайся здесь, а я забегу вперед и при гоню животных к тебе. Ты же убьешь для нас обоих.

И страус тут же отправился и, забежав вперед, погнал дичь ко льву, выкрикивая:

– Убей для меня, мой вождь! Ведь у меня нет зубов!

Лев убил антилопу и стал дожидаться страуса – боялся его.

Страус подошел ко льву, который стоял возле мертвой антилопы, и сказал ему:

– Разрежь мясо – ведь у меня нет зубов!

Лев разрезал тушу и стал ждать, что будет дальше. Так как у страуса не было зубов, он съел все мягкие части – легкие, сердце, почки и печень. Затем страус сказал льву:

– Теперь ты тоже можешь поесть мяса!

И лев съел почти все оставшееся мясо. Было жарко, и после еды они разошлись в разные стороны, чтобы поспать.

Как только они разошлись, страус стал сильно бить крыльями, и лев очень испугался этого шума.

Они проспали ночь, а на следующий день лев отправился искать страуса, чтобы охотиться вместе. Он нашел страуса спящим. Рот у страуса был приоткрыт, лев заглянул ему в рот и тихо рассмеялся. Он сказал:

– Мой вождь, у тебя нет зубов!

И, оставив страуса спать, он отправился охотиться один.

Страус проснулся, позвал льва, но тот больше не пришел. С тех пор страус стал есть траву. Вот как лев стал царем зверей.

Лев и шакал

Шакал и лев отправились однажды охотиться на антилоп канна. Они устроили засаду в густом кустарнике и лежали там со своими луками и стрелами, поджидая антилоп, которые ходили на водопой этой дорогой.

Когда показались антилопы канна, шакал и лев выбрали себе по антилопе. Лев выстрелил первым, но не попал. Затем выстрелил шакал и крикнул:

– Я попал в мою антилопу! А лев очень рассердился на шакала и сказал:

– Это я выстрелил и убил антилопу, а ты промахнулся! Шакал испугался и подумал, что будет умнее согласиться со львом. Поэтому он сказал:

– Да, отец мой, это ты убил антилопу.

Потом они вместе отправились домой, так как жили рядом. Солнце палило, и они решили сначала поспать, а потом разрезать мясо и отнести его до мой. Но шакал задумал обмануть льва, чтобы все мясо досталось ему.

И вот, когда лев лег спать, шакал тоже улегся и притворился спящим. Но как только он увидел, что лев заснул, он потихоньку поднялся и вернулся к мертвой антилопе. Он разорвал ей живот, залез туда и вытащил весь жир изнутри. На обратном пути, он, чтобы обмануть льва, раскровил себе нос. Кровь капала на землю, и шакал думал, что лев решит, будто антилопа убежала, и отправится по этому следу.

Вскоре лев проснулся и пустился по кровавому следу. След завел льва далеко в степь, но наконец он все же нашел мертвую антилопу. Сначала лев не заметил шакала, но потом увидел, что из живота антилопы торчит его хвост. Лев очень рассердился, схватил шакала зубами за хвост и вытащил его оттуда.

– Ну, раз ты обманул меня, – сказал лев, – я не дам тебе мяса!

– О отец, – заскулил шакал, – я ведь только хотел отобрать лучшую часть мяса для твоей жены!

Но лев не поверил ему и стал рвать антилопу на части. Потом он подозвал шакала и дал ему жира с груди антилопы.

– Отнеси это моей жене и детям, – сказал он, – а себе можешь взять вот это! – И он бросил шакалу легкие. Шакал очень рассердился, но взял мясо, – он уже придумал, как поступить. И вот он отнес мясо к логовищу львицы. Увидев, что она играет с львятами, шакал крикнул ей:

– Это от моего отца!

И он стал швырять в львят кусками легких. Они очень испугались и бросились искать защиты у своей матери. Львица была в ярости. Тогда шакал сказал:

– Я должен вернуться к своему отцу, он ждет меня.

Но вместо того чтобы вернуться, он позвал свою жену и детей, и они убежали далеко в степь. Там он дал им жира антилопы. Жир им так понравился, что они быстро съели его.

Больше они не вернулись туда, где жил лев, и стали жить отдельно.

Вот почему лев никогда не позволяет шакалу есть дичь вместе с ним. Он не подпускает шакала близко, как тот ни скулит, выпрашивая мясо. Пока лев не наестся, он ничего не дает шакалу. Шакал лишь доедает остатки.

Шакал и волк

Волк отправился к девушке. Он прибежал и стал за ней ухаживать, а затем вернулся домой. Тем временем к этой девушке пришел шакал, и он также принялся за ней ухаживать.

Но девушка сказала:

– Мой возлюбленный – волк! Я не могу принять твои ухаживания. Мы, мой возлюбленный и я, дали друг другу слово, и я не принимаю твои ухаживания.

А шакал говорит:

– Твой волк – лошадь моего отца!

– Это неправда! – отвечает девушка.

– Я докажу тебе это! Вот увидишь! – сказал шакал ей в ответ.

– Увидим, – сказала девушка.

Шакал отправился к себе домой, он пошел к своей хижине. Волк вернулся к девушке.

– Так ты лошадь! – сказала ему девушка.

– Кто это сказал? – спросил волк.

– Так говорит шакал, – ответила девушка.

– Но это неправда! – настаивал волк.

– Нет, правда! – повторяла девушка.

– Ну что ж, я пойду, я пойду к шакалу, – сказал волк. Увидев шакала, волк спросил:

– Что это такое?! Что это такое?! Кто сказал, что я лошадь?

– Да, действительно, кто это говорит?! – спросил шакал.

– Мне сказала об этом девушка, – ответил волк.

– Идем. Идем вместе, и я спрошу девушку, – предложил шакал.

Волк согласился:

– Давай пойдём к девушке!

И они вдвоем пустились вскачь по дороге. Но вдруг шакал воскликнул:

– Я заболел!

– Давай я тебя понесу, – предложил волк. – Подойди и забирайся ко мне на спину!

– Дай мне удила, – говорил шакал. – Я тебя взнуздаю.

- Ну что ж, давай надевай узду!
- Я так и сделаю!
- Вдень удила мне в пасть! – говорит волк.
- А теперь держи поводья, надо их привязать! – сказал шакал.
- Да, завяжи их!

И вот волк с шакалом поскакал. Они добрались до девушки. А девушка вышла из своей хижины. Она вышла посмотреть, кто там. Но волк, как только ее увидел, тут же бросился со всех ног прочь. Так девушка досталась шакалу.

О сестрах

Старшая сестра, питон, была беременна. Однажды утром она вместе со своей младшей сестрой, шакалом, отправилась за водой. В то время люди пили воду из родника в скалах, и они отправились туда, чтобы набрать воды. А возле водоема было дерево нга, полно спелых плодов.

Сестра-питон сказала:

– Взбирайся на дерево и потряси вон ту ветку, что бы мы могли поесть нга.

Но сестра-шакал отказалась:

– У-у! – сказала она. – Взбирайся сама, старшая сестра, натряси плодов, и мы поедем.

И вот старшей сестре пришлось самой взбираться на дерево. А она была беременной и грузной. Поднявшись на дерево, она добралась до ветки, которую хотела обтрясти. Но она неловко ухватилась за ветку и упала в воду. Она очутилась в роднике. Она пыталась выбраться оттуда, но берега были слишком крутые. Ей пришлось остаться в роднике. И она родила там.

Родные мужа сестры-питона увидели, как сверху, от родника, бежит сестра-шакал. У нее была смешная вихляющая походка. Родственники сидели и смотрели, как она входит в становище.

– Эй! – сказали они. – А где же наша красавица-невестка?

Сестра-шакал вернулась одна. А мы считали, что наша невестка отправилась к роднику вместе с ней. Что же она сделала со своей старшей сестрой?

Когда сестра-шакал подошла к тому месту, где они сидели, родственники взяли кисточку для еды и мазнули ею по ее лицу. Так они обычно делали для старшей сестры-питона – мазнут кисточкой, обмакнутой в жир, по ее лицу, чтобы оно стало гладким и блестящим.

Но сестра-шакал не поняла, для чего это делается: «Жир! Жир! Жир стекает по моему лицу!» – закричала она и стала пить этот жир.

Люди сказали:

– Мы оказались правы – ты действительно не наша невестка! Что ты с ней сделала? На что ты рассчитывала, вернувшись без нее и

прикинувшись, будто ты – прекрасный питон?!

Ну а пока все это происходило, кори-дрофа, муж сестры-питона, был на охоте. Когда он пришел домой, то увидел сестру-шакала и спросил:

– Где моя жена?

Ведь сестра-шакал ничего не сказала людям о том, как сестра-питон упала в источник. Она все молчала.

Пока сестра-шакал расхаживала от костра к костру, кори пошел приготовить постель. Он взял иглы дикобраза и воткнул их стоймя в песок, под постелью из шкуры, приготовленной для сестры-шакала. Когда сестра-шакал улеглась спать, иглы вонзились ей в ребра. Они насквозь проткнули ее шкуру.

– Эй! – закричала сестра-шакал. – Уберите эти шипы!

Но кори притворился, что он не слышит. Наконец сестра-шакал замолчала. Иглы дикобраза убили ее. Она умерла и так осталась лежать в хижине.

Утром кори встал и ушел.

Маленькой сестренке шакала ее бабушка сказала:

– Пойди посмотри, что с твоей сестрой. Может, она не выходит из хижины потому, что стала взрослой? Почему она до сих пор спит?

Маленькая девочка побежала посмотреть. Сестра-шакал умерла, и из ее заднего прохода торчали семена нга.

Маленькая девочка увидела это и закричала своей бабушке:

– Бабушка! Семена нга, семена засохли, засохли в зад у старшей сестры, в зад у!

Бабушка закричала ей в ответ:

– Внучка! Ты что, сказала, чтобы я принесла передник зрелости и завязала его ей?

Внучка покачала головой и закричала погромче:

– У-у! Старшая сестра умерла ночью, и семена нга засохли у нее в зад у, в зад у!

– Ты так говоришь, чтобы я принесла для нее передник зрелости и завязала его ей?

Ну, вот так они и кричали друг другу некоторое время. Маленькая девочка снова закричала:

– Семена нга, семена засохли, засохли в зад у, в зад у старшей сестры!

В конце концов старая женщина пришла поглядеть. К тому времени внучка обломала нга, торчавшие из заднего прохода ее сестры. Бабушка подошла и сказала: «О! Твоя сестра умерла?» – а потом они обе ее съели.

Тем временем кори пошел, чтобы собрать вместе всех животных. Он позвал жирафа, слона, сернобыка – всех животных. Они все вместе отправились к источнику. Друг за другом они стали опускать в источник ноги. Но их ноги были недостаточно длинны ми – они доставали ими только до середины. Антилопа канна сунула туда свою ногу. Но не дотянулась до дна. Подошел сернобык и сунул туда свою ногу. Но и он не дотянулся до дна. Гну сунул в родник ногу, но не смог достать до дна. Все животные: антилопы куду, каменный козел, дукер, черепахи – все попытались дотянуться до питона, но у них были недостаточно длинные ноги.

– Кого же мне позвать на помощь? – спросил кори-дрофа.

– Позови жирафа, – предложил кто-то.

– Да, я позову его.

Жираф вышел вперед и сунул в воду ногу. Ну а сестра-питон, жена кори, уже родила там, в воде. Ее ребенок был с ней, и они лежали вместе на дне родника. Жираф сунул туда свою ногу и стал шарить ею по дну.

Он сказал мужу сестры-питона:

– У нее на спине ребенок. Она родила и лежит там, внизу, вместе со своим ребенком. Я нащупал их обоих.

Тогда кори послал в становище за циновками, что бы постелить их на землю. Принесли циновки и выло жили ими весь путь от родника до становища. Жираф опять сунул в воду ногу. Он вытащил сестру-питона и ребенка. Они оба пошли и сели на циновку.

Затем пришли родственники мужа сестры-питона, чтобы отвести ее домой, к себе в становище. Они все обнимали ее, радуясь.

– Вот наша дорогая невестка, которую мы столько искали! Вот она, это, конечно, она!

Затем кори, его жена и ребенок медленно двинулись домой по расстеленным циновкам.

Близкие родственники

Девушку по имени Гцонцемдима увели к себе слоны. А потом ее взяла в жены гиена. И Гцонцемдима стала жить вместе с мужем в его становище. Но слоны взяли с гиены обещание, что та приведет Гцонцемдима навестить их. И вот вскоре она с мужем пустилась в путь к становищу слона.

Когда они подошли к становищу, то увидели множество следов.

– Кто бы это мог бродить здесь, оставляя такие следы, следы, похожие на львиные? – спросил муж-гиена свою жену.

– Это не львиные следы, а следы моих братьев. Не говори так!

– Здесь повсюду вокруг львиные следы. Разве ты не думаешь, что нам следует вернуться и отправиться домой? – спросил муж-гиена, повизгивая от страха.

– Не беспокойся. Это следы моего отца и его сыновей. Они ушли на охоту. Ну, давай пойдем в становище. Перестань говорить глупости! Лев? Какой еще лев? Это всего лишь мои маленькие братья и сестры, – сказала Гцонцемдима.

И они пошли дальше. Шли-шли и наконец добрались до становища. Там они сели и стали беседовать с женщинами. Поговорив немного с ними, Гцонцемдима и гиена пошли устраиваться на ночлег, как вдруг послышался львиный рык. Это были братья Гцонцемдима, они свирепо рычали.

– Ку-ку-ку! – сказал муж-гиена. – Сюда идут львы?

– О-о! – ответила Гцонцемдима. – Да ты же прекрасно знаешь, что это идут домой мои братья, плоть и кровь моего отца. Так зачем же тогда ты называешь их львами?

– Нет, это львы! Ну, давай же...

Но братья уже входили в становище.

Они были хищниками, и они лаяли. Они лаяли, как обычно лают собаки. Они уже давно не виделись со своей старшей сестрой, поэтому они вновь и вновь приветствовали ее. Она побежала им навстречу, и они стали обниматься.

– Видишь, вот мои братья, как я тебе и говорила! А ты что вообразил себе?! – сказала она гиене. – И с самого начала это были

мои братья! Так что за молчи и сиди себе спокойно!

– Да?! – сказал муж-гиена. – Я в становище, полном львов, а ты говоришь, чтобы я не боялся?

– О-о-о, да это же всего-навсего мои братья, глупец! О каких львах ты говоришь?

Ну а отец Гцонцемдима еще не вернулся домой. Приближаясь к становищу, он так заревел, что все вокруг содрогнулось и деревья чуть не повалились.

– Коо! Не жить мне больше! – воскликнул муж-гиена. – И почему я не остался дома? Что я наделал? Попал в дом слона, который ревет так ужасно!

– Да нет же! – сказала Гцонцемдима. – Это просто идет мой отец! Ну, сядь же и терпеливо жди. И она снова усадила его.

– Вот, поешь нга.

Муж-гиена задрожал от ужаса. Он трясся и дрожал.

Тогда Гцонцемдима пошла за коробочкой из панциря черепахи с порошком са. Она сделала вид, что хочет успокоить его порошком са. Но вместо этого она схватила его за нос и оторвала его! Она оторвала нос своему мужу!

– Я сказала, чтобы ты сидел спокойно и дожи дался моего отца, но ты не послушался. Вот я и оторвала тебе нос.

Ссоры родственников

Мать Гцонцемдима жила вместе со своей дочерью и ее мужем. Муж Гцонцемдима охотился, и его охота была удачной.

Однажды он убил дукера. В этот день шел дождь. Рано утром он вышел из становища, где они жили все вместе, и отправился на охоту, и ему удалось убить дукера.

Когда он принес домой мясо, Гцонцемдима сказала ему:

– Ты уже убил столько дукеров, не пора ли нам вернуться к нашим родственникам? Ведь мы так и хотели сделать?

Но ее муж ответил:

– Нет, еще рано возвращаться. Я хочу еще поохотиться здесь на дукеров, чтобы у нас было много мяса для твоей матери. Я хочу еще поохотиться для родственников твоей матери и вернуться домой с большой добычей.

– Хорошо, – сказала Гцонцемдима. – То, что ты говоришь, – разумно. Ты поохотишься еще некоторое время, убьешь еще антилоп и выделаешь их шкуры. У моей матери будет много мяса, а когда ты кончишь выделывать шкуры, ты сможешь сшить для нее передник из шкур.

Когда они так договорились, муж снова отправился на охоту. Ну, как бы там ни было, что бы ни случилось, теперь он обязательно должен убить еще одного дукера! Он отправился утром, погнался за дукером и преследовал его до тех пор, пока наконец ему не удалось убить его.

Как раз к этому времени выросли клубни шон, от личные спелые клубни. Они созрели, налились, и их уже можно было есть. Погоня за дукером завела мужа Гцонцемдима далеко – как раз туда, где росли клубни шон.

Когда он вернулся в становище, то сказал своей маленькой дочери:

– Вчера, когда я преследовал дукера, я видел место, где растут клубни шон – совсем спелые, их уже можно собирать. Почему бы тебе и твоей бабушке не отправиться за ними?

– Да! – сказала маленькая девочка. – Мы так и сделаем. Мать пусть останется дома, а мы с бабушкой пойдем собирать шон.

И вот старая женщина отправилась вместе с внучкой. Они шли-шли, пока не добрались до того места, где отец ребенка охотился на дукера. Клубни были совсем спелые и круглые, как мужские яйца. Первой их увидела девочка.

Она закричала:

– Мы пришли! Об этом месте говорил отец? Бабушка, иди выкапывать эти прекрасные клубни шон!

Но когда бабушка увидела их, она воскликнула:

– Гхвои-гхвои-с-а-ка-гхвои, хви-хви-с-а-ка-хви! Не здесь ли вчера твой отец охотился на дукера? Уж не его ли яйца упали на землю?!

– Эй! – закричала девочка. – Что ты такое говоришь, бабушка? Ты сказала, что вчера мой отец здесь... Ты оскорбляешь моего отца?! Ты оскорбляешь отца – говоришь, что это его яйца валяются здесь на земле?!

– Да о чем ты, девочка? Не говори так! О чем ты только думаешь? Ты, верно, не понимаешь, о чем говоришь. Ведь я почитаю своего зятя!

Но девочка только и сказала в ответ:

– Бабушка, иди выкапывать эти клубни, о которых мы говорили. Иди выкапывать эти клубни!

И старая женщина подошла к ней и стала выкапывать шон. Она выкапывала, выкапывала клубни, а потом посмотрела на то, что уже выкопала...

– О! – воскликнула она. – Гхвои-гхври-с-а-ка-гхвои, хви-хви-с-а-ка-хви! Вчера здесь охотился на дукера мой зять, и его яйца упали на землю! Хее-хее! Вот на что похожи его яйца. Вот так выглядят верхушки его яиц!

– Бабушка! – снова закричала девочка. – Ты оскорбляешь моего отца?!

– Не говори так! – ответила старая женщина. – Ты хочешь сказать, что я не почитаю других? Прекрати эту болтовню! Что это на тебя сегодня нашло?

И они снова принялись выкапывать клубни, а по том отправились домой.

По дороге маленькая девочка сказала:

– Я очень проголодалась. Пойдем скорее домой, ты поджаришь шон, и я поем!

– Хорошо! – ответила бабушка. – Ты пойдешь прямо в становище, пока я соберу немного дров.

И они пошли дальше. Когда они приблизились к становищу, старая женщина стала собирать дрова и складывать их в свой каросс. Она собирала дрова, пока не набрала целую вязанку. А маленькая девочка пошла вперед.

Когда она вошла в становище, то увидела убитого дукера. Там уже был ее отец – он убил дукера и вернулся в становище, чтобы освежевать его. Маленькая девочка подбежала к нему.

– Отец! Мы с бабушкой пошли вместе, и она смертельно оскорбила тебя! Она сказала, что там, где ты охотился на дукера, на земле остались лежать твои яйца!

– Что?! Как ты можешь говорить так?! – воскликнул ее отец.

Он продолжал освежевывать дукера. Освежевав, он разрезал тушу, вытащил внутренности и повесил их на дереве. Затем он вытащил желудок и очистил его от содержимого. Наполнив желудок кровью дукера, он тоже повесил его на дереве.

– Ну а теперь возьми-ка внутренности и отдай их своей бабушке. Пусть она приготовит их, и вы обе поедите.

– Как? Она так оскорбила тебя, а ты хочешь, чтобы я отдала ей внутренности дукера?

– Уру-у-у! Да что это с тобой, дочка? Ты что, не знаешь, что такое почтение к другим? Как твоя собственная бабушка может кого-то оскорбить?

Но девочка сказала:

– Не пойду я к ней! Если бы она не оскорбила тебя, я бы отнесла ей внутренности.

– Ну хорошо, я сам пойду к ней, – сказал ее отец.

Он снял внутренности с дерева. Затем он взял каросс и закутался в него. Он взял свой топор, топор гоба – большой и острый – и спрятал его под кароссом. Затем он направился через становище к очагу своей тещи.

– Вот, возьми внутренности дукера. Я принес их тебе сам, потому что твоя внучка отказалась пойти.

Он вынул внутренности и дал ей. Затем он сказал:

– Отчего люди оскорбляют других?

Старая женщина, вытянув шею, взглянула вверх, в лицо зятю. Ее шея обнажилась, а он как раз стоял над ней. – Дзоп! – он отрубил ей голову топором.

А Гцонцемдима не было там, когда умерла ее мать. С самого раннего утра она отправилась на поиски пищи. И ее муж мог без помех спрятать труп. Он вытащил труп из лужи крови, а затем втащил его в хижину. Там он скрыл все следы преступления. Но из перерубленной шеи не переставая лилась кровь. Он ушел, а кровь все сочилась.

Муж Гцонцемдима вернулся к своему очагу. Он подвесил внутренности дукера возле хижины своей тещи, вернулся и сел у своего очага.

Пока все это происходило, Гцонцемдима собирала пищу: ящериц, мышей, навозных жуков. Часть она ела, а часть собирала. Она собирала и складывала в свой каросс, чтобы отнести домой. Затем она набрала вязанку дров и тоже положила в каросс, и наконец она двинулась обратно к становищу.

Когда она пришла, ее дочь и муж сидели возле очага. Муж жарил дукера. Гцонцемдима взглянула в ту сторону, где была хижина ее матери. Ей показалось, что мать лежит и спит в хижине.

– Эй! – сказала Гцонцемдима. – Что случилось с матерью? Почему она пришла домой и сразу же легла? Почему она не развела огонь и не готовит себе пищу, чтобы поесть? Ей бы надо подняться и приготовить еду. Почему она легла спать на пустой желудок?

И она разделила на кучки пищу, которую принесла, – навозных жуков, мышей, ящериц и все остальное. Затем она сказала своей маленькой дочери:

– Пойди отдай это своей бабушке. Пусть она встанет, разведет огонь в очаге и приготовит себе поесть. Почему она до сих пор лежит?

Но девочка ответила:

– Нет, я не пойду.

– Не пойдешь? – удивилась Гцонцемдима. – Почему? Когда Гцонцемдима говорила это, она уже почувствовала сердцем, что случилось. Ее сердце сказала ей, что девочка рассказала об оскорблении отцу. Ее сердце сказала ей, что ее муж убил свою тещу и спрятал ее тело. Ее сердце сказала ей, почему девочка отказывается отнести еду в хижину старой женщины.

Тогда она пошла через становище и увидела следы крови.

– Да, я знаю все, – сказала она себе. – Я уже все знаю. Моя дочь передала мужу слова бабушки, и вот что из этого вышло. Ну, я не покажу вида, что все знаю. Я просто положу здесь еду и вернусь к своему очагу.

И она отошла от хижины своей матери и вернулась к своему очагу.

Она навалила в огонь дров, и очаг стал дымить. Ветер нес дым то туда, то сюда. И каждый раз, когда ветер менялся, Гцонцемдима пересаживалась – так чтобы дым все время относил на нее, – тогда она могла бы незаметно поплакать. Ее лицо было залито слезами.

Ее муж спросил:

– Эй! О чем это ты плачешь?

– Уру! – громко ответила она. – Зачем мне плакать? С чего ты взял, что я плачу – это просто дым ест мне глаза. Ну и огонь! – он все время дымит мне прямо в лицо. Мне совершенно не о чем плакать. Разве не видишь, что это дым ест мне глаза?

И каждый раз, когда муж спрашивал ее, почему она плачет, она говорила, что у нее глаза слезятся из-за дыма.

Наконец стемнело, и они пошли спать. Муж сразу же лег, а Гцонцемдима все сидела на постели и грызла еду, которую она принесла.

Ее муж заснул, а она все продолжала сидеть и думать в ночи. Она думала о том, что ее мать оскорбила ее мужа, а девочка передала это отцу. Она думала об убийстве, которое за этим последовало.

– Ого! Ну, погоди! – прошептала она спящему мужу. – Я до тебя доберусь! Ты убил мою мать, а я убью тебя!

Гцонцемдима все сидела и вновь и вновь думала обо всем этом.

– Куру! – сказала она себе. – А если я возьму одно из его коротких копий и попробую убить его этим копьём, – удастся ли мне самой остаться в живых?

Она обдумывала все это.

Затем она стала вытаскивать из связки одно копьё. Но когда она вытаскивала его, копьё со звоном стукнулось остриями.

Этот звон разбудил ее мужа.

– Эй! Что ты там звенишь копьями?

– Ну, вот еще! – резко возразила она. – На что мне сдались копья? Это ты услышал, как звенят копья моих братьев, – они должны прийти сегодня вечером. С чего ты взял, что мне понадобились копья?

Так она старалась успокоить его, чтобы он своими опасениями не расстроил ее замыслы.

– Я подожду! – сказала она себе. – Застану его врасплох и убью!

Но он все не засыпал, и она не могла добраться до копья во второй раз.

Затем новая мысль пришла ей в голову:

– Не жить ему – ведь у меня есть нож! Вот как я попробую убить его!

И она медленно, осторожно вынула свой нож и сунула его в огонь. Он лежал там, пока не раскалился. Он раскалился докрасна!

И Гцонцемдима сделала со своим мужем то же, что он сделал с ее матерью, – да, она убила его! Оставив труп на месте, она легла спать.

Утром она собрала кровь своей матери и прилепила этот сгусток у себя в паху с левой стороны. За тем она собрала кровь своего мужа и прилепила ее в паху справа. Она оттащила труп мужа в кусты. Затем она вернулась, вытащила труп своей матери из ее хижины и тоже оттащила его в кусты.

Возвратившись, она увидела, что рядом с ее детей ми сидят какие-то люди. Это пришли младшие братья ее мужа.

– Зачем пришли мои деверья? – подумала она. – Что они собираются со мной сделать?

И тут ее маленький сын подбежал к одному из них:

– Дядя! Дядя!

Гцонцемдима знала, что он собирается сказать: «Мать убила моего отца! Теперь вы знаете». Поэтому она схватила маленького мальчика и отвлекла его внимание.

Ну а братья собрались уходить. Они сказали, чтобы Гцонцемдима собрала свои вещи и пошла с ними.

Тогда она набрала всевозможных колючек: колю чек «утренней звезды», шипов цгами-цгами – всяких – и была готова.

Она так быстро собралась, что успела раньше их. Вот так она и убежала из становища и побежала к своим родственникам – туда, где жила родня ее матери, родня ее отца, ее старшие братья и все их дети.

Тем временем в небе стали собираться грифы. Младшие братья мужа стали переговариваться между собой:

– Что нужно здесь этим грифам? Что могло при влечь их, из-за чего они все тут собрались? О-ох! Вы только посмотрите, как они хлопают крыльями!

Но вот грифы стали спускаться. Они опустились на труп мужа Гцонцемдима, и они опустились на труп ее матери. Братья побежали туда, куда они спустились, и увидели, как они пируют на трупах.

– Куру! – закричали они. – Вот что она сделала! Так вот что пытался рассказать нам мальчик о своей матери – она убила его отца! Но она не дал ему до сказать. Теперь мы должны оставить тут труп брата, а позже вернуться, чтобы похоронить его.

Узнав о том, что случилось, они, не теряя времени, бросились вдогонку за Гцонцемдима. Они шли и шли по ее следам и вскоре почти нагнали ее.

Но Гцонцемдима помог сын. Она сказала ребенку:

– Нас преследуют мои деверья. Помоги мне – последи, не появятся ли они позади. Как только ты их заметишь, скажи мне! А то они хотят нас убить!

Потом Гцонцемдима стала бросать позади себя колючки «утренней звезды».

И вот братья наткнулись на колючки. Шипы искололи их ступни. Братья еле ковыляли и только и думали, как бы им выбраться оттуда.

А тем временем Гцонцемдима и ее сын убежали далеко вперед.

Ноги братьев были исколоты шипами. Наконец им удалось выбраться из этого места. Они сделали большой крюк, и снова стали преследовать Гцонцемдима.

Ну а дочь Гцонцемдима, маленькая цесарка, все смотрела, не появится ли кто позади. И вот она увидела, что братья отца вновь настигают их.

Тогда она закричала:

– Касаса-аа-тсве-тсве! – Они уже совсем близко! – Тсветсве!

– Что делать? Что же мне делать? Ведь я умру сейчас, и некому помочь мне! – сказала Гцонцемдима.

Затем она разбросала большие шипы цгами-цгами, у которых такие длинные иглы.

Когда братья добрались до этого места, они ступили прямо на шипы. Шипы были такие огромные, что в клочья разорвали их сандалии.

А Гцонцемдима и ее дочь побежали дальше. Солнце палило, но они продолжали бежать изо всех сил.

В небе висела одна-единственная тучка. Гцонцемдима заговорила с ней, она сказала:

– Что же ты мне ничем не поможешь? Ведь меня вот-вот убьют! Разве ты не видишь, что происходит? Не видишь, что меня сейчас убьют?

Ну, и туча взяла и помогла ей. Дождавшись, пока деверья Гцонцемдима остановятся на ночлег и заберутся в хижины вместе со своими детьми, туча обрушила на них такой ужасный ливень, что он едва не убил всех их.

Утром они дрожа выбрались из хижин, чтобы развести огонь и обогреться, и тут туча опять обрушилась на них проливным дождем. Они сбились в кучу и дрожали. Потом они сказали:

– Разве наш дедушка не посылает нас вновь следом за ней? Пойдемте, идемте же! Раз она убила нашего брата, она не должна остаться в живых! Уж на этот раз мы ее поймем! Когда убивают такого чело века, как наш старший брат, он должен быть отомщен! И братья покинули становище и шли, пока не добрались до источника. Тут они собирались убить Гцонцемдима. Они засели в кустарнике возле источника и ждали, когда она придет.

Пока они там дожидались, люди спустились к источнику, чтобы набрать воды. Увидев братьев, они поспешили назад, к Гцонцемдима, чтобы сказать ей об этом.

– Явились твои деверья! Они уже тут. Будь осторожна, они пришли убить тебя!

– Да, – сказала она, – неужели вы думаете, что я не знаю об этом? Конечно, я уже знаю... Я знаю, что они здесь.

И она сказала своей бабушке:

– Когда я уйду отсюда, бабушка, знаешь, что я попрошу тебя сделать для меня? Ты увидишь, как что-то полетит к тебе от источника. Оно подлетит к тебе и усядется на твой позвоночник, на самый верх. Это «что-то» – кровь из моего сердца. И ты должна тут же засунуть это в мешок! Да, прошу тебя, положи это в мешок!

Затем Гцонцемдима спустилась к источнику. Братья зачерпнули из источника ковш и подали ей наиться – но не воды, а грязи.

– Эй! – сказала она. – Зачем вы это делаете? Раз уж вы решили убить меня, дайте мне по крайней мере напиться чистой воды, чтобы моя кровь легко могла вытечь.

Тогда братья зачерпнули ей чистой воды. Затем они вытащили свои ножи и вонзили в нее.

Кровь из сердца Гцонцемдима вылетела – из верхней части ее позвоночника и полетела – гдеди! – прямо к верхушке позвоночника ее бабушки. Бабушка быстро схватила ее и положила в мешок.

И вот внутри мешка стало расти какое-то существо. Оно росло, росло и росло, пока не стало взрослым человеком. Но оно все еще жило в мешке втайне от всех.

Однажды все женщины становища, кроме бабушки, отправились собирать пищу. Когда они возвращались, то услышали, как кто-то в становище толчет нгхн.

– Эй, послушайте-ка, – сказали они, – кто это толчет нгхн? Кто бы это мог толочь нгхн в нашем становище?

Мы уже почти пришли: давайте поспешим и посмотрим, кто это.

Когда они вошли в становище, то закричали:

– О-о-о! Откуда взялась эта красавица? Но ведь это же наша старшая сестра, наша тетка, наша – кем-бы-она-всем-нам-ни-приходилась – привет нашей родственнице! Она снова с нами!

И они приветствовали ее и радостно обнимали. Она стала жить с ними.

Так прошло некоторое время. Но однажды младшие братья мужа придумали вот что:

– Давайте теперь возьмем ее в жены! – сказали они друг другу. Не стоит больше говорить о том, что бы убить ее, – ведь она так прекрасна! Таких не убивают – на них женятся.

Но один из братьев не соглашался:

– О! Она, конечно, прекрасна, но разве наш старший брат был безобразен? Он тоже был прекрасен, а она его убила – почему же вы говорите, что мы не должны ее убивать, а должны вместо этого взять ее в жены?

Братья все спорили и спорили: «Давайте возьмем ее в жены!» – «Нет, давайте убьем ее!» – кричали они друг другу.

Но в конце концов они решили жениться на ней. И вот все они – их было очень много – вышли из своего становища и отправились за ней.

И они привели ее с собой в их становище. Когда они добрались, Гцонцемдима вынула свой чудесный рог, который убивает людей.

И вот она дунула в него:

– Н-ааааа! Что вы такое надумали, а? Сначала вы убиваете меня, а теперь вы собираетесь взять меня в жены? Что еще за свадьбу вы задумали? И если уж вы собрались жениться на мне, то я позабочусь, чтобы все вы умерли! Никто из вас не получит меня в жены!

Так все и случилось. Она всех их уничтожила рогом. Все до одного брата умерли. Они были убиты, мертвы, и никто из них больше не ожил.

А Гцонцемдима вернулась домой, в свое становище.

Мир Цагна

Первым был Цагн. Все вещи появились и были созданы по его приказанию: солнце, луна, звезды, ветер, горы и животные.

Его жену звали Коти. У него было два сына, и старший из них стал вождем, его звали Когац, имя второго – Гцви. В то время было три великих вождя – Цагн, Когац и Кванцикут-шаа. Они все были могущественными, но главным был Цагн, который отдавал свои приказания через этих двоих.

Жена Цагна, Коти, взяла нож своего мужа, чтобы заострить киби – палку-копалку, а потом стала выкапывать съедобные коренья.

Когда Цагн обнаружил, что она испортила его нож, он стал бранить ее и сказал, что ее постигнет не счастье. После этого она забеременела и родила в поле маленького детеныша антилопы канна. Она рассказала об этом своему мужу и сказала, что не знает, что это за дитя. А он побежал посмотреть на него и, вернувшись назад, велел Коти растереть магическое снадобье канна, чтобы он мог выяснить, что это такое. Она так и сделала, и он пошел и окропил животное этим снадобьем и спросил его:

– Ты это животное? Или ты то животное? Но оно молчало, пока он не спросил его:

– Ты антилопа канна? И тогда оно сказало:

– Аааа.

Тогда он взял животное на руки, пошел и взял тыкву, положил его туда и отнес в уединенную долину, окруженную со всех сторон горами и пропастями, и оставил, чтобы оно росло там.

А сам он в то время создавал всех животных и все вещи и приспособлял так, чтобы люди могли их использовать, и он сделал ловушки и оружие.

Затем он сделал куропатку и полосатую мышь, и он создал ветер, для того чтобы животные могли принохиваться по ветру, и вот они направляют свой бег по ветру.

Цагн взял три палки и заострил их и бросил одну из них в антилопу канна, и она убежала, а он позвал ее обратно.

А потом он отправился к своему племяннику, чтобы достать яду для стрел, и его не было три дня.

В его отсутствие его сыновья Когац и Гцви вместе с другими юношами отправились на охоту и наткнулись на антилопу канна, которую спрятал их отец. Они не знали о ней. Это было какое-то новое животное. У него только что отросли рога. Они пытались окружить его и убить, но оно всякий раз прорывало цепь, а потом возвращалось и снова ложилось на то же место.

Наконец, когда оно заснуло, Гцви, искусно метавший копья, заколол его, и они разрезали его на куски и взяли с собой мясо и кровь. Но когда они разрезали его, они увидели силки и ловушки Цагна и поняли, что это было его животное, и они испугались.

На третий день вернулся домой Цагн и, увидев кровь на земле – в том месте, где убили антилопу, очень разгневался. И он пошел домой и сказал Гцви, что накажет его за дерзость и непослушание. Он оторвал ему нос и швырнул в огонь. Но затем он сказал:

– Нет! Я не стану делать этого!

И вот он снова приставил ему нос и сказал:

– Ну а теперь попробуй исправить зло, которое ты причинил. Ведь ты испортил антилоп канна.

Затем Цагн велел Гцви взять немного крови антилопы канна, положить ее в горшок и взбить мутовкой – маленькой палочкой для размешивания, вращая ее верхний конец между ладонями. И Гцви стал разбрызгивать кровь, а она превратилась в змей, и они расползлись повсюду. Но Цагн сказал, чтобы он не делал таких страшных гадов. Тогда Гцви снова взболтал и разбрызгал кровь, и она превратилась в антилоп каама, и они убежали.

– Я недоволен, это не то, чего я хочу, ты не умеешь ничего делать. Выброси эту кровь! Жена моя, Коти! Вычисти этот горшок и принеси еще крови от этого маленького выпотрошенного животного и взболтай ее.

Коти так и сделала. Они добавили еще жир от сердца антилопы, и Коти взболтала все это. Цагн стал разбрызгивать кровь, и капли превратились в быков антилопы канна, которые окружили их и начали бодать рогами.

И Цагн сказал:

– Ну, видишь, как ты испортил антилоп канна!

И он прогнал этих антилоп канна.

А потом они разболтали кровь – и сделали коров антилоп канна и еще разболтали – и сделали множество антилоп канна, и антилопы покрыли всю землю.

И Цагн сказал Гцви:

– Иди и охоться на них, попробуй убить одну из них. Ты должен это сделать, потому что ты испортил их!

Гцви побежал и старался изо всех сил, но вернулся обратно ни с чем, запыхавшийся, измученный, со сбитыми ногами. На следующий день он снова отправился на охоту, но так и не смог убить ни одной антилопы. Они убегали от него, потому что в их костях был Цагн.

Затем Цагн послал Когаца, чтобы тот пригнал к нему антилоп. И Цагн закричал, а антилопы канна пробежали совсем близко мимо него, и он бросил в них асседаи и убил трех быков. Потом он послал охотиться Когаца и благословил его, и тот убил двух антилоп. А потом он послал Гцви, и он убил одну.

В тот день люди получили дичь для еды, но животные были испорчены вот таким образом и стали дикими. Цагн сказал, что должен наказать людей, раз они пытались убить то, что он сделал и чего они не знали.

Дочь Цагна

Эта девушка превратилась в созвездие Южного Креста. Ее отец бранил ее, и она убежала, чтобы умереть, бросившись в скопище кабу – змей. Змеи были людьми, и их вождь женился на ней. Они ели змеиное мясо, но ей давали есть мясо антилопы канна, потому что дитя Цагна не должно есть плохой пищи.

Цагн всегда знал все, что происходит вдали от него, и он послал Когаца привести свою дочь обратно. И вот Когац отправился вместе с другими юношами, а Цагн дал ему с собой свой зуб, чтобы сделать его могущественным.

Когда змеи увидели, что приближается Когац вместе со своими людьми, они рассердились и стали прятать головы, но их вождь сказал: – Вы не должны сердиться, они идут к своему ребенку.

И вот змеи отправились на охоту, а сестра Когаца дала ему мяса. Юноши велели ей передать мужу, что они пришли за ней. Она собрала еды в дорогу, и на следующее утро они вместе с ней отправились. Из предосторожности они обвязали тела тростником. Три змеи пустились за ними вдогонку. Эти змеи попытались ужа лить их, но жалили тростник. Они пробовали бить их, но попадали по тростнику. Тогда они стали бросать в них песком, чтобы поднялся ветер и загнал их в воду, – но им ничего не удавалось. Змеи не знали, что у Когаца был зуб Цагна!

Дети, которые оставались дома, юноши, бывшие вместе с вождем змеи, – все знали, что когда возвратятся эти три змеи, то всю страну зальет водой. И поэтому они начали возводить высокий помост из ивняка, а когда мужья вернулись, женщины-змеи взяли и бросили их в воду. И вода поднялась выше гор, но вождь и юноши спаслись на высоком помосте.

И Цагн послал к ним Когаца, чтобы он превратил их в людей. И он велел им лечь и ударил их своей палкой, и, как только он ударял кого-нибудь из них, из змеиной кожи выходил человек, а кожа оставалась на земле. Когац сбрызгивал змеиную кожу чудесным средством канна, и змеи становились людьми.

Уничтожение людоедов

Кобе – это великаны-людоеды, они носят с собой боевые топоры и отрубают людям головы, они убивают женщин и собирают их кровь через нос.

Цагн послал к ним Когаца, чтобы освободить одну женщину, и дал ему с собой свой зуб. У Цагна заболел зуб, и зубная боль велела ему послать Когаца.

Когац отправился, и, когда он возвращался обрат но, Цагн увидел облако пыли. Он послал маленькую птичку коука, или моти, как ее называют на языке сото, которая летает в вышине и поет «тии-тии», но та ничего не рассказала. Тогда он послал другую птицу – кинкининьяк – тинтииьяне на языке сото, но и она не принесла никаких известий. Затем он послал третью – кейв, черную с белым птицу, которая поет ранним утром и называется на сото тсканафике. Он натер ее клюв чудесным снадобьем канна, и она полетела к облаку пыли и вернулась с вестью, что идут великаны.

Эти великаны несколько раз нападали на Когаца, но он каждый раз взбирался на зуб Цагна, и тот вырастал и поднимался на такую высоту, что великаны не могли добраться до Когаца. А он там наверху готовил себе пищу, а потом начинал играть на своей флейте из тростника, и это их усыпляло, а он мог идти дальше. Но они просыпались, пускались следом за ним, и он снова забирался на этот зуб.

Великаны продолжали нападать на него, и наконец он убил нескольких из них отравленными стрелами. А Цагн сказал, что ему не нужны эти люди. Он сказал, что прогонит их далеко от этих мест и убьет – ведь они были людоедами.

И Цагн разрезал на части свой каросс и сандалии и превратил их в собак. Он натравил их на великанов кобе и истребил их.

Война с карликами

Колючки были людьми – их называли кагн-кагн, они были карликами. Цагн увидел, что они борются между собой, и пошел, чтобы разнять их. А они набросились на него и убили его. Им помогали термиты, а потом они все вместе съели Цагна.

Через некоторое время термиты вместе с карлика ми собрали кости Цагна, соединили их вместе, прикрепили его голову, и все это, спотыкаясь, поплелось домой. Когац исцелил Цагна и спросил, что же с ним случилось. Цагн рассказал ему все, и Когац дал ему силу и посоветовал, как можно побороть карликов. Он предложил Цагну притвориться, будто тот хочет ударить их по ногам, а затем стукнуть их по голове!

И Цагн пошел и убил множество карликов, а остальных прогнал в горы.

Мед

Цагн встретил орла, который доставал мед со скалы над пропастью, и попросил:

– Друг мой, дай и мне тоже немного меда!

Орел сказал: «Подожди немного!» – а сам взял соты и снес их вниз, отправился снова и принес еще, а потом сказал Цагну, чтобы тот забрал то, что осталось.

Цагн взобрался наверх и слизал лишь то, что оставалось на скале. А когда он хотел спуститься, то обнаружил, что не может этого сделать.

Тут он вспомнил о своем чудесном снадобье, достал немного из-за пояса и приказал снадобью пойти к Когацу, чтобы попросить совета. А Когац передал ему через это чудесное снадобье: он должен сделать так, чтобы со скалы потекла вниз вода, и тогда он сможет спуститься.

Цагн так и сделал. Когда же он оказался внизу, он спустился под землю, а потом вышел снова на поверхность и проделал так трижды, а на третий раз он поднялся наверх неподалеку от орла – в виде огромного самца антилопы канна.

И орел сказал:

– Какая огромная антилопа!

Орел захотел убить ее. Он бросил асsegай, и тот пролетел справа от антилопы, другой асsegай тоже пролетел мимо нее – слева, а третий прошел между ног антилопы. Орел стал топтать антилопу – и тотчас же выпал град и оглушил орла. А Цагн убил его и отнес немного меду Когацу. Цагн сказал Когацу, что убил орла, который так вероломно поступил с ним.

А Когац сказал:

– У тебя еще будут неприятности из-за всех этих схваток.

Цагн встретил женщину по имени Кгориоинзи, которая поедала людей. Она имела обыкновение хватать людей и бросать их в огонь. Кгориоинзи развела огромный костер и стала танцевать вокруг него, а Цагн на чал поджаривать на огне коренья.

Кгориоинзи подошла к Цагну и бросила его в огонь, но он выскользнул из огня с другой стороны и продолжал поджаривать и

есть свои коренья.

И она снова и снова бросала его в огонь, и он толь ко говорил:

– Подожди немного, пока я не покончу с моими кореньями, и я покажу тебе, каков я.

И когда он сделал это, он швырнул ее в огонь в наказание за то, что она убивала людей.

Затем Цагн вернулся обратно к горе, где он оста вил мед, который отобрал у орла. Он положил там свои палки и спустился к реке.

А в воде стоял некий человек по имени Куниси. Он уже давно стоял там – кто-то схватил его за ногу и удерживал в воде еще с зимы. Куниси позвал Цагна, чтобы тот подошел и помог ему.

Цагн пошел помочь ему и сунул в воду руку, чтобы освободить Куниси. Ему удалось сделать это, но рука Цагна оказалась теперь в ловушке. А Куниси, ковыляя, выбрался из воды – нога его онемела, оттого что так долго была зажата чем-то.

– Ну, теперь тебя будут держать тут до зимы! – крикнул Куниси Цагну.

И он пошел туда, где был мед, и выбросил палки Цагна. Тут Цагн вспомнил о своем чудесном снадобье и послал его к Когацу спросить совета. А Когац велел ему опустить в воду, возле своей руки, часть одежды.

Цагн так и сделал, и тогда это нечто отпустило его руку и схватило его одежду, а он обрезал край своей одежды и убежал. Цагн собрал свои палки, погнался за Куниси и убил его. А мед он отнес Когацу.

Глаза Неуловимого

Цагн встретил Неуловимого и спросил, откуда тот идет. Неуловимый сказал, что он охотился поблизости. И пока Неуловимый отвечал ему, Цагн быстро положил на землю свой колчан, вытащил дубинку и стал искать у Неуловимого глаза. Он оглядывал его сверху донизу, ходил вокруг и все искал, где у него глаза.

Наконец Цагн спросил Неуловимого, где же у него глаза.

Неуловимый сказал ему, что у него нет глаз. А Цагн спросил, как же тогда он может ходить повсюду так, будто у него есть глаза. Затем Цагн замахнулся на него дубинкой, но Неуловимый увернулся. И Цагн спросил:

– Ну а почему ты отпрыгнул в сторону, когда я на тебя замахнулся? Похоже, что у тебя все же есть глаза и ты увидел, что я собирался тебя ударить.

И Цагн опять стал его внимательно рассматривать. Опять он его оглядывал и искал, где у него глаза. Цагн сказал Неуловимому, что собирается с ним бороться. А тот ответил, что он согласен с ним бороться, если Цагн этого хочет.

И вот Цагн замахнулся дубинкой, а Неуловимый увернулся. Тогда Цагн сказал Неуловимому, что, должно быть, он где-то прячет свои глаза, ведь иначе он не мог бы увертываться, как человек, у которого есть глаза.

Затем Цагн набросился на него, но он отскочил, пригнувшись, и Цагн ударил по земле, а Неуловимый стоял в сторонке. Тогда Цагн спросил его, не колдун ли он – Цагн не мог понять, почему он не видит его глаз. Неуловимый сказал, что у него нет глаз. Когда же Цагн ударил его, Неуловимый увернулся от его дубинки. Он вел себя так, как человек, у которого есть глаза.

Затем Неуловимый сказал:

– Теперь моя очередь, – и он вытащил дубинку.

– Ты сказал мне неправду, когда уверял меня только что, что у тебя нет глаз. Ну, где же твои глаза, с помощью которых ты собираешься со мной бороться? – сказал Цагн.

Неуловимый хотел ударить Цагна, но Цагн отбил удар. Потом Неуловимый все же ударил его.

– Ты говоришь, что у тебя нет глаз, как же ты попал мне по голове?! – спросил Цагн.

Цагн снова бросился на него, но он увернулся, пригнувшись, и удар Цагна пришелся по земле. А Не уловимый ударил Цагна по голове, разбил ему голову и ударил его снова. Тогда Цагн отпрыгнул в сторону и побежал – он почувствовал, что больше не сможет этого выдержать.

Цагн позвал свой колчан и сандалии, чтобы его вещи последовали за ним домой. Вещи пришли за ним домой.

Квамманга спросил его:

– С кем это ты боролся, кто разбил тебе голову?

И он ответил:

– Я встретил Неуловимого, и это он так меня от делал. Я искал его глаза – не знаю, где они могут быть. Я хотел побить его и сбить с ног, а он разбил мне голову.

А Квамманга сказал ему, что глаза Неуловимого должны быть у него на ногах, между большим пальцем и следующим. Тогда Цагн сказал, что хочет вернуться и снова встретиться с Неуловимым.

Квамманга спросил:

– Почему, кого бы ты ни встретил, ты непременно хочешь с ним бороться? Сначала поспи немного, а потом отыщешь Неуловимого и будешь с ним бороться, если ты действительно этого хочешь.

– А как мне его побороть? – спросил Цагн.

– Ты хочешь побороть Неуловимого, а сам не знаешь, как поступают с ним, – сказал Квамманга.

Цагн признался, что не знает, как побороть Неуловимого.

Тогда Квамманга сказал:

– Когда ты его увидишь, замахнись дубинкой и посмотри, увернется ли он, как прежде. Затем взгляни на его ноги и увидишь, что его глаза выглядывают у него между пальцев. Тогда швырни ногой пыль в его глаза и, пока он будет сидеть и протирать глаза, бей его по голове.

Утром Цагн отправился и вскоре увидел Неуловимого и побежал к нему. Затем он швырнул ему в глаза пыль, и, пока он протирал свои глаза, Цагн подпрыгнул, ударил его по голове и разбил ее.

– Это Квамманга рассказал тебе обо мне? Иначе ты не разбил бы мне голову! – сказал Неуловимый.

Цагн ответил:

– Ты лжешь, я всегда знал о тебе. Я просто хотел проверить, действительно ли ты так хитер, поэтому я позволил тебе разбить мою голову. Но на этот раз ты попался. И теперь я разобью твою голову. Кажется, ты вообразил, что ты действительно такой сильный, что можешь разбить мне голову, но я могу тебя побороть. А потом я возьму твои вещи и покажу их Квамманга, потому что он не поверит мне, если я просто скажу, что встретился с тобой. Неуловимый сказал:

– Возвращайся, иди и расскажи ему, что ты поборол меня. Ты-то знаешь, что это Квамманга рассказал тебе, как можно меня побороть, потому что ты не дрался бы со мной так, если бы не узнал.

Но Цагн ответил, что он всегда знал это. Просто он в тот день видел плохой сон.

– Вот почему тебе удалось разбить мне голову. Ты бы не смог побить меня, если бы я тогда не увидел плохой сон.

– Почему же ты с самого начала не боролся со мной так, как ты борешься сейчас? Нет, похоже, что ты действительно не знал. Ведь если бы ты знал, то побил бы меня в прошлый раз, когда мы с тобой впервые встретились, – сказал Неуловимый.

Цагн ответил, что на самом деле он знал и в прошлый раз. Все дело в том, что он видел плохой сон, по этому он плохо боролся. Обычно он так не борется.

А Неуловимый спросил:

– А кто сказал тебе, что у меня есть глаза?

– Никто мне не говорил, я сам всегда знал, что у тебя есть глаза.

– Это Квамманга сказал тебе, как можно меня побороть. Я знаю, что ты глупец, и ты не знал, как меня побороть, – возразил Неуловимый.

А Цагн ответил:

– Разве я ребенок, что Квамманга должен учить меня? Я не ребенок, чтобы он учил меня, и я умный. Я взрослый, я хитрый и умный.

Но Неуловимый повторил:

– Кто-то сказал тебе, что мои глаза находятся на ногах, между пальцами. Ты вел себя так, будто кто-то рассказал тебе об этом. Я

понял это по твоей походке, когда ты вышел из дома. Ты шел не так, как в прошлый раз, когда мы встретились впервые. Похоже было, что ты радуешься, потому что думаешь, что тебе удастся побить меня. Ты шел быстро – ты знал, что нужно делать, чтобы побить меня.

Хитрости кота

Цагн поднялся утром и вышел. Он был сердит. Он шел, сердитый. Он встретил кота, который шел напевая. Кот пел о том, как рысь смеялась над ним из-за того, что он не может бегать так быстро, как она. Так пел кот и шел своей дорогой. Цагн побежал к нему навстречу и спросил:

– О чем это ты поешь? Кот ответил:

– Ни о чем. Цагн возразил:

– У тебя дрожит голова – так, будто ты поешь! Кот сказал:

– У тебя на глазах бородавки! Я ударю тебя по голове и разобью ее!

А Цагн ответил:

– О кот! Бей меня по голове, а я ударю тебя по голове!

Тут кот ударил Цагна по голове, и Цагн отступил. Затем Цагн ударил кота по голове, и кот отступил и спрятал голову в землю. Тогда Цагн ударил кота по хвосту. А кот поднялся и ударил Цагна по голове. Цагн отступил и ударил кота по голове, а кот отступил и спрятал голову в землю. Тогда Цагн ударил кота по хвосту – только хвост и был виден, а голова кота оставалась под землей. А кот ударил Цагна по голове и разбил ее.

Цагн быстро достал перья и улетел. Он позвал мешок из шкуры антилопы каама:

– О дети антилопы каама, уходите отсюда, я улетаю!

Мешок из шкуры антилопы каама сказал:

– Мы последуем за тобой!

Сандалии сказали:

– Да-да, мы последуем за тобой, так как это сказал ты.

Колчан сказал:

– Мы отправимся вслед за тобой!

Шапка сказала:

– О каросс, давай и мы пойдем!

Лук сказал:

– О палка, мы должны последовать за Цагном, раз Цагн говорит так.

Они побежали.

А Цагн летел, он влетел в воду и стал плескаться в воде, потом он выскочил из воды. Он радовался:

– Цагн сделал это!

Его вещи пробежали мимо водоема. Цагн быстро окликнул их, он сказал:

– Ложитесь здесь поскорее, вон там наш дом, и Ихневмон будет смеяться над вами. Вы должны скорее лечь здесь, и я вас понесу.

Колчан сказал:

– Цагн бросил нас, мы должны идти домой.

Сандалии сказали:

– Нет, мы должны лечь и подождать Цагна.

Сандалии так и сделали, они ждали Цагна.

– Кто может со мной сравниться? Мое имя – Цагн! – хвастался Цагн.

Он пошел вперед. Он медленно подошел к хижине, так как хромотал. Затем он сел. Ихневмон спросил:

– Кто ударил Цагна палкой по голове?

– Это кот ударил меня по голове! – ответил Цагн.

– О Цагн! Мы всегда делаем вид, что хотим ударить кота по голове, и тогда кот прячет голову в землю, а мы смотрим, где его голова, и тогда бьем по ней и разбиваем ее, – сказал Ихневмон.

– О Ихневмон! Продолжай, ты должен еще рас сказать мне об этом, не уходи спать. Скоро рассветет, а рано утром я опять пойду на поиски кота и разобью ему голову, – ответил Цагн.

Вскоре рассвело, и Ихневмон сказал:

– О Цагн! Я пойду спать, а ты должен отыскать след.

Цагн выбежал из дома, он побежал искать кота. И вот он увидел кота. Тот шел и распевал. Цагн побежал ему навстречу. Кот остановился. Цагн сделал вид, что хочет его ударить, и кот быстро сунул голову в землю.

Цагн увидел, где его голова, ударил прямо по ней и попал. Потом он спросил кота, не отдаст ли тот ему свою голову.

Тогда кот поднялся и сказал:

– Это Ихневмон рассказал тебе об этом, иначе ты не нашел бы мою голову. Цагн сказал:

– Ты лжешь, я просто забыл.

– Ты не забыл, это Ихневмон сказал тебе, – ответил кот.

– Это неправда! Ты стоишь тут и лжешь. Я не то что забыл, а просто не думал об этом. На самом деле я очень хитрый! – возразил Цагн.

Цагн снова сделал вид, что хочет ударить кота по голове. Кот опять сунул голову в землю. Цагн увидел, где находится его голова, и ударил по ней. Затем Цагн отпрыгнул и стал хвалиться:

– Послушай, мое имя – Цагн! Кто может со мной сравниться?!

Кот поднялся и сказал:

– Это Ихневмон сказал тебе!

– Ты заблуждаешься. Я – хитрец. Ихневмон ни чего не говорил мне. Я просто забыл тогда, – упорствовал Цагн.

Он пошел вперед, он поднял колчан и повесил его через плечо. Он поднял каросс и завернулся в него. Он поднял мешок и повесил его на плечо. Он поднял лук и повесил его через плечо. Он поднял сандалии и надел их. Он поднял палку. И он вернулся домой, положил колчан, положил лук, положил палку.

Ихневмон спросил его:

– Ну, ты видел кота? Цагн ответил:

– Да, видел.

– Ну и как все происходило?

– Ничего особенного не происходило, – ответил Цагн.

На самом деле ему очень хотелось похвастаться. – Я сделал вид, что хочу ударить этого старика, и он спрятал голову в землю, а я увидел ее.

Ихневмон спросил:

– Ты попал по нему?

– Да, я ударил его по голове, я попал по голове. Тогда старик встал и сказал, что это ты рассказал мне, как найти его голову, что я узнал об этом от тебя. Я же сказал старику, что я просто забыл. А старик сказал, что, конечно, это ты научил меня. А я сказал ему, что он стоит тут передо мной и лжет.

Ихневмон сказал:

– О Цагн! Ты глуп и лжив. Ведь это я научил тебя, я, ребенок, учил тебя, взрослого! Ты глупый, хитрый и лживый!

Так они там говорили между собой, а женщины смеялись над ними.

Ихневмон спросил их:

– Вы не согласны со мной? Разве Цагн не глупец и не лжец?!

Хейше

Жил некогда человек по имени Хейше, и вот что он сделал.

Он жил в некоем месте, где много охотился. Однажды, отправившись на охоту, он увидел какую-то нору в земле. Подошел взглянуть на нее и обнаружил, что там живут какие-то животные. Это были детеныши дикобраза. «Теперь я глаз не спущу с этих детей, – подумал Хейше. – Я буду каждый день присматривать за ними, до тех пор, пока не увижу их мать. Ведь должна же у этих детенышей быть мать, не так ли?»

Он поиграл с ними немного, но мать не возвращалась, и он ушел.

На следующий день он снова заботился о них, так как они опять были одни в своем логове, без матери. «Эй! Сегодня я собираюсь взять одного из этих детенышей домой, чтобы попробовать, каковы они на вкус. Ведь это животные?!» – вот о чем он думал, глядя на них.

Затем он взял одного из детенышей и пошел до мой. Он съел его, а потом лег спать. «Да! – подумал он. – Я останусь жить тут, потому что у меня всегда будет мясо для еды. Ведь, наверное же, мать-дикобраз еще раз принесет потомство, столь же многочисленное, как и у собаки».

Потом он пошел и забрал еще одного детеныша дикобраза. Он приготовил его и принес еду своей семье. Его жены даже вздрогнули, как от озноба, увидев это мясо.

Они ели и говорили друг другу:

– Ох уж этот наш муж... Ну и хитер же этот парень! Ведь он никогда не принесет домой сырого мяса, чтобы мы видели, что это. А приносит вместо этого немного уже приготовленного мяса, и все.

Жены сидели и толковали об этом все вместе. Они говорили и удивлялись, а Хейше ходил взад-вперед и приносил домой кусочки вареного мяса.

Как-то мать-дикобраз сказала детям:

– Говорила же я вам, чтобы вы были осторожны! Что это?! Я отлучилась ненадолго, и один из вас исчез!

– Мы... гм... когда тебя нет, кто-то приходит и говорит: «Дети, выходите, я хочу посмотреть на вас!»

Когда мы выходим, он заботится о нас и играет, играет с нами, а потом берет одного из нас и убегает. Их мать выслушала их. Затем она снова ушла, опять оставив детенышей одних. Хейше снова пришел к логову, пришел, чтобы посмотреть на них.

– Выходите, я хочу на вас поглядеть.

Детеныши дикобраза вышли из логовища. Хейше заботился о них и поиграл с ними, а потом он взял еще одного из них и ушел. Осталось только два детеныша.

Затем пришла домой мать-дикобраз. Она сказала:

– Сегодня вас осталось только двое. Завтра я никуда не пойду. Я не хочу больше слушать этих глупостей о том, что Хейше заботится о вас, когда меня нет. Пусть он только попробует прийти снова! Он увидит, как в глубине логова сверкают мои глаза, и спросит: «Чьи это большие глаза?» А вы, дети, скажете ему обо мне – вы скажете, что это глаза вашей старшей сестры. Скажете, что она заболела и лежит в логове. Вот что вы ему скажете.

Детеныши дикобраза выслушали свою мать и обещали сделать так, как она сказала.

И вот они немного подождали, и опять явился Хейше. Он поиграл с двумя детенышами и уже собрался сделать так, как он поступал прежде. Но тут он заметил большие глаза, горящие в глубине логова.

– Чьи это глаза? – спросил он.

Детеныши дикобраза сказали:

– О, это глаза нашей старшей сестры!

– Почему ваша старшая сестра лежит там больная – почему она не выходит, чтобы мы поговорили?

Детеныши вошли в нору, как будто затем, чтобы привести свою сестру. Они передали матери то, что сказал Хейше. Она выскочила из логовища и, схватив Хейше, содрала с него скальп, так что кожа свисала сзади ему на шею. Хейше закричал и убежал оттуда так быстро, как только мог.

Удирая, он натолкнулся на зайца-прыгуна. Тот был занят приготовлением го. Он жарил го. Заяц-прыгун готовил, а Хейше смотрел. Приготовление го заняло много времени. Хейше стал раздражаться.

В конце концов он сказал:

– Ай! Этот парень заставляет меня слишком долго ждать.

И он схватил зайца-прыгуна. Он содрал с него шкуру целиком. Затем он взял шкуру и прикрыл ею большую рану на голове, которую нанесла ему мать-дикобраз.

Он прикрыл свою голову и ушел. Он пошел домой к своим женам. Так они жили некоторое время.

А потом голова Хейше стала гноиться. Он прикрыл голову шкурой шерстью кверху, так что в рану попало мясо зайца-прыгуна с внутренней стороны шкуры. И из-за того, что он смешал вместе два вида мяса – свое и зайца-прыгуна, – рана стала гноиться. В ране завелись черви.

Однажды Хейше стал пить жир птиц кваинше. Он пил и пил, пока жир не стал капать у него из-под ногтей. Когда у него все руки были в жире, он пошел и сел.

– Чтобы от человека так дурно пахло, как от него, и он еще осмеливался думать, что может иметь жен?! – фыркали его жены. – Да что у него такое, что так ужасно воняет сегодня?

– Ну-ка, поглядите, вот что значит, когда человек богат! – сказал Хейше. – Я так богат, что жир капает у меня из-под ногтей. А вы еще говорите о каком-то зловонии?! Поглядите-ка лучше на мои ногти! – сказал он им.

И он стал стряхивать с них жир в огонь, стряхивал-стряхивал, а потом отдернул руки от огня.

Но женщины чувствовали, как дурно от него пах нет, они чувствовали зловоние от его гниющей раны.

– Конечно, с этим парнем что-то неладно! – говорили они.

Они все пошли спать. И пока они спали, две жены умерли от его зловония. Он убил их.

Когда рассвело, жены сказали друг другу:

– Давайте последуем за ним и посмотрим, чем он занимается!

А он в тот день только то и сделал, что отправился к дереву тсама и собрал его плоды. Вернувшись домой, он сказал:

– На дереве тсама спелые плоды, но оно очень далеко отсюда. Давайте перейдем поближе к нему, чтобы у нас было много еды.

И они собрались в дорогу. Женщины отвели в сторону одного из детей и сговорились с ним.

– Дитя мое! – сказала одна из женщин. – Я, твоя мать, прошу тебя, сделай это для меня. Сегодня, когда мы отправимся, я хочу, чтобы тебя

нес твой отец. Не проси, чтобы тебя несла мать! А когда мы доберемся до дерева тсама, сдерни-ка шкуру у него с головы. Сдери ее, чтобы мы могли увидеть, что там так скверно пахнет. Мы хотим знать это, потому что мы сомневаемся в том, может ли он оставаться нашим мужем.

Жены Хейше говорили обо всем этом по секрету с ребенком, это был ребенок Хейше от одной из них.

И вот они покинули свое старое становище. Ребенок не захотел, чтобы его несла мать.

– Я хочу, чтобы сегодня меня нес мой отец! – сказал он.

Отец пытался уговорить его пойти к матери, но он отказывался. Он отказался наотрез. В конце концов Хейше взял ребенка и понес его. Они долго шли. Когда они добрались до дерева, ребенок содрал с головы своего отца шкуру зайца-прыгуна. Как только он отбросил шкуру, из раны извиваясь стали выползать черви. Хейше сбросил с себя ребенка и даже не посмотрел, куда он упал.

Затем он убежал.

Лев и человек

Как-то в пути одного человека застала ночь, к тому же пошел дождь, и он решил переночевать в какой-нибудь пещере.

А дождь наслал на него лев, который обитал в тех местах, для того чтобы его поймать: ведь этот человек не знал, в какой стороне его дом, и в темноте мог пройти мимо, попасть в незнакомое место, и тогда лев смог бы его схватить.

Было совсем темно, и человек пробирался через кустарник, не разбирая дороги. Он не мог отыскать в темноте свой дом и подумал: «Я должен постараться разыскать какую-нибудь пещеру, чтобы укрыться там от дождя и переждать до утра, а утром я смогу отыскать дорогу домой».

Но лев первым прибежал к пещере и уже поджидал там этого человека. Он вымок на дожде и, посидев немного в пещере, пригрелся и заснул, хотя собирался подстеречь человека и схватить его, как только он войдет в пещеру в поисках пристанища. Лев собирался так поступить, но заснул крепким сном.

И когда он заснул, пришел этот человек. Войдя в пещеру, он услышал чье-то дыхание и подумал: «Неужели в пещере люди? Может, люди укрылись в пещере – и я слышу их дыхание?»

Но потом он подумал: «Но если это люди, почему тогда они не разговаривают? Может быть, они заснули и поэтому не заговаривают со мной?» И он решил: «Я не стану окликать их – ведь я не знаю, действительно ли это люди. Сначала я осторожно ощупаю их руками, чтобы убедиться в том, что это люди. Ведь если я их окликну, то разбужу их, а это могут оказаться вовсе не люди».

Он стал шарить в темноте руками и нащупал что-то покрытое шерстью. Тогда он потихоньку подошел поближе и опять стал ощупывать и понял, что это лев спит в пещере. Он осторожно отступил назад, повернулся и вышел на цыпочках.

Отойдя немного, человек пустился бежать, так как боялся, что лев учуял его запах, пока он ходил вокруг и ощупывал его, и бросится за ним.

Действительно, вскоре он услышал рычание – это лев учуял во сне запах человека. Пока он спал, его нос уловил запах человека – такой сильный, будто чело век находится рядом, и лев вскочил и зарычал. Он чуял, что человек где-то здесь, и стал рыскать по пещере в поисках этого человека.

Услышав, как лев зарычал, человек воскликнул:

– Он рычит так, как будто учуял мой запах!

– Да, – сказал он сам себе, – слышишь, какой рык доносится из пещеры? Лев рычит так, будто его разбудил мой запах, он рычит так, будто он рыщет там, в пещере, разыскивая меня.

И тогда человек решил, что он не станет сейчас разыскивать свой дом, а побежит еще куда-нибудь – ведь лев будет его выслеживать. А когда рассветет – если, конечно, лев не убьет его до тех пор, – тогда утром он отыщет свой дом.

Занялась заря, а человек все бежал, слыша, как лев гонится за ним. На бегу он заметил вдали огонь, который разожгли какие-то люди, чтобы обогреться. И он подумал: «Я побегу вон к тому костру, я должен добраться до людей, которые развели костер, и провести с ними ночь».

Но тут же он сказал себе:

– Вспомни, как наши отцы говорили, что иногда ночью глаз льва можно принять за огонь! Надо убедиться сначала, действительно ли это огонь горит там.

Человек побежал поближе, посмотрел и увидел, что возле огня лежат люди. Он решил: «Я пойду к ним, кажется, это действительно люди».

И он пришел к ним. Он рассказал обо всем людям:

– Вы знаете, я едва не погиб этой ночью! Но случилось так, что лев спал, поэтому-то вы и видите меня перед собой! Ведь если бы он не спал, вы бы меня не увидели. Я решил укрыться в пещере, но пришел лев и подстерегал меня там. А я не знал, что в пещере лев. Я собирался отыскать сухое место и расположиться в пещере. Но, войдя в пещеру, я вдруг услышал звуки, напоминающие чье-то дыхание. Сначала я подумал, что это люди решили переждать дождь в пещере, но я прислушался и подумал, что непохоже, что это дышит человек. И я решил ощупать это место, прежде чем расположиться там со своими вещами. Держа свои вещи, я стал осторожно пробираться ощупью. Я

почувствовал, что трогаю чью-то шерсть, что это лев спит там в пещере. Убедившись, что это лев, я осторожно повернул обратно.

Потом он спросил этих людей: не слышат ли они, как лев рыщет вокруг? Теперь нужно следить, не появится ли лев, ведь он обязательно придет, как только выследит его.

И вот они услышали, как пришел лев. Лев спросил, где тот человек, который приходил в пещеру, – он чувствует, что его след обрывается у этого дома. Похоже на то, что он скрывается в этом доме. Хотел бы он его увидеть, чтобы добраться до него и схватить.

Лев все еще бродил вокруг дома и грозно рычал, пока не наступил день. Когда стало светло, лев ушел. Ведь взошло солнце, и теперь люди могли его видеть, а лев не любит показываться людям среди бела дня.

МИФЫ НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Творение мира

Вначале в центре мироздания существовала огромная бездна под названием Гинунгагап, бездна бездн, зияющая пропасть, ночью глубину нельзя было измерить глазом, так как она была окутана вечным мраком. К северу от нее находился мир и пространство, известное как Нифльхейм, холодный и туманный мир, в центре которого бьет ключом неиссякаемый колодец Хвергельмир, похожий на кипящий котел, из которого берут свое начало двенадцать крупных рек.

Так как воды этих рек быстро покидают свой источник и встречаются с холодными порывами ветра из упомянутой холодной бездны, они затвердевают, превращаясь в огромные глыбы льда, скатывающиеся вниз в бездну на неизмеримую глубину с постоянным ревом, похожим на гром.

К югу от этой темной бездны, прямо напротив Нифльхейма, царства тьмы, находился другой мир – Муспелльсхейм, стихия огня, где царили тепло и свет и чьи границы постоянно охранялись Суртом, огненным великаном. Он яростно размахивал сверкающим мечом, от которого отлетал целый дождь искр (огненный дождь), с шипением падающих на ледяные глыбы на дне бездны. От тепла, исходившего от искр, таяли льдины.

Имир и Аудумла

Так как клубившийся пар поднимался вверх, то он снова встречался с царившим повсюду холодом и превращался в иней или изморозь, которые слой за слоем заполняли огромный срединный мир. И таким образом, вследствие постоянного взаимодействия холода и жара, а также, вероятно, по воле Невидимого и Вечно Существующего, среди ледяных глыб бездны возник великан по имени Имир или Аургльмир (бурлящая масса), олицетворявший замерзший океан. Так как он возник из инея, он был наречен Хримтурс, или инеистый великан.

С трудом пробираясь во мраке в поисках еды, Имир нашел чудесную корову по имени Аудумла (кормилица), сотворенную тем же творцом, что и Имир, и из того же самого вещества. Поспешив к ней, Имир с радостью заметил, что из ее вымени текут четыре огромных молочных реки, которые могли бы дать ему хорошее пропитание. Таким образом, его желания были удовлетворены, но корова, тоже искавшая еду, начала слизывать соль с расположенной поблизости ледяной глыбы своим шершавым языком. Она лизала до тех пор, пока на свет не появился первый волосок, затем вся голова и, наконец, из-под ледяного панциря на свободу не вышел бог Бури (родитель).

Пока корова занималась этим, великан Имир заснул, и под мышками у него родились сын и дочь, а от трения его ступней появился шестиголовый великан Трудгельмир, который вскоре дал жизнь великану Бергельмиру, от которого произошли все инеистые великаны (хримтурсы).

Война

Когда эти великаны узнали о существовании бога Бури и его сына Бора, которого Бури тотчас же произвел на свет, они начали войну против них. Боги и великаны представляли противоположные друг другу силы добра и зла, а это значило, что они никогда не будут жить в мире. Война продолжалась века, и за это время ни одна из сторон не добилась успеха. Все изменилось, когда Бор женился на великанше Бестле, дочери Болторна (источник зла), которая родила ему трех могущественных сыновей: Одина (дух), Вили (воля) и Ве (святой). Все три сына присоединились к отцу в его борьбе с враждебными инеистыми великанами и в конце концов убили своего заклятого врага – Великого Имира. Кровь из его ран хлынула таким потоком, что случился огромный потоп, уничтоживший весь его род, за исключением Бергельмира, который спасся от этого потопа в ковчеге вместе со своей женой, уплыв на край мира.

Создание земли

После недолгого размышления сыновья Бора выкатили огромное тело Имира в Мировую бездну и стали создавать мир из различных частей его тела.

Из плоти Имира они создали Мидгард («средняя обитель», или срединный мир), то есть землю. Она была помещена в самый центр этого огромного пространства и ограждена бровями Имира, словно крепостным валом. Твердая часть Мидгарда была окружена кровью или потом великана, которые сформировали океан, из костей были созданы горы, из зубов – скалы, а кудрявые волосы стали деревьями и остальной растительностью.

Удовлетворенные плодами своих трудов создания земли, боги взяли огромный череп великана, мастерски поместили его над землей и морем, и он стал небосводом. Затем боги разбросали мозги Имира по всему пространству ниже небосвода, и они стали кудрявыми облаками.

Для поддержания небосвода боги поместили под ним могучих карликов – Нордри (северный), Судри (южный), Аустри (восточный) и Вестри (западный) (по четырем сторонам света), приказав им поддерживать небосвод, от их имен и произошли названия сторон света (север, юг, восток и запад). Чтобы дать свет только что созданному миру, боги усыпали небесный купол искрами из Муспелльсхейма. Сверкавшие во мраке искры стали звездами. Из них самые яркие – Солнце и Луна, посаженные на красивых золотых колесницах.

Один

Всеотец

Один был самым главным богом народов Северной Европы. Он являлся уникальным духом все ленной, олицетворением воздуха, богом мудрости и победы, лидером и защитником конунгов и героев. Поскольку пред полагалось, что все боги произошли от него, Один был про зван Всеотцом и, как старейший и главнейший среди богов, занял самый высокий престол в Асгарде, названный Хлидскьяльв, откуда можно было обозреть все мироздание. Единым взглядом Один замечал все, что происходило среди всех, кто населяет землю.

Никто, кроме Одина и его жены богини Фригг, не имел права восседать на престоле в Асгарде. Сидя на нем, вдвоем они пристально глядели на юг и запад – стороны света, куда в походы отправлялись древние скандинавы, место осуществления их чаяний и надежд. Внешне Один предстает высоким и сильным человеком, ему около пятидесяти лет, у него либо темные вьющиеся волосы, либо длинная седая борода и лысина. Одет он в серую мантию с синим капюшоном. На нем широкий синий плащ с серыми вкраплениями – символ неба и облаков. В руке он держит священное копьё Гунгнир, никогда не дающее промаха, причем клятва, данная на его наконечнике, никогда не может быть нарушена. На пальце или на руке он носит чудесное кольцо Драупнир, символ плодородия, ценность которого никто не мог оспорить. Когда он восседает на престоле или облачается в доспехи перед сражением, когда спускается на землю, чтобы оказаться среди людей, то надевает шлем с изображением орлиной головы, когда же он мирно странствует по земле в человеческом облике, чтобы увидеть то, что делают люди, то носит широкополую шляпу, низко надвинутую на лоб, чтобы скрыть то, что у него только один глаз.

Каждое утро Один посылал в мир двух воронов, носивших имена Хугин (думающий) и Мунир (помнящий), к вечеру он с тревогой ожидал их возвращения. Затем, сидя на плечах Одина, они нашептывали ему все то, что видели и слышали.

У ног его находились два священных волка или диких пса, Гери (жадный) и Фреки (прожорливый), встреча с которыми была для людей хорошим знаком. Один всегда кормил своих волков с рук, мясом из миски, стоявшей рядом с ним. Для себя он не требовал вообще никакой пищи и ред ко пробовал что-нибудь, кроме священного меда.

Сидя на троне, Один ставил ноги на изготовленную богами низкую скамейку из золота. Вся мебель и принадлежавшая богам утварь были сделаны либо из этого драгоценного металла, либо из серебра.

Помимо великолепного чертога Глядсхейма, где на двенадцати креслах, встречаясь на совете, восседали боги, и чертога Валаскьяльв, где находился престол Одина Хлидскьяльв, у верховного бога был третий чертог в Асгарде, расположенный посередине изумительной рощи Глазир, где на деревьях переливались золотые листья.

Вальхалла

Чертог, названный Вальхаллой (палаты мертвых), имел пятьсот сорок дверей, таких широких, что через каждую из них в одну шеренгу могли пройти восемьсот воинов, а над главными воротами располагалась голова вепря и орел, глядевший в самые удаленные уголки вселенной. Стены этого изумительного здания были сделаны из блестящих копий, так отполированных, что они освещали весь чертог. Крыша состояла из золотых щитов, а скамьи были украшены прекрасным оружием – дарами бога его гостям. За длинными столами было достаточно места для эйнхериев – воинов, павших в сражениях, особенно почитаемых Одином.

Древние скандинавы, считавшие войну самым благородным из всех занятий и почитавшие храбрость как самую большую добродетель, поклонялись Одину как богу войны и победы. Они полагали, что всякий раз, когда надвигалась война, он отсылал на поле брани своих помощниц: дев со щитами, дев-воительниц, прозванных валькириями.

Крысолов

Один был предводителем всех бестелесных существ, поэтому в средние века его отождествляли с Крысоловом. Согласно легендам, город Гамельн был настолько наводнен крысами, что жизнь стала невыносимой, и большая награда предлагалась любому, кто избавит город от этих грызунов. Крысолов в пестрой одежде сказал, что он согласен за предлагаемое вознаграждение избавить город от крыс. Когда условия были приняты, он стал играть на флейте, расхаживая по улицам, и играл до тех пор, пока не выманил всех крыс из своих нор и они не собрались в огромную стаю. Какое-то чувство внутреннего напряжения заставляло их идти за Крысоловом, пока, наконец, они не дошли до реки Везер и не утонули в ее потоках.

Поскольку все крысы утонули и не могли вернуться в город, то больше никому было досаждать жителям Гамельна. Поэтому они отказались заплатить вознаграждение и позволили Крысолову сделать все, что он захочет. Он поймал их на слове и несколько минут спустя снова заиграл на своей волшебной флейте, но на этот раз из зданий стали выбегать дети – они весело следовали за флейтистом.

Горожане были не в силах предотвратить несчастье, и, пока они стояли, словно заколдованные, флейтист подвел детей к горе Коппелберг на окраине города. Гора чудесным образом раскрылась и приняла толпу, а затем снова закрылась, после того как последний ребенок исчез из виду. Эта легенда, вероятно, породила пословицу: «Кто платит, тот и заказывает музыку». Детей больше никто не видел.

В этой мифе Один – Крысолов, пронзительные звуки флейты символизируют завывания ветра, крысы – души умерших, следующих за ним, а полая гора, в которую он ведет детей, – могилу.

Изобретение рун

Кроме того, что Один был богом мудрости, он был также изобретателем рун, первого алфавита народов Северной Европы, чьи идеограммы сначала использовались в магических целях, а затем, в более поздние времена, стали использоваться более широко. Так как мудрость может быть обретаена ценой жертвы, Один, как говорит он, сам девять дней и ночей провисел на ясене Иггдрасиле, смотря вниз в неизмеримые глубины Нифльхейма, погруженный в свои мысли,

пронзив самого себя копьем, прежде чем он добыл те знания, которых искал.

После того как Один овладел этими знаниями, он вырезал магические руны на своем копье Гунгнир, на зубах своего коня Слейпнира, на когтях медведя и на бесчисленных одушевленных и неодушевленных предметах. И вследствие того, что он так долго провисел над бездной, он стал покровителем тех, кто был осужден на повешение или повесился сам.

После обретения дара мудрости и рун, которые дали Одину силу над многим в мире, он также пожелал обрести дар красноречия и поэзии.

Гейрред и Агнар

Один, как уже говорилось, проявлял большой интерес к детям простых смертных и особенно любил наблюдать за красивыми маленькими сыновьями конунга Храудинга, Гейрредом и Агнаром, которым было восемь и десять лет соответственно. Однажды, когда мальчики отправились на рыбалку, внезапный ветер унес их лодку далеко от берега в открытое море и в конце концов прибил ее к острову, на котором жила пожилая пара – переодетые Один и Фригг. Мальчиков тепло приветствовали и хорошо с ними обошлись. Один опекал Гейрреда и учил его пользоваться оружием, а Фригг больше внимания уделяла Агнару и баловала его. Вместе со своими покровителями мальчики прожили долгую холодную зиму, но, когда пришла весна и небо стало голубым, а море спокойным, они сели в лодку, которую им дал Один, и устремились к родному берегу. Попутный ветер благоприятствовал мальчикам в пути. Когда они были у берега, Гейрред внезапно выпрыгнул из лодки и оттолкнул ее в море, тем самым обрекая брата на попадание во власть к злым духам. В тот же самый момент ветер поменял направление, и Агнара унесло в море. Гейрред же поспешил ко двору отца с придуманной историей по поводу того, что случилось с его братом. Он был радостно принят и, когда вырос, сменил на троне отца.

В последующие годы Один был отвлечен другими делами, как вдруг однажды, когда божественная пара восседала на престоле Хлидскьяльв, вспомнил о двух мальчиках. Он указал жене на то,

насколько могущественным стал его ученик, и язвительно заметил, что ее питомец женился на великанше и остался беден. Фригг ответила, что лучше быть бедным, чем жестокосердным, и обвинила Гейрреда в плохом гостеприимстве – самом тяжком преступлении в глазах древних скандинавов. Она далеко зашла в своих обвинениях, сказав, что, несмотря на свое богатство, Гейрред жестоко обращается с гостями.

Когда Один услышал это обвинение, он заявил, что докажет, что оно ложно, и, переодевшись простым странником, решил проверить гостеприимство Гейрреда. Облачившись в синий плащ, надвинув шляпу на лоб, он отправился в путь.

Один отправился окружным путем, а Фригг, решив перехитрить его, немедленно отправила служанку предупредить Гейрреда, чтобы он опасался человека в широком плаще и широкополой шляпе, потому что он злой колдун, желающий причинить ему зло.

Поэтому, когда Один оказался перед дворцом конунга, его схватили и, приведя к Гейрреду, грубо допрашивали. Он назвал вымышленным именем Гримнир, но отказался сообщить, откуда родом и чего хочет, своей скрытностью лишь подтвердив подозрения Гейрреда. В результате он приказал повесить странника между двумя кострами, так чтобы языки пламени не доставали его. В таком положении, без еды и питья странник оставался восемь дней и ночей. Однако Агнар, который незадолго до этого втайне пробрался во дворец брата и стал слугой, из жалости к несчастному пленнику однажды пробрался к нему, поднес к его губам полный рог с элем.

В конце восьмого дня, когда Гейрред, сидя на троне, наслаждался страданиями узника, Один начал петь – сначала тихо, затем громче и громче, пока все вокруг не наполнилось звуком его голоса. Он пел о том, что конунг, который так долго пользовался благосклонностью бога, скоро погибнет от своего собственного меча.

Когда затихли последние звуки, цепи упали с его рук, пламя костров погасло и Один встал посередине зала, но уже не в человеческом облике, а во всей своей красоте и величии.

Услышав зловещее предсказание, Гейрред вытащил меч, намереваясь убить наглого певца, но, когда тот изменил обличье, он в смятении отступил, споткнулся и, упав на острие меча, погиб как только что предсказал Один. Повернувшись к Агнару, который,

согласно некоторым источникам, ввиду того что мифы порой имеют множество различных вариантов, был не братом, а сыном конунга, Один предсказал, что тот станет конунгом в награду за свою человечность, а далее, в знак благодарности за данный ему глоток эля, обещал свое покровительство.

Праздники Первого мая

Однажды Один долго путешествовал по земле, и его братья присвоили себе его трон и жену Фригг.

Однако по возвращении Одина узурпаторы престола исчезли навек. В память об исчезновении ложного Одина, пра вившего семь месяцев и не принесшего миру ничего, кроме несчастья, и в ознаменование возвращения настоящего бога скандинавы-язычники отмечали ежегодные праздники, которые долго были известны под именем Майских празднеств. До недавнего времени 1 мая, особенно в Швеции, проводилось грандиозное шествие, известное под именем Майского, в котором украшенный цветами майский король (Один) бросался лепестками в своего укутанного мехами соперника-Зиму, вынуждая последнего к позорному бегству. И Англии день 1 мая также считался праздником, его отмечали танцами вокруг майского дерева выборами Зеленого Джека и королевы майских игр, называемой также Девой Мэриан.

Как олицетворение небес, Один, конечно, был также любовником и супругом Земли. И так как Земля, по мнению древних скандинавов, выступала в трех ипостасях, они приписывали Одину полигамию и полагали, что у него было несколько жен. Первой среди них была Ёрд – дословно «земля», бывшая дочерью Ночи или великанши Фьергюн, имя которой совпадает с именем отца Фригг. Ёрд родила Одину его знаменитого сына Тора, бога грома и молнии. Второй и главной женой Одина была Фригг, олицетворение цивилизованного мира. Она родила Одину сына Бальдра, нежного бога весны, Хермода и, в соответствии с некоторыми источниками, Тюра. Третьей женой была Ринд, олицетворение твердой, замерзшей земли, с удовольствием уступившая ласкам Одина и родившая ему, в конце концов, сына Вали – символа растительности.

Также говорится, что Один был женат на Саге или Лаге, богине рассказа, которую ежедневно навещал в ее хрустальном чертоге Секквабекк, расположенном под прохладной, неиссякаемой рекой, чтобы испить ее воды и послушать песни о старых временах и исчезнувших народах.

Другими женами Одина были: великанша Грид, мать аса Видара, Гуннлед, мать Браги, Скади, и девять великанш-волн, которые одновременно произвели на свет Хеймдалля. Все они играли более или менее важную роль в различных мифах народов Северной Европы.

Фригг

Королева богов

Свадьба Одина и Фригг вызвала всеобщую радость в Асгарде, где эту богиню все очень любили, так что в последующие годы стало обычаем отмечать годовщину свадьбы пиром и песнями, и богиню провозгласи ли покровительницей брака. За ее здоровье, так же как за здоровье Одина и Тора, всегда провозглашался тост во время свадебных пиров.

Фригг была богиней атмосферы или облаков, и поэтому ее в соответствии с переменчивым настроением представляли либо в белоснежной, либо в темной одежде. Она была ко ролевой богов и единственная имела право сидеть на престоле Хлидскьяльв рядом со своим августейшим супругом. Отсюда она могла смотреть на мир и видеть все, что там происходило. В соответствии с верованиями предков, у нее был дар предвидеть будущее, но никто и ничто не могло заставить ее раскрывать свое видение другим. Последнее должно было указывать на то, что женщины Северной Европы могут держать секреты в тайне.

Ее обычно представляют высокой, красивой и статной женщиной, украшенной убором из перьев цапли, символом молчания или забывчивости. Она облачена в белоснежные одежды, на талии носит золотой пояс, с которого свисает связка ключей, отличительная черта древнескандинавской домохозяйки, чей особой покровительницей и являлась Фригг. Часто являясь рядом со своим мужем, Фригг пред почитает жить в своем собственном чертоге – Фенсалир, дворце тумана или моря, в котором она усердно вращает колесо прядильного станка, откуда появлялась золотая нить или длинные полотна ярко окрашенных облаков.

Для выполнения этой работы она использует украшенный драгоценными камнями прядильный станок, ярко сверкающий созвездием в ночи, известным жителям Северной Европы как Прялка Фригг, а жителям юга как пояс Ориона.

В свой чертог эта богиня приглашала только тех мужей и жен, которые вели добродетельную жизнь на земле, что бы после смерти они могли наслаждаться обществом друг друга и никогда больше не разлучались.

Фригг была богиней супружеской и материнской любви, и ей в первую очередь поклонялись влюбленные супружеские пары и любящие, нежные родители. Уединение не являлось ее единственной целью, она любила одеваться и появлялась перед собравшимися богами в пышном наряде с богатыми украшениями.

Украденное золото

Любовь Фригг к роскоши привела ее к совершению тяжелого проступка. Так как богиня страстно желала новых украшений, она тайно украла золото с идола своего мужа, который только что был помещен в храм, построенный в его честь. Украденный металл передали карликам, дав указание изготовить для нее чудесное ожерелье. Будучи законченным, оно оказалось столь красивым, что усилило чары его хозяйки и даже увеличило любовь Одина к ней. Когда же он обнаружил кражу золота, то разгневался и потребовал от карликов признания того, кто посмел коснуться его идола. Не желая предавать королеву богов, карлики продолжали упрямо молчать. Тогда, чтобы узнать правду, Один приказал, чтобы идола поместили над входом в храм и начали бы вырезать руны, которые наделили бы идола способностью говорить. Когда до Фригг дошли эти новости, она задрожала от страха и стала умолять свою любимую служанку богиню Фуллу изобрести какое-нибудь средство, защитившее ее от гнева Всеотца. Фулла, всегда готовая услужить своей госпоже, немедленно уехала, но вскоре вернулась с отвратительным карликом, который пообещал помешать идолу заговорить, если только Фригг изволит одарить его своей великолепной улыбкой. Как только его требование было удовлетворено, карлик поспешил в храм, наложил колдовство на стражников, погрузив их в глубокий сон, снял идола с пьедестала и разбил его на куски, чтобы тот никогда не смог рассказать, что Фригг украла золото.

Один, обнаружив на следующее утро святотатство, разгневался еще больше. Он оставил Асгард и исчез в неизвестном направлении,

унеся с собой все благословения, которые он больше не хотел давать никому: ни богам, ни людям. Его братья воспользовались этим, приняли его внешний облик и стали владеть его престолом и женой. Но хотя они выглядели так же, как и Один, они не могли вернуть потерянные благословения и позволили ледяным великанам наводнить землю и окутать ее холодом. Эти зловердные великаны грызли листья и почки деревьев до тех пор, пока те не сохли и не опали с деревьев, покрыв землю белым покрывалом и окутав непроницаемым туманом.

Наконец после семи месяцев отсутствия настоящий Один, смягчившись, возвратился в Асгард, когда же он увидел произошедшее зло, то прогнал узурпаторов трона, заставил ледяных великанов ослабить свое влияние на землю и освободил ее от ледяных уз, вновь одарив ее своими благодеяниями.

Обманутый Один

Как мы уже видели, Один, хотя был богом ума и мудрости, иногда не мог сравниться со своей женой Фригг, которыми, пользуясь своими женскими хитростями, могла добиться своего своими средствами. Однажды августейшая пара восседала на престоле Хлидскьяльв, глядя на винилеров и вандалов, готовившихся к сражению, которое должно было решить, кто из людей будут верховенствовать. Один с удовлетворением смотрел на вандалов, которые громко молились ему о победе. Но Фригг с большим вниманием наблюдала за винилерами, потому что они просили ее о помощи. По этому она стала расспрашивать Одина о том, кому тот от даст предпочтение. Желая уклониться от ответа, он заявил, что он еще не решил и, так как пора ложиться спать, он от даст победу тому, кого первым увидит утром.

Ответ был тщательно продуман, так как ложе Одина было поставлено таким образом, что, проснувшись, первыми он увидел бы вандалов, и он намеревался увидеть их раньше, чем взойдет на престол. Тщательно продуманный план был разрушен Фригг, которая, дождавшись, пока Один уснет, бесшумно повернула его ложе таким образом, что, проснувшись, он увидел ее любимцев первыми. Затем она отправила послание винилерам, чтобы те нарядили своих жен в

доспехи и на рассвете отправили бы их строем, велел тщательно зачесать волосы на щеки и грудь в форме бороды.

Эти указания были выполнены, и, когда на следующее утро Один проснулся, то, увидев вооруженную толпу, удивленно воскликнул: «Что это там за длиннобородые?» Фригг, услышав ожидаемое ею слово, с радостью воскликнула: раз уж Всеотец даровал им новое имя, это событие должно быть ознаменовано еще одним даром – победой.

Один, видя, как хитро его провели, не стал возражать, а винилеры в память о победе, которую он им даровал, стали носить новое, дарованное верховным богом имя, и с тех пор он покровительствовал им, давая множество благ, в том числе и дом на солнечном юге, в плодородных долинах Ломбардии.

Фулла

У Фригг в качестве служанок было несколько красивых девушек, среди них богиня Фулла, ее сестра, которой, согласно некоторым источникам, она доверяла ларец с драгоценностями. Фулла всегда следила за гардеробом Фригг, ее привилегией также было одевать на Фригг золотые туфли и сопровождать ее. Будучи ее наперсницей, Фулла часто советовала ей, как лучше всего помочь смертным, которые умоляли богиню о помощи. На самом деле Фулла была очень красивой, у нее были длинные золотые волосы, свободно спадавшие на плечи и поддерживаемые золотым ободком или повязкой. Так как ее волосы были олицетворением золотистых колосьев, этот ободок символизировал полоску, которой перевязывали снопы. В некоторых частях Германии, где ее считали символом плодородия, Фулла была также известна как Абундиа, или Абундантия.

Хлин, вторая служанка Фригг, была богиней утешения. Ее посылали утереть слезы плачущим и утешить израненные горем сердца. Она также прислушивалась к молитвам смертных, сообщая о них своей госпоже, и советовала ей время от времени, как наилучшим образом ответить на них.

Обречение льна

Жил-был крестьянин, который ежедневно оставлял жену и детей в долине, чтобы отвести овец на пастбище высоко в горы. В то время когда его скот пасся на склонах гор, он охотился на серн, для того чтобы накормить семью мясом.

Однажды, преследуя это чудное животное, он увидел, как оно исчезло за скалой. Когда же он дошел до того места, то, изумившись, увидел вход в соседнем леднике. Ведь в азарте погони он забирался все выше и выше, пока не очутился на самой вершине горы, где сверкал вечный, нетающий снег.

Пастух смело вошел в открытую дверь и очутился в прекрасной пещере, полной драгоценных камней и свисающих с потолка сталактитов. В центре пещеры стояла женщина, облаченная в серебристые одежды, в сопровождении целой толпы прекрасных девушек, украшенных альпийскими розами.

Неожиданно для себя пастух опустился на колени и словно во сне услышал, что стоявшая посередине богиня велела ему выбрать что-нибудь из разбросанного повсюду богатства. Хоть его и поразили драгоценные камни, взгляд его упал на маленький букет голубых цветов в руке у богини, и он робко попросил разрешения взять его с собой. Улыбнувшись, Хольда, а это была она, протянула ему букет и, похвалив за мудрое решение, сказала, что его жизнь продолжится до тех пор, пока цветы не засохнут и не опадут. Затем, дав пастуху меру семян, которые она велела посеять на его поле, Хольда велела ему уходить. Прогредел гром, затряслась земля, и бедняк снова оказался на склоне горы. Вернувшись домой, он рассказал жене о произошедшем с ним и показал прекрасные голубые цветы и меру семян. Женщина стала укорять мужа за то, что вместо драгоценных камней принес семена и цветы. Тем не менее мужчина пошел сеять подаренные семена и, к своему удивлению, обнаружил, что мера всякий раз пополнялась семенами в та ком количестве, что можно было засеять несколько акров.

Вскоре появились маленькие зеленые ростки, и однажды лунной ночью, когда крестьянин, по обыкновению, смотрел на них, потому что засеянное поле необъяснимо влекло его, он увидел смутные очертания какой-то фигуры, висевшей над полем и словно в молитве протянувшей руки вперед. Наконец поле зацвело, и бесчисленное количество маленьких цветов раскрыло бутоны навстречу солнцу.

Когда цветы завяли и семена созрели, Хольда появилась снова, чтобы научить крестьянина с женой тому, как собирать лен – а это было именно это растение, – как из него прясть, ткать и отбеливать холсты. И так как люди из соседних деревень охотно покупали и холст и семена, крестьянин с женой вскоре сильно разбогатели. И пока крестьянин пахал, сеял и собирал урожай льна, жена его пряла, ткала и отбеливала холсты. Этот человек дожил до пре клонного возраста и увидел, как вокруг него выросли внуки и правнуки. Все это время он хранил букет как сокровище, и все это время он оставался свежим, но однажды он увидел, что в течение ночи цветы поникли и засохли.

Зная, что это предвещает собственную смерть, крестьянин забрался на гору и нашел проход, который так долго и тщетно искал. Он вошел через ледяную дверь; больше о нем никто не слышал, так как в соответствии с легендой богиня взяла его под свое покровительство и велела ему жить в пещере, где сбывалось любое его желание.

Тор

Громовержец

Тор – сын Одина и Фригг, богини богинь. Еще ребенком он был знаменит своими огромными размерами и силой и вскоре после рождения удивил собрание богов, играючи перекидывая из стороны в сторону кучу медвежьих шкур. Обычно пребывая в хорошем настроении, Тор впадал иногда в неистовое буйство и бывал в это время очень опасен. Его мать, неспособная справиться с ним, отправила Тора на попечение Вингнира (крылатый) и Хлоры (жара). Эти приемные родители были также олицетворением молнии. Вскоре им удалось обуздать своего подопечного и мудро воспитать его.

Достигнув совершеннолетия, Тор был принят в Асгард, где занял почетное место среди двенадцати богов в огромном зале совета. Во владение он получил Трудвангар (Трудхейм), где построил чертог Бильскирнир (сверкающий, как молния), самый просторный во всем Асгарде. В нем было пятьсот палат и еще сорок палат для проживания рабов, попадавших сюда после смерти. Они всегда были желанны в его доме, здесь их ждал такой же теплый прием, как и их хозяев в Вальхалле, так как Тор был покровителем крестьян и низших сословий.

Так как он был богом грома и молнии (громовержцем), Тору не позволялось переезжать чудесный мост Биврёст, чтобы он не поджег его жаром, исходящим от его тела. Чтобы присоединиться к другим богам у источника мудрости Урд в тени священного дерева Иггдрасиля, он должен был идти пешком, переходя вброд реки Кормт и Ормт и два ручья Керлоуг.

В мифах Тор описывается как богатырь, находящийся в расцвете сил, высокий и хорошо сложенный, со всклокоченными рыжими волосами и рыжей бородой. Когда он тряс волосами, особенно в моменты гнева, искры слетали с них потоками, вызывая гром и молнию.

Народы Северной Европы в дальнейшем украшали его короной, на оконечностях которой была либо сверкающая звезда, либо огонь,

так что голова его была окружена ореолом из огня – его собственного символа.

Семья Тора

Тор был женат дважды: сначала на великанше Ярнсаксе (железный камень), родившей ему двух сыновей Магнии (сила) и Моды (смелость), которым было суждено пережить отца и гибель богов и править в новом мире, который возродится после катастрофы, как феникс из пепла. Его второй женой была золотоволосая богиня Сив, родившая ему также двух детей: Лоррид и дочь по имени Труд, юную великаншу, славившуюся своими величиной и силой. Известно, что противоположности сходятся, и пример Труд подтверждение этому. К ней сватался карлик Альвис, которому она благоволила. Однажды вечером ее поклонник, который, будучи карликом, не мог переносить дневного света, появился в Асгарде, чтобы попросить ее руки. Совет богов склонялся в его пользу и был уже готов высказать свое одобрение, как вдруг появился отсутствовавший Тор. Бросив презрительный взгляд на крошечного возлюбленного, отец невесты сказал, что тому следует доказать, что его ум может восполнить недостаток роста, только тогда он сможет удостоиться руки невесты.

Чтобы испытать Альвиса, громовник стал задавать ему вопросы, касающиеся мира богов, ванов, эльфов и карликов, спрашивая до тех пор, пока не взошло солнце и первые его лучи не превратили карлика в камень. Этим Тор еще раз продемонстрировал великую силу богов, что должно было явиться предостережением для всех остальных карликов, которые пытаются испытать ее.

Златоволосая Сив

Сив, жена Тора, очень гордилась своими прекрасными длинными золотыми волосами, спускавшимися с головы до пят и напоминавшими блестящую вуаль. Так как она олицетворяла плодородие земли, то ее волосы символизировали длинные травы или золотые стебли, колосившиеся на полях древних скандинавов. Тор очень гордился волосами своей жены, и представьте себе, в каком он был смятении, когда, проснувшись однажды утром, обнаружил ее,

словно землю после сбора урожая, с щетиной вместо волос на голове. В гневе Тор вскочил, поклявшись, что накажет злоумышленника, которым, как он верно догадался, являлся Локи, интриган, всегда строивший злые козни. Схватив молот, Тор направился на поиски Локи, который попытался ускользнуть от разгневанного бога, изменив облик. Но это было бесполезно. Тор схватил его за глотку и чуть не задушил его, но, видя его умоляющий взгляд, ослабил хватку. Когда Локи смог вздохнуть, он стал умолять о прощении, но все было тщетно до тех пор, пока он не пообещал достать Сив новые волосы, такие же красивые, такие же длинные и роскошные, как и первые.

Тор согласился отпустить предателя. Локи быстро удалился в глубины земли, где располагался Свартальвхейм, чтобы умолить карлика Двалина не только сделать прекрасные волосы для Сив, но и подарки для Одина и Фрейра, надеясь смягчить их гнев.

Его просьба была с благосклонностью принята, и карлик изготовил чудесное копьё Гунгнир, никогда не дававшее промаха, и корабль Скидбладнир, которому всегда дули попутные ветры и который мог плыть по воде и летать по воздуху. Обладая этими волшебными свойствами, он мог вместить всех богов и их коней, а как только становится не нужен, сворачивался, как платок, который можно спрятать в карман. И наконец, с помощью веретена карлик получил чудесную золотую нить, из которой сделал волосы для Сив, заявив, что, очутившись на голове, они сразу же вырастут и будут как ее собственные.

Локи был так доволен этими свидетельствами мастерства карликов, что назвал сыновей кузнеца Ивальди, выковавших волосы, самыми умелыми кузнецами. Его слова были услышаны другим карликом, Брокком, заявившим, что его брат Синдри сможет сделать три сокровища, которые превзойдут те, которые были у Локи, как красотой, так и волшебными свойствами. Локи тотчас же поспорил с карликом, что у него ничего не выйдет, поставив под заклад свою голову.

Синдри, узнав о пари, согласился с условием, что Брокк будет стоять на мехах, ни на минуту не прекращая поддув. Бросил немного золота в огонь, он вышел, чтобы заручиться помощью тайных сил. Пока он отсутствовал, Брокк усердно поддувал меха, Локи же решил помешать ему, и, превратившись в овода, стал нещадно жалить его в

руку. Несмотря на боль, карлик продолжал работать, и вернувшийся Синдри вытащил из огня огромного дикого вепря Гуллинбурсти, прозванного так за свою золотую щетину, излучавшую свет, когда он подобно молнии летел по небу.

После того как первая вещь была готова, Синдри, бросив в огонь еще золота и велев брату продолжать поддувать меха, опять вышел просить магической помощи. На этот раз Локи, все еще в облике овода, ужалил карлика в щеку. Но, несмотря на боль, Брокк продолжал работу, и, когда Синдри вернулся, он торжественно достал из горна волшебное кольцо Драупнир, символ плодородия, с которого каждые девять дней падают еще восемь колец.

В третий раз Синдри положил в горн железо и снова, предупредив брата, чтобы тот не прерывал работы, вышел. Локи был в отчаянии, поэтому приготовился к последней атаке. На этот раз, все еще в облике овода, он уже лил карлика прямо в веко, так что кровь потекла из глаза и он не видел того, что делает. Тот быстро поднял руку, чтобы смахнуть кровь, но меха опали, и это нанесло непоправимый вред работе. Когда Синдри вытащил из горна молот, он вскрикнул от разочарования, так как у него оказалась короткая рукоятка.

Несмотря на недостаток, Брокк был уверен, что выиграл пари и, не колеблясь ни минуты, тут же предстал перед богами в Асгарде. Кольцо Драупнир он отдал Одину, Фрейр получил вепря Гуллинбурсти, а Тору достался молот Мьёлльнир (молния), чьей силе никто не мог противостоять.

Локи же, в свою очередь, отдал копьё Гунгнир Одину, корабль Скидбладнир Фрейру, а золотые волосы Тору, которые, едва коснувшись головы Сив, тотчас же ожили и, по единодушному признанию, выглядели лучше, чем прежние. Боги постановили, что пари выиграл Брокк.

Чтобы спасти свою голову, Локи попытался быстро ускользнуть, но был настигнут Тором, который незамедлительно до ставил его к Брокку, сказав, что голова Локи по праву при надлежит ему, но он не должен касаться его шеи. Так как ему чинили препятствия в осуществлении мести, карлик решил по-другому наказать Локи, зашив ему рот, а так как его меч не мог проткнуть губы, то он взял у своего брата займы шило. Но Локи недолго молча сносил насмешки богов.

Ему удалось разрезать веревку, и вскоре он опять стал таким же красноречивым, как всегда.

Поездка Тора в Ётунхейм

Так как великаны из Ётунхейма постоянно насылали холодные ветра, уничтожавшие нежные бутоны и не дававшие цветам распуснуться, Тор решил запретить им это. На своей колеснице в сопровождении Локи он отправился в дорогу. К ночи боги очутились на границе мира великанов. Увидев крестьянскую избу, они решили расположиться в ней на ночлег.

Хозяин оказался гостеприимным, но бедным, и Тор, поняв, что он не сможет дать им достаточно еды для удовлетворения нешуточного голода, зарезал своих козлов и тотчас же сварил их. Громовержец пригласил хозяина вместе с семьей отведать угощения вместе с ними, но предупредил, чтобы они не грызли кости и бросали бы их нетронутыми на козлиные шкуры, расстеленные на полу.

Крестьянин с семьей от души поели, но по совету коварного Локи сын крестьянина Тьяльви отважился расколоть одну кость и высосал костный мозг, думая, что никто этого не заметит. Наутро Тор, уже готовый к отъезду, взял молот и ударил им по шкурам. Козлы немедленно воскресли, но один из них хромал. Поняв, что его приказа ослушались, Тор в гневе чуть не убил всю семью. Виновный признался в содеянном, а крестьянин, решив хоть как-то возместить потерю, отдал в вечное услужение разгневанному богу не только сына Тьяльви, но и дочь Рескву.

Поручив крестьянину заботиться о своих козлах, которых он оставил до своего возвращения, и приказав юным спутникам следовать за ним, Тор вместе с Локи отправились пешком. Они шли целый день, а к наступлению ночи очутились в холодной, неприветливой стране, окутанной непроницаемой серой дымкой. После недолгих поисков Тор сквозь туман различил неясные очертания какого-то странного жилища. Открытая дверь была настолько высокой и широкой, что занимала весь простенок. Войдя в дом и не найдя там ни огня, ни света, Тор со спутниками устало опустились на пол и заснули, но вскоре были разбужены странным шумом, словно началось землетрясение. Подумав, что крыша главного здания может

обвалиться, они укрылись в пристройке и вскоре снова крепко заснули. На рассвете, выйдя наружу и не успев пройти нескольких шагов, они обнаружили спящего великана и поняли, что шум, мешавший им отдышаться, был не чем иным, как храп. В этот момент великан проснулся, встал, потянулся и стал что-то искать. Вскоре он поднял предмет, который в темноте Тор со спутниками приняли за дом. С удивлением они увидели, что это огромная рукавица великана, а пристройка, в которой они спали, была не чем иным, как палец. Узнав, что Тор со спутниками шли в Утгард, так называлась страна великанов, Скрюмир – великан – вызвался проводить их. Проведя в пути целый день, поздно вечером они реши ли сделать привал. Отправившись спать, великан предложил им взять провизию в его котомке. Но, несмотря на приложенные усилия, ни Тор, ни его спутники не смогли развязать узлы, завязанные Скрюмиром.

Тор и Хрунгнир

Однажды во время одного из своих воздушных странствий на восьминогом коне Слейпнире Один повстречал великана Хрунгнира, который вызвал его на поединок, заявив, что его конь Гуллфакси (золотая грива) – достойный соперник Слейпнира. В пылу борьбы Хрунгнир не заметил того, куда они двигались, и в тщетной надежде догнать Одина очутился у ворот Вальхаллы. Обнаружив, где он, великан побледнел от страха, так как знал, что, рискнув посетить крепость богов, его злейших врагов, подвергает свою жизнь опасности.

Асы, однако, были слишком гостеприимны, чтобы не принять у себя даже врага. Поэтому, вместо того чтобы причинить ему зло, они позвали его в зал, где шел пир. Поглотив большое количество пива, Хрунгнир вскоре захмелел и стал похваляться своей силой, заявляя, что однажды придет и, захватив Асгард, разрушит его, при этом перебьет богов, всех, кроме Фрейи и Сив, жены Тора, которых заберет с собой.

Боги, зная, что с него нечего взять, так как он пьян, оставили его в покое, но вдруг явился Тор. Услышав угрозы в отношении своей возлюбленной жены Сив, он впал в ярость и, выхватив меч, захотев убить обидчика. Но боги не могли позволить этого и потому встали

между разгневанным громовержцем и гостем, умоляя Тора уважать священные законы гостеприимства и не осквернять их мирное жилище пролитием крови. Наконец Тор взял себя в руки, но потребовал, чтобы Хрунгнир назначил место и время поединка. Великан принял вызов, пообещав встретиться в Греттунгагарде (каменные дворы), на границе Мидгарда и Утгарда, через три дня, и уехал, отрезвев от испуга. Другие великаны, узнав о его неосмотрительности, стали порицать его. Затем, посоветовавшись, они решили действовать следующим образом. Хрунгнир сказал им, что у него есть право быть сопровождаемым оруженосцем. Тьяльви же должен вызвать его на поединок. Поэтому великаны слепили глиняного великана Меккуркальви в девять миль ростом и в три мили в ширину. Так как они не нашли достаточно большого человеческого сердца, то вложили ему сердце одной кобылы, почему глиняный исполин дрожал от страха. Настал день поединка. Хрунгнир и его помощник стояли на месте, ожидая уважаемых противников. У великана было не только каменное сердце и голова, но также щит и точило из камня, что делало его почти непобедимым. Тьяльви появился прежде своего хозяина Тора, и после этого раздался ужасный шум из-под земли, и она затряслась. Великан подумал, что Тор собирается напасть на него из-под земли, и, воспользовавшись советом хитрого Тьяльви, бросил щит и встал на него.

Тотчас же он увидел свою ошибку, и, пока Тьяльви атаковал Меккуркальви, Тор появился сверху и метнул молот в голову противника. Хрунгнир, чтобы увернуться от удара, бросил свое точило. Молот расколол его, куски полетели на землю, образовав скалы, один осколок впился Тору в лоб, так что бог рухнул на землю. В это время молот раскрошил череп великану, и тот упал замертво, причем одна его нога оказалась на лежащем Торе.

Тьяльви тем временем напал на глиняного великана Меккуркальви с трусливым сердцем кобылы, и тот пал, затем он устремился на помощь Тору, но не смог поднять ногу великана. Не удалось это и другим богам. Пока они стояли рядом в беспомощности, не зная, что делать, подошел маленький сын Тора Магнии. По одним источникам, ему было три дня, по другим – три года. Он схватил ногу великана и освободил отца без всякой помощи, заявив, что, если бы его позвали раньше, он быстро разделался бы с великаном и его слугой.

Это проявление силы удивило богов, и они поняли, что в предсказаниях скрыта правда о том, что их потомки, будучи намного могущественнее их самих, переживут их и будут править на обновленных небе и земле.

Чтобы наградить сына за своевременную помощь, Тор подарил ему коня Гуллфакси (золотая грива), который после победы в поединке стал принадлежать ему. С тех пор Магнии разъезжал на этом коне, который по силе и выносливости не уступал Слейпниру.

Волшебница Гроа

Тор тщетно пытался вытащить обломок точила, торчавший в его голове. Так и пришлось ему вернуться в Трудвангар, и даже любящая Сив не смогла помочь ему. Поэтому она решила вызвать провидицу Гроа, волшебницу, известную своим искусством врачевания, а также силой своего колдовства и заговоров. Так как Тор часто благоволил ей, Гроа тот же час согласилась помочь богу, если это будет в ее силах. Торжественно начала она читать руны, под действием которых Тор почувствовал, что точило уже начало качаться. В предчувствии быстрого исцеления Тор решил вознаградить волшебницу, сообщив ей хорошую новость. Зная, что ничего не может доставить матери большего удовольствия, чем перспектива увидеться с давно потерянным ребенком, он рассказал ей, что недавно, переправляясь через Эливагар, ледяные подземные воды, он спас ее маленького сына Аурвандиля, перенеся его через поток в корзине. Но так как маленький озорник все время высовывал палец ноги сквозь прутья корзины, то отморозил его. Гор случайно оторвал палец и за бросил его на небо, где тот превратился в звезду, известную в Северной Европе как «палец Аурвандиля».

Обрадовавшись таким новостям, прорицательница перестала читать заклинания и потом, позабыв, где она остановилась, не смогла продолжить дальше. Так и осталось точило торчать в голове Тора, и его нельзя достать оттуда.

Норны

Три богини судьбы

Северные богини судьбы, норны, никак не подчиняются другим богам, их нельзя оспорить и повлиять на их предсказания. Норны – три сестры. Их имена Урд, Верданди и Скульд, и они олицетворяют прошлое, настоящее и будущее. Их главное занятие состояло в прядении нити судьбы. Кроме того, они должны поливать корни священного дерева водой из источника Урд и подсыпать свежую землю, чтобы дерево оставалось вечно зеленым.

Согласно некоторым источникам, норны неустанно следили за золотыми яблоками, росшими на ветвях Дерева жизни, опыта и познания, и не разрешали никому, кроме богини Идунн, срывать их. Это были молодильные яблоки, благодаря которым боги сохраняли молодость.

Порой норны также кормили и нежно заботились о двух лебедях, плававших по зеркальной поверхности источника Урд. Предполагается, что от этой пары лебедей произошли все лебеди на земле. Иногда норны, облачившись в лебединое оперенье, посещали землю и веселились как русалки на берегу моря, а также в различных реках и озерах, время от времени являясь смертным, предсказывая им будущее и давая мудрые советы.

Нити судьбы, которые плели норны

Порой норны плели настолько длинные нити судьбы, что, когда одна из них стояла на высокой горе на дальнем востоке, другая в это время находилась далеко в море на западе. Нити, которые они пряли, напоминали веревки и отличались по цвету, в зависимости от характера предстоящих событий. Черная нить, протянутая с севера на юг, непременно считалась предзнаменованием смерти. И когда сестры работали челноком, они пели торжественную песню. Они не пряли в соответствии со своими желаниями, но слепо подчинялись желаниям

Орлог, вечному закону вселенной, старше, нежели они, и высшей силе, у которой, очевидно, не было ни начала, ни конца.

Две норны, Урд и Верданди, плели нити, в то время как третья безжалостно разрывала их, очень часто, почти законченные, разбрасывая остатки по ветру. Как олицетворение времени норны представлены как сестры разного возраста и характера. Урд (Вурд, то есть «судьба», «прошедшее») предстает очень старой и немощной, постоянно оглядывающейся назад, поглощенной размышлениями о прошедших событиях и ушедших людях. Верданди (становление, настоящее), вторая сестра, молодая, активная и бесстрашная, прямо смотрит перед собой. В то время как Скульд (долг, будущее) представляется окутанной в плотную вуаль, с головой, повернутой в сторону противоположную той, куда смотрит Урд, держащей в руках нераскрытую книгу или неразвернутый свиток.

Ежедневно норн навещали боги, любившие советоваться с ними, и даже Один часто спускался к источнику Урд, чтобы обратиться к ним за помощью. Они отвечали на его вопросы, но обходили молчанием лишь те, которые касались его судьбы или судьбы других богов.

Валькирии

Девы сражений

Особые помощницы Одина, валькирии, или девы-воительницы, были либо его дочерьми, как Брюнхильд, или отпрысками смертных королей, девами, за которыми сохранялась привилегия оставаться бессмертными и неуязвимыми до тех пор, пока они безоговорочно подчиняются богу Одину и остаются незамужними. Они и их кони были олицетворением облаков, а их сверкающее оружие символизировало вспышки молнии. Древние полагали, что они появлялись на земле по повелению Всеотца, что бы выбрать среди убитых в бою героев, достойных вкусить радости в Вальхалле, и достаточно смелых, чтобы оказать помощь богам, когда наступит время решающей битвы.

Эти девы изображались юными и красивыми, со сверкающим оружием и развевающимися золотистыми волосами. Они носили шлемы из золота или серебра и кроваво-красные кольчуги. Со сверкающими копьями и щитами, неслись они сквозь сражение на ретивых белых конях. Эти кони галопом несутся по воздуху, и мост Биврёст содрогается под ними, несущими в Вальхаллу прекрасных наездниц и пере носимых павших героев.

Кони с облака

Так как кони валькирий были олицетворением облаков, вполне естественно было представить, что иней и роса попадали на землю с их сверкающих грив. Именно их благотворному влиянию люди предписывали плодородие почв, свежесть долин и горных склонов, а также великолепие сосен и лугов.

Число валькирий и их обязанности

Назначение валькирий состояло не только в том, чтобы собирать павших воинов на земле, но и на море, погибших в сражениях и

потонувших во время штормов. Иногда они стояли на мелях, маня викингов к себе, что являлось верным предзнаменованием близкой смерти, предзнаменованием, воспринимаемым древнескандинавскими героями с радостью.

Их было девять. Валькирии также считались божествами неба, которых также называли нор нами, или богинями судьбы.

Вёлу́нд и валькирии

Предполагалось, что порой валькирии в лебяжьем оперении летали на землю к укромному ручью, где они могли порадовать себя купанием. Любой смертный, похитив это оперение, мог помешать им вернуться на небо и даже жениться на одной из них.

Рассказывается, что три валькирии: Эльрун, Эльвит (чудесная) и Сванхвит (лебяжье-белая) – однажды резвились в воде, как вдруг три брата: Эгиль, Слагфид и Вёлу́нд, или Вэйленд-кузнец, подошли к ним и, забрав лебяжье оперение, заставили их остаться на земле и стать их женами. Валькирии оставались со своими мужьями в течение девяти лет, пока вновь не обрели своего оперения, после чего вернулись в Вальхаллу.

Братья тяжело переживали потерю жен, и двое из них, Эгиль и Слагфид, надев свои лыжи, отправились на поиски возлюбленных, бесследно исчезнув в холодных и туманных северных краях. Третий брат, Вёлу́нд, понимая, что поиски бесполезны, остался дома, найдя утешение в созерцании кольца, оставленного Эльвит в качестве знака любви, и не терял надежды на ее возвращение. Будучи искусным кузнецом, он мог изготовить любые, самые изысканные украшения из золота и серебра, так же как и волшебное оружие, которое не мог разрушить никакой удар. Кузнец изготовил семьсот колец, похожих на кольцо, оставленное женой, и по окончании работы связал их вместе. Однажды ночью, возвратившись с охоты, он обнаружил, что кто-то унес одно кольцо, оставив остальные, что, по его мнению, было верным признаком ее скорого возвращения.

Той же самой ночью он был застигнут врасплох, связан и пленен шведским конунгом Нидудом, завладевшим его мечом, самым лучшим, наделенным волшебной силой оружием. Конунг оставил его для себя, а кольцо любви, сделанное из чистейшего рейнского золота, он отдал

своей единственной дочери Бёдвильд. Что касается несчастного Вёлунда, то его отравили на соседний остров и, чтобы он не сбежал, перерезали сухожилия. Там конунг заставил его непрерывно ковать оружие и украшения. Также он заставил его построить запутанный лабиринт, и этот лабиринт в Исландии известен в наши дни как «дом Вёлунда».

С каждым новым оскорблением, наносимым Нидудом, ярость и отчаяние Вёлунда увеличивались, и днём и ночью он вынашивал план мести. Кроме того, он готовился к побегу и в перерывах между работой сделал себе чудесные крылья, похожие на крылья своей жены-валькирии, которые он намеревался надеть на себя после осуществления плана мести. Однажды конунг пришел навестить заключенного и принес ему украденный меч, с тем чтобы тот починил его. Но Вёлунд заменил его другим оружием, как две капли воды похожим на волшебный меч, с тем чтобы обмануть конунга, когда тот придет за ним. Несколько дней спустя Вёлунд заманил сыновей конунга в кузницу и убил их. Из их черепов он сделал кубки для питья, а из глаз и зубов – драгоценности, которые подарил родителям и сестре.

Семья конунга не подозревала, откуда взялись эти украшения, поэтому дары были с радостью приняты. Что касается молодых людей, то все решили, что они уплыли в море и там утонули.

Некоторое время спустя Бёдвильд, желавшая, чтобы кузнец починил кольцо, также пришла в кузницу. Ожидая, она выпила волшебный напиток, от которого заснула и всецело оказалась во власти Вёлунда. Когда план его мести был полностью выполнен, Вёлунд тотчас же надел крылья, которые он держал в готовности для этого дня, и, схватив меч и кольцо, медленно поднялся в воздух. Направившись ко двору конунга, он сел подальше и поведал Нидуду о своих преступлениях. Конунг, вне себя от ярости, призвал к себе Эгиля, брата Вёлунда, который также оказался в его власти, и велел ему продемонстрировать свое мастерство искусного стрелка. Вёлунд дал знак, и Эгиль выстрелил, попав в мешок под крылом, в котором находилась кровь юных сыновей конунга. После чего кузнец улетел, не получив никаких повреждений, сказав, что Один подарит его меч Зигмунду. Это предсказание сбылось в должное время.

Вёлунд направился в Альвхейм, где, если верить легенде, нашел свою возлюбленную жену и жил с ней счастливо до наступления сумерков богов.

Но даже в Альвхейме этот умный кузнец продолжал заниматься своим ремеслом и изготовил многие образцы непроницаемого оружия, описанного в поздних героических песнях. Кроме знаменитых мечей, Бальмунга и Жуайеза (Радостный), принадлежавших Зигмунду и Карлу Великому, сообщается, что для своего сына Хайме он изготовил Миминг, а также много других мечей.

Эгир

Бог моря

Помимо морских божеств Ньёрда и Мимира, первый из которых представлял морское побережье, а второй – первичный океан, из которого родились все вещи, народы Северной Европы признавали еще одного властелина морской стихии, Эгира или Хлера, который проживал то в своих ледяных чертогах, то на острове Лесе (Хлесе) в районе пролива Каттегат.

Эгир (море), как и его братья Кари (воздух) и Локи (огонь), вероятно, принадлежал к более ранней династии богов, так как он не упоминается ни с асами, ни с ванами, ни с велика нами, ни с карликами или эльфами. Однако в его владениях власть его безгранична.

По преданиям, он вызывал и умирал страшные бури в морской пучине. Его обычно изображали в виде иссохшего седого старика с длинной бородой, с судорожно сцепленными руками с острыми когтями, будто бы он хочет все удержать в своей власти. Появляясь из морской пучины, он преследовал перевернувшиеся суда, а затем с жадностью увлекал их за собой на дно моря. Считали, что в этом занятии он находил дьявольское наслаждение.

Богиня Ран

Эгир сочетался браком со своей сестрой богиней Ран, чье имя означает «грабительница». Она была так же груба, алчна и ненасытна, как и ее муж. Ее любимым занятием было прятаться за опасными скалами, куда она заманивала мореплавателей и где была натянута ее сеть – самое дорогое, что у нее было. Затянув мужчин в сети и разбив их суда об острые скалы, она спокойно увлекала их вниз в свое унылое царство. Ран считалась богиней смерти всех тех, кто погибал в море, и северные народы верили, что она увлекала утонувших в свои коралловые пещеры, где для них уже были готовы постели и где мед был в таком же изобилии, как и в Вальхалле.

Волны

У Эгира и Ран было девять дочерей, или дев-волн, чьи белоснежные руки и груди, длинные золотые волосы, тем но-синие глаза и гибкие чувственные формы были невыразимо пленительны. Эти девы, облаченные в прозрачные синие, белые или зеленые накидки, резвились в огромных владениях отца.

Однако они были очень изменчивы и капризны, становясь то игривыми, то угрюмыми и равнодушными, а временами вступали в схватки друг с другом, вырывая друг у друга волосы, разрывая одежды, отчаянно бросаясь на свои жесткие постели – скалы, неистово гоняясь друг за другом, крича то ли от радости, то ли от боли. Однако они редко появлялись на поверхности для своих игр, и только если их брата Ветра не было поблизости, а в зависимости от его настроения они могли быть либо нежными и игривыми, либо шумными и жестокими.

По преданиям, волны обычно появлялись по трое; час то говорили, что они резвятся вокруг кораблей тех викингов, к которым они благоволили, устраняя на пути их кораблей все препятствия и помогая им быстрее достичь своей цели.

Сигурд

История Вёльсунгов

Сиги, могущественный и уважаемый сын Одина, однажды за проступок был изгнан из своих земель и признан вне закона. Один снабдил своего сына оснащенным кораблем и верными людьми. Но родственники жены предательски убили его.

Сиги, однако, был отомщен своим сыном Рери, который, вернувшись на родину после долгого отсутствия, взошел на трон и вскоре убил всех убийц своего отца. Правление Рери было отмечено процветанием его владений, но его заветное желание иметь наследника не осуществлялось на протяжении многих лет. Наконец Фригг услышала его настойчивые молитвы и подарила ему сына, которого он так долго ждал. Она отправила свою посланницу Гну или Хльод с волшебным яблоком, которое та уронила Рери на колени, пока тот спал на склоне холма. Взглянув наверх, Рери узнал посланницу богини и радостно поспешил домой разделить яблоко со своей супругой. Ребенок, родившийся под таким покровительством, оказался красивым мальчиком. Родители назвали его Вёльсунгом. Потеряв родителей в детстве, он вырос и стал правителем всей земли.

Прошли годы, а богатство и власть Вёльсунга все умножались. Он был самым бесстрашным правителем и собрал вокруг себя многих смелых воинов. Они часто пили его пиво под могучим дубом Бранстоком (родовой ствол), крона которого покрывала весь дворец, а ствол находился в центре.

У Вёльсунга родились десять здоровых сыновей, а дочь Сигню была украшением его дома. Так прекрасна была эта дева, что, когда она достигла брачного возраста, много поклонников просили ее руки. Среди последних был и Сиггейр, правивший землей готов; он и добился согласия Вёльсунга, хотя сама Сигню ни разу его не видела.

Свадьба Сигню

Увидев своего суженого в день свадьбы, невеста в ужасе содрогнулась. Малый рост и хмурый взгляд жениха резко контрастировали с горделивой осанкой и открытыми лицами ее братьев. Отменять свадьбу было слишком поздно, так как это могло бы запятнать честь семьи, а Сигню так искусно скрывала свою неприязнь, что этого не заметил никто, и только ее брат Сигмунд понимал, с каким тяжелым сердцем она идет под венец.

Меч Одина

Свадебный пир продолжался, и, когда веселье было в полном разгаре, в зал вошел высокий, укутанный в темно-синий плащ человек, у него был лишь один глаз. Ни говоря ни слова и не взглянув ни на кого из присутствующих, чужеземец пошел к родовому дереву и вонзил сверкающий меч в ствол по самую рукоятку. Затем, медленно обернувшись и взглянув на пораженных и потерявших дар речи гостей, он объявил, что меч достанется воину, который сможет вынуть его из ствола дерева, после чего принесет своему хозяину победу в любом сражении. Произнеся эти слова, он вышел из зала так же, как и вошел, оставив всех догадываться, что их посетил сам Один, верховный бог.

Вельсунг первым обрел дар речи и, отказавшись от своего права первым попытаться вытащить волшебный меч из ствола дерева, велел Сиггейру сделать это. Жених старался изо всех сил, но ему не удалось даже сдвинуть меч, после чего с печалью вернулся на свое место. Затем попытался сам Вельсунг, но также безуспешно. Меч был предназначен явно не для них, и тогда свою силу решили попытать молодые Вельсунги.

Сигмунд

Девять старших сыновей также ничего не добились; но, когда Сигмунд, десятый и меньший сын, взялся за рукоятку, меч легко поддался, и Сигмунд выдернул его из ствола, как будто из ножен.

Почти все присутствующие обрадовались успеху молодого воина; но сердце Сиггейра было полно зависти, ему очень хотелось завладеть этим мечом. Он предложил шурина выкупить меч, но Сигмунд ни за

какую цену не соглашался расставаться с ним, заявив, что меч явно предназначен ему. Этот отказ так разгневал Сиггейра, что он втайне решил перебить всех Вёльсунгов и завладеть мечом.

Скрыв, однако, свои чувства, он повернулся к Вёльсунгу и радушно пригласил его вместе со всеми сыновьями и родственниками посетить его двор в следующем месяце. Приглашение было тотчас же принято, хотя Сигню, подозревая, что муж задумал недоброе, тайком пришла к своему отцу и умоляла его отклонить приглашение и остаться дома. Однако тот не согласился взять свое слово обратно, выказав тем самым свой страх.

Предательство Сиггейра

Через несколько недель после возвращения молодых супругов хорошо снаряженные суда Вёльсунга подошли к владениям Сиггейра. Сигню с тревогой наблюдала за их приближением. Заметив их, она поспешила на берег и стала просить своих родственников не сходить на берег, говоря им, что ее муж вероломно устроил засаду, чтобы погубить их всех. Но Вёльсунг и его сыновья, не боявшиеся ника кой опасности, велели ей возвращаться к мужу; сами же они вооружились и решительно направились к берегу.

Все случилось так, как сказала Сигню: по пути во дворец маленькое войско попало в засаду Сиггейра. Несмотря на доблесть Вёльсунгов, противники, которых было на много больше, одержали верх, сам Вёльсунг был убит, а его сыновья взяты в плен. Их связали и привели к трусливому Сиггейру, который сам не принимал участия в сражении. Сигмунд был вынужден расстаться с дорогим ему мечом, после чего его и его братьев приговорили к смерти.

Напрасно Сигню, узнавшая о жестоком приговоре, пыталась вступить за братьев; своими мольбами она добилась того, что ее братьев отвели в лес и привязали к упавшему стволу дуба – тогда, если их пощадят дикие звери, они умрут от голода и жажды. Затем Сиггейр заточил свою жену во дворец, чтобы она не смогла прийти на помощь своим братьям.

Каждый день рано утром Сиггейр посылал в лес проверить, живы ли еще Вёльсунги, и каждое утро посланец возвращался, сообщая, что ночью приходило чудовище и съедало одно го из братьев, оставляя

лишь только кости. Наконец, когда в живых остался только один Вёльсунг, Сигню придумала план спасения и уговорила одного из своих слуг взять мед, пойти в лес и мазать медом лицо и рот ее брата.

Когда ночью чудовище, привлеченное запахом меда, снова пришло к дереву, оно вылизало лицо Сигмунда и даже запустило ему в рот язык. Стиснув зубы, Сигмунд, несмотря на свою обессиленность, не разжимал челюсти, и зверь, пытаясь освободиться, разорвал путы, сковавшие Сигмунда. Тогда он убил хищника, который съел всех его братьев, и скрылся, пока к дереву не пришел посланец Сиггейра. Тогда Сигню выпустили из дворца, и она прибежала в лес оплакивать своих братьев.

Увидев ее безутешное горе и зная, что она никак не причастна к жестоким действиям Сиггейра, Сигмунд вышел из своего укрытия и успокоил сестру. Они вместе похоронили останки братьев, Сигмунд торжественно поклялся отомстить за зло, причиненное его семье. Сигню была заодно с братом, однако она попросила его выждать подходящий момент, пообещав помочь ему. Затем брат с сестрой расстались, Сигню вернулась в ненавистный ей дворец, а Сигмунд ушел далеко в лес, построил там себе хижину и стал заниматься кузнечным делом.

Сыновья Сигню

После всего произошедшего Сиггейр захватил владения Вёльсунгов, он был рад появлению сына, но Сигню, чтобы научить мальчика мести, тайком отправила его к брату. Сигмунд неохотно согласился; испытав мальчика и поняв, что тот недостаточно храбр, он отослал его к матери (согласно другой версии, убил его).

Некоторое время спустя Сигню отослала своего второго сына в лес с той же самой целью. Однако Сигмунд и его нашел недостаточно храбрым. Было ясно, что только истинный Вёльсунг может совершить возмездие, и Сигню, поняв это, решила пойти на преступление.

Приняв это решение, она призвала прекрасную молодую ведьму и, приняв ее обличье, она направилась в темный лес и попросила приюта в хижине Сигмунда. Вёльсунг не узнал свою сестру. Он принял ее за цыганку, в которую она превратилась, и, поддавшись чарам, взял ее в жены. Через три дня она исчезла из хижины и,

вернувшись домой, приняла свой прежний облик. Когда же у нее родился сын, она с радостью по его смелому взгляду и крепкому сложению узнала в нем будущего героя Вэльсунга.

Синфьётли

Когда Синфьётли, как называли мальчика, было десять лет, Сигню сама решила испытать его и, пришив к его телу одежду, резко отодрала ее. Однако мальчик только вздрогнул и громко рассмеялся. Тогда она смело направила его в лесную хижину. Сигмунд вновь приготовился испытать мальчика. Собираясь однажды утром уходить из хижины, он попросил Синфьётли взять муки из мешка и замесить тесто. Вернувшись домой, Сигмунд спросил мальчика, все ли он сделал. Тот показал ему на хлеб, а когда Сигмунд расспросил его, простодушно признался, что ему пришлось замесить тесто вместе с большой гадюкой, которая была в муке. Приятно удивленный тем, что мальчик, к которому он чувствовал странную привязанность, с честью выдержал испытание, которое погубило его братьев, Сигмунд запретил ему есть хлеб, так как хотя укус змеи и не был ему страшен, но яд в пище или питье мог его убить.

Помощь богов

Тогда Сигмунд начал терпеливо обучать Синфьётли всему, что должен знать скандинавский воин, и вскоре они оба стали неразлучны. Однажды, охотясь в лесу, они набрали на хижину, в которой крепко спали двое мужчин. Рядом висели две волчьи шкуры, а это означало, что странники были оборотнями. Над ними висело проклятье, и некоторое время они должны были покидать свои шкуры. Движимые любопытством, Сигмунд и Синфьётли надели волчьи шкуры и, превратившись в волков, помчались через лес, убивая и съедая все, что попадалось им на пути.

Они настолько одичали, что вскоре напали друг на друга, после чего Синфьётли погиб, так как он был моложе и слабее. Случившееся заставило Сигмунда опомниться, и он в отчаянии склонился над своим поверженным противни ком. Вдруг он увидел, как два горностая напали друг на друга и один из них до смерти загрыз другого. Тогда

победитель скрылся в чаще, откуда появился вновь с листом, который приложил к ране на груди. Свершилось чудо: как только волшебный лист коснулся раны, мертвый горноста́й ожил. Мгновение спустя пролета́вший мимо ворон обронил такой же лист к ногам Сигмунда, и он, поняв, что боги желают помочь ему, приложил лист к ране Синфьётли, и тот сразу же встал.

Опасаясь, что они могут погубить друг друга, Сигмунд и Синфьётли вернулись домой и стали терпеливо ждать, пока с них спадут чары. К их великой радости, волчьи шкуры спали на девятый день, и они поспешно бросили их в огонь, где те сгорели дотла. Так чары были разрушены навсегда.

В плену

Тогда Сигмунд поведал о своих бедах Синфьётли, который поклялся, что, несмотря на то что Сиггейр был его отцом (ни он сам, ни Сигмунд не знали тайну рождения Синфьётли), он поможет отомстить ему. Когда наступила ночь, он пошел с Сигмундом к чертогу Сиггейра. Они вошли туда незамеченными, спрятавшись в винном погребе за огромными пивными чанами. Здесь их обнаружили два младших сына Сигню, игравшие с золотыми кольцами. Кольца покатились в погреб, где и сидели в засаде Сигмунд и Синфьётли.

Мальчики рассказали об увиденном своему отцу и гостям. Но прежде чем Сиггейр и его воины взялись за оружие, Сигню пошла с детьми в погреб и попросила брата убить маленьких предателей. Сигмунд наотрез отказался выполнить ее просьбу, и тогда Синфьётли отрубил им головы, а потом приготовился биться с врагами, которые окружали их.

Несмотря на все свои усилия, Сигмунд и его мужественный молодой спутник вскоре были схвачены готами, и тогда Сиггейр сказал, что их закопают живыми в одном кургане, а посреди кургана поставят каменное строение, разделенное стеною на две половины, чтобы они не могли ни видеть, ни коснуться друг друга. Пленников повели к кургану, и их противники уже собирались положить сверху последние камни, когда подошла Сигню, неся охапку соломы, которую ей разрешили бросить в курган к Синфьётли, так как готы считали,

что в солому завернута пища, которая нужна для того, чтобы продлить его предсмертные муки.

Когда все вокруг стихло, Синфьётли разрыл солому. Какова же была его радость, когда он увидел, что, вместо хлеба, в нее завернут меч, который Один дал Сигмунду. Зная, что ничто не может затупить или сломать лезвие этого прекрасного оружия, Синфьётли всадил меч в плиту. С помощью Сигмунда ему удалось перепилить ее, после чего они оба через крышу выбрались наружу.

Гибель Сигню

Освободившись, Сигмунд и Синфьётли вернулись в палату короля и, разложив вокруг нее дрова, подожгли всё. Затем, стоя по обе стороны выхода из палаты, они не выпускали из нее никого, кроме женщин. Они громко просили Сигню выйти из палаты, но она больше не хотела жить и, подойдя к выходу, чтобы в последний раз обнять Сигмунда и Синфьётли, раскрыла секрет рождения Синфьётли, после чего бросилась в огонь и погибла вместе со всеми.

Смерть Синфьётли

Вернув себе власть, Сигмунд взял себе в жены прекрасную принцессу Боргхильд.

Синфьётли, старший сын Сигмунда, тоже рано погиб. Он убил в битве брата Боргхильд, и та поклялась отравить его. Синфьётли два раза спасал отца, предупреждая его о том, что в его кубке яд. Сигмунд, которого не мог убить ни один яд, два раза осушал кубок. Когда же Боргхильд в третий раз поднесла кубок с ядом, Сигмунд сказал Синфьётли, чтобы тот смочил усы в напитке. Неправильно поняв отца, Синфьётли осушил кубок до дна и бездыханным упал на землю.

Сказав это, он чашу осушил,
И окаменело тело его, отравленное ядом,
Тогда упал могучий воин,
Не проронив ни слова, в лице не изменившись.
И содрогнулся чертог Вельсунгов.
Тогда поднялся старший из них,

Вскричав от горя, и поднял голову павшего.
И никто не слышал его скорбных речей,
Как никто не слышал того,
Что Всеотец говорил над телом павшего Бальдра.

Онемев от горя, Сигмунд нежно взял тело сына на руки и пошел из палаты к берегу, где положил драгоценную ношу в ялик, который подогнал одноглазый лодочник. Он уже был готов сам сесть в ялик, но тут лодочник оттолкнул лодку от берега, и вскоре они исчезли из виду. Тогда отец в скорби медленно направился к дому, утешая себя мыслью, что сам Один пришел за молодым героем и отправился с ним «на запад».

Молодая жена Сигмунда

Сигмунд изгнал Боргхильд в наказание за ее преступление, а когда он совсем состарился, то стал просить руки прекрасной молодой принцессы Хьёрдис, дочери Эйлими, исландского конунга. У этой девы было много поклонников, среди которых был конунг Люнгни из рода Хундингов. Однако слава Сигмунда была так велика, что она с радостью согласилась стать его женой. Отвергнутый Люнгни так разгневался на принцессу за это решение, что немедленно собрал большое войско и выступил против своего более удачливого соперника, который, несмотря на численное преимущество войска Люнгни, сражался с отчаянным мужеством.

Хьёрдис и ее служанка с тревогой наблюдали за ходом битвы, укрывшись в чаще неподалеку от поля боя. Они видели, как Сигмунд складывает вокруг себя тела павших от его руки, и никто не мог победить его. Но внезапно появился высокий одноглазый воин, и битва сразу же утихла, так был страшен его вид.

Без промедления новый герой нанес сильнейший удар Сигмунду, который отразил нападение своим мечом. От удара добрый меч сломался, и, хотя неизвестный противник исчез точно так же, как и появился, Сигмунд остался безоружным и вскоре был смертельно ранен.

Так как битва была проиграна, а весь род Вёльсунгов истреблен, Люнгни поспешил с поля боя, чтобы как можно скорее вступить во владение королевством и заставить Хьёрдис стать его женой. Но как только он скрылся из виду, прекрасная молодая королева незаметно вышла из своего укрытия в чаще и приблизилась к тому месту, где лежал умирающий Сигмунд. Она в последний раз крепко прижала павшего героя к своей груди и со слезами выслушала его просьбу собрать обломки меча и сохранить их для его сына, которого она вскоре должна была родить и которому было суждено отомстить за отца и стать более великим, чем он сам.

Альф, викинг

Пока Хьёрдис оплакивала Сигмунда, ее служанка предупредила ее о приближении нескольких викингов. Вновь укрывшись в чаще, женщины обменялись одеждой, после чего Хьёрдис приказала служанке выйти под видом королевы.

После этого они вышли навстречу викингу Альфу (Хельфрату или Хельферику), который благосклонно приветствовал женщин, а их рассказ о битве вызвал у него такое восхищение Сигмундом, что он приказал перенести тело убитого героя в более достойное место, где его можно было бы похоронить со всеми подобающими почестями. Затем он предложил королеве и ее служанке кров в своем чертоге, и они с радостью отправились с ним за море.

Так как Альф с самого начала сомневался, кем на самом деле были женщины, сразу же по прибытии в свое королевство, для того чтобы выяснить правду, он решил задать с виду праздный вопрос. Он спросил мнимую королеву, как в зимнее время года, когда дни коротки, а светает слишком поздно, она определяет время. На это она ответила, что так как она всегда пьет молоко, когда доит коров, то просыпается от жажды. Когда тот же самый вопрос был задан настоящей королеве, она после недолгих раздумий ответила, что узнавала о наступлении утра, когда золотое кольцо, подаренное ей отцом, становилось очень холодным.

Рождение Сигурда

Когда подозрения Альфа таким образом подтвердились, он предложил руку Хьёрдис, мнимой служанке, обещая ей заботиться о ее маленьком сыне, и это слово он впоследствии сдержал. Когда ребенок появился на свет, Альф сам окропил его водой согласно обычаю, который ревностно блюли наши языческие предки, и нарек его Сигурдом. Когда тот вырос, с ним обращались как с родным сыном конунга, а его наставником стал Регин, мудрейший из людей, который знал все, даже собственную судьбу, так как ему было открыто, что он падет от руки юноши.

Оказавшись в изгнании, Регин нашел себе приют среди людей, которых он обучил сеять и убирать хлеб. Он научил их обрабатывать металлы, выходить под парусом в море, строить дома, прясть, плести и шить и всем остальным ремеслам, что раньше были неведомы людям. Прошли годы, а Регин терпеливо ждал своего времени, надеясь, что когда-нибудь встретит героя, достаточно сильного для того, чтобы отомстить за его беды Фафниру, который за годы любования своими сокровищами превратился в ужасного дракона, наводившего ужас на Гнитхейд (сверкающий очаг), где он нашел себе приют.

Закончив свой рассказ, Регин с грустью посмотрел на внимательно слушающего Сигурда и сказал, что знает, что молодой герой при желании сможет убить дракона, затем он спросил Сигурда, готов ли тот помочь ему совершить возмездие.

Меч Сигурда

Сигурд, не колеблясь, согласился при условии, что проклятие падет на Регина, обязавшегося выковать для юноши меч, который ничто не сможет сломать. Регин дважды ковал чудесное оружие, но Сигурд разбивал его на куски на наковальне. Тогда Сигурд вспомнил об обломках меча своего отца Сигмунда, который хранила его мать, и, придя к Хьёрдис, попросил ее отдать их ему. Тогда из обломков меча был выкован такой крепкий клинок, что он рассек наковальню пополам, а сам даже не треснул. Этот меч был таким острым, что рассек комок шерсти, плывший по течению. Сигурд попрощался с матерью и в сопровождении Регина направился в землю своего рода, поклявшись Регину убить дракона после того, как он вы полнит свой долг и отомстит за Сигурда.

По пути в землю Вёльсунгов они увидели поразительное зрелище: прямо по воде шел человек. Сигурд взял его в ладью, а незнакомец, назвавшийся Фенгом или Фьельниром, пообещал им попутные ветры. Также он учил его различать добрые приметы. На самом деле этот старик был не кто иной, как Один или Хникар, усмиритель волн, но Сигурд не узнал его.

Спящая дева-воительница

Вскоре он услышал сказ о деве-воительнице, уснувшей в горах и окруженной огненной стеной, которую, чтобы разбудить деву, могли преодолеть только храбрейшие из мужей.

Такой подвиг был как раз по душе Сигурду, и он сразу же отправился в путь. Он ехал там, где еще не ступала нога чело века, дорога была долгой и безрадостной, но, наконец, Сигурд достиг горы Хиндарфьялль в земле франков. Это была высокая гора, и казалось, что окутанную туманом вершину лизали языки пламени.

Сигурд направился к горе, а огонь все разгорался, пока он не оказался перед огненной стеной, окружающей вершину. Огонь ревел и бушевал так, что это устало бы любого, но Сигурд, не боясь ничего и не медля ни мгновения, бросился в пламя.

Когда бушующий огонь стих, Сигурд продолжил свой путь по посыпанной белым пеплом широкой дороге по направлению к большому замку, окруженному стеной из щитов. Ворота были широко открыты, и Сигурд беспрепятственно проехал за ограду, не встретив сопротивления ни со стороны стражи, ни со стороны воинов. Осторожно продвигаясь вперед, так как он опасался ловушки, Сигурд, наконец, достиг внутреннего двора замка, где увидел спящего в полном вооружении человека. Сигурд спешил и снял со спящего шлем. С изумлением он увидел перед собой не воина, но прекрасную деву.

Все его попытки разбудить спящую были напрасны, по ка он совсем не снял с нее доспехи, которые скрывали белоснежные льняные одежды. Волосы ее золотыми волнами рассыпались по плечам. Когда, наконец, доспехи были сняты, она широко открыла прекрасные глаза. Налюбовавшись восходом солнца, она обратила взор

на своего освободителя, и молодой герой и дева с первого взгляда полюбили друг друга.

Тогда дева поведала Сигурду свою историю. Звали ее Брюнхильд. Согласно некоторым источникам, она была дочерью конунга, а Один возвел ее в ранг валькирий. Она долгое время преданно служила ему, однако однажды осмелилась поставить свои собственные интересы выше его, присудив победу в битве более молодому и привлекательному воину, в то время как Один приказал ей помочь его противнику.

В наказание за это непослушание ее изгнали из Вальхаллы на землю, где по решению Одина она могла выйти за муж, как и остальные представительницы ее пола. Этот приговор поверг Брюнхильд в ужас, так как она опасалась, что судьба пошлет ей в мужья труса, которого она будет презирать. Для того чтобы развеять эти страхи, Один отослал ее в Хиндарфьялль, и, начертав руну сна, чтобы в ожидании предназначенного ей судьбой мужа она оставалась молодой и прекрасной, он окружил ее огненной завесой, преодолеть которую мог только герой.

С вершины Хиндарфьялля Брюнхильд показала Сигурду свой бывший дом в Лимдале, или земле гуннов, сказав ему, что она будет ждать его там, когда бы он ни пришел взять ее в жены. На одинокой горной вершине Сигурд надел ей на палец кольцо Андварангут и поклялся в вечной любви.

Нибелунги

Во время своих странствий Сигурд прибыл во владения Нибелунгов. В этих краях всегда были туманы, а правили там Гьюки и Гримхильд. Королева была особенно страшна, так как умела колдовать и могла налагать чары и варить волшебные зелья, которые вызывали временное забвение у пьющего их и подчиняли его воле королевы.

У короля и королевы было три сына: Гуннар, Хёгни, Готторм. Дочь их Гудрун была самой милой и прекрасной девой. Все они тепло приняли Сигурда, и Гьюки пригласил его немного погостить у них. Приглашение пришлось очень кстати после долгих странствий, и Сигурд с радостью остался и участвовал в развлечениях Нибелунгов. Он ходил с ними на войну и так отличился там своей доблестью, что

заслужил уважение Гримхильд, которая решила выдать свою дочь за него замуж. И вот однажды она сварила одно из своих волшебных зелий, а когда он выпил его из рук Гудрун, он полностью забыл Брюнхильд и свою помолвку с ней и воспылал любовью к королевской дочери.

Хотя Сигурд и чувствовал смутный страх, понимая, что забыл что-то, что должен был исполнить, он попросил руки Гудрун и получил согласие. Их свадьба состоялась при большом стечении народа и всеобщем ликовании.

Но хотя Сигурд и любил свою жену и чувствовал искреннюю привязанность к ее братьям, он не мог избавиться от гнетущего чувства, теперь редко можно было видеть его улыбающимся. Гьюки умер, и место его занял его старший сын Гуннар. Так как молодой король не был женат, его мать Гримхильд стала просить его найти себе жену, говоря ему, что никто не достоин стать королевой Нибелунгов, кроме Брюнхильд, которая, как говорили, обитала в золотом чертоге, окруженном огненным валом, и взять ее в жены мог только тот, кто осмелится преодолеть ради нее огненную стену.

Гуннар отправился на поиски девы, сопровождаемый Сигурдом. Волшебным образом они поменялись обличиями. Они явились в высокий зал, в котором сидела Брюнхильд. Они не узнали друг друга: Сигурд потому, что Гримхильд наложила на него чары, а Брюнхильд из-за изменившегося облика возлюбленного.

Дева нахмурилась при виде темноволосого чужеземца, так как она считала, что только Сигурд способен преодолеть огненную завесу. Однако она неохотно вышла поприветствовать гостя, а когда он сообщил, что пришел добиваться ее руки, она позволила ему занять место жениха рядом с со бой, так как была связана чарами и должна была взять в мужья того, кто пройдет ради нее огненную завесу.

Сигурд провел три ночи на ложе Брюнхильд, положив между собой и невестой свой сверкающий меч. Такое необычное поведение возбудило любопытство девы, и Сигурд поведал ей, что таким образом боги велели совершить помолвку.

Когда наступило утро четвертого дня, Сигурд снял кольцо Андваранаут с пальца Брюнхильд и, надев другое кольцо, до бился от нее торжественного обещания, что через десять дней она придет во двор Нибелунгов, чтобы стать королевой и его верной женой.

Добившись этого обещания, Сигурд покинул чертог, пройдя по пеплу, и пришел к Гуннару, с которым он, сообщив ему об успехе предприятия, вновь поменялся обликом. Затем воины повернули своих боевых коней обратно домой, и только Гудрун открыл Сигурд тайну помолвки; он отдал ей роковое кольцо, даже не подозревая о том, сколько бед оно еще принесет.

Приход Брюнхильд

Верная данному ею слову, десять дней спустя появилась Брюнхильд, и, торжественно благословляя дом, в который она должна была войти, она тепло поприветствовала Гуннара и позволила ему провести ее в большую палату, где рядом с Гудрун сидел Сигурд. Взглянув на нее, Вэльсунг встретил укоряющий взгляд, и это разрушило чары. Прошлое горечью воспоминаний вновь ожило, однако было уже слишком поздно: они были оба связаны брачными клятвами: он с Гудрун, она – с Гуннаром, за которым безвольно последовала к предназначавшейся им высокой скамье.

Дни шли, и Брюнхильд казалась равнодушной, однако в сердце ее кипел гнев, и она часто уходила от своего мужа в лес, где в одиночестве давала волю своему горю.

В это время Гуннар заметил, с каким холодным равнодушием встречает жена проявления его чувств, и у него зародились ревнивые подозрения и сомнения в том, всю ли правду о помолвке сказал ему Сигурд и не воспользовался ли он своим положением, чтобы завоевать любовь Брюнхильд. Один только Сигурд оставался безмятежным, сражаясь только с тиранами и угнетателями и встречая всех добрыми словами и улыбкой.

Ссора королев

Однажды королевы направились к Рейну купаться и, когда они уже входили в воду, Гудрун сказала, что имеет право войти в воду первой, так как ее муж храбрее. Брюнхильд стала оспаривать то, что считала свои правом. Разгорелась ссора, в ходе которой Гудрун обвинила свояченицу в неверности, показав ей в доказательство кольцо Андваранаут. Вид рокового кольца в руках соперницы потряс

Брюнхильд, и она убежала домой, где в молчании слегла от горя, не вставая так долго, что все уже думали о приближении смерти. Напрасно Гуннар и члены королевской семьи пытались по очереди разговорить ее; она не вымолвила ни слова до тех пор, пока не пришел Сигурд и не спросил ее о причине ее молчаливых страданий. Тогда любовь и гнев Брюнхильд вы рвались наружу, как воды бурного потока, и она обрушила на своего возлюбленного град упреков, пока его сердце до такой степени не преисполнилось жалости к ней, что доспехи спали с него. Ничто не могло разрядить тяжелую обстановку, а Брюнхильд не слушала обещаний Сигурда отречься от Гудрун, отвечая ему, что не сможет быть неверна Гуннару. Мысль о том, что два воина назвали ее своей женой, была невыносима для ее гордости, и, когда в следующий раз ее муж пришел к ней, она стала умолять его убить Сигурда, что еще больше разожгло ревность и подозрения Гуннара. Он отказался жестоко поступить с Сигурдом, так как они по клялись друг другу в вечной дружбе. За помощью он обратился к Хёгни. Однако он тоже не желал нарушить данную им клятву. Тогда, воспользовавшись одним из зелий Гримхильд, он подговорил Готторма совершить предательство.

Смерть Сигурда

Тогда в одну темную ночь вооруженный Готторм прокрался в палату Сигурда; но, наклонившись над ним, увидел, что Сигурд смотрит на него, и выбежал. Он снова вернулся, и все повторилось, как и в первый раз. К утру же, вернувшись к Сигурду в третий раз, он увидел, что герой спит, и предательски вонзил копьё ему в спину.

Несмотря на смертельное ранение, Сигурд поднялся на своем ложе и, схватив свой меч, который висел рядом с ним, изо всех сил метнул его в спину пытающегося убежать убийцы. Когда же Готторм достиг двери, меч настиг его и разрубил надвое. Затем, тихо попрощавшись с охваченной ужасом Гудрун, Сигурд откинулся назад и умер.

Тогда же убили сына Сигурда, и несчастная Гудрун в молчании оплакивала погибших, в то время как Брюнхильд громко смеялась, чем навлекла на себя гнев Гуннара, который слишком поздно пожалел о случившемся.

Похороны состоялись вскоре. Был сложен большой погребальный костер, на который возложили дорогие гобелены, свежие цветы и сверкающее оружие, как полагалось при погребении великого воина. Все то время, что шли приготовления, женщины с особенной нежностью обращались с Гудрун; боясь, что ее сердце не выдержит, они пытались вы звать у нее слезы, рассказывая сильнейшие огорчения, которые им самим пришлось когда-либо пережить: одна женщина, например, поведала, как она сама потеряла всех, кто ей был дорог. Однако все попытки были тщетными, пока не положили на ее колени голову Сигурда, попросив поцеловать его, как если бы он был еще жив; и тогда слезы ручьем полились из ее глаз.

Сама Брюнхильд не осталась равнодушной к произошедшему; она позабыла все обиды, когда увидела тело Сигурда на костре. Он был одет в сияющие доспехи, как будто шел в бой; на голове у него был шлем-страшило, рядом с ним был его боевой конь, которого должны были сжечь вместе с ним, как и нескольких самых верных его слуг, которые не могли пережить смерть хозяина. Она удалилась к себе в покои и, раздав все свое имущество служанкам, надела свои самые роскошные одежды, бросилась на кровать и закололась мечом.

Весть об этом в скором времени достигла Гуннара, который бросился к своей жене. Единственное, что он успел услышать, была ее просьба положить ее рядом с героем, которого она любила, вынуть из ножен сверкающий меч и положить между ними, как было в тот день, когда он обманом добился ее руки, чтобы помочь другому. Когда она умерла, все ее пожелания были исполнены, ее сожгли вместе с Сигурдом, а все Нибелунги оплакивали их.

КЕЛЬТСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Бой Кухулина с Фердиадом

Герой из героев, славный воин древнего Ульстера, первый среди воинов Красной Ветви короля Конхобара, бесстрашный уладский пес – так называли Кухулина его друзья и враги.

И был еще только один воин в пяти королевствах древней Ирландии, или, как тогда говорили, – в Эрине, который мог сравниться с Кухулином в отваге и боевом искусстве.

То был Фердиад, сын Дамона.

Эти два славных героя – Кухулин и Фердиад – были названными братьями и друзьями. Они вместе росли, вместе обучались приемам боевой силы и мужества у грозной воительницы Скатах на острове Скай. Там прошла их юность, там они познали любовь и возмужали, оттуда, рука об руку, отправились на ратные подвиги в чужие, далекие страны.

Их преданность и верную дружбу скрепила кровь, пролитая во многих опасных битвах, боях и сраженьях. Но случилось так, что, рассердившись на злого и коварного короля Конхобара, Фердиад вместе с другими воинами Красной Ветви покинул Ульстер и ушел на службу к гордой и жестокой коннахтской королеве Мав.

Как раз в ту пору Мав задумала идти войной на королевство Ульстер. Ей давно хотелось показать королю уладов Конхобару, что не он самый сильный король в Эрине.

Она собрала всех своих славных воинов и сама повела их на север в Ульстер. Время для войны она выбрала удачное – короля Конхобара и его воинов одолел тяжкий недуг. Это случилось с ними к началу каждой зимы – в наказание за то, что однажды король Конхобар надсмеялся над богиней войны Махой.

И вот когда все уладские воины обессилели от недуга, королева Мав покинула Коннахт и подошла со своим воинством к самой границе Ульстера – к Северному Проходу.

Узнав, что на Ульстер идет могучее войско королевы Мав, Кухулин послал своего возницу Лойга к богине Махе с великой просьбой, чтобы она сняла свое проклятье с уладов. А пока силы к ним

еще не вернулись, Кухулин один вышел защищать Северный Проход от врага.

Проклятье богини Махи его не коснулось: когда с уладами только случилось это несчастье, Кухулин еще не родился. Не проходило дня, чтобы от руки Кухулина пало меньше ста воинов королевы Мав. Недаром шла о нем слава героя из героев, бесстрашного бойца, победителя во многих битвах.

Мало того, по ночам Кухулин незаметно подбирался к самому лагерю гордой королевы и камнями, метко пущенными из пращи, разгонял всю ее стражу. Так что никому не было от него покоя не только днем, но и ночью.

Тогда надумала королева Мав направить к Кухулину гонцов и послов. Гонцы бегали от нее к палатке Кухулина и обратно, передавая ее вопросы и его ответы. И было решено между ними, что не станет больше королева Мав продвигаться в Ульстер форсированным маршем, а будет каждый день посылать к Кухулину по одному воину для встречи в славном поединке. Условились они, что пока он будет биться в поединке, она может идти со своим войском вперед, но как только воин ее будет убит – коли это случится, – она остановится до следующего дня.

«Лучше уж я буду терять в день по одному воину, чем по сто», – думала коварная Мав.

Но шел день за днем, и Кухулин убивал в честном поединке одного за другим лучших ее воинов. И настал день, когда королева Мав не знала, кто бы еще мог сразиться и выдержать бой с Кухулином.

Пришлось ей созвать большой совет мужей Эрина. Стали мужи Эрина думать и, подумав, сошлись на одном:

– Фердиад, сын Дамона! Ибо в битве, в бою и в сражении он один равен храбрейшему герою Кухулину. Вместе росли они, вместе обучались приемам боевой силы и мужества у грозной Скатах.

– Удачный выбор! – одобрила королева.

И послали гонцов и послов за Фердиадом. Но Фердиад отказался, отверг, отослал назад гонцов и послов королевы. Не пошел он на ее зов, ибо знал, чего хотят от него: чтобы вступил он в единоборство с милым другом своим, названным братом и соратником.

Тогда Мав послала к Фердиаду друидов и злых певцов, чтобы они спели ему три цепенящих песни и три злых заклинания – на позор,

посмеяние и презрение, – если Фердиад откажется к ней прийти.

На этот раз Фердиад пошел, ибо легче, казалось ему, пасть от копья силы, ловкости и отваги, чем от стрел стыда, позора и поношения. Мав сама вышла к нему навстречу и приняла его с честью и приветом. Потом созвала своих вождей и военачальников и приказала им устроить в честь Фердиада пир.

За столом Фердиад сидел от нее по правую руку. А с другой стороны рядом с ним Мав посадила свою дочь Финдабайр и наказала ей подливать герою лучшие вина, чтобы его кубок никогда не оставался пустым.

Фердиад быстро захмелел и развеселился. Тогда королева стала восхвалять его отвагу, мужество и геройские подвиги и посулила ему несметные богатства, новые земли и свою дочь Финдабайр в жены, если он вступит в единоборство с Кухулином.

Собравшиеся за столом громко приветствовали такие слова королевы.

Все, кроме Фердиада.

Он один сидел молча. Горько было ему даже думать о бое со своим другом, товарищем и побратимом. Он сказал королеве:

– Твои дары поистине щедры и прекрасны, гордая Мав!

Но я недостойн их. Никогда я не приму их в награду за бой с милым моим другом Кухулином.

И поняла тогда Мав, что такую преданность и любовь не разрушить ни лестью, ни подкупом. И задумала она иной план.

Она, сделав вид, будто не слышала, что он только что говорил, обернулась к своим воинам и советникам и спокойно заметила:

– Пожалуй, теперь я готова поверить тому, что говорил о Фердиаде Кухулин.

– А что Кухулин говорил обо мне? – спросил Фердиад.

– Он сказал, что ты слишком опаслив и осторожен, чтобы выступить против него в поединке, – ответила Мав.

Фердиада охватил гнев, и он воскликнул:

– Не следовало Кухулину так говорить обо мне! Не мог он, положив руку на сердце, сказать, что хоть раз я был трусом или выказал недостаток храбрости в наших общих делах. Клянусь моим главным оружием, завтра же на рассвете я первый вызову его на бой, который мне так ненавистен!

И, не прибавив больше ни слова, Фердиад, печальный, вернулся в свою палатку.

В ту ночь не слышно было ни музыки, ни песен среди верных воинов Фердиада. Они видели, как вернулся с королевского пира их начальник и господин, и шепотом вели беседу, с тревогой вопрошая друг друга, что же будет. Они знали, что Фердиад искусен и неустрашим в бою, но они знали, что не менее искусен и столь же неустрашим Кухулин.

Как им было не знать, что когда встречаются в честном поединке два таких бесстрашных героя, одному из них суждено погибнуть!

Фердиад отдыхал до рассвета, а потом велел запрячь колесницу – он хотел явиться на место поединка раньше Кухулина.

Возница вывел коней, запряг колесницу и вернулся в палатку к Фердиаду. Он попытался уговорить своего господина не идти в бой на Кухулина. Фердиад не скрыл от него, как тяжело ему выступить против своего побратима, но уж, коли он дал слово королеве Мав, он его сдержит.

Лучше б он не давал ей слова!

Печаль и гнев не оставляли Фердиада при мысли об этом. Он пришел в палатку уладских воинов и, повысив голос, громко сказал, чтобы слышали все:

– Пусть лучше мне погибнуть от руки славного Кухулина, чем ему от меня! А если падет от моей руки Кухулин, не жить и королеве Мав и многим из ее славных воинов. Виною тому обещание, какое она вырвала у меня, когда я был пьян и весел у нее на пиру. Верьте мне!

Потом Фердиад взошел на колесницу и устремился к броду через реку на место поединка. Там он заставил возницу распрячь коней и, разобрав колесницу, велел поставить для себя шатер и накрыть его шкурами. Землю застлали пледами, набросали подушек, и Фердиад лег спать до прихода Кухулина.

А пока он спал, верный Кухулину Фергус тайно покинул палатку коннахтских воинов и отправился к Кухулину, чтобы сказать ему, с кем ему предстоит биться в грядущий день.

– Клянусь жизнью, – воскликнул Кухулин, услышав эту весть, – не такой разговор хотелось бы мне вести с моим другом и побратимом! Не из страха перед ним, но из любви и нежной привязанности. Но раз

уж так случилось, лучше мне погибнуть от руки этого славного воина, чем ему от меня!

И Кухулин лег спать и спал долго. Не хотел он рано вставать, чтобы коннахтские воины не сказали, что ему не спится от страха перед Фердиадом. Солнце стояло уже высоко, когда он наконец поднялся на свою колесницу и поехал к броду через реку на место поединка.

Фердиад уже ждал его и, как только Кухулин сошел с колесницы, приветствовал своего друга.

– Ах, Фердиад, – горестно сказал ему в ответ Кухулин, – раньше я верил, что ты приветствуешь меня как друг. Но теперь этой веры больше нет! Как мог ты променять нашу дружбу на лживые обещания вероломной женщины?

Уязвленный упреками Кухулина, Фердиад воскликнул:

– Не слишком ли затянулся наш разговор? Пора вступить в беседу нашим копьям!

И вот, сблизившись, славные воины стали метать друг в друга легкие копья. словно пчелы в ясный летний денек, летали между врагами острые дротики, и горело солнце на их крыльях – наконечниках.

Так бились они целый день, время от времени меняя оружие. Но и в защите, и в нападении их искусство было равно, и какое бы оружие они ни выбирали, ни разу оно не обагрилось их кровью. Когда же спустилась ночь, они решили, что на сегодня поединок закончен и пора отдохнуть.

Побросав оружие своим возницам, отважные воины кинулись друг другу на шею и трижды по-братски нежно расцеловались.

Потом возницы приготовили для них постели из свежего камыша, для каждого на своем берегу реки: для Фердиада – на южном, для Кухулина – на северном.

Из Ульстера прискакали гонцы и привезли Кухулину целебные травы и снадобья, чтобы поднять его силы и избавить от боли и усталости его натруженное тело. Кухулин разделил все травы и все лекарства поровну, и отослал половину Фердиаду.

А коннахтские воины принесли из лагеря для Фердиада еду и питье. Фердиад разделил тоже все поровну и отослал половину Кухулину.

Ночь их кони провели в одном загоне, а возницы – вместе у одного костра.

Наутро, как только засветило солнце, бойцы снова встретились у брода. На этот раз они сражались на колесницах, пуская в ход тяжелые копья. Бой шел весь день, и каждый получил немало жестоких ударов, прежде чем настала ночь и они решили передохнуть. На этот раз оба были так тяжело изранены, что птицы могли влетать в их раны с одной стороны и вылетать с другой.

Но и эту ночь их кони провели в одном загоне, а возницы – вместе у одного костра.

Когда же наутро они встретились у брода, чтобы продолжать поединок, Кухулин увидел, что Фердиад уже не тот, что был прежде: и взгляд его стал мрачен, и не мог он уже прямо держаться, а шел сгорбившись, еле волоча ноги.

Великая печаль охватила Кухулина. Он перешел вброд реку и, приблизившись к Фердиаду, сказал ему:

– Друг мой, товарищ и побратим, вспомни, как мы любили друг друга, как вместе проливали кровь в жестоких битвах, боях и сраженьях. Послушай своего младшего брата: откажись от единоборства у брода!

На это Фердиад ниже опустил голову, чтобы не смотреть в глаза Кухулину, и сказал с грустью, что не может он нарушить свое слово, данное в злую минуту королеве Мав, и будет биться с Кухулином, пока один из них не победит.

На этот раз они вместе выбрали оружие, и бой начался.

Весь длинный день в полной тишине они метали, тяжелые копья, сшибались на острых мечах, рубили, кололи, резали и наносили прямые удары. Только темный вечер заставил их кончить единоборство.

Все так же молча побросали они оружие своим возницам и, не обнявшись, не сказав друг другу доброго слова, мрачно разошлись по своим палаткам.

Ту ночь их кони провели в разных загонах, а возницы – каждый у своего костра.

Рано утром Фердиад поднялся первым и надел свои самые прочные, самые тяжелые, непроницаемые боевые доспехи, чтобы

защитить себя от ужасного рогатого копия – Га-Бульга, каким славился Кухулин в поединке у брода.

Вскоре вышел к реке и Кухулин, и бой разгорелся, свирепый и беспощадный.

Удары их копий были так сильны, что щиты бойцов прогнулись вовнутрь. Шум битвы их был так велик, что испугнул всех демонов неба и заставил их носиться в воздухе с громкими криками. Так тяжела была поступь бойцов, что они вытеснили реку из берегов.

Уже близился вечер, когда Фердиад неожиданным выпадом жестоко ранил Кухулина, вонзив свой меч в его тело по самую рукоять, и кровь рекой полилась из раны и затопила брод.

Кухулин не успел ответить, а Фердиад следом за первым ударом нанес второй и третий.

Только тогда крикнул Кухулин своему вознице Лойгу, чтобы подал он рогатое копьё Га-Бульгу. Прицелившись, он метнул его двумя пальцами ноги, и Га-Бульга, пробив тяжёлые доспехи Фердиада, смертельно поразил его.

– Вот и пришел мне конец, мой Кухулин, – произнес Фердиад и рухнул на землю.

Увидев, как падает на землю его друг и названный брат, Кухулин отбросил страшное свое оружие и кинулся к Фердиаду. Он склонился над ним, поднял его на руки и с осторожностью перенес через брод на северную сторону реки – сторону славных уладов. Не хотел он оставлять друга своих юных лет, своего названного брата, соратника в грозных битвах на земле врагов, на южном берегу реки.

Кухулин опустил Фердиада на землю, склонился над ним и стал горько его оплакивать. Забывшись в горе и не думая об опасности, Кухулин долго просидел так возле убитого друга, пока его возница Лойг не посоветовал ему уйти подальше от брода, где в любую минуту на него могли напасть коварные воины королевы Мав.

На слова Лойга Кухулин медленно поднял голову и сказал тихо, печально:

– Друг мой Лойг, знай и запомни: отныне и впредь любая битва, любой бой или сражение покажутся мне пустой шуткой, забавой, игрушкой после поединка с милым моему сердцу Фердиадом.

Мудрая Унах

Как вы уже знаете, жил когда-то в Ирландии герой-великан по имени Кухулин. И еще один герой, такой же задиристый вояка, только ростом поменьше, по имени Финн.

Финн жил в большом доме на самой вершине крутой горы. Нельзя сказать, чтобы это было такое уж удобное место для жилья: откуда бы ни дул ветер, на вершине горы всегда было очень ветрено. К тому же когда Финна не было дома, его жене, Унах, приходилось самой ходить за водой, а для этого надо было спуститься к подножию крутой горы, где протекал ручей, и потом с полными ведрами лезть наверх. Не так-то это легко, как вы сами себе можете представить.

И все-таки в одном отношении место, где стоял дом Финна, было очень удобное: с вершины горы Финну были видны все четыре стороны – и север, и юг, и запад, и восток. Поэтому, когда кому-нибудь из его врагов приходило в голову нанести ему визит, он знал об этом заранее. А Финн был не из тех, кто любит неожиданные визиты и всякие сюрпризы.

Правда, он мог и другим путем узнать, что его ждет. Для этого ему достаточно было засунуть в рот палец, нащупать последний зуб с правой стороны, и он тут же узнавал, что вскоре должно произойти.

И вот в один прекрасный день, когда Финн и его жена, Унах, мирно сидели за столом, Финн невзначай засунул палец в рот и тут же побелел, точно снег в январе.

– Что случилось, Финн? – спросила его жена, Унах.

– О горе мне и погибель! Он идет сюда, – ответил Финн, как только вынул палец изо рта и смог заговорить.

– Кто идет сюда? – удивилась Унах.

– Ужасное чудовище Кухулин! – ответил Финн, и при этом вид у него стал совсем унылый, точно дождливое воскресенье.

Унах прекрасно знала, что, хоть муж ее и был настоящим великаном, ростом с хорошую башню, однако Кухулину он и в младшие братья не годился. Меньше всего на свете хотел бы Финн встретиться с таким противником! Все окрестные великаны побаивались Кухулина. Когда он сердился и топал ногой, весь остров

содрогался. А однажды он так хлопнул кулаком по шаровой молнии, что в лепешку ее превратил! И с тех пор всегда носил ее в кармане, чтобы показать любому, кто полезет с ним в драку.

Спорить не будем, с любым другим великаном Финн мог бы выступить на равных, но только не с Кухулином. В свое время он расхвастался, что пусть, мол, Кухулин только сунется, он ему покажет! И вот теперь – о горе ему и погибель! – Кухулин близко, и встречи с ним не избежать.

– Если я спрячусь от него, – сказал Финн, – я стану посмешищем у всех великанов. А драться с чудовищем, которое может одним ударом кулака превратить шаровую молнию в лепешку, – нет уж, увольте! Уж лучше как-нибудь его перехитрить. Но только вот как?

– А далеко он сейчас? – спрашивает у Финна жена.

– Около Данганона, – отвечает Финн.

– А когда он должен быть здесь? – спрашивает Унах.

– Завтра к двум часам дня, – отвечает Финн и со стоном добавляет: – Мой большой палец говорит мне, что от встречи с ним на этот раз мне не уйти.

– Ну, ну, дорогой! Не унывай и не вешай носа, – говорит Унах. – Посмотрим, может быть, мне удастся выручить тебя из беды.

– Выручай, голубушка! Ради всех святых выручай! А не то он меня или зажарит, как зайца, или осрамит перед всеми нашими великанами. О, бедный я и несчастный!

– Стыдись, Финн! – говорит Унах. – Хватит ныть да причитать. Видали мы таких великанов! Молнию в лепешку, ты говоришь? Ну что ж, мы его тоже лепешкой угостим, от которой все зубы у него заболят! Не зови меня больше своей верной Унах, если я не обведу вокруг пальца это грозное чудовище.

С этими словами Унах вышла из дому и вскоре вернулась с грудой большущих плоских сковородок, – на таких железных сковородках обычно пекут ячменные лепешки или плоские хлебы.

Унах замесила побольше теста, чтобы хватило на все сковородки. Однако очень странные лепешки она испекла. Во все лепешки, кроме одной, самой большой, величиной, наверное, с колесо от телеги, она сунула в середину по железной сковороде и так запекла их. А когда лепешки остыли, спрятала их в буфет... Затем приготовила большой

сливочный сыр, сварила целую свиную ногу, поставила ее студить и бросила в кипящую воду один за другим с дюжину вилок капусты.

Уже настал вечер – вечер накануне того дня, когда должен был прийти Кухулин. И вот последнее, что сделала Унах, – она разожгла яркий костер на одном из соседних холмов, что стоял ближе к дороге, засунула по два пальца в рот и три раза громко свистнула.

Это означало, что для странников дом Финна гостеприимно открыт – такой обычай был у ирландцев еще с незапамятных времен. И Унах хотела, чтобы Кухулин услышал ее.

На другой день с самого утра Финн стоял уже на страже, и когда он увидел в долине высоченного, как церковная колокольня, своего врага Кухулина, он бросился бегом домой и влетел в комнату, где сидела Унах, белее сливочного сыра, который она приготовила для высокого гостя.

– Он идет! – дрожащим голосом сообщил Финн.

– Ах, право, Финн, ну что ты так разволновался, – с улыбкой сказала Унах. – Пойдем-ка со мной! Видишь эту колыбель? Наши дети давно уже выросли из нее. Вот тебе моя ночная рубашка и чепец – они вполне сойдут за детские. Надевай их и ложись в колыбель, подожди ноги, и как-нибудь ты уж уместись в ней, а я накрою тебя одеялом. Только смотри лежи и помалкивай, что бы ни случилось. Сегодня ты должен разыгрывать роль грудного младенца.

Финн послушно все выполнил, но когда в дверь его дома раздался громкий стук, он так и задрожал, лежа в своей колыбели.

– Заходи и будь желанным гостем! – крикнула Унах, открывая дверь чудовищу ростом вдвое больше, чем ее Финн.

Как вы уже, наверное, догадались, это был великан Кухулин.

– Мир дому сему, – сказал он громовым голосом. – Это здесь проживает знаменитый Финн?

– Ты угадал! – сказала Унах. – Входи, располагайся как дома, добрый человек.

– А вы, часом, не госпожа Финн будете? – спрашивает Кухулин, входя в дом и усаживаясь на широкий стул.

– Ты опять угадал. Я жена славного и могучего великана Финна.

– Знаем, знаем, о нем давно идет слава знаменитого великана Ирландии. Что ж, а перед тобой сейчас тот, кто пришел сразиться с ним в честном бою!

– Ах ты господи! – всплеснула руками Унах. – Вот досада, а он сегодня еще на рассвете покинул дом. До него дошла весть, что огромное чудовище, по имени Кухулин, ждет его у моря на северном берегу, ну, знаешь, там, где ирландские великаны строят плотину, чтобы посуху добираться до Шотландии. Клянусь небом, не хотела бы я, чтобы этот бедный Кухулин встретился сегодня с моим Финном. Он сегодня в такой ярости, что сотрет его в порошок!

– Да будет тебе известно, что Кухулин – это я. И я пришел к Финну, чтобы сразиться с ним, – сказал Кухулин, хмурясь. – Вот уже двенадцать месяцев, как я гоняюсь за ним, и не он меня, а я его сотру в порошок!

– О господи! Наверное, ты никогда не видал моего Финна? – сказала Унах, покачав головой.

– Как же я мог видеть Финна, – сказал Кухулин, – если он всякий раз удирает у меня из-под носа, точно бекас на болоте?

– Это кто же – Финн удирает у тебя из-под носа, несчастная ты малявка! – говорит Унах. – Да клянусь честью, то будет самый черный день в твоей жизни, когда ты повстречаешься с Финном! Остается только надеяться, что буйное настроение его к тому времени немного утихнет, а не то придется тебе распрощаться с жизнью. Можешь сейчас отдохнуть здесь, но когда ты уйдешь, клянусь всеми святыми, я буду молиться за тебя, чтобы никогда тебе не встретиться с моим Финном!

Тут Кухулина начало разбирать сомнение: не зря ли он пришел в этот дом? Они помолчали немного, потом Унах заметила:

– Ну и ветер сегодня! Дверь так и хлопает, и очаг дымит. Вот жалко, Финна нет дома, он бы помог мне, как всегда в такую погоду. Но раз уж его нет, может быть, ты мне окажешь эту маленькую услугу?

– Какую услугу? – спросил Кухулин.

– Да всего-навсего повернуть дом лицом в другую сторону. Финн всегда так делает, когда дует сильный ветер.

Тут Кухулина одолели еще большие сомнения. Однако он поднялся и вышел следом за Унах из дома. Но сначала он трижды потянул себя за средний палец правой руки – в этом пальце таилась вся его сила! – а потом, обхватив дом руками, повернул его, точно как просила Унах.

Финн, лежа в колыбели, чуть не умер от страха, потому что на самом деле ни разу за все годы, что он был женат на Унах, она не просила его ни о чем подобном.

Унах улыбнулась Кухулину и небрежно поблагодарила его, точно повернуть дом было все равно, что закрыть дверь.

– Раз уж ты настолько любезен, – сказала она, – может, ты еще одну услугу мне окажешь?

– Какую же? – спрашивает Кухулин.

– Да ничего особенного, – говорит она. – Из-за сильной засухи мне приходится очень далеко ходить за водой, к самому подножию горы. Вчера вечером Финн обещал мне, что раздвинет горы и перенесет источник сюда поближе. Но он в такой спешке покинул дом, бросившись тебе навстречу, что совершенно забыл об этом. Если бы ты хоть чуточку раздвинул скалы, я бы мигом достала воды и приготовила тебе обед.

Кухулину не очень-то по вкусу пришлась такая просьба. Он поглядел на горы, трижды потянул себя за средний палец правой руки, потом опять посмотрел на горы и опять трижды потянул себя за средний палец правой руки. Но этого оказалось мало.

Взглянув в третий раз на горы, он в третий раз трижды потянул себя за средний палец правой руки – итого девять раз! – и только тогда ему удалось проделать в горе большую трещину, в милю длиной и в четыреста футов глубиной.

Эта трещина сохранилась и по сей день – она называется Ламфордское ущелье.

– Большое тебе спасибо, – сказала Унах. – А теперь пойдем в дом, и я мигом приготовлю обед. Финн никогда не простит мне, если я отпущу тебя без обеда. Хотя вы с ним и враги, но нашей скромной трапезой ты не должен пренебрегать.

И Унах выложила на стол холодную свиную ногу, свежего масла, сняла с огня готовую вареную капусту и, наконец, достала из буфета большие круглые лепешки, которые испекла накануне.

– Милости прошу, не стесняйся, – сказала она Кухулину.

Кухулин начал со свиной ноги, потом взял вареную капусту и, наконец, большую круглую лепешку. Разинув пошире рот, чтобы отхватить кусок побольше, он свел челюсти и тут же взревел не своим голосом:

– Сто чертей и одна ведьма!

– Что такое? – спросила Унах.

– Такое, что двух лучших зубов моих как не бывало! Что за хлеб ты мне подсунула.

– О, – сказала Унах, делая вид, что она очень удивлена, – обыкновенный хлеб! Не только Финн, но даже его дитя в колыбели ест такой хлеб!

С этими словами Унах взяла со стола самую большую лепешку, в которой, как вы помните, не было железной сковороды, подошла к колыбели и протянула лепешку Финну.

Кухулин внимательно следил за ней и увидел, как дитя в колыбели откусило от лепешки огромный кусище и принялось жевать его.

– Попробуй теперь другую лепешку, дорогой Кухулин, – предложила Унах, покачав сочувственно голо вой. – Может, она будет помягче.

Но и в другой лепешке тоже была запечена сковорода. Кухулин взревел еще громче прежнего. Так громко, что Финн в колыбели задрожал от страха и даже застонал.

– Ну вот, ты испугал ребенка! – сказала Унах. – Если тебе не по зубам этот хлеб, сказал бы тихонько, зачем же так кричать?

Но Кухулину было не до ответов. Он подумал о странных порядках в этом доме, который надо поворачивать то в одну, то в другую сторону; о горах, которые надо раздвигать, и об этом странном ребенке, который из колыбели еще не вышел, а уже как ни в чем не бывало жует железный хлеб!.. И сам задрожал от страха. Похоже, ему и впрямь повезло, что он не застал Финна дома. Выходит, значит, все, что говорила ему Унах, была правда!

И Кухулин, не попрощавшись и не сказав даже спасибо за обед, припустил вниз с крутого холма, на котором стоял дом Финна, и бежал без оглядки, пока и зеленые горы, и Ламфордское ущелье не остались далеко позади.

А Финн вылез из колыбели, и они с Унах прекрасно поужинали всем, что осталось от обеда, который мудрая Унах приготовила для Кухулина.

Лисий Хвост

В плодородной долине Эхерлоу у самого подножия хмурых Голтийских гор жил некогда один бедный человек. На спине у него был такой большущий горб, что казалось, будто ему на плечи посадили другого человека. А голова у него была такая тяжелая, что когда он сидел, подбородок его покоился на коленях, как на подпорке. Крестьяне даже робели при встрече с ним в каком-нибудь уединенном месте. И хотя бедняга был безобидным и невинным, как младенец, выглядел он таким уродом, что его с трудом можно было принять за человека, так что даже некоторые дурные люди рассказывали про него всякие небылицы.

Говорили, будто он хорошо разбирается в травах и умеет ворожить. Но что он действительно хорошо умел делать, это плести из соломы и тростника шляпы да корзины. Этим он и зарабатывал себе на жизнь. Лисий Хвост – так прозвали его, потому что он прикалывал к своей соломенной шляпе веточку «волшебной шапочки», или лисохвоста, – всегда получал лишние пенни по сравнению с другими за свои корзины, и, может, именно поэтому некоторые завистники рассказывали про него всякие небылицы.

Как бы там ни было, а в один прекрасный вечер возвращался он из городишка Кахир по направлению в Каппаг, и, так как коротышка Лисий Хвост шел очень медленно – ведь на спине у него был большущий горб, – уже совсем стемнело, когда он добрал до старого Нокграфтонского холма, расположенного по правую сторону от дороги.

Он устал и измучился, а тащиться надо было еще очень далеко, всю бы ночь пришлось шагать, – просто в отчаянье можно было прийти от одной мысли об этом. Вот он и присел у подножия холма отдохнуть и с грустью взглянул на луну.

Вскоре до его слуха донеслись нестройные звуки какой-то дикой мелодии. Коротышка Лисий Хвост прислушался и подумал, что никогда прежде не доводилось ему слышать столь восхитительной музыки.

Она звучала как хор из нескольких голосов, причем один голос так странно сливался с другим, что казалось, будто поет всего один голос, и однако же все голоса тянули разные звуки. Слова песни были такие.

Да Луан, Да Морт,
Да Луан, Да Морт,
Да Луан, Да Морт.
Понедельник, Вторник,
Понедельник, Вторник,
Понедельник, Вторник.

Затем коротенькая пауза, и опять сначала все та же мелодия.

Лисий Хвост затаил дыхание, боясь пропустить хоть одну ноту, и внимательно слушал. Теперь он уже явственно различал, что пение доносилось из холма, и, хотя вначале музыка так очаровала его, постепенно ему надоело слушать подряд все одну и ту же песню без всяких изменений.

И вот, воспользовавшись паузой, когда Да Луан, Да Морт прозвучало три раза, он подхватил мелодию и допел ее со словами:

Агуш Да Дардиин.
И Среда.

И так он продолжал подпевать голосам из холма – Понедельник, Вторник, а когда снова наступала пауза, опять заканчивал мелодию со словами: «И Среда».

Эльфы Нокграфтонского холма – а ведь это была песня эльфов – пришли просто в восторг, когда услышали добавление к своей песенке. И тут же решили пригласить к себе простого смертного, который на столько превзошел их в музыкальном искусстве.

И вот коротышка Лисий Хвост с быстротою вихря слетел к ним.

Восхитительная картина открылась его глазам, когда он, подобно легкой пушинке в кружащемся вихре, спустился внутрь холма под звуки дивной музыки, лившейся в такт его движению. Ему воздали величайшие почести, так как сочли его лучшим из лучших

музыкантов, и оказали сердечный прием, и предлагали все, что только ему угодно, окружили его заботливыми слугами – словом, так за ним ухаживали, точно он был первым человеком в стране.

Вскоре Лисий Хвост увидел, как из толпы эльфов вышла вперед большая процессия, и хотя приняли его здесь очень любезно, ему все же сделалось как-то жутко. Но вот от процессии отделилась одна фея, подошла к нему и молвила:

Лисий Хвост! Лисий Хвост!
Слово твое – к слову,
Песня твоя – к месту,
И сам ты – ко двору.
Гляди на себя ликуя, а не скорбя:
Был горб, и не стало горба.

При этих словах бедный коротышка Лисий Хвост вдруг почувствовал такую легкость и такое счастье – ну хоть с одного скачка допрыгнет сейчас до луны. И с неизъяснимым удовольствием увидел он, как горб свалился у него со спины на землю. Тогда он попробовал поднять голову, но очень осторожно, боясь стукнуться о потолок роскошного зала, в котором находился. А потом все с большим удивлением и восхищением стал снова и снова разглядывать все предметы вокруг себя, и раз от разу они казались ему все прекраснее и прекраснее; от этого великолепия голова у него пошла кругом, в глазах потемнело, и наконец он впал в глубокий сон, а когда проснулся, давно уже настал день, ярко светило солнце и ласково пели птицы. Он увидел, что лежит у подножия Нокграфтонского холма, а вокруг мирно пасутся коровы и овцы.

И первое, что Лисий Хвост сделал, – конечно, после того, как прочел молитву, – завел руку за спину – проверить, есть ли горб, но от того не осталось и следа. Тут Лисий Хвост не без гордости оглядел себя – он стал этаким складненьким шустрым крепышом. И, мало того, он еще обнаружил на себе совершенно новое платье и решил, что это, наверное, феи сшили ему.

И вот он отправился в Каппаг таким легким шагом да еще вприпрыжечку, словно всю свою жизнь был плясуном. Никто из

встречных не узнавал его без горба, и ему стоило великого труда убедить их, что он – это он, хотя, по правде говоря, то был уже не он, во всяком случае, если говорить о красоте.

Само собой, история про Лисий Хвост и его горб очень быстро облетела всех и вызвала всеобщее удивление. По всей стране, на много миль вокруг, все – и старый и малый – только и знали, что говорили об этом.

И вот в одно прекрасное утро, когда довольный Лисий Хвост сидел у порога своей хижины, к нему подошла старушка и спросила, не укажет ли он ей дорогу в Каппаг.

– Зачем же мне указывать вам туда дорогу, добрая женщина, – сказал Лисий Хвост, – если это и есть Каппаг. А кого вам здесь нужно?

– Я пришла из деревни Дисы, – отвечала старушка, – что в графстве Уотерфорд, чтобы повидаться с одним человеком, которого зовут Лисий Хвост. Сказывают, будто феи сняли ему горб. А видишь ли, у моей соседушки есть сын, и у него тоже есть горб, который будто доведет его до смерти. Так вот, может, если б ему попользоваться тем же колдовством, что и Лисий Хвост, у него бы горб тоже сошел. Ну, теперь я все тебе сказала, почему я так далеко зашла. Может, про это колдовство все разужнаю, понимаешь?

Тут Лисий Хвост все в подробностях и рассказал этой женщине, – ведь парень он был добрый, – и как он присочинил конец к песенке нокграфтонских эльфов, и как его горб свалился у него со спины, и как в придачу он еще получил новое платье.

Женщина горячо поблагодарила его и ушла восвояси, счастливая и успокоенная. Вернувшись назад в графство Уотерфорд к дому своей кумушки, она выло жила ей все, что говорил Лисий Хвост, и вот они посадили маленького горбуна на тележку и повезли его через всю страну.

А надо вам сказать, что горбун этот с самого рождения был дрянным и хитрым человеком.

Путь предстоял длинный, но женщины и не думали об этом, только бы горб сошел. И вот к самой ночи они довели горбуна до старого Нокграфтонского холма и оставили там.

Не успел Джек Мэдден – так звали этого человека – посидеть немного, как услышал песню еще мелодичней прежней, которая

доносились из холма. На этот раз эльфы исполняли ее так, как сочинил им Лисий Хвост.

Да Луан, Да Морт,
Да Луан, Да Морт,
Да Луан, Да Морт,
Агуш Да Дардиин.
Понедельник, Вторник,
Понедельник, Вторник,
Понедельник, Вторник
И Среда, —

пели они свою песню без всяких пауз. Джек Мэдден так спешил отделаться от своего горба, что даже не подумал дожидаться, пока эльфы закончат песню, и не стал ловить подходящего момента, чтобы подтянуть их мотив, как сделал это Лисий Хвост. И вот, прослушав их песенку семь раз подряд, он взял да и выпалил:

Агуш Да Дардиин,
Агуш Да Хена.
И Среда,
И Четверг, —

не обращая внимания ни на ритм, ни на характер мелодии, не думая даже, к месту или не к месту будут эти слова. Об одном он только думал: раз один день хорош, значит, два лучше, и если Лисий Хвост получил один новенький костюм, то уж он-то получит два.

Не успели слова эти сорваться с его губ, как он был подхвачен вверх, а потом с силой сброшен вниз, внутрь холма. Вокруг него толпились разгневанные эльфы, они шумели и кричали, перебивая друг друга:

– Кто испортил нашу песню? Кто испортил нашу песню?
А один подошел к горбуну ближе остальных и произнес:

Джек Мэдден! Джек Мэдден!
Слово твое – не ново,

Речи – песне перечат,
И сам ты – некстати.
Был ты бедный, стал богатый,
Был горбат, стал дважды горбатый.

И тут двадцать самых сильных эльфов притащили горб Лисьего Хвоста и посадили его бедному Джеку на спину, поверх его собственного. И он так крепко прирос к месту, словно искуснейший плотник прибил его гвоздями. А затем эльфы выкинули беднягу из своего замка. И когда наутро мать Джека Мэддена и, ее кумушка пришли посмотреть на него, они нашли его полумертвым у подножия холма со вторым горбом на спине.

Можете себе представить, как они посмотрели друг на друга! Но ни словечка не промолвили, так как побоялись, как бы не вырос горб и у них. С мрачным видом они повезли неудачливого Джека Мэддена домой, и на душе у них было тоже так мрачно, как только может быть у двух кумушек. И то ли от тяжести второго горба, то ли от долгого путешествия, но горбун в скором времени скончался, завещая, как они рассказывали, свое вечное проклятие тому, кто впредь станет слушать пение эльфов.

Грааль

Когда двор короля Артура достиг зенита своей славы, в замке, стоявшем в глуши уэльских лесов, родился мальчик. Мать решила во что бы то ни стало уберечь последнего сына от судьбы, постигшей двух ее старших сыновей – оба они погибли на рыцарских поединках, – и делала все, чтобы ни один отголосок внешнего мира не проникал в ее уединение. Мальчик почти не выходил из замка. Он не знал, что за мир начинается за уэльским лесом; не знал он, что на свете есть войны, что мужчины носят рыцарские доспехи и убивают друг друга на турнирах. Не знал он даже своего имени. И вот однажды, когда деревья в рощах покрылись молодыми листочками, а поля – первой травой, этот мальчик, превратившийся к тому времени в красивого юношу, решил прогуляться по лесу. Он ехал, наслаждаясь пением птиц и любуясь первыми цветами, как вдруг дорогу ему пересекла группа всадников. Юноша еще ни разу в своей жизни не видел рыцарей и решил, что это какие-то сверхъестественные существа – так поразили его их доспехи, парадные кони, сверкающие копыя.

– Кто вы такие, таинственные незнакомцы? Бог или дьявол послал вас сюда?

– Мы – рыцари короля Артура из Кардуэлла, – ответил ему один из всадников.

Кавалькада скрылась в чаще леса. Не в силах сопротивляться охватившему его желанию, юноша поспешил домой. «Во что бы то ни стало я должен стать рыцарем! Как смела мать скрывать от меня истинное назначение мужчины!» – думал молодой уэльсец, собираясь в дорогу. С рыданиями упрашивала его мать не покидать ее, но он даже не оглянулся на стены своего родного замка.

Три дня и три ночи ехал юноша через глухой уэльский лес, спрашивая дорогу у прохожих дровосеков. И наконец впереди зашумело море и показались стены желанного Кардуэлла.

Вдруг юноша увидел, что навстречу ему скачет рыцарь, – видно он только что покинул замок.

Когда рыцарь поравнялся с юношей, последний не мог сдержать восхищения: это был настоящий великан в огненно-красных доспехах.

Юноша поспешил в замок. В большом зале за круглым столом сидели рыцари. За круглым столом, как известно, все места одинаковы, и поэтому среди рыцарей не было ни старших, ни младших. «Кто же из них король?» – подумал уэльсец. Но, как он ни присматривался к сидевшим, не мог распознать среди них короля. Тогда он обратился к одному из рыцарей, меч которого покоился в голубых ножнах:

– Достойный рыцарь, не скажете ли вы мне, кто здесь король Артур?

Рыцарь указал ему на короля, сидевшего в глубокой печали. Юноша поклонился.

– Входите, – приветствовал его король, – отдайте вашего коня слугам и будьте нашим гостем. Не встретили ли вы рыцаря в алых доспехах? Он только что был здесь и грубо оскорбил нас. Он выплеснул кубок вина на платье королевы.

– Да, я видел его, – ответил юноша. – Мне очень понравились его доспехи.

– Ха-ха-ха! – расхохотался рыцарь Кей, известный не только своим бесстрашием, но и злым языком. – Так что же ты не отнял их у него, храбрец!

Услышав эти слова, юноша подумал: «Хорошо же, я докажу вам всем, что не только Кей может быть рыцарем Артура!» Он поспешно вскочил на коня, которого слуги не успели даже покормить, и бросился вдогонку за Алым рыцарем. Как стрела несся его конь по дороге, пока не засверкали вдалеке красные латы великана.

– Остановись, – крикнул юноша. – Ты оскорбил двор Артура! Я вызываю тебя на поединок!

Увидев, что его преследует невооруженный всадник, Алый рыцарь размахнулся и на скаку проткнул своим копьём плечо юноши. Юноша зашатался в седле, но не потерял присутствия духа: здоровой рукой он схватил дротик – единственное, что у него было, – и метнул его в глаз великана. Алый рыцарь тотчас испустил дух. Юный уэльсец облачился в его доспехи, а коня и золотой кубок послал вместе со слугою убитого во дворец королю Артуру.

Так начал юноша из Уэльса свою ратную жизнь. К вечеру этого же дня он добрался до замка, на крепостной стене которого стоял

пожилой человек с благородным и храбрым лицом. Он пригласил юношу провести ночь под его кровом, а когда узнал, что тот только начинает свой рыцарский путь, предложил обучить его всем законам рыцарства. Горнемант – так звали хозяина замка – научил нашего героя носить доспехи, обращаться с мечом и копьем, а также преподал ему две важнейших рыцарских заповеди: всегда дарить жизнь побежденным и никогда ни о чем не спрашивать.

– Помни, – напутствовал юношу Горнемант, – рыцарь не должен задавать вопросов.

Юноша провел у Горнеманта несколько дней, а потом поехал дальше. Он встречал по дороге рыцарей, со многими вступал в поединки и, победив, не убивал их, а посылал королю Артуру. Слава о нем облетела все королевство. Но чем дальше странствовал он, тем больше томила его тоска. Его мучили воспоминания об оставленной матери. Он решил во что бы то ни стало повидать ее, но словно какой-то рок препятствовал ему в этом.

Однажды ночь застигла его в лесу. Глубоко задумавшись, он ехал по узкой лесной тропе, как вдруг, словно по волшебству, перед ним появилось широкое и спокойное озеро. Посредине его на плоту двое мужчин ловили рыбу. Юноша попросил их перевезти его на другой берег. Когда они узнали, что он ищет ночлег, один из них пригласил его к себе. Они подплыли к неприступной скале, которая неожиданно раздалась, открыв широкий и светлый проход. Проплыв по этому проходу, они добрались до дворца, такого прекрасного, что рыцарь онемел от изумления. Его ввели в покои, где на золотой кровати лежал старый человек, страдающий неизлечимым недугом. Он позвонил в колокольчик, и им принесли ужин, также поразивший юношу своим великолепием. Арабские вина, испанские фрукты, сосуды из далеких южных стран – все это удивило молодого человека, но он твердо помнил, что главнейшая заповедь рыцаря – не задавать вопросов. Так они ели и беседовали, как вдруг отворилась боковая дверь, и оттуда вышла странная процессия: двое юношей несли по светильнику, третий нес чашу и копье, с которого по капле стекала кровь. Чаша сверкала так, что свет светильников померк, как меркнут звезды и луна при появлении солнца. Процессию заключали две девушки, несшие серебряный полог. Несколько раз из одной двери в другую проходила эта странная процессия, но юноша, хоть и сгорал от любопытства, не

спросил у хозяина, что это значит, ибо твердо помнил наказ Горнеманта – не задавать вопросов.

Его положили спать на белоснежной постели, и он заснул спокойным сном. А когда проснулся, то увидел, что в комнате никого нет. Он прошел через весь замок и никого не встретил. Во дворе стоял оседланный конь, и подъемный мостик через ров был опущен. Юноша проехал по нему и как только ступил на берег, мост сам собой поднялся. И когда он, отъехав от замка, оглянулся – замка уже не было. Под деревом он увидел девушку с распущенными волосами.

– Как твое имя? – спросила она.

– Персеваль, – помимо своей воли ответил рыцарь, который до этого момента не знал своего имени. Тогда он понял, что эта девушка – колдунья.

– Ты избран судьбой, – сказала девушка. – Ты был сейчас в гостях у короля Рыболова. Давным-давно его ранили в бою, и рана его неизлечима. Но если бы ты спросил его, что означает чаша и копье, старый король избавился бы от своих страданий!

– Но мой наставник Горнемант учил меня не задавать вопросов!

– Для тебя наступило время, когда нужно слушаться другого наставника – свое сердце, – сказала девушка. – Почему, почему ты не задал вопроса!

Не успел Персеваль ответить ей, как она исчезла. В смущении и тоске отправился Персеваль дальше. Он странствовал долгих пять лет, совершил много подвигов, но, как ни старался, не мог еще раз проникнуть в замок короля Рыболова.

Однажды вместе со своими рыцарями король Артур отправился на охоту. Было самое начало зимы, и первый легкий снег лишь слегка припорошил землю. Персеваль проезжал неподалеку от того места, где со своей свитой расположился король Артур. Уж очень давно Персеваль думал лишь об одном: почему не является ему опять волшебный замок? Что нужно сделать для того, чтобы снова попасть туда? Он перестал заботиться о себе, забыл о рыцарских упражнениях, ночевал в лесу в шалаше или прямо на земле. Многие думали, что он помешался. Не замечая ничего вокруг, ехал Персеваль по лесу этим зимним утром. Но вдруг, подняв голову, он увидел в небе стаю диких гусей. Один из них был ранен и заметно отставал от остальных. Он летел все ближе к земле, казалось, он вот-вот упадет.

Персеваль поспешил к нему, но гусь, взмахнув крыльями, рванулся вверх, уронив на снег три капли крови.

Увидев кровь на белом снегу, Персеваль вдруг потерял сознание. Он впал в забытие. Слуги короля нашли его, замерзающего на снегу, и привели в шатер короля Артура.

– Что с тобой, о достойнейший рыцарь? – спросил его король. – Почему ты, прославив свое имя на все королевство, теперь скрываешься от людей? Останься с нами, развея свою тоску в веселых пирах и турнирах.

– Нет, достойный король, – ответил Персеваль, – я видел замок короля Рыболова и волшебный сосуд. Я должен вернуться туда еще раз. Разрешите мне странствовать дальше.

Король не задерживал его. Прошли еще долгие годы. Как-то раз Персеваль встретил в лесу старика, который сказал ему:

– Чаша, которую ты видел, – это святой Грааль, и тайна ее открывается лишь тому, кто хранит ее. Рыцари хранители Грааля невидимы для мира, у них нет земных имен, но, когда где-нибудь совершается несправедливость, они приходят на помощь. Никто не должен спрашивать их, откуда они пришли. Если рыцарь Грааля откроет свое настоящее имя человеку, он умирает. Король Рыболов неизлечимо болен. Он хочет передать сосуд другому рыцарю, и он выбрал тебя. Ты снова увидишь Грааль.

Слова отшельника сбылись. Персеваль снова увидел Грааль.

– Что это значит? – спросил он у больного короля.

И как только прозвучал этот вопрос, страдания, много лет мучившие старого хранителя Грааля, отпустили его, и он спокойно скончался на руках Персеваля. Так Персеваль стал хранителем Грааля. Он не совершал больше ратных подвигов, но, когда на земле готовилась несправедливость, являлся неизвестный рыцарь и карал виновного. Это был Персеваль.

Килух, брат Артура

Так хотел сам король Килис, чтобы жена его была такого же знатного рода, что и он сам. И вот он женился на принцессе Голайсид. Все были довольны и с нетерпением ждали, чтобы у них родились дети. Лучше, если сын, наследник.

И сын родился. Его нарекли Килух; он приходился двоюродным братом королю Артуру.

Но королева Голайсид тяжело заболела и, чувствуя, что скоро умрет, позвала к себе мужа, могущественного короля, и сказала:

– Скоро я умру, и ты захочешь снова жениться. И все твои ценности и богатства окажутся в руках новой жены, я это знаю. Так не дай свершиться злему делу – пусть у нашего сына будет все, что ему принадлежит по праву! Исполни только мою просьбу, и я спокойно умру.

– С охотой выполню любую твою просьбу! – сказал король.

– Обещай, что не женишься до тех пор, пока на моей могиле не вырастет красный шиповник.

– Обещаю, – сказал король, впрочем, без всякой охоты.

Королева позвала к себе служителя при кладбище и наказала ему так тщательно пропалывать и подметать ее могилу, чтобы ни травинки, ни цветочка не выросло на ней.

С этим она спокойно умерла.

Семь лет служитель беспрекословно выполнял наказ королевы. Напрасно король каждое утро посылал слуг на кладбище – посмотреть, не вырос ли на ее могиле красный шиповник. Увы, всякий раз он получал один ответ: «Нет еще!»

Но вот служитель церкви состарился и обленился. Постепенно он совсем забросил могилу королевы. И однажды, когда король возвращался с охоты домой и проезжал мимо кладбища, он увидел, что на могиле королевы вырос какой-то куст. Он подъехал ближе, оказалось – это шиповник.

Красный шиповник!

И в скором времени король снова женился. Жену он взял опять из знатного рода. Она была вдовой короля Догедда, от которого у нее

осталась одна-единственная дочка.

Конечно, все королевские ценности и богатства оказались в руках у новой королевы. Все, кроме одного: королевского сына, Килуха. О нем она и не слыхала, никто не счел нужным поведать ей об этом королевском сокровище. А что в этом такого удивительного?

Но в один прекрасный день, гуляя по королевским угольям, королева набрела на жалкую хижину. Она вошла и увидела у огня сгорбленную старуху. Поговорив о том о сем, королева спросила у нее:

– А что, были у нашего короля дети от прежней королевы?

– Нет, детей не было, – прошамкала старуха.

– Какая я несчастная женщина! – воскликнула королева. – Вышла замуж за человека, у которого даже детей не было!

– Детей не было, а сын есть, – сказала тогда старуха, пожалев королеву. – Принц Килух!

Рассерженная королева поспешила в замок к своему мужу, королю, за ответом.

– Почему вы скрыли от меня принца Килуха?

Потому-то и потому-то, сказал король и пообещал больше так не делать.

В тот же день принца Килуха позвали к королеве.

– Какой красивый у меня пасынок! – сказала королева. – И уже не мальчик. Пора тебе подумать о женитьбе. – Тут она поманила к себе свою родную дочку. – А вот и достойная невеста для любого принца!

Но принц покачал головой:

– Я еще слишком молод, чтобы выбирать себе жену. Боюсь, мне придется отказаться от вашей дочки.

Королева ужасно разгневалась и пригрозила:

– Если ты не женишься на моей дочке, я найшу на тебя злую судьбу. Вот мое предсказанье: если ты не женишься на моей дочке, то и вовсе не женишься, пока не найдешь Олвен, дочь Великана-из-Великанов.

Не успели с уст королевы слететь эти слова, как в сердце принца Килуха зажглась любовь к незнакомой ему Олвен. Он даже изменился в лице, и его отец, король, обеспокоившись, спросил:

– Сын, сын мой, отчего ты краснеешь и бледнеешь, бледнеешь и краснеешь, что с тобой?

– Я краснею и бледнею от предсказания моей мачехи, – ответил Килух. – Как я завоюю сердце юной Олвен, если не знаю даже, где ее найти? Может, вы знаете, отец?

– Увы, нет, мой сын, – отвечал король. – А то, конечно, поведал бы тебе. Я и слыхом не слыхал об этой девушке. Но утешься: у тебя есть двоюродный брат – славный король Артур. Ступай в Камелот к королю Артуру, позволь ему остричь твои волосы в знак верности и послушания, и тогда он исполнит любую твою просьбу. В присутствии отважных рыцарей и златокудрых жен нашего острова ты расскажешь ему про Олвен и про все остальное.

– Что ж, коли другого не остается, сделаем так, – сказал юный Килух. – Зачем ехать завтра, если можно поехать сегодня. Прощайте!

И, обнявшись с отцом, оказав ему все почести, приличествующие королю, юный Килух покинул отцовский замок и отправился ко двору своего брата Артура.

Под ним был резвый скакун, четырехлеток, с седой гривой, звонкими копытами и золотой уздечкой. Седло блестело золотом и драгоценными камнями. В одной руке – два острых копья с серебряными наконечниками. На поясе – боевой топорик, которым он рассекал ветер быстрее, чем падает в июньский вечер капля росы со стебля наземь. На боку – широкий золотой меч с золотой рукоятью. За плечами – круглый щит с золотым орнаментом и с шишкой из слоновой кости.

Впереди бежали две рыжие с белым брюхом борзые в широких золотых ошейниках, охватывающих шею от плеча до ушей. Они летели перед ним словно белогрудые чайки.

Со спины юноши свисал атласный пурпурный плащ; по углам его красовалось четыре золотых яблока, каждое дороже ста коров, не меньше. А чулки из золотых чешуек и стремяна обошлись, наверное, по триста коров каждое.

Конь так плавно стелился по земле, что на голове Килуха ни один волосок не шелохнулся за все время пути от отцовского дома до ворот замка короля Артура в Камелоте. Лишь комья земли летели из-под копыт скакуна, словно черные ласточки над зеленым полем.

Достигнув ворот замка, Килух крикнул:

– Эй, есть тут привратник?

– Есть! Но лучше уходи, откуда пришел! – был грубый ответ.

– Как звать тебя, чтобы я знал и помнил, кто мой обидчик? – рассердился Килух.

– Глулайд Мертвая Хватка, привратник короля Артура в каждый первый день января.

– Раз ты на сегодня королевский привратник, так открывай мне ворота замка!

– Не открою!

– Почему?

– Уже вонзен нож в сочное мясо, налито вино в кубки и полно гостей в замке Артура. Если ты сын законного короля одного из наших владений или мастер, желающий показать свое ремесло, я открою ворота, а нет – уходи! Вон видишь постоянный двор? Там ты найдешь мясо для своих собак и овес для лошадей, а для себя наперченные отбивные, пенистое пиво и подходящих собеседников. Можешь прийти завтра, в три часа пополудни, когда откроют ворота замка, чтобы выпустить сегодняшних гостей.

– Это мне не подходит, – сказал Килух. – Лучше отвори ворота, не то я ослаблю и короля Артура, и тебя его привратника. Я издам три таких страшных клича здесь у ворот, что земля от ужаса содрогнется.

– Ори себе на здоровье, – сказал спокойно Глулайд Мертвая Хватка, привратник. – Все равно тебе не войти в ворота, пока я не спрошу разрешения у Артура.

И Глулайд вошел в пиршественную залу. Король Артур спросил его:

– Ты с вестями от ворот нашего замка?

– Да, господин. Я прожил уже две трети жизни, ты тоже. Мы были вместе в походах, в сраженьях, на охоте и на пирах. И я пойду за тобой до конца, каков бы ни был этот конец. Много красивых мужей мы повидали, мой король, но не такого, какой стоит сейчас у твоих ворот.

– Так впусти его в замок! – сказал Артур. – Ему поднесут вина в золотом кубке и подадут жареного барашка. Какой стыд оставлять на ветру под дождем столь прекрасного мужа! Ты согласен со мною, Кай?

– Клянусь рукою друга, – отвечал Упрямый Кай, что сидел за столом рядом с Артуром, – даже ради столь прекрасного мужа не следует нарушать придворные обычаи и порядки, коли вы спрашиваете моего совета.

– Ты не совсем прав, Кай, – укорил его Артур. – Надо великодушной встречать достойных мужей. Чем больше щедрости мы проявим, тем громче будет наша слава.

И Глулайд пошел отворять ворота.

Не слезая с коня, Килух въехал по ступеням замка прямо в пиршественную залу и опустил поводья перед тронном короля Артура.

– Приветствую тебя, мой король и повелитель! – сказал он.

– Я рад тебе! – ответил Артур. – Прошу отведать нашей еды и выслушать певцов, а завтра, когда я кончу раздавать дары, готов служить тебе.

– Благодарю тебя за гостеприимство, но не за тем приехал я к тебе, мой король, – гордо ответил Килух. – А с великой просьбой!

– Скажи – какой! – молвил Артур. – И она будет исполнена, не сомневайся. Разве сомневаешься ты, что ветер сушит, дождь мочит, солнце всходит и заходит, море разливается, а земля простирается? Но только если твоя просьба в согласье с нашей честью!

– Я прошу постриженья! – сказал Килух.

– Твоя просьба исполнится, – пообещал Артур. – Ты делаешься мне все более мил. Чую сердцем, ты мне родня. – И, взяв золотой гребень и ножницы, украшенные серебром, Артур срезал золотые кудри Килуха. – А теперь, – спросил король, – скажи мне, кто ты? – И, услышав ответ, воскликнул: – Так, значит, ты мой двоюродный брат! Любые дары проси у меня, все, что хочешь, я с радостью тебе отдам.

И Килух сказал:

– Я прошу в жены Олвен, дочь Великана-из-Великанов. Предсказаньем судьбы только ее могу я взять себе в жены. Потому я и пришел к тебе с этой просьбой, выслушай меня в присутствии всех славных рыцарей и нежных дам Британского острова.

И Килух назвал подряд всех главных рыцарей, и всех прекрасных дам и королев Британского острова, но если б мы захотели повторять за ним, вы слушали бы нас с вечера до утра, с утра и до вечера и утомились бы.

Когда он кончил, Артур сказал:

– Отважный принц, я слыхом не слыхал о юной Олвен и ее родителях. Однако без промедленья разошлю за ней гонцов во все концы земли.

Трудно сказать, где только не побывали гонцы короля Артура, но через год они вернулись в Камелот, зная не больше, чем в тот день, когда его покидали.

– И знать не знаем, и не верим, что есть на свете такая девушка, поверь нам, господин, – сказали они.

– Ты слышишь, принц? – спросил Артур.

– Такое слышать я не хочу и не желаю! – ответил Килух. – Все получают от тебя, что просят, один я остаюсь ни с чем. Если я покину твой замок без Олвен, мой господин, обещанье твое останется невыполненным и честь твоя пострадает.

Но тут вступил в разговор Кай, сидевший по правую руку от короля Артура.

– Ты неправ, принц, – сказал Кай, – что бранишь Артура. Лучше садись на коня и сам поезжай искать Олвен. Я и мои друзья будем тебе помощниками, и пока ты сам не скажешь, что такой девушки нет на свете, или пока мы ее не отыщем, мы тебя не покинем!

Король Артур его одобрил.

Первым на это дело он и вызвал Кая Упрямого.

Отец Кая сказал однажды о своем сыне: «Если он пошел в меня, у него будет холодное сердце. И сила его будет в упрямстве».

Кай славился тем, что умел сдерживать под водой дыхание целых девять дней и ночей. Раны, какие наносил он врагам, не мог исцелить ни один врачеватель. Когда он хотел, он становился выше самого высокого дерева, а в самый сильный дождь любая вещь, что держал он в руке, оставалась сухой – оттого, что всегда в нем горел огонь гнева. Он был лучшим слугою королю Артуру и первым бойцом в сраженье.

Вторым король Артур вызвал Бедуйра Прекрасного. Славен Бедуйр был тем, что, хотя была у него только одна рука, сражался он за троих. Когда он пускал копье, оно с одного раза наносило десять ударов.

Третьим король Артур вызвал Кинтулига.

Кинтулиг был таким же хорошим проводником в чужой незнакомой стране, как в своей родной, и потому все звали его Кинтулиг Проводник.

Четвертым король вызвал Гурира Переводчика. Гурир понимал все языки не только людей, но зверей, птиц и рыб.

Пятым Артур вызвал своего племянника Гавейна, ибо Гавейн Быстрый еще ни разу не возвращался домой, не добившись успеха. Он был первым ходоком и лучшим наездником среди рыцарей короля Артура.

И последним Артур вызвал Мену, который умел говорить заклинанья и делать себя и других невидимыми.

И вот, снарядившись, оседлав коней, запасясь едой и оружием, с благословенья доброго короля Артура, под воркотню привратника, которая казалась им милее звона серебряных колокольчиков, Килух и его верные рыцари отправились на трудные поиски.

Прекрасная Олвен

Они долго бродили по стране, объездили все леса и пустоши острова, пока наконец не оказались на широкой равнине без конца и без края, на которой стояла огромнейшая крепость.

Но не так-то легко было добраться до этой крепости. Рыцари ехали и скакали весь день, а крепость стояла все так же далеко, где-то там впереди на бескрайней равнине.

И второй день скакали они по равнине, пришпоривая своих коней, но крепость казалась все такой же далекой.

Лишь на третий день они приблизились к крепости настолько, что сумели различить огромное стадо овец, пасшихся на лугу перед стенами крепости. Овец было не счесть, а посреди широкой равнины на зеленом кургане стоял пастух в кожаном платье.

Только главным сторожем стада был не сам пастух, а преогромный мастиф, ростом с девятигодовалого жеребца. Этот пес славился лютой свирепостью, из пасти его вырывалось такое горячее дыхание, что сжигало дотла все деревья и кусты вокруг. Но он был очень умен, и вдвоем с пастухом они ни разу не потеряли ни одной овцы, ни одного ягненка из всего этого несметного стада.

– Гурир, – сказал Кай, – ты наш переводчик. Пойди перекинься словечком с тем пастухом.

– Ты же знаешь, Кай, – отвечал Гурир, – мой первый долг всюду следовать за тобой.

– Что ж, значит, пойдем вместе, – сказал Кай.

– Да вы не бойтесь... – начал было Мену.

– Нам бояться? – возмутился Кай.

– Ну да, не бойтесь, я скажу заклинанье, чтобы мастиф вас не увидел и не учуял.

– Если считаешь нужным, говори, – с презрением молвил Кай, однако в душе был рад-радехонек, что им удастся обмануть страшного пса.

Час или два шли они через поле, пока не достигли зеленого кургана. Они громко приветствовали пастуха, на что в ответ он только кивнул им.

– Как видно, дела твои идут неплохо, – сказал Кай, показав рукой на несметное стадо овец, сбившихся вокруг зеленого кургана.

– Чтоб у тебя они шли не лучше, – ответил пастух, предоставив Каю и его спутникам самим решать, как толковать такой ответ.

– Чьи же это овцы? – спросил Гавейн Храбрый.

– Откуда вы взялись, такие невежды? – удивился пастух. – Каждый ребенок здесь знает, что это овцы Великана-из-Великанов, а там вон – его крепость!

– Мы так и думали, – нашелся что ответить Гавейн. – А кто ты сам, дружище?

– Я его пастух, Сгилди Быстроногий. Но вы бы не увидели меня здесь в этом жалком платье, если бы не потерпел я урона от Великана-из-Великанов. Теперь скажите: откуда вы? Кто вы такие, что мой пес вас не учуял и не поднял тревогу?

– Мы посланцы короля Артура! – гордо объявил Кай. —

И пришли сюда за Олвен, дочкой Великана-из-Великанов.

Пастух так и присвистнул, а мастиф тут же вскочил, услышав свист хозяина.

– О ней и не мечтайте! – воскликнул пастух. – О чем угодно, только не о ней.

– Но почему же? – удивился Килух. – Что плохого в том, что мы хотим увидеть дочку великана – Олвен?

– Многие приходили сюда за тем же, мой юный друг, однако я еще не видел, чтобы хоть один из них живым ушел отсюда. И жизнь свою здесь оставлял, и Олвен! Однако если глаза мне правду говорят, – приглядевшись к принцу, сказал Сгилди, – ты Килух, сын Килиса и Голайсид, его первой королевы, а значит, мой родной племянник!

И Сгилди сошел с холма, чтобы прижать к сердцу юного героя.

– Ты должен непременно повидать мою жену, твою тетю! Пойдем к нам, она тебе во всем поможет. Только помни: ты должен остерегаться ее родственных объятий, ибо нет сильнее ее женщины на свете.

– На свете нет женщины, которой я бы испугался! – ответил безрассудный Килух. – Веди нас, пастух!

– Посмотрим, посмотрим, – заметил Сгилди. И, приказав псу стеречь стадо, Сгилди повел посланцев короля Артура к воротам своего полуразрушенного дома.

Услышав шум, жена Сгилди выбежала им навстречу.

– Чую, чую сердцем, – воскликнула она, – идет ко мне кто-то родной и дорогой!

– Вот он, – сказал ее муж, указывая на Кая.

И она бросилась к Каю с распростертыми объятьями. Хорошо, что Кай оказался проворнее и успел подсунуть вместо себя здоровенное полено! В тот же миг полено оказалось на земле, раскрошенное в щепки.

– Послушай, женщина, – сказал ей Кай, – ведь если бы ты не полено, а меня так крепко обняла, никогда бы больше мне не знать ничьих нежных объятий.

И он покачал головой, радуясь и ужасаясь одновременно.

– Полезный урок, – как бы про себя заметил пастух.

Потом он отвел всех в дом и угостил чем бог послал. А жена пастуха открыла большой каменный сундук, стоявший возле очага, и оттуда вылез красивый светловолосый юноша.

– Это единственный мой сын, оставшийся в живых, – горько посетовала она. – Остальных убил Великан-из-Великанов. Их было двадцать три... Но я боюсь потерять и последнего.

– Отпусти его с нами! – сказал решительный Кай. И все верные рыцари в один голос крикнули:

– С нами!

А Кай добавил:

– И знай: если суждено ему умереть, то не раньше моей собственной смерти!

Так они сидели, пили и ели, пока женщина не спросила:

– Что же вас привело сюда? Могу я вам чем-нибудь помочь?

– Мы пришли сюда за Олвен, прекрасной дочкой Великана-из-Великанов.

– Да ну? – И она присвистнула точно, как ее муж, пастух. – Радуйтесь, что вас из крепости Великана никто не видел, и возвращайтесь, пока все целы-живы, ко двору Артура.

– Не увидев Олвен, мы не уйдем отсюда! – поклялся Кай.

– А увидев, тоже не побежим! – добавил Килух. – Она когда-нибудь приходит сюда, в ваш дом?

– Каждую субботу. Она приходит сюда мыть голову.

– А если послать за ней, она придет сейчас?

Жена пастуха кивнула.

– Поклянитесь, что не обидите ее, тогда я позову, – сказала она.

– Клянемся! – сказали все.

Тут же послали за Олвен, и она пришла – в шелковых алых одеждах, пылавших словно пламя. На шее девушки висело золотое ожерелье, украшенное руби нами и жемчугами. Волосы ее отливали золотом ярче златоцвета, а кожа у нее была белее морской пены. Нежнее лепестков болотной лилии были ее пальцы и ладони, а глаза – яснее соколиных.

Грудь и шея – белее лебединой, щеки же – ярче пунцовой наперстянки.

Она вошла в дом и села между Килухом и Сгилди. Тут Килух в первый раз ее увидел, однако ему показало, что он знает Олвен давно-давно. И он сказал девушке:

– Ты моя давнишняя любовь! Пойдем со мной!

Но Олвен покачала головой.

– Нет, это не принесет нам счастья, – сказала она. – Мой отец взял с меня клятву, что я не покину его без его доброго согласия. Есть предсказанье, что жить ему только до моей свадьбы. Лучше поступи иначе. Пойди к нему и попроси моей руки. И какое бы заданье он ни дал тебе, обещаю исполнить. Когда он получит от тебя, что попросит, ты получишь Олвен! А нет, так вряд ли вам теперь уйти отсюда живыми.

Верные рыцари поклялись исполнить все, как она сказала, и с этим Олвен ушла.

Следом за ней поднялись и они. Мену прочел заклинанье, и они невидимыми обошли стражу у девяти ворот крепости. Ни один пес на них даже не тьякнул. Они вошли в большой зал замка и громко приветствовали Великана-из-Великанов.

– Да знаете ли вы, – взревел Великан, – куда вы попали?

– Знаем, куда и зачем. Мы пришли за твоей дочкой Олвен, чтобы взять ее в жены Килуху, сыну Килиса.

– Я вас не вижу, – сказал Великан. – Где эти негодяи, мои слуги?

Покорные слуги тут же явились.

– Подоприте вилами мои тяжелые веки, – приказал Великан-из-Великанов, – чтобы я увидел будущего моего зятя, мужа моей дочки Олвен.

Все было исполнено. Вилы длиною с высокие деревья подняли тяжелые веки Великана. Он оглядел всех рыцарей и сказал:

– Приходите завтра. Тогда узнаете мой ответ.

Они повернулись, чтобы уйти, и тут Великан-из-Великанов схватил каменное копьё с отравленным железным наконечником и пустил им вдогонку. Но Бедуйр успел схватить копьё единственной рукой и отправить его обратно. Копьё пронзило Великану колено, самую чашечку.

– Ох, ох, ох! – взвыл Великан-из-Великанов. – Будь ты проклят, будущий зять мой! Как теперь я стану взбираться в гору? Это отравленное железо жжет, словно осиное жало. Будь проклят тот кузнец, что ковал его, а вместе с ним и его наковальня!

Эту ночь рыцари провели в доме Сгилди, а утром, раздевшись, с богатыми гребнями в волосах, торжественно вступили в большой зал замка Великана.

– Великан-из-Великанов, – сказали они, – отдай нам твою дочь Олвен, а взамен возьми выкуп. Иначе смерть тебе и погибель!

– Нет, нет и нет! – взревел он. – Еще живы ее четыре прапрабабушки и четыре прапрадедушки. Без них я не могу ничего решить. Приходите завтра! Тогда узнаете мой ответ.

Рыцари повернулись, чтобы уйти, и тут Великан-из-Великанов схватил второе свое копьё с отравленным наконечником и пустил им вдогонку. Но Мену на всем лету схватил его и отправил обратно. Копьё пронзило грудь Великана.

– Ох, ох, ох! – взвыл Великан-из-Великанов. – Будь ты проклят, будущий зять мой! Теперь у меня все будет болеть внутри, как же я стану пить и есть? Это отравленное железо жжет, словно змеиное жало. Будь проклят кузнечный горн, в котором его ковали!

И на третий день пришли рыцари в замок Великана.

– Больше не запускай в нас копьё, Великан-из-Великанов! – предупредили они. – Не то узнаешь боль и обиду, встретишь смерть и погибель.

– Куда подевались все мои слуги? – взревел Великан. – Несите скорее вилы, поднимите мои тяжелые веки, чтобы я мог наглядеться на будущего моего зятя.

Все было исполнено. Великан посмотрел на Килуха и опять сказал:

– Приходи завтра! Тогда узнаешь, мой ответ.

И рыцари повернули, чтобы уйти, но тут Великан-из-Великанов схватил свое третье копьё и пустил им вдогонку. А Килух на всем лету подхватил его и отправил обратно. Отравленное копьё пронзило глаз Великана.

– Ох, ох, ох! – взвыл Великан-из-Великанов. – Будь ты проклят, мой будущий зять! Уж не думаешь ли ты, что от этого я буду лучше видеть? Теперь я обречен на вечную головную боль, да и глаза, чего доброго, станут на ветру слезиться. Хуже зубов бешеной собаки жжет это отравленное копьё. Будь проклят и кузнец, и его наковальня, и горн, где его ковали!

На четвертый день пришли рыцари в замок снова.

– Где он, что хочет отнять у меня дочь Олвен? – заревел Великан. – Поднимите мои тяжелые веки, я хочу его видеть... Ага, это ты?

– Я, Килух, сын Килиса и Голайсид.

– А ты обещаешь выполнить все мои просьбы? – сказал Великан-из-Великанов.

– Обещаю!

– Обещать-то легко! – сказал Великан. – Но знай, ты получишь мою дочь, только когда выполнишь все мои просьбы и задания.

– Назови их! – сказал Килух. – И все они будут исполнены.

– Видишь там чащи лесные? – спросил Килуха Великан-из-Великанов. – Ты должен вырвать с корнем все деревья и сжечь их, а землю вспахать и засеять пшеницей, чтобы можно было вволю напечь хлеба тебе и моей дочке на свадьбу – и все это за один день!

– Для меня сделать такое проще простого! – сказал Килух. – Хотя ты, наверное, думаешь, что труднее трудного.

– Ладно, значит, можно считать, хлеб к свадьбе будет, зато другое тебя погубит! Принеси мне золотой рог Лира Свирепого, сына Лириона, чтобы обносить вином гостей на твоей свадьбе.

– Достать рог для меня проще простого! – сказал Килух. – Хотя ты, наверное, думаешь, что труднее трудного.

– Ладно, значит, можно считать, рог у нас будет, зато другое тебя погубит! Принеси мне корзину-самоб ранку Гвидена Длинноногого, что правит Подводным королевством. Пусть соберутся у нас все люди земли и еще трижды девять, всем хватит еды из этой корзины.

– И корзина у тебя будет, для меня это проще простого! – сказал Килух.

– Ладно, значит, можно считать, корзина у нас будет, зато другое тебя погубит! Когда я впервые встретил мать Олвен, я посадил девять зернышек льна вон на той равнине, но что с ними случилось, никто не знает. Найди зерна, посади их снова в землю, чтобы они проросли и дали побеги, собери лен и сотки из него белую фату своей невесте на свадьбу.

– Фата у нее будет, это проще простого! – сказал Килух.

– Ладно, значит, можно считать, фата у нее будет, зато другое тебя погубит! К вашей свадьбе мне должны расчесать бороду, сам видишь – вся она спуталась и стоит колом.

Да только расчесать ее можно не простым гребнем. А спрятан тот гребень меж ушей дикого кабана Турх Труйта.

Да только Турх Труйта не найти тебе, пока не поймаешь двух псов – Анеда и Этлема, что мчатся быстрее ветра и добычи своей еще ни разу не упустили.

Да только не поймать Анеда и Этлема никому, кроме охотника Килдира Дикого, что в девять раз сильнее самого дикого зверя в горах.

Да только не найти тебе охотника Килдира Дикого, пока не найдешь Гвина, сына Низы, которому Бог поручил стеречь демонов Того Света, чтобы спасти Этот Свет от гибели.

Да только если и найдешь ты Турх Труйта, не одолеешь его простым мечом, а только мечом Великана Урнаха.

Да только никому не отнять меч у Великана Урнаха, кроме самого великого короля Артура.

Да только не станет помогать тебе славный король Артур, владыка и правитель нашего острова. Хватает у него дел и без этого.

Теперь скажи, мой будущий зять, не отпала у тебя охота выполнять мои задания?

– На коней! – вместо ответа крикнул своим рыцарям Килух. – Поскачем прямо к моему брату Артуру. Он поможет достать все, что ты хочешь, и я возьму твою дочь Олвен в жены и твою жизнь в придачу!

При этих словах Великан-из-Великанов оттолкнул вилы, чтобы тяжелые веки закрыли ему глаза в знак того, что разговор их окончен, и Килух со своими верными рыцарями покинул его замок.

Свадьба Олвен

Нелегко было выполнить все задания Великана-из-Великанов и достать все дары, какие он назвал Килуху. Да только еще труднее рассказать про то, как славному королю Артуру и его рыцарям удалось это сделать.

– Задания все выполнены? – спросил Артур, когда гребень Турх Труйта был, наконец, в его руках.

– Все!

– Дары все собраны?

– Все!

– Тогда в путь, мой милый брат Килух! – воскликнул славный король. – И ты получишь свою невесту, как обещал я тебе в тот день, когда срезал твои золотые кудри.

И, прихватив с собою драгоценные дары, Килух отправился в путь вместе с Гору, сыном Сгилди, и всеми верными рыцарями, которые желали только зла и мести жестокому Великану-из-Великанов.

– Мы пришли, чтобы расчесать тебе бороду. Ты готов к этому, Великан-из-Великанов?

– Где эти негодяи, мои слуги? – заревел Великан-из-Великанов. – Подоприте вилами мои веки, чтобы я увидел все дары и сокровища, какие я потребовал с моего зятя, будь он трижды проклят!

Все ему показали и расчесали гребнем Турх Труйта бороду, и Килух спросил:

– Ты доволен?

– Доволен!

– Теперь Олвен моя?

– Твоя! Да только была бы на то моя воля, ты бы ее не получил. Благодарю за все своего двоюродного брата короля Артура! И забирай мою дочку Олвен и мою жизнь в придачу!

Тут Гору, сын Сгилди, схватил Великана-из-Великанов за волосы и оттащил на зеленый курган и там отрубил ему голову, отомстив этим за своих загубленных братьев.

В тот же день Килух женился на Олвен, дочери Великана-из-Великанов.

Так сбылось предсказанье злой мачехи принца Килуха.

Тристан и Изольда

Однажды король Артур отдыхал от славных подвигов и ратных дел, когда до него дошла весть, что Тристан, сын Тралуха, и Изольда – Лебединая Шея, жена Марка, сына Майрхьона, убежали на Север, в дубовые рощи Келидонские, как какие-нибудь безродные изгнанники.

Вместо крыши над головой у них густые ветви деревьев, вместо мягкой постели – зеленые листья. На завтрак, на обед и на ужин у них дичь лесная, а винный погреб – прозрачный ручей. Но нет для них ничего дороже их нежной любви, и год им кажется неделей, а неделя – вечным летом.

Следом за вестниками Марк и сам поспешил к королю Артуру с жалобой на Тристана.

– Мой господин, – сказал Марк королю, – мне неизвестно, на чьей ты стороне, но вспомни, что я тебе ближе по родству, чем Тристан, ибо я сын твоей сестры, а следовательно, твой родной племянник. И, стало быть, мне, а не ему пристало ждать от тебя помощи. Я оскорблен и требую отмщения! Выполни свой долг, мой повелитель!

– Это нетрудно сделать! – сказал король Артур. – Однако следует помнить, что Тристан – один из трех самых славных героев нашего острова.

– Мой господин, – возразил Марк, – этот позор пятнает не только мою честь, но и твою. Тристан – твой рыцарь, так неужто ты хочешь, чтобы все говори ли, будто он выказывает тебе пренебрежение?

– Ну, это мы еще посмотрим! – сказал Артур.

В тот же день он созвал своих рыцарей, и они поскакали вместе с Марком на Север. Темной ночью они окружили со всех четырех сторон дубовые Келидонские рощи.

Тристан сладко спал, обнимая свою Изольду, и ни чего не слышал. А Изольда, как все женщины, была беспокойней и услышала лязг оружия и шепот бойцов, прятавшихся за каждым кустом, за каждым деревом. Она так задрожала в объятиях Тристана, что он проснулся.

Проснулся и спросил:

– Моя милая госпожа, отчего ты дрожишь, ведь я рядом с тобой?

– Не за себя я боюсь, – отвечала Изольда, – но за тебя. Я слышу голоса со всех сторон. Наверное, эти люди пришли, чтобы тебя погубить.

– Разве ты не знаешь, моя госпожа, – громко сказал Тристан, – что судьбой предначертана смерть всякому, кто прольет хоть каплю моей крови? А кроме того, среди этих людей много моих верных друзей – и честный Кай, и свирепый Бедуйр, и обходительный Гвалхмай, и мои названные братья, которые, как и я, служат нашему королю Артуру.

И Тристан с нежной заботой спрятал Изольду в дупле старого дуба, а вечнозеленые листья плюща, падуба и растущего рядом тиса надежно укрыли ее от чужих глаз. Потом он взял в руки свои молнии подобный меч, надел на спину щит, подобный тяжелой грозовой туче, и кинулся туда, откуда громче раздавались голоса и лязг оружия.

Ветви раздвинулись, и перед Тристаном предстал сам Марк, окруженный своими рыцарями.

– Достойный муж, – сказал ему Тристан, – мы, кажется, с тобою в ссоре. Бери свой меч, и мы сейчас решим, кто прав, кто виноват.

Не тут-то было. Марк кликнул своих людей и велел им схватить Тристана, связать и доставить ко двору короля Артура. Но рыцари возмутились.

– Позор на наши бороды, – сказали они, – если мы станем биться за господина, который сам отказался от битвы!

И они отпустили Тристана с миром. И опять пришел Марк к королю Артуру с жалобой на Тристана.

– Что ж, – сказал Артур, – я так и думал, что это случится. Остается одно: наслать на Тристана наших лучших арфистов, чтобы смягчить его сердце. А следом отправить к нему поэтов и менестрелей, чтобы от их похвал и славословий Тристан сменил гнев на милость. Вот тогда мы с ним и поговорим.

Так и сделали.

Когда чудесные звуки арфы наполнили Келидонские рощи, и смолкли птицы, и замерли деревья, заслушавшись, сердце Тристана смягчилось.

Он кликнул музыкантов и щедро наградил их золотом и серебром.

Следом за арфами Тристан услышал прекраснейших поэтов и менестрелей. Их песни и слова пленили Тристана и Изольду.

Тристан снял с шеи золотую цепь, украшенную рубинами и жемчугами, и подарил ее главному певцу-поэту, а остальных щедро наградил золотом и серебром.

Так был укрощен его гнев, так пробудились в нем восторг и восхищение. И тогда пред ним предстал Гвалхмай с посланием от короля Артура.

Речи Гвалхмайя были столь обходительны, что Тристан им внял и поехал следом за Гвалхмайем ко двору короля.

Тристан и Марк поклялись хранить мир, пока справедливый королевский суд не рассудит их, – так повелел король Артур.

Но сначала Артур с каждым из них завел беседу, чтобы спросить, не откажется ли тот или другой от леди Изольды по своей воле. Нет, ни тот, ни другой отказываться не хотели.

И тогда король Артур сказал им свое последнее слово:

– Пока зеленеют на деревьях листья, Изольда будет принадлежать одному из вас, а когда опадут листья – другому. Первым выбирать будет Марк, сын Майрхьона!

– Благодарю тебя, господин мой, – обрадовался Марк. – Выбрать нетрудно!

И он сказал, что пусть Изольда будет ему женой, когда нет листьев на деревьях: ведь зимой время тянется дольше, дни короче, зато ночи длинней.

Король Артур поехал со своими рыцарями в Келидонские рощи и сообщил Изольде свое решение и выбор Марка.

– Мой господин и повелитель! – воскликнула Изольда. – Благослови господь твой справедливый суд!

– Как так? – удивился король. В ответ Изольда пропела:

Три дерева в нашем растут лесу:
Плющ, падуб и красный тис.
Листвы не теряют они зимой —
Теперь Тристан навсегда будет мой!

Вот как Марк потерял, а Тристан нашел свою Изольду.

МИФЫ АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ

Вечная борьба добра и зла

Глускэп и его брат Малсум, «волк», были близнецами. Глускэп представлял собой все то, что представлялось «хорошим», а Малсум – «плохим». Их мать умерла при их рождении, и из ее тела Глускэп сотворил солнце и луну, животных, рыб и человеческую расу, а злобный Малсум в это время занимался созданием гор и долин, змей и всего того, что, по его мнению, могло доставить людям неприятности.

Каждый из братьев владел секретом, знал, что может его убить, – довольно распространенное явление в сказках и мифах.

Малсум спросил Глускэпа, каким образом он может быть убит, и старший брат, чтобы испытать его искренность, ответил, что у него может забрать жизнь только прикосновение пера совы, или, как сказано в других вариантах мифа, цветущего камыша. Малсум, в свою очередь, при этом знал, что его лишить жизни может только корень папоротника. Злобный волк убил сову и, когда Глускэп спал, ударил его пером, вырванным из ее крыла. Глускэп тут же испустил дух, но, к досаде Малсума, снова вернулся к жизни. Глускэп – солнечный бог, и это подтверждается тем обстоятельством, что после смерти он тут же воскрес.

Но Малсум решил узнать подлинный секрет брата и при первой возможности его уничтожить. После первой попытки Глускэп сказал ему, что убить его может только корень сосны. Им Малсум и ударил его, не проявив особой изобретательности, как и раньше во время сна. Но Глускэп встал и только рассмеялся. Он отвел Малсума в лес, усадил рядом с собой у ручья и, задумавшись, прошептал, словно разговаривая сам с собой: «Убить меня может только цветущий камыш». Теперь он это сказал, потому что знал: в камышах прячется Квах-бит, Великий Бобр, который услышит каждое слово. Бобр тут же отправился к Малсуму и сказал, что знает главный секрет его брата. Злой Малсум был так рад, что пообещал Бобру дать все, чего он только пожелает. Но когда зверь потребовал крылья, как у голубя, Малсум насмешливо расхохотался и крикнул: «У тебя есть хвост, как у змея, зачем тебе еще крылья?» Бобр сильно разгневался, пошел к Глускэпу и признался в содеянном. Теперь рассвирепел Глускэп. Он выкопал

корень папоротника, разыскал в густом лесу своего брата-предателя, ударил его корнем рокового растения, и тот упал замертво.

Мир Глускэпа

Создавая мир, Глускэп создал человека и небольшие сверхъестественные существа – фей и гномов. Он создал человека из ствола ясеня, а эльфов – из его коры. Он поручил двум птицам приносить ему новости о мире, но они так долго отсутствовали, что он выбрал себе на службу еще двух волков – белого и черного. Глускэп вел суровую непрекращающуюся войну со злыми монстрами, проникшими в мир, а также с опасными для людей колдунами и ведьмами. В своей борьбе он выравнивал холмы и обуздывал силы природы. В сражениях он вырастал до гигантского роста, его голова и плечи возвышались над облаками. А вот в общении с людьми он был добрым, искренним и не чурался чувства юмора.

Однажды Глускэп отыскал гигантского колдуна по имени Вин-пе, одного из самых страшных представителей сил зла, тогда живших на земле. Вин-пе начал расти, пока его голова не поднялась над самой высокой сосной в лесу. На это Глускэп рассмеялся по-божески и рос до тех пор, пока его голова не коснулась звезд, после чего он легонько стукнул колдуна толстым концом своего лука, и тот бездыханным свалился к его ногам.

Но, хотя Глускэп извел многих монстров и установил контроль над продвижением сил зла, он не заметил, чтобы люди стали лучше или мудрее. В действительности чем больше он для них делал, тем хуже они становились и в конце концов опустились настолько, что бог решил бросить этот мир. Однако, продолжая думать о существах, которых сам же и создал, Глускэп объявил, что в течение следующих семи лет будет давать всем и каждому все, что попросят. Очень многие люди захотели поживиться на этом, но бога было очень трудно отыскать. Те, кому это удалось, выдвинули такие неуместные и неразумные требования, что были жестоко на казаны. Те же, чьи желанья оказались вполне разумны ми, были вознаграждены.

Дары Глускэпа

Четыре индейца, которым удалось добраться до жилища Глускэпа, нашли, что это место изобилует восхитительными наслаждениями и является воистину волшебным. На вопрос бога, что привело их к нему, один индеец ответил, что в его сердце нет мира, что зло сделало его своим рабом, а ему хочется быть кротким и смиренным. Второй индеец, человек очень бедный, хотел разбогатеть, третий, принадлежавший к низкому сословию и испытывающий всеобщее презрение, хотел стать уважаемым и почитаемым членом своего племени. Четвертый индеец был необычайно тщеславным, очень заботился о своей внешности, которая, в свою очередь, свидетельствовала лишь о непомерном чванстве. Он был высок ростом, но подкладывал в мокасины мех, чтобы казаться еще выше. Он пожелал быть больше, чем все мужчины его племени, и жить много веков.

Глускэп извлек из чемоданчика четыре маленькие коробочки и дал каждому по одной, предупредив, что они не должны их открывать, пока не доберутся до дома. Когда первые трое прибыли в свои жилища и открыли коробочки, они нашли внутри густую благоухающую мазь, которой и натерлись. Злой человек стал добрым и терпеливым, бедный быстро разбогател, и страдавший от презрения окружающих стал уважаемым членом общества. А тщеславный человек по пути к дому остановился на лесной поляне, достал коробочку и покрыл себя содержащейся в ней мазью. Его желание тоже исполнилось, правда, не совсем так, как он рассчитывал. Он превратился в сосну, самую роскошную и высокую из всех деревьев в лесу.

Глускэп и малыш

Глускэп, покорив кьюоку, племя волшебников и великанов, хитрых колдунов медеколинов, злого духа ночи Памола, а также орды злодеев, гоблинов, каннибалов и ведьм, почувствовал себя по-настоящему великим и похвастался перед женщиной, что ему больше некого покорять.

Женщина рассмеялась и спросила:

– Ты уверен, господин? Кое-кто еще остался непокоренным, и победить его не может никто.

Удивившись, Глускэп спросил, как зовут это существо.

– Зовут его Вазис, – ответила женщина, – и я тебе настоятельно советую с ним не связываться.

Вазис был маленьким ребенком. Он сидел на полу, сосал кусок кленового сахара и что-то тихонько напевал. Глускэп не был женат и не знал, как управляться с детьми. Тем не менее он уверенно улыбнулся и позвал малыша к себе. Ребенок улыбнулся в ответ, но не сдвинулся с места. Тогда Глускэп издал несколько звуков, подражая пению птицы. Вазис никак не среагировал и продолжал сосредоточенно сосать кусок сахара. Непривычный к такому обращению Глускэп пришел в ярость. Он громко и с явной угрозой в голосе велел Вазису не медленно ползти к нему. Вазис немедленно взвыл, заглушив все угрозы божества, но не шевельнулся. Тогда Глускэп призвал на помощь все свои волшебные силы. Он начал произносить самые ужасные заклинания, самые страшные заговоры. Он пел песни, поднимавшие мертвых и загонявшие дьявола на дно самой глубокой пропасти. А Вазис, очевидно, решил, что все это не более чем игра, причем изрядно затянувшаяся. Он еще раз улыбнулся и явно заскучал. В конце концов отчаявшийся Глускэп выскочил из хижины, а Вазис, продолжая сидеть на полу, издал победоносный крик «Гу, гу!» и радостно залепетал.

С тех пор индейцы говорят, что, когда ребенок гукает, он вспоминает, как победил великого и могучего Глускэпа.

Прощание Глускэпа

Наконец настал день, когда Глускэпу предстояло покинуть землю. Чтобы отметить это событие, он устроил на берегу озера Минас грандиозный праздник, на который собрались все звери. Когда же торжество подошло к концу, Глускэп забрался в свое огромное каноэ и медленно уплыл прочь. Он уже скрылся из вида, а оставшиеся на берегу продолжали слышать изумительное пение, которое становилось все тише и тише и в конце концов стихло. А потом произошла странная вещь. Звери, которые до сей поры говорили на одном языке, вдруг пере стали понимать друг друга и в панике разбежались, чтобы больше никогда не сойтись вместе для дружеского общения, пока не вернется Глускэп, чтобы возродить безмятежные дни золотого века.

Этот поступок Глускэпа очень похож на поведение мексиканского божества Кецалькоатля, удалившегося от берегов Мексики на восток к сказочной стране Тлапаллан, откуда он первоначально пришел. Глускэп, как и упомянутое мексиканское божество, был богом солнца, или, выражаясь более правильно, сыном солнца. Он явился на землю с миссией просвещения и цивилизации, чтобы сделать мир обитаемым для человечества и посеять семена искусств и ремесел. Кецалькоатль направился на восток, поскольку именно там был дом его отца – солнца, а не на запад, где солнце лишь отдыхает ночью. Но Глускэп уплыл на запад, как поступают многие дети солнца.

СНЕЖНЫЙ ДОМ

Холодные ветра уже давно предупредили гусей о грядущем наступлении холодов, и постоянные птичьи крики над головой свидетельствовали о том, что миграция в самом разгаре.

Охотники на бизонов находились на промысле. Их задачей было обеспечить своих соплеменников теплой одеждой и мясом, что поможет им выжить во время долгих зимних месяцев. Священной Выдре повезло. Он убил много бизонов и был занят снятием шкур. Охотники споро работали ножами и не обратили внимания на низкие темные облака, несущие с собой бурю и темным занавесом закрывавшие северный горизонт. Неожиданно облака, словно стая черных орлов, сорвались с места, и на охотников с ревом обрушился жестокий буран.

Священная Выдра и его сын спрятались под раз деланной тушей бизона. Но воздух был очень холодным, как вода, по которой плыли льдины, и охотник знал, что они очень быстро погибнут, если только не найдут надежного укрытия от пронизывающего ветра. Поэтому он сделал маленькую палатку из шкуры бизона, и оба заползли внутрь. Вокруг самодельного убежища начал собираться снег, и вскоре обитатели крошечного домика провалились в приятную дремоту, навеянную благословенным теплом. Священной Выдре приснился сон. Он видел вдали большой вигвам, увенчанный короной золотистого солнечного света и украшенный группой северных звезд. В задней части был изображен солнечный диск, а к нему прикреплен хвост Священного Бизона. Края вигвама были окрашены так, чтобы представлять снег, а по бокам были нарисованы четыре ноги желтого цвета с зелеными когтями, типичными для Птицы-Грома. Над дверью хмурился красный бизон, а пучки вороньих перьев с привязанными к ним маленькими колокольчиками раскачивались и звенели на ветру.

Священная Выдра, удивленный непривычными рисунками, замер у вигвама, в немом восхищении взирая на украшения, и вдруг услышал голос: «Кто там ходит вокруг моего вигвама? Войди! Войди!»

Властелин холодной погоды

Священная Выдра вошел в вигвам и увидел высокого беловолосого человека в белых одеждах, сидящего у стены жилища, коего был единственным обитателем. Священная Выдра сел, но хозяин не смотрел в его сторону и только молча курил. Перед ним располагался земляной алтарь, на котором лежал можжевельник, как в ритуалах поклонения солнцу. Его лицо было покрыто желтой краской, в районе рта была проведена красная полоса, и еще одна через глаза к ушам. На груди незнакомец носил шкурку норки, а вокруг пояса – небольшие полоски шкуры выдры, к каждой из которых был приделан колокольчик.

Он долго хранил молчание, но в конце концов положил свою черную каменную трубку и обратился к Священной Выдре со следующими словами: «Я – Эс-тонеа-песта – Властелин холодной погоды, и мое жилище – снежный вигвам, или дом желтого цвета. Я управляю метелями и ледяными ветрами и насылаю их с севера. Ты находишься здесь, потому что я пожалел тебя и твоего сына, застигнутого вместе с тобой бураном. Возьми этот снежный вигвам со всеми символами и амулетами. Возьми также норковую шкурку, кисет, эту черную каменную трубку и мою сверхъестественную силу. Вернувшись в лагерь, ты должен построить такой же вигвам».

Затем Властелин холодной погоды кратко объяснил Священной Выдре значение символов, которые он должен использовать для украшения жилища, научил его песням и связанным с ними обрядам. В это самое время Священная Выдра проснулся. Он увидел, что буран начал утихать. Как только погода позволила, он и его сын выползли из своего убежища и отправились домой. Они пробирались по пояс в снегу. Долгие холодные ночи Священная Выдра проводил, делая модель снежного вигвама и разукрашивая его так, как ему объяснил в его сне Властелин холодной погоды. Он также собирал амулеты, необходимые для обрядов, и весной, когда строят новые дома, он воздвиг и разукрасил снежный вигвам.

Могущество Священной Выдры многократно возросло – ведь теперь он обладал снежным вигвамом, который Властелин холодной

погоды пожаловал ему во сне. И вскоре он получил возможность доказать свою силу. Во время охоты на бизона он и несколько его соплеменников были застигнуты непогодой вдали от лагеря. Люди обратились к Священной Выдре с просьбой воспользоваться амулетом Властелина холодной погоды. Распорядившись, чтобы женщин и детей, которые оказались в группе, посадили на сани, а мужчины пошли вперед прокладывать в глубоком снегу дорогу для лошадей, Священная Выдра взял кисет из шкурки норки, черную каменную трубку, полученную от Властелина холодной погоды, и начал курить. Он выдыхал дым в направлении, откуда дул ветер, и молил Властелина сжалиться над людьми. Вскоре черные тучи разошлись, небо очистилось и снова стало голубым. Люди заторопились, поскольку знали, что буран еще не кончился, они получили лишь временную передышку. Но лагерь был уже недалеко, и они, добравшись до него, оказались в безопасности.

Священная Выдра больше никогда не использовал свою волшебную силу. Он опасался, что тем самым оскорбит Властелина холодной погоды. А кто может себе позволить такое?

Звездная девушка

Как-то раз, бродя по прерии, охотник Алгон заметил тропинку, образующую круг. Создавалось впечатление, что ее протоптало множество ног, хотя за пределами круга не было видно никаких следов. Молодой охотник, никогда еще не встречавший «волшебных колец», очень удивился и решил спрятаться в траве, что бы посмотреть, что будет. Долго ему ждать не пришлось. Очень скоро он услышал звуки музыки, такие нежные и мелодичные, каких ему раньше не приходилось слышать. Некоторое время охотник напряженно вслушивался, а потом, поскольку звуки доносились откуда-то сверху, обратил взор к небу. Далеко-далеко в голубом безмолвии он заметил маленькую белую точку, похожую на крошечное облачко. Точка приближалась, и потрясенный охотник увидел, что это вовсе не облако, а волшебная ивовая корзина, в которой сидели двенадцать красивых девушек. Музыка, которую слышал охотник, оказалась звуками их чудесных голосов. Девушки пели странные волшебные песни. Опустившись в магическое кольцо, они вышли и стали танцевать вокруг с такой непринужденностью и неповторимой грацией, что наблюдать за ними было истинным наслаждением. Когда первое удивление прошло, Алгон обратил свое внимание на самую молодую из девушек – очаровательное оживленное создание, столь хрупкое и нежное, что охотнику, обладавшему внушительным телосложением, казалось: подуй, и она улетит.

Алгона охватила любовная страсть к божественной фее, он решил выскочить из своего укрытия, схватить ее и унести. Но прелестные создания оказались для него слишком быстрыми. Избранная им фея легко уклонилась от его объятий и побежала к корзине. Остальные последовали за ней. Спустя мгновение корзина уже взмыла в воздух, и Алгон только слышал нежную неземную песню. Безутешный охотник вернулся в свое жилище, но, как ни старался, не смог выбросить из головы мысль о звездной девушке и на следующий день задолго до часа прибытия фей уже занял место в высокой траве. Он ждал, когда чудесные звуки возвестят об их прилете. На конец показалась корзина. Двенадцать воздушных созданий принялись

танцевать, как и раньше. И снова Алгон попытался схватить пленившую его девушку, но безуспешно.

«Давай останемся, – сказала одна из звездных девушек, – возможно, смертный желает научить нас земным танцам». Но младшая сестра не пожелала слушать, и девушки снова скрылись из вида в своей корзине из ивовых прутьев.

Алгон вернулся домой, чувствуя себя еще более несчастным, чем раньше. Всю ночь он лежал без сна, грезя о прелестном неуловимом создании, опутавшем его сердце и ум цепями из осенней паутины, а рано утром снова пошел к волшебному месту. Обдумывая способы и средства достижения своей цели, он набрел на трухлявый ствол дуплистого дерева, в котором резвились мыши. Воспользовавшись волшебством, он превратился в одно из этих маленьких животных, справедливо полагая, что остальные мыши не заметят маскировки.

В тот день ивовая корзина, как обычно, опустилась па землю, а ее обитательницы весело танцевали в волшебном кругу до тех пор, пока самая младшая фея не заметила дерево (которого накануне на этом месте не было) и не обратилась в бегство. Но сестры только по смеялись над ее страхами и, чтобы успокоить девушку, перевернули трухлявый ствол. Мыши разбежались в разных направлениях, звездные девушки устремились за ними и убили всех, кроме Алгона. Последний, как раз в тот момент, когда младшая фея подняла руку, чтобы убить мышь, превратился в человека. Он схватил фею в объятия и унес в свою деревню, а ее перепуганные сестры улетели в звездную страну.

Дома Алгон женился на девушке и даже сумел своей мягкостью и добротой завоевать ее привязанность. Но только ее мысли все равно оставались с ее народом, и, хотя звездная девушка позволяла себе горевать только глубоко в душе, чтобы не беспокоить мужа, она никогда не переставала думать о потерянном доме.

Однажды, гуляя с маленьким сыном, девушка сплела корзину из ивовых прутьев, совсем как ту, в которой она прибыла на землю. Она положила в нее цветы и подарки для звездного народа, забралась туда сама вместе с сыном, запела волшебные песни, которые остались в ее памяти, и полетела в свою страну, где ее радостно встретил ее отец – король.

Горю Алгона, обнаружившего, что его покинули жена и сын, не было предела. Но последовать за ними он не мог. Каждый день он ходил к магическому кругу в прерии, где давал выход своей тоске. Годы шли, но его близкие не возвращались.

А тем временем женщина и ее сын уже почти забыли Алгона и земную страну. И только когда сын вырос и услышал свою историю, он пожелал навестить отца. Его мать согласилась и решила отправиться с ним. Когда они готовились к полету, звездные люди сказали: «Когда вернетесь, привезите Алгона с собой и попросите его захватить что-то от каждого животного и птицы, которых он убил на охоте».

Алгон, последнее время проводивший все время у волшебного круга, был вне себя от радости, увидев вернувшихся жену и сына, и охотно согласился улететь вместе с ними в звездную страну. Алгон стал напряженно готовиться и добыл образцы всех редких и интересных птиц и животных на земле. В конце концов, собрав свои реликвии – коготь одного, перо другого и так далее, он наполнил ими корзину, забрался в нее вместе с женой и сыном и отбыл в звездную страну.

Звездные люди были очень довольны, получив диковинные подарки, и с разрешения короля разобрали их, каждый по одному. Те, кто взяли хвост или коготь какого-то животного, тотчас стали четвероногими, фрагмент которых получили. Те, кто взял крылья птиц, сами стали птицами. Алгон, его жена и сын взяли перья белого сокола и улетели вниз, в прерии, где и до сих пор можно видеть их потомков.

Носитель облаков и звездные люди

На берегу озера жил красивый юноша со своими родителями. Старики гордились своим сыном и хотели, чтобы он стал великим воином. Став достаточно взрослым, чтобы собрать свою собственную «сумку с амулетами», он отправился в лес. В пути он устал и прилег отдохнуть. Во сне он услышал тихий голос:

– Носитель облаков, я пришла проводить тебя, следуй за мной.

Юноша проснулся и вскочил. «Я спал, – подумал он, – мне все это просто показалось». Но тут он заметил обладательницу голоса, которая оказалась девушкой такой удивительной красоты, что юноша едва не ослеп.

– Иди за мной, – сказала она снова и плавно поднялась над землей, словно пучок семян чертополоха. К немалому удивлению юноши, он тоже легко и просто поднялся над землей. Они летели все выше и выше, над вершинами самых высоких деревьев и дальше в небо, пока не проследовали через отверстие в небосводе. Носитель облаков увидел, что он оказался в стране звездных людей, а его прекрасная спутница – не смертная девушка, а сверхъестественное существо. Юноша был так очарован ее красотой и мягкостью, что пошел за ней, не задавая вопросов, и вскоре они приблизились к большому жилищу. Войдя в него по приглашению звездной девушки, юноша обнаружил, что там очень много всевозможного оружия и украшений из серебра, причем странной, гротескной формы. Он долго бродил по жилищу, разглядывая диковинные вещи. При виде редкого оружия в нем заговорила кровь воина. Неожиданно девушка воскликнула:

– Тихо! Мой брат идет! Я должна тебя спрятать! Поторопись!

Юноша присел на корточки в углу, а девушка прикрыла его богато разукрашенным шарфом. Она едва успела это сделать, как в жилище вошел важный и горделивый воин.

– Немисса, моя дорогая сестра! – вскричал он и после короткой паузы добавил: – Разве тебе не было запрещено разговаривать с земными людьми? Вероятно, ты воображаешь, что надежно спрятала этого молодого человека, но, поверь мне, это не так. – Затем,

повернувшись от покрасневшей Немиссы к Носителю облаков, он весьма добро душно сказал: – Если ты просидишь там долго, то сильно проголодаешься. Выходи, давай поговорим.

Юноша сделал так, как ему было приказано, и брат Немиссы дал ему трубку, лук и стрелы. Он также отдал ему в жены Немиссу, и молодые довольно долгое время жили вместе очень счастливо.

Звездная страна

Юноша заметил, что его шурина имеет обыкновение каждый день куда-то уходить в одиночестве. Не в силах побороть свое любопытство, он однажды утром спросил шурина, может ли сопровождать его.

Шурин с готовностью согласился и взял юношу с со бой. Путешествие по звездной стране оказалось чрезвычайно приятным. Листва здесь была пышнее и богаче, чем на земле, а цветы имели более изысканные оттенки. Воздух был мягче и прозрачнее, а птицы и звери – более грациозными и совершенно безобидными. Когда время подошло к полудню, Носитель облаков почувствовал сильный голод.

– Когда мы сможем что-нибудь поесть? – спросил он шурина.

– Очень скоро, – последовал уверенный ответ. – Мы как раз собираемся перекусить.

В это время они подошли к большому отверстию, сквозь которое были видны вигвамы, озера и леса на земле. В одном месте группа охотников готовилась к преследованию зверя. На берегах реки женщины собирали камыш, а в деревне играли дети.

– Ты видишь мальчика в центре группы? – спросил брат Немиссы и в этот самый момент что-то бросил в ребенка.

Бедняга в ту же секунду упал, скорее мертвый, чем живой, и его унесли в ближайшую хижину.

Жертвоприношение

Носитель облаков был ошеломлен действиями своего сверхъестественного родственника. Он видел, как вокруг ребенка собрались шаманы и затянули молитвы о его выздоровлении.

– По воле Маниту, – сказал один из них, – мы должны принести в жертву белую собаку.

Итак, они отыскивали белую собаку, содрали с нее шкуру, изжарили и положили на тарелку. Она взлетела в воздух и доставила пищу голодному Носителю облаков и его спутнику. Мальчик выздоровел и снова стал играть.

– Ваши шаманы, – сказал брат Немиссы, – завоевали репутацию мудрецов исключительно за мой счет. Вы считаете их очень умными, а все, что они делают, – это советуют принести мне жертву. Это я, а вовсе не они исцеляю больных.

Носитель облаков счел все это очень интересным, но со временем небесная жизнь начала ему надоедать. Ему захотелось снова очутиться среди родственников, погулять по знакомым с детства местам на земле. Короче говоря, его охватила тоска по дому, и он попросил разрешения жены вернуться на землю. Она согласилась очень неохотно.

– Помни, – сказала она, – что я обладаю силой, способной вернуть тебя, если захочу, поскольку ты останешься моим мужем. И не смей жениться на земной женщине, иначе ты познаешь весь ужас моего гнева.

Юноша с готовностью пообещал выполнять повеления жены. Потом он заснул, а проснулся, уже лежа на траве у своего вигвама. Его родители с радостью приветствовали сына. Оказалось, что он отсутствовал больше года, и они уже не чаяли вновь увидеть его.

Воспоминания о его временном пребывании среди звездных людей вскоре начали тускнеть. Постепенно он поза был оставленной в звездной стране жене и женился на молодой красивой девушке, которая жила в его деревне. Через четыре дня после свадьбы девушка умерла, но толь ко это не стало уроком для Носителя облаков.

Он женился снова. И однажды он исчез, и больше никто и никогда ничего о нем не слышал. Звездная жена призвала его обратно на небо.

Муж – снежный человек

В северной деревушке жила молодая девушка. Она была изумительно красива, поэтому не испытывала недостатка в поклонниках. Слава о ее удивительной красоте распространилась очень далеко, и к вигваму ее отца сходились толпы воинов и охотников, чтобы увидеть это чудо. По общему согласию она получила имя Красавица. Один из юных храбрецов, наиболее упорно оказывающих ей знаки внимания, был на зван Изысканным за богатство одежды и благородство облика. Желая узнать свою судьбу, молодой человек по ведал о любви к Красавице другому поклоннику и предложил, чтобы они вдвоем подошли к ней и попросили ее руки. Но кокетка пренебрежительно прогнала юных храбрецов, причем, чтобы сделать оскорбление от своего отказа более сильным, во всеуслышание объявила об этом перед соплеменниками, собравшимися у жилища ее отца. Изысканный, оказавшийся очень чувствительным, был настолько унижен и подавлен, что даже за хворал. Он погрузился в глубокую меланхолию. Отказываясь от пищи, он часами сидел, глядя в землю и уныло размышляя. Он чувствовал себя опозоренным и, не обращая внимания на аргументы родственников и друзей, продолжал пребывать в упадке духа. В конце концов он слег и, даже когда его семья стала готовиться к обычной миграции, отказался встать с постели. Его жилище уже было разобрано и приготовлено к перевозке, а он продолжал лежать.

После отъезда семьи Изысканный воззвал к своему духу-хранителю, или тотему, об отмщении девушке, повергшей его в уныние. Переходя от вигвама к вигваму, он собрал все тряпки, какие смог найти. Затем он на лепил снег на каркас из костей животного и придал своему творению форму человеческой фигуры, которую обрядил в собранные им лохмотья и украсил блестящими бусами и яркими перьями, в результате чего снежный человек приобрел весьма впечатляющую внешность. С помощью магического искусства он оживил свое творение, вручил ему лук и стрелы и дал имя Мувис.

Они вместе отправились на новое место стоянки племени. По причине своей незабываемой внешности Мувис был с почестями

принят всеми членами племени. Даже сам вождь зазвал его в свой вигвам и развлекал его, как почетного гостя. Но самое большое впечатление благородная внешность незнакомца произвела на Красавицу. Ее мать попросила незнакомца принять гостеприимство ее дома, который он почтил своим присутствием, но, поскольку не мог подойти близко к очагу, в котором горел яркий огонь, посадил между собой и источником тепла мальчика, что бы не подвергаться риску растаять. Вскоре люди узнали, что Красавица собирается замуж за Мувиса. Свадебная церемония была весьма торжественной. На следующий день Мувис объявил о своем намерении совершить длительное путешествие. Красавица стала молить о позволении его сопровождать, но Мувис долго отказывался, говоря, что трудности и опасности, которые будут подстерегать его в будущем путешествии, слишком серьезны, чтобы она могла их перенести. Но в конце концов молодой жене удалось сломить его сопротивление, и Мувис согласился.

Путь новобрачных оказался очень суровым. На каждом шагу их подстерегали опасности и всевозможные препятствия. Несчастливая Красавица, ноги которой уже были сбиты в кровь, чувствовала, что еще немного, и она не сможет угнаться за своим чересчур активным супругом. Сначала было очень холодно, но со временем в небе показалось солнце и вскоре засияло во всю мощь. Девушка позабыла о своих страданиях и весело запела. Но с появлением светила с ее мужем стало происходить нечто странное. Пер вое время он старался держаться в тени, чтобы не попадать под золотистые лучи, несшие ему смерть, но безуспешно. Воздух быстро прогрелся, постепенно Мувис стал таять и развалился на куски, явив взору потрясенной супруги кости, из которых состоял его скелет, тряпки, куски подтаявшего снега, бусы и перья. Она долго пыталась найти настоящего мужа, подозревая, что стала жертвой чьей-то грубой шутки, но вскоре, измученная усталостью и горем, она легла на землю и испустила дух с именем любимого на устах. Так Изысканный был отмщен.

Испытания ради любви

В одной деревне жила-была удивительно грациозная и красивая женщина. Слава о ее красоте привлекала многочисленных поклонников, желавших продемонстрировать свою доблесть и завоевать любовь надменного создания. Женщина была не только красива, но и к тому же очень высокомерна, угодить ей было весьма трудно. Она придумала задания, которые должны были выполнить претенденты на ее сердце, однако это еще никому не удалось.

Юноша, живший в далекой деревне, услышал о красавице и решил во что бы то ни стало добиться ее руки. Трудность задачи его нисколько не пугала, и, полный надежд, он отправился в путь.

Он еще не успел уйти далеко, когда увидел очень высокий холм. Человек на его вершине почему-то все время то вставал, то снова садился. Когда потенциальный жених подошел ближе, он заметил, что странный чело век привязывает к лодыжкам большие камни. Юноша приблизился и спросил:

– Зачем ты привязываешь эти камни к своим ногам?

– О, – ответил мужчина, – я хочу поохотиться на бизонов, но если я это делаю, то обгоняю их и убегаю далеко вперед, поэтому я и привязываю камни к лодыжкам. Это позволит мне бегать не так быстро.

– Друг мой, – сказал юноша. – Ты побегаешь в другой раз. А сейчас пойдем со мной, видишь, у меня нет спутника.

Быстроногий согласился, и дальше они пошли вместе. Вскоре они подошли к двум большим озерам. На берегу одного из них сидел человек. Он часто опускал голову к воде и пил ее. Удивленные, что он никак не утолит жажду, спутники спросили:

– Почему ты здесь сидишь и пьешь из озера?

– Я никогда не могу напиться, – ответил незнакомец. – Когда я выпью всю воду из этого озера, начну пить из второго.

– Друг мой, – сказал юноша. – Ты можешь выпить все это и потом. А сейчас пойдем с нами.

Жаждающий согласился, и дальше они пошли вместе. Через некоторое время они заметили человека, который ходил взад-вперед,

уоставившись в небо. Спутники реши ли поллюбопытствовать, чем он занят.

– Почему ты здесь ходишь, упорно глядя в небо? – спросили они.

– Я выпустил стрелу, – последовал ответ, – и теперь жду, когда она появится.

– Пусть себе летает, – сказал претендент на руку красавицы. – А сейчас пойдём с нами.

– Я пойду, – согласился Искусный Лучник.

Четверо путников, пробираясь через лес, увидели странное зрелище. На земле лежал человек, прижавшись ухом к земле. Он ненадолго поднимал голову, но сразу прижимал ухо к земле снова и явно что-то слушал. Последовал вопрос:

– Друг, к чему ты так напряженно прислушиваешься?

– Я слушаю, – отвечивал незнакомец, – как растут деревья в лесу. Вокруг множество растений, и я прислушиваюсь, как они дышат.

– Ты сможешь послушать их в другой раз, когда представится случай, – ответили они. – А сейчас пойдём с нами.

Тот согласился, и пятеро путников вместе добрались до деревни, где жила красавица.

Прибывших незнакомцев окружили жители деревни и поллюбопытствовали, кем являются их гости и с какой целью они предприняли столь длительное путешествие. Услышав, что один из путников собирается жениться на деревенской красавице, они дружно покачали головой. Неужели юноша не ведаёт обо всех ожидавших его трудностях? Убедившись, что его не удастся отговорить от безрассудного намерения, они привели гостей к огромной скале, нависавшей над деревней, и описали первое испытание.

– Если хочешь завоевать сердце девушки, тебе придется прежде всего убрать этот большой камень. Он не даёт солнечному свету осветить деревню.

– Увы, – вздохнул юноша, – это невозможно.

– Всё нет, – возразил его быстроногий спутник. – Нет ничего проще.

С этими словами он навалился плечом на гору, и она с громким треском разлетелась на куски, причём образовавшиеся при этом камни оказались разбросанными по всему свету.

Второе задание носило совсем иной характер. Жители деревни принесли гостям большое количество еды и питья и предложили все это съесть и выпить. Поскольку путники были очень голодны, они справились с пищей, но огромные котлы воды казались непреодолимой преградой.

– Увы, – сказал юноша, пожелавший жениться на красавице, – никто не сможет это выпить.

– Вовсе нет, – возразил его жаждущий спутник. – Нет ничего проще.

И в мгновение ока все емкости с водой были пусты. Жители деревни были удивлены ловкостью гостей и сказали:

– Есть еще одно задание.

Они привели женщину, которая была настолько быстроногой, что ее никто ни разу не смог обогнать.

– Вы должны соревноваться в беге с этой женщиной. Если вам удастся победить, тогда вы получите нашу красавицу, за которой сюда явились, – объяснили жители деревни.

Понятно, что участником состязания стал Быстроногий. Когда забег начался, болельщики приветствовали бегунов восторженными криками. Мужчина и женщина бежали рядом, пока не скрылись из вида.

Когда они добрались до места, где следовало повернуть обратно, женщина предложила:

– Давай отдохнем немного.

Мужчина согласился. Однако не успел он сесть на землю, как крепко уснул. Женщина решила не упускать столь благоприятную возможность. Убедившись, что ее соперник спокойно спит, она устремилась к деревне, старясь бежать как можно быстрее.

А тем временем четверо товарищей с нетерпением ожидали возвращения соревнующихся. Каково же было их разочарование, когда в поле зрения появилась женщина, а Быстроногого не было видно.

Человек, который мог слышать, как растут деревья, приложил ухо к земле.

– Он спит, – сообщил он. – Я слышу, как он храпит.

Тут вперед выступил Искусный Лучник. Он взял стрелу и сказал:

– Сейчас я его разбужу.

Он выпустил стрелу, причем был так удивительно меток, что стрела задела нос спящего и вырвала его из объятий сна. Быстроногий вскочил и оглянулся в поисках женщины. Ее не было. Убедившись, что его провели, Быстроногий устремился в погоню. Он изо всех сил старался догнать обманщицу. Это ему удалось, когда женщина находилась всего лишь в нескольких ярдах от финиша. Разрыв был невелик, но Быстроногий все же выиграл соревнование.

Юноша женился на красавице, его самые заветные мечты сбылись.

Змея-людоед

Как-то раз индейский юноша почувствовал себя в раз ладе со всем миром. Желая избавиться от плохого настроения, он удалился от людей в лес. Он шел довольно долго, пока не вышел на открытое пространство, в центре которого возвышался большой холм. Решив забраться на вершину и осмотреться, он направился по склону вверх. По пути юноша заметил человека, который шел с другой стороны, но явно тоже хотел попасть на вершину. Там они и встретились. Несколько мгновений мужчины молча разглядывали друг друга. Первым нарушил молчание незнакомец, он пригласил юношу стать гостем в его вигваме и разделить с ним трапезу. Тот приглашение принял, и оба направились в указанном незнакомцем направлении.

Подойдя к вигваму, юноша с некоторым удивлением увидел груды костей у входа. Внутри сидела старая женщина и что-то готовила. Когда юноша узнал, что трапеза планируется каннибальской, он с негодованием отказался в ней участвовать. Тогда женщина специально для него сварила немного кукурузы. В процессе приготовления пищи она сообщила, что хозяин вигвама – не кто иной, как человек-змея, питающийся людьми. Юноша был молод и красив, поэтому старуха его пожалела, понимая, что, если он не сможет убежать, его ждет печальная участь.

– Послушай, – сказала она, – я научу тебя, что делать. Вот тебе мокасины. Утром надень их на ноги и, сделав шаг, окажешься на краю поля, виднеющегося вдали. Передай эту бумагу человеку, которого там встретишь, и он скажет, куда идти дальше. Но помни, как бы далеко ты ни ушел, вечером человек-змея тебя догонит. Когда мокасины будут тебе не нужны, поставь их на землю, повернув носы в этом направлении, и они вернутся.

– Это все? – спросил юноша.

– Нет, – ответила она. – Прежде чем уйти, ты должен жену меня убить и облачить мои кости в одежду.

Юноша принялся в точности исполнять данные ему указания. Прежде всего он убил старую женщину и поступил с ее останками так, как она велела. Утром он надел волшебные мокасины, сделал шаг и,

как и пред сказывала старуха, оказался на далеком поле. Там он встретил человека, который, получив от него бумагу, дал ему другую пару мокасин и отправил в другую удаленную точку, где он тоже должен был передать другой клочок бумаги ожидавшему его там человеку. Отправив первые мокасины домой, юноша воспользовался другой парой и сделал еще один гигантский шаг. Второй этап его путешествия от вигвама человека-змея оказался точной копи ей первого. Юношу снова отправили в весьма удаленное место, а оттуда в другое. Когда же он передал бумагу в четвертый раз, ее получатель повел себя иначе.

– Там есть низина, – сказал он, – а по ней течет река. Иди к ней, а потом дальше, но ни в коем случае не смотри в воду.

Юноша сделал так, как ему велели, и вскоре очутился на противоположном берегу реки.

Он пошел по берегу и к вечеру добрался до места, где река, расширяясь, образовала небольшое озеро. Продолжая идти по берегу, он неожиданно увидел человека-змея. Только тогда вспомнил он слова о том, что вечером Змей его непременно догонит. Тогда юноша превратился в маленькую рыбку с красными плавниками и лениво поплыл по озеру.

Змей, стоя высоко на берегу реки, заметил маленькую рыбку, плывущую по воде, и закричал:

– Маленькая рыбка! Ты видела человека, которого я ищу? Ты бы заметила даже пролетевшую над озером птицу, ведь вода так чиста и спокойна, значит, ты наверняка видела нужного мне человека.

– Нет, – ответила рыбка, – я никого не видела, но, если он здесь появится, я тебе скажу.

Змей пошел дальше по течению и прямо перед собой увидел небольшую серую жабу.

– Маленькая жаба, – сказал он, – ты видела чело века, которого я ищу? Даже если здесь промелькнула только его тень, ты должна была ее заметить.

– Да, – ответствовала жаба, – я его видела, но не могу сказать, куда именно он направился.

Змей вернулся обратно. На мелководье он заметил большую рыбу и спросил:

– Ты видела человека, которого я ищу?

– Ты же только что с ним разговаривал! – удивилась рыба, и Змей снова пошел прежней дорогой. Заметив мускусную крысу, он остановился.

– Ты видела человека, которого я ищу? – спросил он, после чего, заподозрив неладное, продолжил: – Думаю, ты – это он и есть.

Но мускусная крыса начала горько жаловаться.

– Только что, – ныла она, – человек, которого ты ищешь, прошел мимо моего жилища и сломал его.

Змей отправился дальше и повстречал красногрудую черепаху. Он повторил вопрос, и черепаха ответила, что объект его поисков ушел немного дальше.

– Но имей в виду, – добавила черепаха. – Если ты его не узнаешь, он тебя убьет.

Следуя дальше по течению, Змей увидел большую лягушку, плавающую на мелководье.

– Я с самого утра разыскиваю одного человека, – сообщил Змей, – полагаю, ты – это он и есть.

Но лягушка не подтвердила его подозрений, заверив, что искомый человек идет впереди.

Затем Змей увидел большую черепаху, лениво покачивающуюся между клочьями зеленой пены на озере. Забравшись ей на спину, Змей заявил:

– Тебя-то я и ищу с самого утра, – после чего он изготовился нанести удар.

– Это не я, – ответила черепаха. – Объект твоих поисков – тот, кого ты встретишь следующим. Но по мне, если ты его не узнаешь, он тебя убьет.

Пройдя еще немного, Змей попытался перейти реку, на середине которой находился водоворот. Змей был очень силен, но не узнал затаившегося врага. Вихрь воды затянул его и утопил. Так юноша сумел уничтожить Змея, который весь день разыскивал его, чтобы убить.

История Лосося

Жил-был вождь, который имел очень красивую дочь, но не желал с ней расставаться. Зная, что рано или поздно настанет время ее замужества, он устроил соревнование для потенциальных женихов, в котором претендент должен был сломать пару рогов лося, повешенных в середине вигвама.

– Любой, кто сломает эти рога, – объявил старый вождь, – получит руку моей дочери.

Первыми пришли четвероногие: Улитка, Белка, Выдра, Бобр, Волк, Медведь и Пантера. Но всей их силы и ловкости оказалось недостаточно, чтобы сломать рога. За ними последовали птицы, но их усилия тоже не дали результата. Остался единственный участник – немощное создание, покрытое болячками, которое Голубая Сойка позвала из чистого озорства. Отмахнувшись от насмешек шаловливой птицы, создание встало, встряхнулось, после чего стало здоровым, сильным и очень привлекательным на вид. Со бравшиеся увидели, что это Лосось. Он схватил рога и без труда разломил их на пять частей. Потом он потребовал свой приз и увел дочь вождя к берегу моря.

Они еще не успели уйти далеко, когда неудачливые участники соревнования решили:

– Давайте пойдем и вернем дочь вождя обратно.

Когда Лосось увидел, что происходит, он создал между собой и преследователями большой залив. Люди все-таки добрались до того места, где стоял Лосось, но он создал еще один залив. Преследователи увидели, что он опять находится на дальнем берегу. Погоня продолжалась, и в конце концов Лосось утомился. Волшебство – дело отнюдь не легкое.

Койот и Барсук, двигавшиеся в авангарде преследователей, решили выстрелить. Стрела вонзилась в шею Лосося и убила его на месте. Вскоре подтянулись остальные и решили отдать дочь вождя волкам. Девушка стала же ной одного из них.

Люди вернулись в деревню, и Ворона, тетка Лосося, узнала о его гибели. Она поспешила на место, где убили племянника, чтобы отыскать его останки, но нашла только одну икринку, которую и

спрятала на берегу реки. На следующее утро она обнаружила, что икринка увеличилась в размерах, на третий день это уже был небольшой малек, который продолжал расти и со временем стал молодым красивым лососем.

Старая тетушка отвела Лосося к горному водоему и сказала:

– Плавай здесь, и сможешь увидеть духов.

Однажды Лосось сказал:

– Я устал от духов, позволь мне уйти.

Тогда Ворона рассказала ему об отце и его смерти от рук Койота и Барсука.

– Они взяли лук твоего отца, – добавила она.

Лосось выпустил стрелу в сторону леса, и лес загорелся.

Он выпустил стрелу в сторону прерии, и прерия загорелась.

– И правда, – пробормотала мудрая Ворона, – ты действительно общался с духами.

Решив достать лук своего отца, юный Лосось отправился в вигвам, где жили Койот и Барсук. Он нашел дверь запертой, а обитателей делающими вид, что скорбят о смерти старого Лосося. Но молодой Лосось не был обманут столь явно показной скорбью. Он вошел в вигвам и потребовал лук своего отца. Четыре раза ему давали другие луки, которые ломались, лишь только Лосось натягивал тетиву. И только в пятый раз он получил лук своего отца. Тогда он вывел Койота и Барсука из вигвама и убил их.

Путешествуя по прерии, юный Лосось наткнулся на волчье логово. Войдя внутрь, он увидел жену своего отца, которая попросила его спрятаться, прежде чем вернуться страшные монстры. Но Лосось оказался лучшим стратегом, чем волки, он всех их застрелил и уплыл в маленькой лодочке вместе с женщиной. Там же он заснул, и спал так долго, что его спутница, испугавшись, разбудила его. Недовольный тем, что его потревожили, Лосось превратил женщину в голубя и выбросил из лодки, а сам в облике лосося поплыл к берегу.

У самой кромки воды стоял вигвам, в котором жили пять красивых девушек-сестер. Лосось сел на берегу, приняв облик старого больного человека. Когда к нему подошла старшая сестра, он попросил ее отнести его в вигвам, но старик выглядел таким отталкивающим, что девушка поспешно убежала. Вторая, третья и четвертая сестры поступили точно так же. И только самая младшая сестра взвалила

покрытого язвами старика на спину и принесла в вигвам, где он снопа превратился в молодого красивого юношу. Он женился на всех пятерых, но младшая сестра была старшей и самой любимой женой.

Жена-змея

Один вождь отправил своего сына путешествовать. Он сказал, что лень – недостойное времяпрепровождение для будущего вождя.

– Когда я был в твоём возрасте, – сказал он, – я не сидел без дела. У меня всегда было много работы. По этому я и стал великим вождем.

– Я отправлюсь на охоту, отец, – ответил юноша. Для этого предприятия он получил хорошую одежду и сильного коня.

Повстречав в лесу лося, молодой индеец выстрелил в огромное животное, но лишь легко ранил его. Зверь бросился бежать, юноша пришпорил коня и устремился в погоню. Охотник и его дичь покрыли большое расстояние, и в конце концов человек, измученный усталостью и нестерпимой жаждой, остановил коня и спешился. Он отправился на поиски воды и через некоторое время подошел к ручью, за что сразу спел благодарственную песню божеству Ваканде, явившему таким образом свою милость. Правда, его бурная радость оказалась несколько преждевременной, потому что, когда он приблизился к ручью с намерением утолить жажду, оттуда показалась змея.

Юноша очень испугался и благоразумно удалился на безопасное расстояние, так и не рискнув напиться. Создавалось впечатление, что ему суждено погибнуть от жажды. Спустя некоторое время он оглянулся – змеи не было видно. Юноша крадучись вернулся, но из воды снова показалась змея, и охотнику пришлось спасаться бегством.

Результат третьего возвращения к ручью оказался не более удачным, чем два предыдущих, когда же жажда вынудила юношу предпринять четвертую попытку, из воды показалась не змея, а красивая женщина. Она предложила ему попить из маленькой чашечки, которую наполняла снова, лишь только измученный жаждой юноша успевал ее опустошить. Молодой охотник был так потрясен красотой и грацией незнакомки, что тут же влюбился. Когда пришло время ему возвращаться домой, женщина дала ему кольцо и сказала:

– Когда ты сядешь за еду, положи это кольцо рядом и скажи: «Приходи, давай поедим!» – и я приду к тебе.

Попрощавшись с женщиной, охотник отправился домой и, оказавшись снова среди родни, немедленно потребовал еды.

– Поторопитесь, – сказал он. – Я очень голоден.

Перед ним было поставлено много разных яств. Оставшись один, юноша снял кольцо с пальца и положил рядом.

– Приходи, – проговорил он, – давай поедим.

Сразу же рядом появилась женщина-змея и присоединилась к нему за трапезой. Покончив с едой, она исчезла так же таинственно, как и появилась, и безутешный муж (юноша женился на ней) вышел из вигвама ее искать. Подумав, что она может находиться среди деревенских женщин, он сказал отцу:

– Пусть женщины придут танцевать передо мной.

Женщины были собраны, но ни одна из них не была похожа на женщину-змею.

И снова юноша сел за еду и повторил слова, сказанные ему женой. Она, как и в первый раз, поела вместе с ним, но исчезла, лишь только трапеза завершилась.

– Отец, – сказал юноша, – пусть очень молодые женщины станцуют передо мной.

Но женщины-змеи не оказалось и среди них.

Еще один короткий визит жены заставил сына вождя предпринять следующую попытку обнаружить женщину среди жителей деревни.

– Пусть самые молодые девушки явятся танцевать передо мной, – сказал он. Но и среди них не оказалось таинственной женщины-змеи.

Однажды молодая девушка услышала голоса, донесшиеся из вигвама юноши. Она заглянула внутрь и увидела очень красивую женщину, делившую трапезу с хозяином. Она рассказала об этом вождю, и вскоре вся деревня уже знала, что сын вождя женат на прекрасной незнакомке.

Между тем юноша пожелал жениться на девушке своего племени, правда, отец девушки, узнав, что тот уже женат, сказал дочери, что над ней только посмеются.

Девушка не захотела иметь ничего общего с таким женихом, и тот снова обратился за утешением к кольцу. Он потребовал, чтобы принесли еды, и положил рядом кольцо.

– Приходи, – сказал он, – давай поедим. Ответа не было. Женщина-змея не появилась. Юноша почувствовал горькое

разочарование и решил отправиться на поиски жены.

– Я иду на охоту, – сообщил он, и его отец снова снабдил сына хорошей одеждой и оседланным конем.

Когда юноша добрался до того места, где впервые увидел женщину-змею, он нашел лишь ее след перед ручьем. Двигаясь по следу, он вскоре вышел к очень ветхому вигваму, у входа в который сидел старый человек в лохмотьях. Юноша пожалел несчастного и отдал ему свою новую одежду, в обмен на которую получил рваные лохмотья.

– Ты, наверное, думаешь, что оказываешь мне услугу? – спросил старик. – Но в действительности все обстоит совсем наоборот. Это я собираюсь оказать тебе услугу. Женщина, которую ты ищешь, ушла за Большую воду, и, когда ты окажешься на другом берегу, поговори с людьми, которых там встретишь. Если же они не станут подчиняться, отошли их.

В дополнение к рваной одежде старик снабдил юношу головным убором, мечом и хромой клячей.

На краю Большой воды юноша стал готовиться к переправе. Станный старик, сидя на берегу, закрыл глаза, произнес заклинание, и молодой индеец очутился на противоположном берегу. Там он увидел вигвам, в котором обитали два престарелых громовержца, явно привыкшие употреблять в пищу людей.

Тут юноша обнаружил, что головной убор делает его невидимым и он может спокойно передвигаться среди любых живых существ. Сняв на не сколько секунд шапку, он взял трубку из уст громовержца и приложил к его руке.

– Ой! – воскликнул громовержец. – Я обжегся!

Но юноша уже снова нахлобучил шапку и исчез.

– Это плохо, – хмуро проговорил громовержец. – Здесь был чужой, а мы позволили ему уйти. Когда вернется брат, он ни за что не поверит, что человек исчез.

Вскоре после этого вернулся еще один брат-громовержец, держа в руках тело убитого им человека. К рассказанной братьями истории он отнесся недоверчиво.

– Будь я здесь, – сказал он, – я бы не позволил человеку уйти.

Пока он говорил, юноша схватил его трубку и прижал к тыльной стороне ладони.

– Ой! – воскликнул громовержец. – Я обжегся!

– Это не я! – сказал один брат.

– Это не я! – сказал другой.

– Это я! – сказал юноша, снял шапку и оказался между ними. – О чем это вы говорили между собой? Делайте, что собирались. Вот он я! Но громовержцы испугались.

– Мы ничего не говорили, – сказали они, а юноша надел шапку и исчез.

– Что скажет наш брат? – в смущении воскликнули все трое. – Узнав, что здесь был человек и мы позволили ему уйти, он нас возненавидит!

Через несколько минут в вигвам вошел еще один громовержец. Он принес тело ребенка. Услышав, что в доме был человек и ушел, он пришел в ярость.

А юноша повторил свой трюк с вновь прибывшим – снял на минуту шапку и снова надел. С пятым, последним братом он поступил так же.

Убедившись, что монстры сильно напуганы, юноша снял шапку и заговорил.

– Вы поступаете неправильно, используя в пищу людей, – сказал он. – Вам следовало бы есть бизонов, а не людей. Сейчас я ухожу. Но на обратном пути навещу вас снова. Если вы будете есть бизонов, останетесь здесь, если же продолжите есть людей, я вас отошлю.

Громовержцы пообещали, что в будущем станут употреблять в пищу только бизонов, и юноша отправился дальше на поиски женщины-змеи.

Когда наконец он добрался до деревни, в которой она жила, выяснилось, что она вышла замуж за мужчину из другого племени. В ярости юноша выхватил меч и убил сначала женщину и ее мужа, а потом и всех жителей деревни, после чего тронулся в обратный путь. Навестив громовержцев, он увидел, что те не выполнили свое обещание использовать в пищу только бизонов.

– Я намерен отослать вас наверх, – сообщил он. – Вы ели людей, а теперь будете поливать их прохладным дождем, сохраняющим им жизнь.

Он послал их наверх, где они стали грозowymi облаками.

Затем юноша продолжил свой путь. Перемахнув од ним прыжком через Большую воду, он рассказал старому волшебнику все, что с ним произошло.

– Я отослал громовержцев наверх, потому что они не прекратили есть людей. Я правильно сделал?

– Конечно.

– Я убил всю деревню, в которой жила женщина-змея, потому что она взяла себе другого мужа. Я хорошо поступил?

– Очень хорошо. Именно для этого я дал тебе меч.

Юноша вернулся к отцу и женился на очень красивой девушке из своей деревни.

Вождь и его дети

В одной деревне жил вождь, имевший двоих сыновей и одну дочь. Сыновья были не женаты, а дочь – не за мужем. Оба сына часто присоединялись к охотникам, когда те шли на бизонов. Во время одной из таких экспедиций одно из животных оказалось в стороне от стада. За ним последовал один из сыновей вождя, и, когда погоня увела его далеко от остальных, бизон неожиданно исчез в глубокой расселине. Лошадь и человек не успели ничего предпринять и провалились вслед за ним. Охотники вернулись, и вождь очень расстроился, узнав, что его сын пропал. Он отправил гонцов во всех направлениях, чтобы получить хотя бы какие-то сведения о судьбе юноши.

– Если кто-нибудь знает о местонахождении сына вождя, – выкрикивали крикуны, – пусть придет и скажет.

Они повторяли это снова и снова, и в конце концов нашелся человек, бывший свидетелем.

– Я стоял на холме, – сказал он, – заметил охотников и сына вождя. Он находился на уровне земли, но внезапно исчез, и больше я его не видел.

Он отвел соплеменников юноши на место, и они разбрелись вокруг в поисках пропавшего. Были обнаружены следы, которые обрывались у глубокой пропасти. Индейцы поставили палатки у расселины, а вождь стал просить людей спуститься вниз и отыскать его сына.

– Если среди вас есть человек, обладающий решительностью и мужественным сердцем, пусть выйдет вперед. Ответа не было.

– Если кто-нибудь из вас спустится вниз, я сделаю его богатым.

Добровольцев не оказалось.

– Если кто-нибудь из вас спустится вниз, я отдам ему в жены свою дочь.

Люди зашумели, и вперед вышел молодой индеец.

– Я пойду, – просто сказал он.

Из шкур животных были сделаны прочные веревки, к которым привязали еще одну шкуру, которой придали форму корзины.

Условившись с охотниками, оставшимися на поверхности, о сигналах, храбрый юноша дал команду спустить его вниз.

Оказавшись внизу, он дождался, чтобы глаза привыкли к мраку, и сразу же увидел бизона, потом лошадь и пропавшего сына вождя. Все они были мертвы. Он поместил тело юноши в корзину и дал сигнал поднимать. Но волнение всех оказалось так велико, что, когда его товарищи подняли мертвого охотника на поверхность, они позабыли о живом, оставшемся внизу, и ушли.

Наш герой кричал, призывая на помощь, пока не устал. Убедившись в бесплодности криков, он осмотрелся и отправился исследовать подземный мир.

Он сделал только несколько шагов, когда встретил старую женщину. Он обратился к ней с уважением, рассказал свою историю и попросил помочь вернуться в свой мир.

– Я не могу тебе помочь, – ответила она, – но если ты пойдешь в дом мудреца, который живет за углом, то получишь желаемое.

Юноша пошел в указанном направлении и вскоре увидел вигвам. Он очень устал и проголодался, поэтому постучал довольно-таки нетерпеливо. Не дождавшись ответа, он постучал громче. На этот раз в вигваме по слышалось какое-то движение, и к входу подошла женщина. Она впустила юношу внутрь, где, погруженный в глубокое уныние, сидел ее муж. Он даже не встал по приветствовать гостя. Женщина поведала юноше печальную повесть о том, что они оплакивают потерю единственного сына. Услышав оклик женщины, мужчина медленно поднял голову и взглянул на гостя. После этого он вскочил и порывисто обнял его.

– Ты очень похож на нашего умершего сына, – сказал он. – Оставайся с нами, станешь нашим сыном.

Юноша рассказал свою историю.

– Мы будем обращаться с тобой как с собственным ребенком, – сказал мудрец. – Ты получишь все, что попросишь, даже если ты пожелаешь нас покинуть и вернуться к своему народу.

Юноша был тронут добротой незнакомых людей, но он ничего не хотел так сильно, как вернуться к своей родне.

– Дайте мне, – сказал он, – белого коня и белого мула.

Старый человек предложил юноше пройти туда, где стояли стреноженные лошади, и там он нашел все, что нужно. Он также

получил от гостеприимного хозяина волшебный кусок железа, который позволял исполнять все желания. Даже скалы от его прикосновения расступались. Снаряженный должным образом, юный путешественник тронулся в путь.

Вскоре после этого он прибыл в свою страну, и первыми людьми, кого он встретил, были вождь и его жена. Юноша сообщил им, кто он такой, поскольку он к тому времени очень изменился, и узнать его было трудно. Вождь отнесся к его откровениям весьма скептически, но постепенно все же узнал храбреца и оказал ему самый сердечный прием.

Юноша женился на дочери вождя. Ее отец сделал его вождем. Соплеменники выстроили ему вигвам в самом центре деревни и принесли ценные подарки – красивую одежду и лошадей. В день его свадьбы повсюду были разосланы крикуны, вещавшие, что никто не дол жен покидать деревню или выполнять какую-нибудь работу.

Назавтра все мужчины племени пошли охотиться на бизонов, и молодой вождь вместе с ними. С помощью волшебного куска железа он заколдовал много бизонов и убил их больше, чем все остальные.

Случилось так, что оставшийся в живых сын вождя очень завидовал своему новому родственнику. Он считал, что отец должен был отдать ему пост вождя, и все почести, которые соплеменники оказывали юноше, чрезвычайно его раздражали. Он задумал убить молодого вождя и уничтожить его прекрасную белую лошадь. Однако проныцательное животное рассказало хозяину о замышляющемся покушении на его жизнь, и тот стал внимательно наблюдать за происходящим.

Во время второй большой охоты на бизонов злоумышленнику подвернулся удобный случай. Он начал размахивать своим одеянием, напугав тем самым бизонов, которые бросились бежать прямо на юношу и затоптали его до смерти. Когда же стадо разбежалось, нигде не было ни юного храбреца, ни его белоснежного скакуна. Оба вернулись в подземный мир.

МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Творение мира

Вначале существовал лишь вечный, безграничный, темный Хаос. В нем заключался источник жизни. Все возникло из безграничного Хаоса – весь мир и бессмертные боги. Из Хаоса произошла и богиня Земля – Гея. Широко раскинулась она, могучая, дающая жизнь всему, что живет и растет на ней. Далеко же под землей, так далеко, как далеко от нас необъятное светлое небо, в неизмеримой глубине родился мрачный Тартар – ужасная бездна, полная вечной тьмы. Из Хаоса родилась и могучая сила, все оживляющая Любовь – Эрос. Безграничный Хаос породил вечный Мрак – Эреб и темную Ночь – Нюкту. А от Ночи и Мрака произошли вечный Свет – Эфир и радостный светлый День – Гемера. Свет разлился по миру, и стали сменять друг друга ночь и день.

Могучая, благодатная Земля породила беспредельное голубое Небо – Урана, и раскинулось Небо над Землей. Гордо поднялись к нему высокие Горы, рожденные Землей, и широко разлилось вечно шумящее Море.

Уран – Небо – воцарился в мире. Он взял себе в жены благодатную Землю. Шесть сыновей и шесть дочерей – могучих, грозных титанов – было у Урана и Геи. Их сын, титан Океан, обтекающий всю землю, и богиня Фетида породили на свет все реки, которые катят свои волны к морю, и морских богинь – океанид. Титан же Гипперион и Тейя дали миру детей: Солнце – Гелиоса, Луну – Селену и румяную Зарю – розоперстую Эос (Аврора). От Астрея и Эос произошли звезды, которые горят на темном ночном небе, и ветры: бурный северный ветер Борей, восточный Эвр, влажный южный Нот и западный ласковый ветер Зефир, несущий обильные дождем тучи.

Кроме титанов, породила могучая Земля трех великанов – циклопов с одним глазом во лбу – и трех громадных, как горы, пятидесятиголовых великанов – сторуких (гекатонхейров), названных так потому, что сто рук было у каждого из них. Против их ужасной силы ничто не может устоять, их стихийная сила не знает предела.

Возненавидел Уран своих детей-великанов, в недра богини Земли заключил он их в глубоком мраке и не позволил им выходить на свет.

Страдала мать их Земля. Ее давило страшное бремя, заключенное в ее недрах. Вызвала она детей своих, титанов, и убеждала их восстать против отца Урана, но они боялись поднять руку на отца. Только младший из них, коварный Крон, хитростью низверг своего отца и отнял у него власть.

Богиня Ночь родила в наказание Крону целый сонм ужасных божеств: Таната – смерть, Эриду – раздор, Апату – обман, Кер – унижение, Гипнос – сон с роем мрачных тяжелых видений, не знающую пощады Немесиду – отмщение за преступления – и много других. Ужас, раздоры, обман, борьбу и несчастье внесли эти боги в мир, где воцарился на троне своего отца Крон.

Зевс

Крон не был уверен, что власть навсегда останется в его руках. Он боялся, что и против него восстанут дети и обрекут его на ту же участь, на какую обрек он своего отца Урана. Он боялся своих детей. И повелел Крон жене своей Рее приносить ему рождавшихся детей и безжалостно проглатывать их. В ужас приходила Рея, видя судьбу детей своих. Уже пятерых проглотил Крон: Гестию, Деметру, Геру, Аида (Гадеса) и Посейдона.

Рея не хотела потерять и последнего своего ребенка. По совету своих родителей, Урана-Неба и Геи-Земли, удалилась она на остров Крит, а там, в глубокой пещере, родился у нее младший сын Зевс. В этой пещере Рея скрыла своего сына от жестокого отца, а ему дала проглотить вместо сына длинный камень, завернутый в пеленки. Крон не подозревал, что он был обманут своей женой.

А Зевс тем временем рос на Крите. Нимфы Адрастея и Идея лелеяли маленького Зевса, они вскормили его молоком божественной козы Амалфеи. Пчелы носили мед маленькому Зевсу со склонов высокой горы Дикты. У входа же в пещеру юные куреты ударяли в щиты мечами всякий раз, когда маленький Зевс плакал, что бы не услышал его плача Крон и не постигла бы Зевса участь его братьев и сестер.

Вырос и возмужал Зевс, он поселился на самой высокой горе в мире Олимпе. Высоко на светлом Олимпе царит Зевс, окруженный сонмом богов. Здесь и супруга его Гера, и златокудрий Аполлон с сестрой своей Артемидой, и златая Афродита, и могучая дочь Зевса Афина, и много других богов. Три прекрасные оры охраняют вход на высокий Олимп и поднимают закрывающее врата густое облако, когда боги нисходят на землю или возносятся в светлые чертоги Зевса. Высоко над Олимпом раскинулось голубое бездонное небо и льется с него золотой свет. Ни дождя, ни снега не бывает в царстве Зевса; вечно там светлое, радостное лето. А ниже клубятся облака, порой закрывают они далекую землю. Там, на земле, весну и лето сменяют осень и зима, радость и веселье сменяются несчастьем и горем.

Правда, и боги знают печали, но они скоро проходят, и снова водворяется радость на Олимпе.

Пируют боги в своих золотых чертогах, построенных сыном Зевса и Геры Гефестом. Царь Зевс сидит на высоком золотом троне. Величием и гордо-спокойным сознанием власти и могущества дышит мужественное, прекрасное лицо Зевса. Зевс держит в руках крылатую богиню победы Нику. Вот входит величественная богиня Гера, жена Зевса. Зевс чтит свою жену; почетом окружают Геру, покровительницу брака, все боги Олимпа. Когда, блистая своей красотой, в пышном наряде, Гера входит в пиршественный зал, все боги встают и склоняются перед женой громовержца. А она идет к золотому трону и садится рядом с Зевсом. Около трона Геры стоит ее посланница, богиня радуги, легкокрылая Ирида, всегда готовая быстро нестись на радужных крыльях в самые дальние края земли исполнять повеления Геры.

Пируют боги. Дочь Зевса, юная Геба, подносит им амброзию и нектар – пищу и напиток богов.

Также виночерпием был юноша Ганимед. Зевс приказал своему орлу похитить его на Олимп. По мнению греков, орел летает выше всех птиц и может парить высоко над всеми в пространстве, а потому более всего подходит Зевсу. Он изображается почти всегда у ног бога или на его скипетре. Иногда он держит в своих могучих когтях громовые стрелы. Орел исполняет многие поручения богов; так, например, он приносил Зевсу-ребенку нектар (божественный напиток), которым поили его нимфы на острове Крите. Вот он-то и похитил Ганимеда. Этот прекрасный юноша был сыном царя Троя; Зевс, восхищенный его красотой, приказал орлу похитить его, найдя, что земля – недостойное место для Ганимеда. Античная статуя изображает Ганимеда в виде красивого юноши с фригийской шапкой на голове, с пастушьим посохом в руке. Он пас стада своего отца, когда орел, схватив его в свои могучие когти, унес на Олимп. Узнав о похищении сына, отец его предался отчаянию, но Зевс утешил его, показав ему сына, причисленного к сонму богов.

Прекрасные хариты и музы услаждают их пением и танцами. Взявшись за руки, водят они хороводы, а боги любят их легкими движениями и дивной, вечно юной красотой. Веселее становится пир

олимпийцев. На этих пирах решают боги все дела, на них определяют они судьбу мира и людей.

С Олимпа рассылает людям Зевс свои дары и утверждает на земле порядок и законы. В руках Зевса судьба людей: счастье и несчастье, добро и зло, жизнь и смерть. Два больших сосуда стоят у ворот дворца Зевса. В одном сосуде дары добра, в другом – зла. Зевс черпает из сосудов добро и зло и посылает людям. Горе тому человеку, которому громовержец черпает дары только из сосуда со злом. Горе и тому, кто нарушает установленный Зевсом порядок на земле и не соблюдает его законов. Грозно сдвинет сын Крона свои густые брови, черные тучи заволочут небо. Разгневается великий Зевс, и страшно поднимутся волосы на голове его, глаза загорятся нестерпимым блеском; взмахнет он своей десницей – удары грома раскатятся по всему небу, сверкнет пламенная молния и сотрясется высокий Олимп.

У трона Зевса стоит хранящая законы богиня Фемида. Она созывает, по повелению громовержца, собрания богов на Олимпе и народные собрания на земле, наблюдает, чтобы не нарушился порядок и закон. На Олимпе и дочь Зевса, богиня Дикэ, наблюдающая за правосудием. Строго карает Зевс неправедных судей, когда Дикэ доносит ему, что не соблюдают они законов, данных Зевсом. Богиня Дикэ – защитница правды и враг обмана.

Но хотя посылает людям счастье и несчастье Зевс, все же судьбу людей определяют неумолимые богини судьбы – мойры, живущие на Олимпе. Судьба самого Зевса в их руках. Властвует рок над смертными и над богами. Никому не уйти от велений неумолимого рока. Нет такой силы, такой власти, которая могла бы изменить хоть что-нибудь в том, что предназначено богам и смертным. Одни мойры знают веления рока. Мойра Клото прядет жизненную нить человека, определяя срок его жизни. Оборвется нить – и кончится жизнь. Мойра Лахесис вынимает, не глядя, жребий, который выпадает человеку в жизни. Никто не в силах изменить определенной мойрами судьбы, так как третья мойра, Атропос, все, что назначили в жизни человеку ее сестры, заносит в длинный свиток, а что занесено в свиток судьбы, то неизбежно. Неумолимы великие суровые мойры.

Есть и еще на Олимпе богиня судьбы – это Тюхэ, богиня счастья и благоденствия. Из рога изобилия, рога божественной козы Амалфеи, молоком которой был вскормлен Зевс, сыплет она дары людям, и

счастлив тот человек, который встретит на своем жизненном пути богиню счастья Тюхэ. Но как редко это бывает, и как несчастлив тот человек, от которого отвернется богиня Тюхэ, только что дававшая ему свои дары!

Богом богатства считался Плутос, сын Деметры. Зевс, боясь, что он будет слишком пристрастно распределять свои дары, поразил его еще в детстве слепотой, так что Плутос, не знал, кому доставалось богатство, добрым или злым смертным. Его изображали мальчиком, держащим рог изобилия. В Фивах находилась статуя Фортуны с Плутосом на руках, в Афинах его держала богиня мира. До чего может довести непомерная любовь к золоту – показывает следующий миф: царь Фригийский Мидас оказал услугу Вакху, в награду за это бог предложил ему просить, чего он только пожелает. Мидас попросил, чтобы все, к чему он прикоснется, тотчас же превращалось в золото. Вакх исполнил, это желание. Мидас, желая в этом, убедиться, сорвал ветку, которая тотчас же превратилась в золото; вне себя от радости, отправился он в свой дворец и прикоснулся ко входным дверям, – они заблестели и засверкали. Но вскоре радость его превратилась в отчаяние: проголодавшись, он сел за стол и поднес ко рту кусок мяса, но, увы, едва дотронулся он до него, как мясо превратилось в твердый кусок золота; он поднес кубок с вином ко рту, но в кубке оказалось жидкое расплавленное золото. Посреди роскоши и изобилия ему приходилось страдать от голода и жажды, которых он не мог ничем утолить, ибо все превращалось в золото, и это золото, предмет, его страстных желаний, превратилось для него в орудие пытки. Он стал умолять Вакха отнять у него его дар; бог повелел ему выкупаться в источнике Пактола, который с тех пор катит в своих волнах золото в изобилии.

Зевс считается покровителем гостеприимства; он часто путешествует по земле, желая убедиться, насколько люди гостеприимны. Придя однажды во Фригию вместе с Гермесом, который отвязал свои крылья, чтобы не быть узнанным, Зевс напрасно стучался во многие дома, прося приюта, – всюду им отказывали; наконец, они подошли к маленькой хижине, покрытой соломой, хозяева которой Филемон и Бавкида радушно принимают их. Несмотря на бедность и лишения, муж и жена, уже старики, сумели сохранить в себе сострадание и другие добродетели. Впустив в

хижину гостей, они принялись готовить скудную трапезу, боясь, что гости не найдут ее обильной; они решили пожертвовать своим единственным гусем, но птица, преследуемая по всей хижине Бавкидой, нашла себе убежище у ног Зевса, не позволившего зарезать ее. Каково же было удивление хозяев, когда они заметили, что кушанье на столе и вино в кубке, вместо того чтобы убывать, увеличивались. Испуганные, обратились они к своим гостям, прося открыть им, кто они такие, и извиняясь за свой жалкий обед. Зевс сказал им, кто он и его спутник, и приказал им следовать за собой на вершину одной горы, позволив им высказать какое-нибудь желание, обещая его исполнить. Нежно любя друг друга, они оба пожелали умереть одновременно. Придя на гору, Филемон и Бавкида увидели, что вся местность и все дома, окружавшие их хижину, покрыты водой, а хижина их превратилась в величественный храм. Зевс назначил их хранителями этого храма. Там прожили они до глубокой старости, не зная болезни и дряхлости. Однажды, сидя друг перед другом на ступенях храма, они заметили, что тела их начинают превращаться в древесные стволы. Поняв, что наступает их последний час, они нежно простились и умолкли навеки. Два прекрасных дерева остались по бокам храма охранять вход в него.

Так царит окруженный сонмом богов на Олимпе Зевс, охраняя порядок во всем мире.

Гера

Богиня Гера, жена Зевса, покровительствует браку и охраняет святость и нерушимость брачных союзов. Она посылает супругам многочисленное потомство и благословляет мать во время рождения ребенка.

После того как Геру, ее братьев и сестер изверг из своих уст побежденный Зевсом Крон, мать Геры Рея отнесла ее на край земли к седому Океану, там воспитала Геру Фетида. Гера долго жила вдали от Олимпа, в тиши и покое. Громовержец Зевс увидал ее, полюбил и похитил у Фетиды. Боги пышно справили свадьбу Зевса и Геры. Ирида и хариты облекли Геру в роскошные одежды, и она сияла своей величественной красотой среди богов Олимпа, сидя на золотом троне рядом с Зевсом. Все боги подносили дары повелительнице Гере, а богиня Земля-Гея вырастила из недр своих в дар Гере дивную яблоню с золотыми плодами. Все в природе славил Геру и Зевса.

Гера царит на высоком Олимпе. Повелевает она, как и муж ее Зевс, громами и молниями, по слову ее покрывают темные дождевые тучи небо, мановением руки подымает она грозные бури.

Прекрасна Гера, волоокая, лилейнорукая, из-под венца ее ниспадают волной дивные кудри, властью и спокойным величием горят ее очи. Боги чтят Геру, чтит ее и муж, тучегонитель Зевс, и советуется с ней. Но нередки и ссоры между Зевсом и Герой. Часто возражает Гера Зевсу и спорит с ним на советах богов. Тогда гневается громовержец и грозит жене наказаниями. Умолкает Гера и сдерживает гнев. Она помнит, как сковал ее Зевс золотыми цепями, повесил между небом и землей, привязав к ее ногам две тяжелые наковальни, и подверг бичеванию.

Могущественна Гера, нет богини, равной ей по власти. Величественная, в длинной роскошной одежде, сотканной самой Афиной, в колеснице, запряженной двумя бессмертными конями, съезжает она с Олимпа. Вся из серебра колесница, из чистого золота колеса, а спицы их сверкают медью. Благоухание разливается по земле там, где проезжает Гера. Все живое склоняется пред ней, великой царицей Олимпа.

Гера всегда покрыта одеждой с ног до головы; только часть шеи и руки обнажены; она высокого роста с спокойными и размеренными движениями; красота её строгая и величавая; у неё роскошные волосы и большие широко-открытые глаза, почему ее называли Герой волоокой. Самым замечательным и типичным ее изображением считается колоссальная статуя Поликлита, изваянная им для храма в честь этой богини в Аргосе. Вот как описывает, эту статую поэт Марциал: «Поликлит, эта Гера – чудо твоего искусства, главное основание твоей славы, – сам Фидий позавидовал бы твоему резцу. Её красота так величественна, что на вершине Иды Парис не колеблясь признал бы ее превосходство над всеми богинями, и они должны были бы признать себя побежденными. Поликлит, если б Зевс не любил своей Геры, он бы полюбил твою!» Колоссальная статуя Геры, находящаяся теперь в Риме, считается лучшим ее изображением, сохранившимся до наших дней. Гера олицетворяет в физическом смысле влагу, или, скорее, влажность воздуха, вот почему Ирида, олицетворение радуги, считается ее прислужницей. Ирида одевает богиню и przygotowывает ей ванну: главная же ее обязанность – исполнять поручения царицы неба. Она носится по воздуху с быстротой ласточки, и дорога, по которой она пробегает, есть та дуга, которую описывает радуга. Ирида изображается крылатой молодой девушкой; подобно Гермесу, у нее крылья на пятках и кадуцей в руках. Изображение кукушки на верхушке скипетра Геры объясняется следующим мифом: гордая Гера долго не соглашалась уступить просьбам Зевса сделаться его супругой; тогда повелитель богов, желая ее умолить, принял вид кукушки, вызвал сильную бурю и, дрожа от холода, весь мокрый прилетел к ногам богини, ища приюта, где бы ему укрыться. Сострадательная богиня, тронутая несчастным видом птицы, подняла ее и отогрела у себя на груди. Тогда бог принял свой обычный вид, а Гера, на которую, вероятно, подействовало такое оригинальное объяснение в любви, стала его женой. С тех пор, как бы в воспоминание этого происшествия, кукушка является на памятниках искусства одним из отличительных признаков этой богини. Не смотря на то, что Гера – основательница и покровительница браков и брачной жизни, ее супружеская жизнь проходит почти в постоянных спорах и неладах с Зевсом, которому приходится останавливать ее и даже наказывать.

Бывает и так, что Гера терпит обиды от Зевса. Так было, когда Зевс полюбил прекрасную Ио и, чтобы скрыть ее от Геры, превратил Ио в корову. Но этим громовержец не спас Ио. Гера увидела белоснежную корову Ио и потребовала у Зевса, чтобы он подарил ее ей. Зевс не мог отказать Гере. Гера же, завладев Ио, отдала ее под охрану стоокому Аргусу. Несчастливая Ио никому не могла поведать о своих страданиях: обращенная в корову, она была лишена дара речи. Не знающий сна Аргус стерег Ио. Зевс видел ее страдания. Призвав своего сына Гермеса, он велел ему похитить Ио.

Быстро примчался Гермес на вершину той горы, где стерег стоокий страж Ио. Он усыпил своими речами Аргуса. Лишь только сомкнулись его сто очей, выхватил Гермес свой изогнутый меч и одним ударом отрубил Аргусу голову. Ио была освобождена. Но и этим Зевс не спас Ио от гнева Геры. Она послала чудовищного овода. Своим ужасным жалом овод гнал из страны в страну обезумевшую от мучений, несчастную страдалицу Ио. Нигде не находила она покоя. В бешеном беге неслась Ио все дальше и дальше, а овод летел за ней, поминутно вонзая в ее тело жало; жало овода жгло Ио, как раскаленное железо. Где только не пробегала Ио, в каких только странах не побывала она! Наконец, после долгих скитаний, достигла она в стране скифов, на крайнем севере, скалы, к которой был прикован титан Прометей. Он предсказал несчастной, что только в Египте избавится она от своих мук. Помчалась дальше гонимая оводом Ио. Много мук перенесла она, много видела опасностей, прежде чем достигла Египта. Там, на берегах благодатного Нила, Зевс вернул ей прежний образ, и родился у нее сын Эпаф. Он был первым царем Египта и родоначальником поколения героев, к которому принадлежал величайший герой Греции Геракл.

У Геры было двое сыновей – Арес и Гефест и две дочери – Геба и Илифия. Геба – это олицетворение юности, она подает богам божественный напиток нектар, благодаря которому боги не знают ни болезней, ни старости. Она стала супругой Геракла после обоготворения этого героя. Античная камея изображает ее в виде молодой девушки, ласкающей орла Зевса.

Илифия – богиня счастливых родов; она осталась девственницей и проводила все свое время, помогая женщинам в родах. Послушная дочь, она исполняет все приказания своей матери Геры, которая часто

заставляла ее служить орудием своей мести. Когда наступило время родов богини Латоны, которую Гера преследовала, Илифия, следуя приказаниям матери, удалилась на вершину Олимпа, где провела девять дней и ночей, не допуская несчастную Латону, страшно мучившуюся все это время, до родов. Наконец, тронутая мольбами Ириды, Илифия отправилась в Делос, и Латона благополучно родила близнецов.

Посейдон

Вода олицетворялась в мифологии многими божествами. Кроме Океана, отца всех рек, были еще боги соленых и пресных вод. Посейдон, сын Крона, брат Зевса, считался богом морского царства. Он внушал всем большой страх, потому что ему приписывали все колебания почвы, и когда начиналось землетрясение, ему приносились жертвы. Достаточно было его удара трезубцем о землю, чтобы та разверзлась и заколебалась. Посейдона признавали и почитали, как могучего и сильного бога, все мореплаватели и купцы, которые воздвигали ему жертвенники и обращались к нему с мольбами для того, чтобы он даровал их кораблям счастливый переезд без бурь и покровительствовал бы успеху их торговли.

Один гимн воспевае́т Посейдона и его могущество в таких выражениях: «Услышь меня, Посейдон, волосы которого влажны от соленых волн моря, Посейдон, вооруженный острым трезубцем, которого влекут быстроногие кони, ты, вечно обитающий в неизмеримых морских глубинах, царь вод, ты, окружающий и теснящий землю шумящими водами, ты, разбрасывающий в даль пену морскую, ты, правящий среди волн твоей быстрой квадригой (колесница, запряженная четверкой), ты, лазоревый бог, назначенный судьбой управлять морским царством, ты, любящий свои стада, покрытые чешуями, и соленые воды океана, остановись у берега, даруй попутный ветер нашим кораблям и прибавь к нему ради нас мир, безопасность и золотые дары богатства». Морской бог разнится от Зевса беспокойством движений, растрепанными волосами и диким видом, более соответствующим дикости и бурности моря. Трезубец, его главный атрибут, не что иное как гарпун, употребляемый при ловле акул и китов; поэтому он считался покровителем рыбаков.

Глубоко в пучине моря стоит чудесный дворец брата громовержца Зевса, колебателя земли Посейдона. Властвует над морями Посейдон, и волны моря послушны малейшему движению его руки, вооруженной грозным трезубцем. Там, в глубине моря, живет с Посейдоном и его прекрасная супруга Амфитрита, дочь морского вещего старца Нерея, которую похитил Посейдон у ее отца. Он увидал однажды, как водила

она хоровод со своими сестрами-нереидами на берегу острова Наксос. Пленился бог моря прекрасной Амфитритой и хотел увезти ее на своей колеснице. Но Амфитрита укрылась у титана Атласа, который держит на своих могучих плечах небесный свод. Долго не мог Посейдон найти прекрасную дочь Нерея. Наконец открыл ему ее убежище дельфин; за эту услугу Посейдон поместил дельфина в число небесных созвездий. Посейдон похитил у Атласа прекрасную дочь Нерея и женился на ней. С тех пор живет Амфитрита с мужем своим Посей доном в подводном дворце.

На многих античных барельефах изображено триумфальное шествие Амфитриты, ставшей царицей морей. Обыкновенно на них представлены нереиды, сидящие на морских чудовищах в виде тигриц, исполинских баранов и морских быков. Сама Амфитрита, окруженная этой свитой, сидит на быке, туловище которого оканчивается рыбьим хвостом, чем он и отличается от быка Европы. На одной античной камее Амфитриту сопровождают крылатые амуры. Этот же сюжет послужил темой для многочисленных картин.

Нереиды – дочери Нерея, олицетворявшего Эгейское море; их главная обязанность состояла в том, что они сопровождали тени умерших на острова благодати, – вот почему их изображения часто встречаются на саркофагах и других надгробных памятниках, и они, подобно Посейдону, обладают даром предсказания.

Среди нереид считалась самой красивой жестокосердая Галатея, олицетворяющая спокойное, блестящее море. Её красоту воспевали многие поэты; её триумфальное шествие на поверхности морей изображали знаменитые художники.

Прекрасная нереида пробудила своими прелестями сильную страсть в сердце циклопа Полифема. Но все его признания и объяснения не тронули Галатею; бедный циклоп перестал даже пасти свои многочисленные стада, о которых он прежде так заботился, и покинутые животные должны были часто возвращаться одни в пещеру – жилище Полифема. А он взбирался на высокую скалу и, взяв флейту, старался в её звуках излить свое горе. Жалобы этого сурового, неотесанного великана вдохновили Феокрита, написавшего на эту тему поэтическую идиллию; в ней Полифем говорит: «О, прекрасная Галатея, зачем ты убегаешь от меня? Когда ты на меня смотришь, ты белее молока, нежнее ягненка, но когда ты отворачиваешь от меня твои

прекрасные глаза, о, тогда ты становишься кислее незрелого винограда! Я знаю, прекраснейшая из нимф, я знаю, почему ты избегаешь меня: потому что густая бровь, омрачая мой лоб, тянется от одного уха до другого; потому что я обладаю одним только глазом, и мой нос расширяясь дотрагивается почти до моих губ. Но такой – какой я есть, у меня тысяча овец, я питаюсь их прекрасным молоком, и у меня летом, осенью и зимой превкусные сыры. Для тебя я вскармливаю одиннадцать молодых оленей, (шеи их украшены прекрасными ожерельями) и четырех медвежат. Приди ко мне, и все, что я имею, будет принадлежать тебе. Если твое зрение оскорблено видом длинной щетины, покрывающей мое тело, то ведь у меня есть дубовые дрова и никогда не угасающий под пеплом огонь, – приди, и я готов вынести какое угодно мучение. Я предаю в твои руки мою жизнь и мой единственный глаз, этот глаз, который мне дороже самой жизни». Но как ни изливался циклоп в своих жалобах, как ни старался он смягчить сердце жестокой Галатеи, она не внимала его мольбам, потому что она любила другого – прекрасного пастуха Акида, сына Фавна. Однажды Полифем, сидя на скале, воспевал её прелести в следующих словах: «О, Галатея, ты белее прекрасной лилии, свежее коры ольховой, более блестяща, чем горный хрусталь, приятнее лучей солнца зимой и тени летом, обманчивее струи, легче крыла Зефира». Вдруг он увидел Галатею подле Акида; испустив страшный рев, повторенный Этной, он бросается преследовать Акида, старающегося спастись бегством. Циклоп отрывает громадную скалу и бросает ее на Акида, который погибает раздавленный, но скала тотчас же раскрывается, и из недр её течет поток: это Акид, превращенный богами в реку, и река сохранила его имя.

От союза Посейдона с Амфитритой родились Тритоны и Тритониды; это – божества, у которых туловище с человеческой головой оканчивается раздвоенным рыбьим хвостом; их изображают очень часто сидящими на голубых конях, у которых вместо копыт клешни.

Высоко над дворцом шумят морские волны. Сонм морских божеств окружает Посейдона, послушный его воле. Сыновья Посейдона громовым звуком труб из раковин вызывают грозные бури. Среди Посейдон властвует над морем. Когда он на своей колеснице, запряженной дивными конями, мчится по морю, расступаются вечно

шумящие волны. Равный красотой самому Зевсу, быстро несется Посейдон по безбрежному морю, а вокруг него играют дельфины, рыбы выплывают из морской глубины и теснятся вокруг его колесницы. Когда же взмахнет Посейдон своим грозным трезубцем, тогда, словно горы, вздымаются морские волны, покрытые белыми гребнями пены, и бушует на море свирепая буря. Бьются с шумом морские валы о прибрежные скалы и колеблют землю. Но простирает Посейдон свой трезубец над волнами – и они успокаиваются. Стихает буря, снова спокойно море, ровно, как зеркало, и чуть слышно плещется у берега – синее, беспредельное.

Аид

По поверью древних народов, на земном шаре были такие страны, где царил вечная ночь, и солнце никогда не восходило над ними, и в такой стране поместили они вход в подземное царство Аида Тартар. Тартар орошали две реки: Ахеронт и Стикс. Именем этой реки клялись боги, произнося клятвы, и эти клятвы считались ненарушимыми и страшными. Стикс катил свои черные волны среди безмолвной долины и девять раз огибал Тартар. Ахеронт, грязная и мутная река, охранялась перевозчиком Хароном. Его описывают в таком виде: в грязной одежде, с нечесаной длинной белой бородой, он одним веслом управляет своей лодкой, в которой перевозить тени умерших, тела которых на земле, уже погребены; лишенных же погребения он безжалостно отталкивает, и тени эти осуждены вечно странствовать, не находя покоя. Микеланджело поместил Харона в своем знаменитом произведении: «День Страшного Суда», изобразив его перевозящим грешников. За провоз надо было платить, и верование это так укоренилось, что мертвым клали в рот обол для расплаты с Хароном. Лукиан насмешливо замечает: «Людам не приходило в голову, в ходу ли эта монета в подземном царстве, а также они не соображали того, что лучше было бы не давать этой монеты умершим, потому что тогда их бы не захотел перевозить Харон, и они могли бы вновь вернуться к живущим. Как только тени умерших были перевезены через Ахеронт, на другом берегу встречал их Цербер, или адский пес, обладающий тремя головами, и лай которого так устрашал умерших, что отнимал у них даже всякую мысль о возможности возврата туда, откуда они прибыли. Затем тени должны были предстать перед Аидом, царем Тартара и Персефой, его супругой. Но Аид не судил мертвых, это исполняли подземные судьи: Минос, Эак и Радамант. По словам Платона, Эак судил европейцев, Радамант – азиатов (его всегда изображали в азиатском костюме), а Минос должен был, по повелению Зевса, судить и решать сомнительные случаи.

Посреди дворца властелин преисподней сидит на троне, держа в руке скипетр; подле него стоит Персефона с зажженным факелом в руке; наверху, по обе стороны дворца, праведники; ниже: направо –

Минос, Эак и Радамант, налево – Орфей играет на лире, внизу же находятся грешники, среди которых Тантал в фригийской одежде и Сизиф со скалой, которую он катит.

Персефоне не было дано активной роли в Тартаре. Богиня Геката призывала мстительных фурий (Евменид), которые схватывали и овладевали грешниками. Геката была покровительницей волшебства и заклинаний; ее изображали в виде трех соединенных вместе женщин: этим как бы поясняется, что власть ее распространялась на небо, землю и Тартар. Первоначально Геката не была богиней Тартара, но она подарила Европе румяна и тем как бы вызвала восхищение и любовь Зевса. Ревнивая Гера стала ее преследовать. Геката должна была укрыться от нее под погребальной одеждой и тем сделалась нечистой. Зевс приказал очистить ее в водах Ахеронта, и с тех пор она стала богиней подземного царства. Немезида, богиня мести, исполняла в Тартаре почти такую же роль, как Геката; она изображалась с согнутой у локтя рукой, чем намекалось на локоть, меру длины в древние века: «Я, Немезида, держу локоть. Зачем, спросишь ты? Потому что я напоминаю всем, что не надо превышать меры».

Здесь же, у трона, бог смерти Танат с мечом в руках, в черном плаще, с громадными черными крыльями. Могильным холодом веют эти крылья, когда прилетает Танат к ложу умирающего, чтобы срезать своим мечом прядь волос с его головы и исторгнуть душу. Рядом с Танатом и мрачные Керы. На крыльях носятся они, неистовые, по полю битвы. Керы ликуют, видя, как один за другим падают сраженные воины, своими кроваво-красными губами при падают они к ранам, жадно пьют горячую кровь сраженных и вырывают из тела их души.

Еще у трона Аида, и прекрасный юный бог сна Гипнос. Он неслышно носится на своих крыльях над землей с головками мака в руках и льет из рога снотворный напиток. Нежно касается Гипнос своим чудесным жезлом глаз людей, тихо смыкает веки и погружает смертных в сладкий сон. Могуч бог Гипнос, не могут противиться ему ни смертные, ни боги, ни даже сам громовержец Зевс: и ему Гипнос смыкает грозные очи и погружает его в глубокий сон.

Носятся в мрачном царстве Аида и боги сновидений. Есть среди них боги, дающие вещие и радостные сновидения, но есть боги и страшных, гнетущих сновидений, пугающих и мучающих людей. Есть

боги лживых снов: они вводят человека в заблуждение и часто ведут его к гибели.

Противоположностью страшному Тартару являются Елисейские Поля, местопребывание безгрешных. Там, по описанию Вергилия, леса вечно зеленые, поля покрыты роскошными жатвами, воздух чист и прозрачен. Одни тени на мягкой зеленой траве упражняют свою ловкость и силу в борьбе и играх; другие, ритмично ударяя палками о землю, скандируют стихи. Орфей, играя на лире, извлекает из нее гармоничные звуки. Тени также лежат под синью лавровых деревьев и прислушиваются к веселому журчанию прозрачных источников. Там, в этих блаженных местах, находятся тени раненных воинов, сражавшихся за отечество, жрецов, сохранивших всю жизнь целомудрие, поэтов, которых Аполлон вдохновлял, всех, кто посредством искусства облагораживал людей, и тех, благодеяния которых оставили память о себе, и все они увенчаны белоснежной повязкой безгрешных.

Деметра

Деметра, сестра и супруга Зевса, олицетворяла собой земное плодородие; она своей властью заставляла землю производить плоды и считалась главным образом покровительницей хлебных злаков; от Зевса у неё была дочь Персефона, олицетворявшая растительное царство. Деметра была милостивой и благодатной богиней, она не только заботилась о злаках, главной пище людей, но заботилась также об улучшении их жизни. Она научила людей пахать землю, засеять поля, всегда покровительствовала законным бракам и другим законным учреждениям, способствующим спокойной и оседлой жизни народов. Многие знаменитые скульпторы воспроизводили Деметру, но очень немногие статуи сохранились до наших дней, да и то в разрушенном или реставрированном виде. Самое известное изваяние представляет Деметру во весь рост: голова её окружена сиянием, в левой руке у неё корзина, наполненная колосьями, а в правой – факел, который она зажгла от пламени вулкана Этны. Деметра представляется величественной матроной с кроткими, мягкими чертами, в длинных, свободных одеждах, на голове у нее веночек из колосьев, а в руках мак и колосья. Корзина с плодами и свинья – вот ее атрибуты.

Деметра первая вспахала землю плугом, ей обязаны люди произрастанием всех плодов земных, служащих им пищей. Она первая дала людям законы, и все блага, которыми они пользуются, дарованы этой богиней. Она заставила быков склонить их головы под ярмом и послушно бороздить плугом твердую поверхность земли. Вот почему ее жрецы щадят трудящихся быков, а приносят ей в жертву ленивую свинью. Деметра страстно любила свою дочь, и похищение Персефоны повергло ее в страшное горе и отчаяние. Гомер в гимне, посвященном богине жатвы, рассказывает о похищении Персефоны следующее: Зевс обещал Аиду в супруги свою дочь Персефону, и вот в один прекрасный день, когда юная богиня вместе с подругами собирает по полям и лугам душистые цветы, земля разверзается, и появляется на своей сверкающей колеснице мрачный властитель царства теней и увлекает Персефону в свой дворец. Никто не видал этого похищения, и только чуткое ухо матери услышало ее крики о

помощи. Она спешит к ней, но не находит ее. Полная отчаяния, отправляется она на поиски своей дочери.

Одетая в темные одежды, девять дней, ничего не сознавая, ни о чем не думая, блуждала великая богиня Деметра по земле, проливая горькие слезы. Она всюду искала Персефону, всех просила о помощи, но никто не мог помочь ей в ее горе. Наконец, уже на десятый день она пришла к богу Гелиосу и стала со слезами молить его:

– О, лучезарный Гелиос! Ты объезжаешь на золотой колеснице высоко по небу всю землю и все моря, ты видишь все, ничто не может скрыться от тебя; если ты имеешь хоть немного жалости к несчастной матери, то скажи мне, где моя дочь Персефона, скажи, где мне искать ее! Я слышала ее крик, ее похитили у меня. Скажи, кто похитил ее. Я всюду искала ее, но нигде не могу найти!

Ответил Деметре лучезарный Гелиос:

– Великая богиня, ты знаешь, как я чту тебя, ты видишь, как скорблю, видя твою горе. Знай, великий тучегонитель Зевс отдал дочь твою в жены своему мрачному брату, владыке Аиду. Он похитил Персефону и увез ее в свое полное ужасов царство. Побори же свою тяжелую печаль, богиня; ведь велик муж твоей дочери, она стала женой могущественного брата великого Зевса.

Еще больше опечалилась богиня Деметра. Разгневалась она на громовержца Зевса за то, что отдал он без ее согласия Персефону в жены Аиду. Она покинула богов, покинула светлый Олимп, приняла вид простой смертной и, облекшись в темные одежды, долго блуждала между смертными, проливая горькие слезы.

Всякий рост на земле прекратился. Листья на деревьях завяли и облетели. Леса стояли обнаженными. Трава поблекла; цветы опустили свои пестрые венчики и засохли. Не было плодов в садах, засохли зеленые виноградники, не зрели в них тяжелые сочные грозди. Прежде плодородные нивы были пусты, ни былинки не росло на них. Замерла жизнь на земле. Голод царил всюду: всюду слышались плач и стоны. Гибель грозила всему людскому роду. Но ничего не видела, не слышала Деметра, погруженная в печаль по нежно любимой дочери. Бесплодна была земля. Голод становился все сильнее, так как на полях земледельцев не всходило ни единой травки. Напрасно тащили быки тяжелый плуг по пашне – бесплодна была их работа. Гибли целые племена. Вопли голодных неслись к небу, но не внимала им Деметра.

Наконец перестали куриться на земле жертвы бессмертным богам. Гибель грозила всему живому. Не хотел гибели смертных великий тучегонитель Зевс. Он послал к Деметре вестницу богов Ириду. Быстро помчалась она на своих радужных крыльях в Элевсин к храму Деметры, звала ее, молила вернуться на светлый Олимп в сонм богов. Деметра не вняла ее мольбам. Посылал и других богов великий Зевс к Деметре, но богиня не хотела вернуться на Олимп, прежде чем возвратит ей Аид ее дочь Персефону.

Послал тогда к своему мрачному брату Аиду великий Зевс быстрого, как мысль, Гермеса. Гермес спустился в полное ужасов царство Аида, предстал перед сидящим на золотом троне владыкой душ умерших и поведал ему волю Зевса.

Аид согласился отпустить Персефону к матери, но предварительно дал ей проглотить зерно плода гранаты, символ брака. Взошла Персефона на златую колесницу мужа с Гермесом; помчались бессмертные кони Аида, никакие препятствия не были страшны им, и в мгновение ока достигли они Элевсина.

Забыв все от радости, Деметра бросилась навстречу своей дочери и заключила ее в свои объятия. Снова была с ней ее возлюбленная дочь Персефона. С ней вернулась Деметра на Олимп. Тогда великий Зевс решил, что две трети года будет жить с матерью Персефона, а на одну треть – возвращаться к мужу своему Аиду.

Великая Деметра вернула плодородие земле, и снова все зацвело, зазеленело. Нежной весенней листвой покрылись леса; запестрели цветы на изумрудной мураве лугов. Вскоре заколосились хлеботородные нивы; зацвели и заблагоухали сады; засверкала на солнце зелень виноградников. Пробудилась вся природа. Все живое ликовало и славилло великую богиню Деметру и дочь ее Персефону.

Но каждый год покидает свою мать Персефона, и каждый раз Деметра погружается в печаль и снова облекается в темные одежды. И вся природа горюет об ушедшей. Желтеют на деревьях листья, и срывает их осенний ветер; отцветают цветы, нивы пустеют, наступает зима. Спит природа, чтобы проснуться в радостном блеске весны тогда, когда вернется к своей матери из безрадостного царства Аида Персефона. Когда же возвращается к Деметре ее дочь, тогда великая богиня плодородия щедрой рукой сыплет свои дары людям и благословляет труд земледельца богатым урожаем.

Время, проведенное Деметрой в поисках дочери, является для человечества благодатным временем: она щедро одарила всех оказавших ей гостеприимство во дни ее печальных скитаний. Одним она даровала злаки, другим – винные ягоды, третьих научила собирать жатвы, четвертых – печь хлеба. Но щедрее всего наградила она Элевсин, куда она однажды пришла измученная и голодная и была радушно принята Келеем. Войдя к нему в дом, она застала жену его Метанейру всю в слезах у колыбели больного ребенка, которого звали Триптолемом. Деметра берет ребенка и целует его – жизнь и здоровье тотчас же возвращаются к нему. Богиня проводит у Келея некоторое время, она полюбила ребенка и хочет его сделать бессмертным; для этого она кладет его в огонь, чтобы очистить его от всех грехов человечества, но мать в ужасе вырывает ребенка из ее рук. Деметра тогда объясняет ей, что она своим вмешательством лишила сына бессмертия, но так как богиня держала его на руках, то он удостоится божественных почестей, и он будет первым землепашцем и первый соберет плоды своих трудов. Она посылает Триптолема на колеснице, запряженной драконами, разъезжать по всей земле и учить людей земледелию. Всюду встречают его радостно, и везде он – желанный гость. Триптолем, вернувшийся к жизни от поцелуя богини, олицетворяет труд землепашца, побуждающего бесплодие земли с божественной помощью Деметры. Ему воздвигли храм в Афинах рядом с храмом Деметры.

Афина

Один из древнейших греческих мифов рассказывает следующее о происхождении и рождении богини разума. Афина-Паллада была дочерью Зевса и его первой супруги Метис (Размышление), которая сама предсказала, что у неё сперва родится дочь, а затем сын, и этот сын будет властелином вселенной. Зевс, напуганный таким предсказанием, обратился за советом к Гее, и та посоветовала ему проглотить Метис, что он и исполнил. Спустя несколько времени Зевс почувствовал сильную головную боль; ему казалось, что череп его готов разлететься на куски. Он попросил Гефеста раздвоить ему голову топором и посмотреть, что там происходит. Лишь только Гефест исполнил его просьбу, как из головы Зевса вышла вооруженная и в полном расцвете сил Афина-Паллада, «могучая дочь могучего отца», как ее обыкновенно называет Гомер. Афина есть, таким образом, олицетворение божественного разума и благоразумия Зевса. Это сильная и воинственная богиня, умная и рассудительная. Так как она родилась не от матери, а прямо из головы Зевса, то ей чужды все женские слабости; она отличается серьезным, почти мужским характером; ее никогда не смущают волнения любви и страсти; она – вечная девственница, любимица Зевса, его единомышленница, хотя иногда, как, например, в Троянской войне, она поступает против воли отца. Здорово и ясно смотрит она на человечество и охотно принимает участие во всех жизненных проявлениях людей. Она всегда на стороне правого дела, помогает храбрым героям одерживать победы над врагами, является покровительницей Одиссея и Пенелопы, руководительницей Телемака. В ней как бы олицетворяется человеческая культура; она изобрела много полезных предметов, как-то: плуг и грабли; научила людей запрягать волов и заставила их склонить шею под ярмом. Полагают, что она первая смирила лошадь и превратила ее в домашнее животное. Она научила Ясона и его спутников построить корабль Арго и покровительствовала им все время, пока продолжался их знаменитый поход. Афина-Паллада – богиня войны, но она признает только благоразумную войну, ведомую по всем правилам военного искусства и имеющую определенную цель;

этим она отличается от бога войны, Ареса, которому приятен вид крови и который любить ужасы и смятение войны. Афина является повсюду строгою исполнительницей законов, покровительницей и защитницей гражданских прав, городов и гаваней; она обладает зорким глазом; древние поэты называли ее «голубоглазой, светлоокой и дальноркой». Ею был учрежден Ареопаг, и ее почитали, как покровительницу, музыканты, художники и все ремесленники. Когда Земля, родив от Гефеста сына, Эрекса, бросила его на произвол судьбы, Афина подобрала его и воспитала.

Когда Кекропс основал город, названный потом Афинами, он не мог решить, кого выбрать покровителем этого города – Афины или Посейдона. Эта нерешительность вызвала спор между божествами. Фидий изобразил на обоих фронтонах Парфенона этот спор; куски этих фронтонов хранятся теперь в Британском музее. Чтобы примирить обоих противников, Кекропс решил выбрать того из них, кто изобретет самый полезный предмет. Посейдон ударил землю своим трезубцем, и появился источник морской воды; затем он сотворил коня, как бы желая дать понять, что народ, покровителем которого он будет избран, станет воинственным племенем и будет заниматься мореплаванием. Но Афина превратила дикого коня в домашнее животное, а от удара ее копья по земле появилось оливковое дерево, покрытое плодами, указывая этим, что ее народ будет сильным и могучим благодаря земледелию и ремеслам. Кекропс обратился тогда к народу, прося его самого решить, которого из богов он желает избрать своим покровителем. Народ прибегнул ко всеобщему голосованию, причем все мужчины подавали голос за Посейдона, а женщины – за Афины; одной женщиной оказалось больше, Афина одержала победу, и город был ей посвящен. Но, опасаясь гнева Посейдона, пригрозившего поглотить своими волнами Афины, жители воздвигли и ему храм, и вот каким образом афиняне в одно и то же время стали земледельцами, мореплавателями и ремесленниками.

Тканье разных тканей было одним из главных промыслов афинян, но азиатские ткани всегда ценились выше по тонкости и изяществу работы; это соперничество между двумя странами породило поэтический миф о соперничестве между Арахной и Афиной. Арахна была незнатного происхождения, ее отец был простой красильщик родом из Лидии, но она славилась своим искусством ткать красивые и

тонкие ткани; она умела ровно и быстро прясть, а также украшать свои ткани всевозможными вышивками. Всеобщие похвалы так вскружили ей голову, и она на чала так гордиться своим искусством, что вздумала состязаться с Афиной, хвастаясь, что она может ее победить. Богиня, приняв вид старухи, пришла к гордой ткачихе и стала ей доказывать, как опасно для простой смертной оспаривать первенство у богини, но Арахна ей дерзко ответила, что, явись перед нею сама Афина, она сумеет и ей доказать свое превосходство. Афина приняла этот вызов, и они принялись за работу. Богиня выткала на своем станке историю своей распри с Посейдоном, а дерзкая Арахна изобразила на своих тканях разные любовные похождения и превращения богов, но при этом работа ее была исполнена с таким совершенством, что богиня не могла отыскать в ней ни малейшего недостатка. Рассерженная и забыв, что она должна быть справедлива, Афина в пылу гнева ударила ткачиху челноком по голове. Арахна не могла перенести подобного оскорбления и повесилась. Афина освободила Арахну из петли и сказала ей: «Живи, непокорная, но ты будешь вечно ткать, и будет длиться это наказание в твоём потомстве». Афина окропила Арахну соком волшебной травы, тотчас тело ее сжалось, густые волосы упали с головы, и обратилась она в паука. Этот миф указывает на превосходство восточных тканей: Арахна, лидийка по происхождению, все же одержала победу над Афинской богиней, и если она была наказана, то не как работница, а только за свое высокомерное желание тягаться с богиней.

Праздник, известный под названием Великие Панафинеи, был учрежден в Афинах в честь Афины-Паллады, защитницы и покровительницы этого города. Это был, несомненно, самый большой и древний народный праздник; его праздновали каждые четыре года, и в нем принимали участие все афиняне. Он продолжался с половины июля до половины августа.

Афине-Палладе посвящены оливковое дерево, петух, раннее пение которого будит людей труда, змея, символ ума и обдуманности, и сова, от пронизательных глаз которой ничего не остается скрытым во мраке ночи. Имя совы значить по-гречески «блестящеокая», и этот эпитет придавали поэты и самой богине.

Арес и Афродита

Бог войны, неистовый Арес, – сын громовержца Зевса и Геры. Не любит его Зевс. Часто говорит он своему сыну, что он самый ненавистный ему среди богов Олимпа. Зевс не любит сына за его кровожадность. Не будь Арес его сыном, он давно низверг бы его в мрачный Тартар, туда, где томятся титаны. Сердце свирепого Ареса радуют только жестокие битвы. Неистовый, носится он среди грохота оружия, криков и стонов битвы сражающимися, в сверкающем вооружении, с громадным щитом. Следом за ним несутся его сыновья, Деймос и Фобос – ужас и страх, а рядом с ними богиня раздора Эрида и сеющая убийства богиня Энью. Кипит, грохочет битва; ликует Арес; со стоном падают воины. Торжествует Арес, когда сразит своим ужасным мечом воина и хлынет на землю горячая кровь. Без разбора разит он и направо и налево; груда тел вокруг жестоко го бога.

Свиреп, неистов, грозен Арес, но победа не всегда сопутствует ему. Часто приходится Аресу уступать на поле битвы воинственной дочери Зевса, Афине-Палладе. Побеждает она Ареса мудростью и спокойным сознанием силы. Нередко и смертные герои одерживают верх над Аресом, особенно, если им помогает светлоокая Афина-Паллада. Так поразила Ареса медным копьем герой Диомед под стенами Трои. Сама Афина направила удар. Далек разнесся по войску троянцев и греков ужасный крик раненого бога.словно десять тысяч воинов вскрикнули сразу, вступая в яростную битву, так закричал от боли покрытый медными доспехами Арес. Вздогнули в ужасе греки и троянцы, а неистовый Арес понесся, окутанный мрачным облаком, покрытый кровью, с жалобами на Афины к отцу своему Зевсу. Но отец Зевс не стал слушать его жалоб. Он не любит своего сына, которому приятны лишь распри, битвы да убийства.

Грубого Ареса могла победить только богиня красоты Афродита. Союз войны с любовью, силы с красотой вполне отвечал греческому духу, и от союза Ареса и Афродиты родились дочь Гармония и сын Эрот, или Амур, бог любви.

Иногда жена Ареса, прекраснейшая из богинь Афродита, приходит на помощь своему мужу, когда он в пылу битвы встретится с

Афиной, но победительницей выходит любимая дочь громовержца Зевса. Воительница Афина одним ударом повергает на землю прекрасную богиню любви Афродиту. Со слезами воз носится на Олимп вечно юная, дивно прекрасная Афродита, я вслед ей раздаётся торжествующий смех и несутся насмешки Афины.

Рожденная из морской пены, окрашенной кровью раненного Урана, богиня красоты – Афродита, была сперва вынесена морскими волнами на берег острова Киферы, а затем легкий, ласкающий ветерок принес ее на остров Кипр, ставший любимым местопребыванием этой богини. По преданию, всюду, куда бы она ни появлялась, под ее ногами вырастали прекрасные цветы, и обаянию ее красоты покорялись все: боги, люди и даже звери. Художники, изображая ее рождение, представляют ее всегда выходящей из морской пены. На античных картинах богиня обыкновенно лежит в простой раковине. На монетах она изображается на колеснице, везомой тритонами; наконец, на многочисленных барельефах богиня является в сопровождении морских коней или морских центавров. Туалеты Афродиты – излюбленный сюжет для художников и поэтов. Горы, или Часы, занимаются воспитанием прелестной богини, а Грации присутствуют при ее туалете и помогают ей. Она – самая красивая из всех богинь, вечно юная, вечно пленительная, ее прекрасные очи сулят одно блаженство, она обладает волшебным поясом, в котором заключены все чары любви, и даже гордая Гера, желая вернуть любовь Зевса, просит Афродиту одолжить ей этот пояс. Ее золотые украшения горят ярче огня, а прекрасные, увенчанные золотым венком, волосы благоухают.

Отличительный признак всех статуй Афродиты есть именно изящество, элегантность драпировок и движений. Афродита выражает, главным образом, женственность женской природы, и чувство любви, которое она должна возбуждать, есть чувство чистое и продолжительное, не имеющее ничего общего с вспышками чувственными. И только позднейшее искусство стало трактовать и видеть в Афродите имен но только олицетворение женской красоты и чувственной любви, а не могущественную богиню, покоряющую силой своей прелести и женственности всю вселенную.

Вот что говорить Овидий о всемогуществе Афродиты: «Она дает оплодотворенные семена растениям, она первая соединила

общественной и семейной жизнью людей, раньше отличавшихся грубостью и жестокостью, она научила каждое живое существо искать союза с другими существами. Ей обязаны мы размножением птиц и животных. Благодаря ее могуществу живут и размножаются рыбы и все живущие в безбрежных морях и других водах. Она первая придала людям более мягкую, приятную внешность, она же ввела украшения и заботы о наружности».

Остров Кипр славился своими гетерами. Живущий там скульптор Пигмалион был так возмущен наглостью и испорченностью кипрских женщин, что решил оставаться одиноким на всю жизнь. Но так как в его воображении жил образ идеальной женщины, то он вырезал из слоновой кости статую, в которой соединялись красота форм и чистое целомудренное выражение. Статуя эта так нравилась самому творцу, что он влюбился в нее, но ей не хватало жизни, а всем живым женщинам, которых он видел, не хватало чистоты стыдливости.

В один из праздников в честь Афродиты Пигмалион отправился в храм этой богини, принес ей жертву и стал умолять ее о том, чтобы она дала ему в супруги такую же совершенную женщину, как была совершенна его статуя. По-видимому, богиня затруднилась найти такую среди живущих и, желая исполнить просьбу художника, она прибегла к чуду. Когда Пигмалион возвратился домой, он подошел поцеловать свою статую, и – о, чудо, – под его поцелуями она ожила. Афродите были посвящены мирт, яблоко – символы любви, мак – эмблема плодовитости, воробей и голубь, лебедь и ласточка – вестница весны, черепаха – символ женского целомудрия и дельфин, как богине, рожденной из морской пены.

По некоторым мифам, Афродита была супругою Гефеста, но она не любила своего хромого, вечно покрытого сажей и занятого грубыми работами мужа, изменила ему ради красивого, статного бога войны Ареса. Гелиос-всевидящий первым рассказал об этом обманутому мужу. Тогда Гефест выковал тончайшую проволоку, из которой он изготовил почти невидимую, но крепкую сеть, и, подкравшись к ничего не подозревающим жене и Аресу, он набросил на них эту сеть, затем призвал богов для того, чтобы они могли полюбоваться на смятение двух любовников. Но Гефеста, по-видимому, мало огорчала измена жены; в шуточной форме повествует одно стихотворение о том, что Гефест более всего тревожится о судьбе даров, преподнесенных им

в разное время Афродите, и решил не выпускать ее из сетей до тех пор, пока не получить их обратно.

Гефест

Гефест, сын Зевса и Геры, бог огня, бог-кузнец, с которым никто не может сравниться в искусстве ковать, родился на светлом Олимпе. Он родился слабым и хромым ребенком. В гнев пришла великая Гера, когда показали ей богини некрасивого, хилого сына. Она схватила его и сбросила с Олимпа вниз на далекую землю.

Долго несся по воздуху несчастный ребенок и упал наконец в волны безбрежного моря. Сжалились над ним морские богини – Эвринома, дочь великого Океана, и Фетида, дочь вещего морского старца Нерея. Они подняли упавшего в море маленького Гефеста и унесли его с собой глубоко под воды седого Океана. Там в лазурном гроте воспитали они Гефеста. Вырос бог Гефест некрасивым, хромым, но с могучими руками, с широкой грудью и мускулистой шеей. Каким он был дивным художником в своем кузнечном ремесле! Много выковал он великолепных украшений из золота и се ребра своим воспитательницам Эвриноме и Фетиде.

Долго таил Гефест в своем сердце гнев на мать свою богиню Геру, наконец решил отомстить ей за то, что она сбросила его с Олимпа. Он выковал золотое кресло необыкновенной красоты и послал его на Олимп в подарок матери. В восторг пришла жена громовержца Зевса, увидав чудесный подарок. Действительно, только царица богов и людей могла сидеть на кресле такой необычайной красоты. Но – о, ужас! Лишь только Гера села в кресло, как обвинили ее несокрушимые путы, и Гера оказалась прикованной к креслу. Бросились боги ей на помощь. Напрасно, – никто из них не был в силах освободить царицу Геру. Боги поняли, что только Гефест, выковавший кресло, может освободить свою великую мать.

Тотчас послали они бога Гермеса, вестника богов за богом-кузнецом. Вихрем помчался Гермес на край света к берегам Океана. В мгновение ока пронесся над землей и морем и явился в грот, где работал Гефест. Долго просил он Гефеста идти с ним на высокий Олимп – освободить царицу Геру, но наотрез отказался бог-кузнец: он помнил зло, которое причинила ему мать. Не помогли ни просьбы, ни мольбы Гермеса. На помощь ему явился Дионис, веселый бог вина. С

громким смехом поднес он Гефесту чашу благовоного вина, за ней другую, а за ней еще и еще. Охмелел Гефест, теперь можно было с ним сделать все – вести куда угодно. Бог вина Дионис победил Гефеста. Гермес и Дионис посадили Гефеста на осла и повезли на Олимп. Покачиваясь, ехал Гефест. Кругом Гефеста неслись в веселой пляске увитые плющом менады с тирсами в руках. Неуклюже прыгали охмелевшие сатиры. Дымились факелы, громко раздавались звон тимпанов, смех, гремели бубны. А впереди шел великий бог Дионис в венке из винограда и с тирсом. Весело двигалось шествие. Наконец пришли на Олимп. Гефест в один миг освободил свою мать, теперь уже он не помнил обиду.

Гефест остался жить на Олимпе. Он построил там богам величественные золотые дворцы и себе построил дворец из золота, серебра и бронзы. В нем он живет с женой своей, прекрасной, приветливой Харитой, богиней грации и красоты.

В этом же дворце находится и кузница Гефеста. Большую часть времени Гефест проводит в своей полной чудес кузнице. Посередине стоит громадная наковальня, в углу – горн с пылающим огнем и мехи. Дивные эти мехи – их не нужно приводить в движение руками, они повинуются слову Гефеста. Скажет он – и работают мехи, раздувая огонь в горне в ярко пышущее пламя. Покрытый потом, весь черный от пыли и копоти, работает бог-кузнец в своей кузнице. Какие дивные произведения выковывает в ней Гефест: несокрушимое оружие, украшения из золота и серебра, чаши и кубки, треножники, которые катятся сами на золотых колесах как живые.

Окончив работу, омыв в благовоной ванне пот и копоть, Гефест идет, прихрамывая и пошатываясь на своих слабых ногах, на пир богов, к отцу своему, громовержцу Зевсу. Приветливый, добродушный, часто прекращает он готовую разгореться ссору Зевса и Геры. Без смеха не могут боги видеть, как хромым Гефестом ковыляет вокруг пиршественного стола, разливая богам благоухающий нектар. Смех заставляет богов забыть ссоры.

Но бог Гефест может быть и грозным. Многие испытали силу его огня, и страшные, могучие удары его громадного молота. Даже волны бушующих рек Ксанфа и Симоиса смирил под Троей огнем Гефест. Грозный, разил он своим молотом и могучих гигантов.

Велик бог огня, искуснейший, божественный кузнец Гефест, – он дает тепло и радость, он ласков и приветлив, но он же грозно карает.

Гермес

Гермес является в мифологии воплощением обмена, передачи и перехода из одного состояния или положения в другое. Небесный посол, он передает богам молитвы людей, а людям – благодеяния богов; как проводник душ, он олицетворяет переход от жизни к смерти; бог красноречия и договоров, он передает другим мысли оратора или посланника. Он – бог гимназий (школы борцов), потому что борьба состоит в передаче сил; он – бог воров и торговли, потому что предмет, украденный или купленный, переходит из одних рук в другие. Гермес изображается в расцвете лет, с густой остроконечной бородою, с длинными вьющимися волосами, в дорожной низкой шляпе, с крылатыми сандалиями и держащим в руке кадудей, который иногда на статуях походить на скипетр. Бывает, что он изображен высоким, стройным юношей, безбородым, с коротко остриженными волосами, представляя таким образом идеальный тип юноши, посещающего школы борцов (гимназии). Лицо его не выражает величия Зевса или гордости Аполлона, но в нем часто отражается лукавство, присущее этому хитроумному и ловкому богу. Низкая крылатая шляпа и кадудей – главные атрибуты Гермеса.

Гермес – сын Зевса и Майи, дочери Атланта, родился в пещере на аркадской горе Киллене. Немногие из богов упоминаются так часто в мифологии, как этот бог; его роль очень важная; хотя он считается второстепенным богом, но во многих случаях он, подобно лакею в комедии, оказывается главным лицом, руководящим ходом всего дела. Гермес изобрёл лютню в тот же день, как появился на свет. Сбросив с себя пеленки, в которые завернула его заботливая мать, он выбежал из пещеры; у входа увидал он черепаху, медленно и важно прогуливающуюся по мягкой траве; он ее схватил, вытащил животное из его жилища (скорлупы), натянул бараньи струны и покрыл твердый черепаший остов бычьей шкурой. Окончив свою работу, он ударил по струнам и пришел в восторг, от звуков, издававшихся его новым инструментом. Обрадованный своим изобретением, бог импровизирует тотчас же несколько гармонических стихов, которые тут же распевает в честь своего изобретения. Гермес с самого раннего

возраста проявляет качества, доставившие ему почетное звание бога воров. В первый же день своего появления на свет он крадет трезубец Посейдона, стрелы Амура, меч Ареса, пояс Афродиты и, желая достойно закончить столь удачно начатый день, он крадет стадо быков, принадлежащее Аполлону.

По словам Лукиана, про себя Гермес говорил: «Нет бога несчастнее меня: у меня у одного столько дела и такое множество самых разнообразных обязанностей! С утра я должен вымести зал, где пируют боги; приведя там всё в порядок, я отправляюсь к Зевсу выслушивать его приказания и поручения и затем, выполняя их, ношусь, точно скороход, между Олимпом и землей».

Аполлон

Бог света, златокудрый Аполлон, родился на острове Делос. Мать его Латона, гонимая гневом богини Геры, нигде не могла найти себе приюта. Преследуемая посланным Герой драконом Пифоном, она скиталась по всему свету и наконец укрылась на Делосе, носившемся в те времена по волнам бурного моря. Лишь только вступила Латона на Делос, как из морской пучины поднялись громадные столбы и остановили этот пустынный остров. Он стал незыблемо на том месте, где стоит и до сих пор. Кругом Делоса шумело море. Уныло подымались скалы Делоса, обнаженные без малейшей растительности. Лишь чайки морские находили приют на этих скалах и оглашали их своим печальным криком. Но вот родился бог света Аполлон, и всюду разлились потоки яркого света. Как золотом, залили они скалы Делоса. Все кругом зацвело, засверкало: и прибрежные скалы, и гора Кинт, и долина, и море. Громко славили родившегося бога собравшиеся на Делос богини, поднося ему амброзию и нектар. Вся при рода вокруг ликовала вместе с богинями.

Вскоре Аполлон совершил подвиг, победив грозное чудовище Пифона.

Светлый, радостный бог Аполлон знает и печаль, и его постигло горе. Когда Аполлон, гордый своей победой, стоял над сраженным его стрелами чудовищем, он увидел около себя юного бога любви Эрота, натягивающего свой золотой лук. Смеясь, сказал ему Аполлон:

– На что тебе, дитя, такое грозное оружие? Предоставь-ка лучше мне посылать разящие золотые стрелы, которыми я сейчас убил Пифона. Тебе ль равняться славой со мной, стреловержцем? Уж не хочешь ли ты достигнуть большей славы, чем я?

Обиженный Эрот гордо ответил Аполлону:

– Стрелы твои, Феб-Аполлон, не знают промаха, всех разят они, но моя стрела поразит тебя.

Эрот взмахнул своими золотыми крыльями и в мгновение ока взлетел на высокий Парнас. Там вынул он из колчана две стрелы: одну – ранящую сердце и вызывающую любовь, ею пронзил он сердце

Аполлона, другую– убивающую любовь, ее пустил он в сердце нимфы Дафны, дочери речного бога Пеней.

Встретил как-то прекрасную Дафну Аполлон и полюбил ее. Но лишь только Дафна увидела златокудрого Аполлона, как с быстротою ветра пустилась бежать, ведь стрела Эроса, убивающая любовь, пронзила ее сердце. Поспешил ей вслед сребролукий бог.

– Стой, прекрасная нимфа, – взывал Аполлон, – зачем бежишь ты от меня, словно овечка, преследуемая волком. Словно голубка, спасающаяся от орла, несешься ты! Ведь я же не враг твой! Смотри, ты поранила ноги об острые шипы терновника. О, погоди, остановись! Ведь я Аполлон, сын громовержца Зевса, а не простой смертный пастух.

Но все быстрее бежала прекрасная Дафна. Как на крыльях, мчится за ней Аполлон. Все ближе он. Бог сейчас настигнет! Дафна чувствует его дыхание. Силы оставляют ее. Взмолилась Дафна к отцу своему Пеней:

– Отец Пеней, помоги мне! Расступись скорее, земля, и поглоти меня! О, отнимите у меня этот образ, он причиняет мне одно страдание!

Лишь только сказала она это, как тотчас онемели ее члены. Кора покрыла ее нежное тело, волосы обратились в листву, а руки, поднятые к небу, превратились в ветви. Долго печальный стоял Аполлон пред лавром и, наконец, промолвил:

– Пусть же венок лишь из твоей зелени украшает мою голову, пусть отныне украшаешь ты своими листьями и мою кифару, и мой колчан. Пусть никогда не вянет, о лавр, твоя зелень! Стой же вечно зеленым!

А лавр тихо зашелестел в ответ Аполлону своими густыми ветвями и, как бы в знак согласия, склонил свою зеленую вершину.

Весной и летом на склонах лесистого Геликона, там, где таинственно журчат священные воды источника Гиппокрены, и на высоком Парнасе, у чистых вод Кастальского родника, Аполлон водит хоровод с девятью музами. Юные, прекрасные музы, дочери Зевса и Мнемозины, – постоянные спутницы Аполлона. Он предводителем хоров муз и сопровождает их пение игрой на своей золотой кифаре. Величаво идет Аполлон впереди хора муз, увенчанный лавровым венком, за ним следуют все девять муз:

Каллиопа – муза эпической поэзии, Евтерпа – муза лирики, Эрато – муза любовных песен, Мельпомена – муза трагедии, Талия – муза комедии, Терпсихора – муза танцев, Клио – муза истории, Урания – муза астрономии и Полигимния – муза священных гимнов. Торжественно гремит их хор, и вся природа, как зачарованная, внимает их божественному пению.

Когда же Аполлон в сопровождении муз появляется в сонме богов на светлом Олимпе и раздаются звуки его кифары и пение муз, тогда замолкает все на Олимпе. Забывает Арес о шуме кровавых битв, не сверкает молния в руках тучегонителя Зевса, боги забывают раздоры, мир и тишина воцаряются на Олимпе. Даже орел Зевса опускает свои могучие крылья и закрывает свои зоркие очи, не слышно его грозного клекота, он тихо дремлет на жезле Зевса. В полной тиши торжественно звучат струны кифары Аполлона. Когда же Аполлон весело ударяет по золотым струнам кифары, тогда светлый, сияющий хоровод движется в пиршественном зале богов. Музы, хариты, вечно юная Афродита, Арес с Гермесом – все участвуют в веселом хороводе, а впереди всех идет величественная дева, сестра Аполлона, прекрасная Артемида. Залитые потоками золотого света, пляшут юные боги под звуки кифары Аполлона.

Но не только мстителем является Аполлон, не только гибель шлет он своими золотыми стрелами; он врачует болезни. Сын же Аполлона Асклепий – бог врачей и врачебного искусства. Мудрый кентавр Хирон воспитал Асклепия на склонах Пельона. Под его руководством Асклепий стал таким искусным врачом, что превзошел даже своего учителя Хирона. Асклепий не только исцелял все болезни, но даже умерших возвращал к жизни. Этим прогневал он властителя царства умерших Аида и громовержца Зевса, так как нарушил за кон и порядок, установленный Зевсом на земле. Разгневанный Зевс метнул свою молнию и поразил Асклепия. Но люди обожествили сына Аполлона как бога-целителя. Они воздвигли ему много святилищ и среди них знаменитое святилище Асклепия в Эпидавре.

По всей Греции чтили Аполлона. Греки почитали его как бога света, бога, очищающего человека от скверны пролитой крови, как бога, прорицающего волю отца его Зевса, карающего, насылающего болезни и исцеляющего их. Его почитали юноши-греки как своего покровителя. Аполлон – покровитель мореходства, он помогает

основанию новых колоний и городов. Художники, поэты, певцы и музыканты состоят под особым покровительством предводителя хора муз, Аполлона-кифареда. Аполлон равен самому Зевсу-громовержцу по тому поклонению, которое воздавали ему греки.

Артемида

Вечно юная, прекрасная богиня родилась на Делосе в одно время с братом своим, златокудрым Аполлоном. Они близнецы. Самая искренняя любовь, самая тесная дружба соединяют брата и сестру. Глубоко любят они и мать свою Латону.

Всем дает жизнь Артемида. Она заботится обо всем, что живет на земле и растет в лесу и в поле. Заботится она о диких зверях, о стадах домашнего скота и о людях. Она вызывает рост трав, цветов и деревьев, она благословляет рождение, свадьбу и брак. Богатые жертвы приносят греческие женщины славной дочери Зевса Артемиде, благословляющей и дающей счастье в браке, исцеляющей и насылающей болезни.

Вечно юная, прекрасная, как ясный день, богиня Артемида, с луком и колчаном за плечами, с копьем охотника в руках, весело охотится в тенистых лесах и залитых солнцем полях. Шумная толпа нимф сопровождает ее, а она, величественная, в короткой одежде охотницы, доходящей лишь до колен, быстро несется по лесистым склонам гор. Не спастись от ее не знающих промаха стрел ни пугливому оленю, ни робкой лани, ни разъяренному кабану, скрывающемуся в зарослях камыша. За Артемидой спешат ее спутницы-нимфы. Веселый смех, крики, лай своры собак далеко раздаются в горах, и отвечает им громко горное эхо. Когда же утомится богиня на охоте, то спешит она с нимфами в священные Дельфы, к любимому брату, стреловержцу Аполлону. Там отдыхает она. Под божественные звуки золотой кифары Аполлона водит она хороводы с музами и нимфами. Впереди всех идет в хороводе Артемида, стройная, прекрасная; она прекраснее всех нимф и муз и выше их на целую голову. Любит отдыхать Артемида и в дышащих прохладой, увитых зеленью гротах, вдали от взоров смертных. Горе тому, кто нарушает покой ее. Так погиб и юный Актеон, сын Автонои, дочери фиванского царя Кадма.

Однажды охотился Актеон со своими товарищами в лесах Киферона. Настал жаркий полдень. Утомленные охотники расположились на отдых в тени густого леса, а юный Актеон,

отделившись от них, пошел искать прохлады в долинах Киферона. Вышел он на зеленую, цветущую долину Гаргафию, посвященную богине Артемиде. пышно разрослись в долине платаны, мирты и пихты; как темные стрелы высились на ней стройные кипарисы, а зеленая трава пестрела цветами. Прозрачный ручей журчал в долине. всюду царила тишина, по кой и прохлада. В крутом склоне горы увидел Актеон прелестный грот, весь обвитый зеленью. Он пошел к этому гроту, не зная, что грот часто служит местом отдыха дочери Зевса, Артемиде.

Когда Актеон подошел к гроту, туда только что вошла Артемиде. Она отдала лук и стрелы одной из нимф и готовилась к купанью. Нимфы сняли с богини сандалии, волосы завязали узлом, и уже хотели идти к ручью зачерпнуть студеной воды, как у входа в грот показался Актеон. Громко вскрикнули нимфы, увидав входящего Актеона. Они окружили Артемиду, они хотят скрыть ее от взора смертного. Подобно тому как пурпурным огнем зажигает облака восходящее солнце, так зарделось краской гнева лицо богини, гневом сверкнули ее очи, и еще прекраснее стала она. Разгневалась на то Артемиде, что Актеон нарушил ее покой, в гнев Артемиде превратила несчастного Актеона в стройного оленя.

ветвистые рога выросли на голове Актеона. Ноги и руки обратились в ноги оленя. Вытянулась его шея, заострились уши, пятнистая шерсть покрыла все тело. Пугливый олень обратился в поспешное бегство. Увидел Актеон свое отражение в ручье. Он хочет воскликнуть: «О, горе!» – но нет у него дара речи. Слезы покатались у него из глаз – но из глаз оленя. Лишь разум человека сохранился у него. Что делать ему? Куда бежать?

Собаки Актеона почуяли след оленя; они не узнали своего хозяина и с яростным лаем бросились за ним. Через долины по ущельям Киферона, по стремнинам гор, через леса и поля, как ветер, несся прекрасный олень, закинув на спину ветвистые рога, а за ним мчались собаки. Все ближе и ближе собаки, вот они настиг ли его, и их острые зубы впились в тело несчастного Актеона-оленя. Хочет крикнуть Актеон: «О, пощадите! Ведь это я, Актеон, ваш хозяин!» – но только стон вырывается из груди оленя, и слышится в этом стоне звук голоса человека. Упал на колени олень-Актеон. Скорбь, ужас и мольба

видны в его глазах. Неизбежна гибель, – рвут его тело на части рассвирепевшие псы.

Подоспевшие товарищи Актеона жалели, что нет его с ними при таком счастливом лове. Дивного оленя за травили собаки. Не знали товарищи Актеона, кто этот олень. Так погиб Актеон, нарушивший покой богини Артемиды, единственный из смертных, видевший небесную красоту дочери громовержца Зевса и Латоны.

Прометей

Пустынная, дикая местность на самом краю земли, в стране скифов. Суровые скалы уходят за облака своими остроконечными вершинами. Кругом – никакой растительности, не видно ни единой травки, все голо и мрачно. Всюду высятся темные громады камней, оторвавшихся от скал. Море шумит и грохочет, ударяясь своими валами о подножие скал, и высоко взлетают со леные брызги. Морской пеной покрыты прибрежные камни. Далеко за скалами виднеются снежные вершины кавказских гор, подернутые легкой дымкой. Постепенно заволакивают даль грозные тучи, скрывая горные вершины. Все выше и выше поднимаются по небу тучи и закрывают солнце. Еще мрачнее становится все кругом. Безотрадная, суровая местность. Никогда еще не ступала здесь нога человека. Сюда-то, на край земли, привели слуги Зевса скованного титана Прометея, что бы приковать его несокрушимыми цепями к вершине скалы. Неодолимые слуги громовержца, Сила и Власть, ведут Прометея. Громадные тела их словно высечены из гранита. Не знают сердца их жалости, в их глазах никогда не светится сострадание, их лица суровы, как скалы, которые стоят вокруг. Печальный, низко склонив голову, идет за ними бог Гефест со своим тяжелым молотом. Ужасное дело предстоит ему. Он должен своими руками приковать друга своего Прометея. Глубокая скорбь за участь друга гнетет Гефеста, но не смеет он послушаться своего отца, громовержца Зевса. Он знает, как неумолимо карает Зевс неповиновение.

Сила и Власть возвели Прометея на вершину скалы и торопят Гефеста приниматься за работу. Их жестокие речи заставляют Гефеста еще сильнее страдать за друга. Неохотно берется он за свой громадный молот, толь ко необходимость заставляет его повиноваться. Но торопит его Сила:

– Скорей, скорей бери оковы! Прикуй могучими ударами молота Прометея к скале. Напрасна твоя скорбь о нем, ведь ты скорбишь о враге Зевса.

Сила грозит гневом Зевса Гефесту, если он не при кует Прометея так, чтобы ничто не могло освободить его. Гефест приковывает к скале

несокрушимыми цепями руки и ноги Прометея. Как ненавидит он теперь свое искусство – благодаря ему он должен приковать друга на долгие муки. Неумолимые служители Зевса все время следят за его работой.

– Сильней бей молотом! Крепче стягивай оковы! Не смей их ослаблять! Хитер Прометей, искусно умеет он находить выход и из неодолимых препятствий, – говорит Сила. – Крепче прикуй его, пусть здесь узнает он, каково обманывать Зевса.

– О, как подходят жестокие слова ко всему твоему суровому облику! – восклицает Гефест, принимаясь за работу.

Скала содрогается от тяжких ударов молота и от края до края земли разносится грохот могучих ударов. Прикован, наконец, Прометей. Но это еще не все, нужно еще прибить его к скале, пронзив ему грудь стальным, несокрушимым острием. Медлит Гефест.

– О, Прометей! – восклицает он. – Как скорблю я, видя твои муки!

– Опять ты медлишь! – гневно говорит Гефесту Сила. – Ты все скорбишь о враге Зевса! Смотри, как бы не пришлось тебе скорбеть о самом себе!

Наконец все окончено. Все сделано так, как повелел Зевс. Прикован титан, а грудь его пронзило стальное острие. Издеваясь над Прометеем, говорит ему Сила:

– Ну вот, здесь ты можешь быть сколько хочешь надменным; будь горд по-прежнему! Давай теперь смертным дары богов, похищенные тобой! Посмотрим, в силах ли будут помочь тебе твои смертные. Придется тебе самому подумать о том, как освободиться из этих оков.

Но Прометей хранит гордое молчание. За все время, пока приковывал его Гефест к скале, он не проронил ни единого слова, даже тихий стон не вырвался у него, – ничем не выдал он своих страданий.

Ушли слуги Зевса, Сила и Власть, а с ними ушел и печальный Гефест. Один остался Прометей; слушать его могли теперь лишь море да мрачные тучи. Только теперь тяжкий стон вырвался из пронзенной груди могучего титана, только теперь стал он сетовать на злую судьбу свою. Громко воскликнул Прометей. Невыразимым страданием и скорбью звучали его сетования:

– О, божественный эфир и вы, быстронесущиеся ветры, о, источники рек и несмолкающий рокот морских волн, о, земля, всеобщая праматерь, о, всевидящее солнце, обегающее весь круг

земли, – всех вас зову я в свидетели! Смотрите, что терплю я! Вы видите, какой позор должен нести я неисчислимыe годы! О, горе, горе! Стонать я буду от мук и теперь, и много, много веков! Как найти мне конец моим страданиям? Но что же говорю я! Ведь я же знал все, что будет. Муки эти не постигли меня неожиданно. Я знал, что неизбежны веления грозного рока. Я должен нести эти муки! За что же? За то, что я дал великие дары смертным, за это я должен страдать так невыносимо, и не избежать мне этих мук. О, горе, горе! Но не вечно будет страдать Прометей. Он знает, что злой рок постигнет и могучего громовержца. Не избегнет он своей судьбы! Прометей знает, что царство Зевса не вечно: будет он свергнут с высокого царственного Олимпа. Знает вещий титан и великую тайну, как избежать Зевсу этой злой судьбы, но не откроет он этой тайны Зевсу. Никакая сила, никакие угрозы, никакие муки не исторгнут ее из уст гордого Прометей.

Прошли долгие века. Титаны давно примирились с Зевсом и покорились ему. Они признали его власть, и Зевс освободил их из мрачного Тартара. Теперь они, громадные, могучие, пришли на край земли к скале, где лежал скованный Прометей. Они окружили его скалу и убеждают Прометей покориться Зевсу. Пришла и мать Прометей, Фемида, и молит сына смирить свой гордый дух и не противиться Зевсу. Она молит сына сжалиться над ней – ведь так невыносимо страдает она, видя муки сына. Сам Зевс забыл уже свой прежний гнев. Теперь держава его сильна, ничто не может поколебать ее, ни что не страшно ему. Да и правит он уже не как тиран, он охраняет государства, хранит законы. Он покровительствует людям и правде среди них. Только од но беспокоит еще громовержца – это та тайна, которую знает один Прометей. Зевс готов, если Прометей откроет ему роковую тайну, помиловать могучего титана. Уже близко время, когда кончатся муки Прометей. Уже родился и возмужал великий герой, которому суждено судьбой освободить от оков титана. Не преклонный Прометей по-прежнему хранит тайну, изнывая от мук, но и его начинают покидать силы.

Наконец, и великий герой, которому суждено освободить Прометей, во время своих странствований приходит сюда, на край земли. Герой этот – Геракл, сильнейший из людей, могучий, как бог. С ужасом смотрит он на мучения Прометей, и сострадание овладевает им. Титан рассказывает Гераклу о злой судьбе своей и пророчествует

ему, какие еще великие подвиги предстоит ему совершить. Полный внимания, слушает титана Геракл. Но еще не весь ужас страданий Прометея видел Геракл. Вдали слышится шум могучих крыльев – это летят орел на свой кровавый пир. Он кружится высоко в небе над Прометеем, готовый спуститься к нему на грудь. Геракл не дал ему терзать Прометея. Он схватил свой лук, вынул из колчана смертоносную стрелу, призвал стреловержца Аполлона, чтобы верней направил он полет стрелы, и пустил ее. Громко зазвенела тетива лука, взвилась стрела, и пронзенный орел упал в бурное море у самого подножья скалы. Миг освобождения настал. Принесся с высокого Олимпа быстрый Гермес. С ласковой речью обратился он к могучему Прометею и обещал ему не медленнее освобождение, если откроет он тайну, как избежать Зевсу злой судьбы. Согласился, наконец, могучий Прометей открыть Зевсу тайну и сказал:

– Пусть не вступает громовержец в брак с морскою богиней Фетидой, так как богини судьбы, вещие мойры, вынули такой жребий Фетиде: кто бы ни был ее мужем, от него родится у нее сын, который будет могущественней отца. Пусть боги отдадут Фетиду в жены герою Пелею, и будет сын Фетиды и Пелея величайшим из смертных героев Греции.

Прометей открыл великую тайну. Геракл разбил своей тяжелой палицей его оковы и вырвал из груди его несокрушимое стальное острие, которым пригвожден был титан к скале. Встал титан, теперь он был свободен. Кончились его муки. Так исполнилось его предсказание, что смертный освободит его. Громкими, радостными кликами приветствовали титаны освобождение Прометея.

С тех пор носит Прометей на руке железное кольцо, в которое вставлен камень от той скалы, где терпел он столько веков невыразимые муки.

Вместо же Прометея в подземное царство душ умерших согласился сойти мудрый кентавр Хирон. Этим избавился он от страданий, которые причиняла ему не исцелимая рана, нанесенная ему нечаянно Гераклом.

Пандора

Когда Прометей похитил для смертных божественный огонь, научил их искусствам и ремеслам и дал им знания, счастливее стала жизнь на земле. Зевс, разгневанный поступком Прометея, жестоко покарал его, а людям послал на землю зло. Он повелел славному богу-кузнецу Гефесту смешать землю и воду и сделать из этой смеси прекрасную девушку, которая обладала бы силой людей, нежным голосом и взглядом очей, подобным взглядом бессмертных богинь. Дочь Зевса, Афина-Паллада, должна была вы ткать для нее прекрасную одежду; богиня любви, золотая Афродита, должна была дать ей неотразимую прелесть; Гермес – дать ей хитрый ум и изворотливость.

Тотчас же боги исполнили повеление Зевса, Гефест сделал из земли необычайно прекрасную девушку. Оживили ее боги. Афина-Паллада с харитами облек ли девушку в сияющие, как солнце, одежды и надели на нее золотые ожерелья. Оры возложили на ее пышные кудри венок из вешних благоухающих цветов. Гермес вложил ей в уста лживые и полные лести речи. Назвали боги ее Пандорой, так как от всех их получила она дары. Пандора должна была принести с собой людям несчастье.

Когда это зло для людей было готово, Зевс послал Гермеса отнести Пандору на землю к брату Прометея, Эпиметею. Мудрый Прометей много раз предостерегал своего неразумного брата и советовал ему не принимать даров от громовержца Зевса. Он боялся, что эти дары принесут с собой людям горе. Но не послушался Эпиметей совета мудрого брата. Пленила его своей красотой Пандора, и он взял ее себе в жены. Вскоре Эпиметей узнал, сколько зла принесла с собой Пандора людям.

В доме Эпиметея стоял большой сосуд, плотно за крытый тяжелой крышкой; никто не знал, что в этом сосуде, и никто не решался открыть его, так как все знали, что это грозит бедами. Любопытная Пандора тайно сняла с сосуда крышку, и разлетелись по всей земле те бедствия, которые были некогда в нем заключены. Только одна Надежда осталась на дне громадного сосуда. Крышка сосуда снова

захлопнулась, и не вылетела Надежда из дома Эпиметея. Этому не пожелал громовержец Зевс.

Счастливо жили раньше люди, не зная зла, тяжелого труда и губительных болезней. Теперь мириады бедствий распространились среди людей. Теперь злом наполнились и земля, и море. Незваными к днем, а ночью приходят к людям зло и болезни, страдания несут они с собой людям. Неслышными шагами, молча приходят они, так как лишил их Зевс дара речи, – он сотворил зло и болезни немыми.

Персей и медуза Горгона

Полидект замыслил насильно взять себе в жены прекрасную Данаю, но Даная ненавидела сурового царя Полидекта. Персей заступился за свою мать. Разгневался Полидект и с этого времени он думал только об одном – как погубить ему Персея. В конце концов жестокий Полидект решил послать Персея за головой горгоны Медузы. Он призвал Персея и сказал ему:

– Если ты действительно сын громовержца Зевса, то не откажешься совершить великий подвиг. Сердце твое не дрогнет ни перед какой опасностью. Докажи же мне, что Зевс – твой отец, и принеси мне голову горгоны Медузы. О, верю я, Зевс поможет своему сыну!

Гордо взглянул Персей на Полидекта и спокойно ответил:

– Хорошо, я добуду тебе голову Медузы.

Отправился Персей в далекий путь. Ему нужно было достигнуть западного края земли, той страны, где царили богиня Ночь и бог смерти Танат. В этой стране жили и ужасные горгоны. Все тело их покрывала блестящая и крепкая, как сталь, чешуя. Ни один меч не мог разрубить эту чешую, только изогнутый меч Гермеса. Громадные медные руки с острыми стальными когтями были у горгон. На головах у них вместо волос двигались, шипя, ядовитые змеи. Лица горгон, с их острыми, как кинжалы, клыками, с губами, красными, как кровь, и с горящими яростью глазами бы ли исполнены такой злобы, были так ужасны, что в камень обращался всякий от одного взгляда на горгон. На крыльях с золотыми сверкающими перьями горгоны быстро носились по воздуху. Горе человеку, которого они встречали! Горгоны разрывали его на части своими медными руками и пили его горячую кровь.

Тяжелый, нечеловеческий подвиг предстояло совершить Персею. Но боги Олимпа не могли дать погибнуть ему, сыну Зевса. На помощь ему явился быстрый, как мысль, посланник богов Гермес и любимая дочь Зевса, воительница Афина. Афина дала Персею медный щит, такой блестящий, что в нем, как в зеркале, отражалось все; Гермес же

дал Персею свой острый меч, который рубил, как мягкий воск, самую твердую сталь. Вестник богов указал юному герою, как найти горгон.

Долог был путь Персея. Много стран прошел он, много видел народов. Наконец достиг он мрачной страны, где жили старые грайи. Один только глаз и один зуб имели они на всех трех. По очереди пользовались они ими. Пока глаз был у одной из грай, две другие были слепы, и зрячая грайя вела слепых, беспомощных сестер. Когда же, вынув глаз, грайя передавала его следующей по очереди, все три сестры были слепы. Эти-то грайи охраняли путь к горгонам, только они одни знали его. Тихо подкрался к ним во тьме Персей, и, по совету Гермеса, вырвал у одной из грай чудесный глаз как раз в тот миг, когда она передавала его своей сестре. Вскрикнули грайи от ужаса. Теперь они все трое были слепы. Что делать им слепым и беспомощным? Стали они молить Персея, заклиная его всеми богами, отдать им глаз. Они готовы были сделать все для героя, лишь бы он вернул им их со кровище. Тогда Персей потребовал у них за возвращение глаза указать ему путь к горгонам. Долго колебались грайи, но пришлось им, чтобы вернуть себе зрение, указать этот путь. Так узнал Персей, как попасть ему на остров горгон, и быстро отправился дальше.

Во время дальнейшего пути пришел Персей к нимфам. От них получил он три подарка: шлем властителя подземного царства Аида, который делал невидимым всякого, кто его надевал, сандалии с крыльями, с помощью которых можно было быстро носиться по воздуху, и волшебную сумку: эта сумка то расширялась, то сжималась, смотря по величине того, что в ней лежало. Надел Персей крылатые сандалии, шлем Аида, перекинул через плечо чудесную сумку и быстро понесся по воздуху к острову горгон.

Высоко в небе неся Персей. Под ним расстилалась земля с зелеными долинами, по которым серебряными лентами вились реки. Города виднелись внизу, в них ярко сверкали белым мрамором храмы богов. Вдали высились горы, покрытые зеленью лесов, и, как алмазы, горели в лучах солнца их вершины, покрытые снегом. Вихрем несется Персей все дальше и дальше. Он летит так высоко, как не взлетают и орлы на своих могучих крыльях. Вот блеснуло вдали, как расплавленное золото, море. Теперь над морем летит Персей, и шум морских волн едва уловимым шорохом доносится до него. Вот уже не видно земли. Во все стороны куда только хватает взора Персея, раскинулась

под ним равнина вод. Наконец в голубой дали моря черной полоской показался остров. Все ближе он. Это остров горгон. Что-то нестерпимым блеском сверкает в лучах солнца на этом острове. Ниже спустился Персей. Как орел, парит он над островом и видит: на скале спят три ужасные горгоны. Они раскинули во сне медные руки, огнем горят на солнце их стальная чешуя и золотые крылья. Змеи на их головах чуть шевелятся во сне. Скорей отвернулся Персей от горгон. Боится увидеть он их грозные лица – ведь один взгляд, и в камень обратится он. Взял Персей щит Афины-Паллады – как в зеркале, отразились в нем горгоны. Которая же из них Медуза? Как две капли воды похожи друг на друга горгоны. Из трех горгон лишь Медуза смертна, только ее можно убить, задумался Персей. Тут помог Персею быстрый Гермес. Он указал Персею Медузу и тихо шепнул ему на ухо:

– Скорей, Персей! Смелее спускайся вниз. Вон, крайняя к морю Медуза. Отруби ей голову. Помни, не смотри на нее! Один взгляд, и ты погиб. Спешу, пока не проснулись горгоны!

Как падает с неба орел на намеченную жертву, так ринулся Персей к спящей Медузе. Он глядит в ясный щит, чтобы верней нанести удар. Змеи на голове Медузы почуяли врага. С грозным шипением поднялись они. Пошевелинулась во сне Медуза. Она уже приоткрыла глаза. В этот миг, как молния, сверкнул острый меч. Одним ударом отрубил Персей голову Медузе. Ее темная кровь потоком хлынула на скалу, а с потоками крови из тела Медузы взвился к небу крылатый конь Пегас и великан Хрисаор. Быстро схватил Персей голову Медузы и спрятал ее в чудесную сумку. Извиваясь в судорогах смерти, тело Медузы упало со скалы в море. От шума его падения проснулись сестры Медузы, Стейно и Эвриала. Взмахнув могучими крыльями, они взвились над островом и горящими яростью глазами смотрят кругом. Горгоны с шумом носятся по воздуху, но бесследно исчез убийца сестры их Медузы. Ни одной живой души не видно ни на острове, ни далеко в море. А Персей быстро несся, невидимый в шлеме Аида, над шумящим морем. Вот уже несется он над песками Ливии. Сквозь сумку просочилась кровь из головы Медузы и падала тяжелыми каплями на песок. Из этих капель крови породили пески ядовитых змей. Все кругом кишело ими, все живое обращалось в бегство от них; змеи обратили Ливию в пустыню.

Персей и Андромеда

После долгого пути Персей достиг царства Кефея, лежавшего в Эфиопии на берегу Океана. Там, на скале, у самого берега моря он увидел прикованную прекрасную Андромеду, дочь царя Кефея. Она должна была искупить вину своей матери, Кассиопеи. Кассиопея прогневала морских нимф. Гордясь своей красотой, она сказала, что всех прекрасней она, царица Кассиопея. Разгневались нимфы и умолили бога морей Посейдона наказать Кефея и Кассиопею. Посейдон послал, по просьбе нимф, чудовище, подобное исполинской рыбе. Оно всплывало из морской глубины и опустошало владения Кефея. Плачем и стонами наполнилось царство Кефея. Он обратился, наконец, к оракулу Зевса Аммону и спросил, как избавиться ему от этого несчастья. Оракул дал такой ответ:

– Отдай свою дочь Андромеду на растерзание чудовищу, и окончится тогда кара Посейдона.

Народ, узнав ответ оракула, заставил царя приковать Андромеду к скале у моря. Бледная от ужаса, стояла у подножия скалы в тяжелых оковах Андромеда; с невыразимым страхом смотрела она на море, ожидая, что вот-вот появится чудовище и растерзает ее. Слезы катились из ее глаз, ужас охватывал ее от одной мысли о том, что должна она погибнуть в цвете прекрасной юности, полная сил, не изведав радостей жизни. Ее-то и увидел Персей. Он принял бы ее за дивную статую из белого паросского мрамора, если бы морской ветер не развеивал ее волос и не падали из ее прекрасных глаз крупные слезы. С восторгом смотрит на нее юный герой, и могучее чувство любви к Андромеде загорается в его сердце. Персей быстро спустился к ней и ласково спросил ее:

– О, скажи мне, прекрасная дева, чья это страна, назови мне твое имя! Скажи, за что прикована ты здесь к скале?

Андромеда рассказала, за чью вину приходится ей страдать. Не хочет прекрасная дева, чтобы герой по думал, что искупает она собственную вину. Еще не окончила свой рассказ Андромеда, как заклокотала морская пучина, и среди бушующих волн показалось чудовище. Оно высоко подняло свою голову с разверстой громадной

пастью. Громко вскрикнула от ужаса Андромеда. Обезумев от горя, прибежали на берег Кефей и Кассиопея. Горько плачут они, обнимая дочь. Нет ей спасенья! Тогда заговорил сын Зевса, Персей:

– Еще много будет у вас времени лить слезы, мало времени лишь для спасения вашей дочери. Я – сын Зевса, Персей, убивший обвитую змеями горгону Медузу. Отдайте мне в жены вашу дочь Андромеду, и я спасу ее.

С радостью согласились Кефей и Кассиопея. Они готовы были сделать все для спасителя дочери. Кефей обещал ему даже все царство в приданое, лишь бы он спас Андромеду. Уже близко чудовище. Оно быстро приближается к скале, широкой грудью рассекая волны, подобно кораблю, который несется по волнам, как на крыльях, от взмахов весел могучих юных гребцов. Не далее полета стрелы было чудовище, когда Персей взлетел высоко на воздух. Тень его упала в море, и с яростью ринулось чудовище на тень героя. Персей смело бросился с высоты на чудовище и глубоко вонзил ему в спину изогнутый меч. Почувствовав тяжкую рану, высоко поднялось в волнах чудовище; оно бьется в море, словно кабан, которого с неистовым лаем окружила стая собак; то погружается оно глубоко в воду, то вновь всплывает. Бешено бьет по воде чудовище своим рыбьим хвостом, и тысячи брызг взлетают до самых вершин прибрежных скал. пеной покрылось море. Раскрыв пасть, бросается чудовище на Персея, но с быстротой чайки взлетает он в своих крылатых сандалиях. Удар за ударом наносит он.

Кровь и вода хлынули из пасти чудовища, пораженного насмерть. Крылья сандалий Персея намокли, они едва держат на воздухе героя. Быстро понесся могучий сын Данай к скале, которая выдавалась из моря, обхватил ее левой рукой и трижды погрузил свой меч в широкую грудь чудовища. Окончен ужасный бой, Радостные крики несутся с берега. Все славят могу чего героя. Сняты оковы с прекрасной Андромеды, и, торжествуя победу, ведет Персей свою невесту во дворец отца ее Кефея.

Богатые жертвы принес Персей отцу своему Зевсу, Афине-Палладе и Гермесу. Веселый свадебный пир начался во дворце Кефея. Гименей и Эрот зажгли свои благоухающие факелы. Весь дворец Кефея увит зеленью и цветами. Громко раздаются звуки кифар и лир, гремят свадебные хоры. Двери дворца открыты настежь.

Пиршественный зал горит золотом. Кефей и Кассиопея пируют с новобрачными, пирует и весь на род. Веселье и радость царят кругом. За пиром Персей рассказывает о своих подвигах. Вдруг грозный звон оружия раздался в пиршественном зале. По дворцу разнесся военный клич, подобный шуму моря, когда оно, вздымаясь, бьется своими гонимыми бурным ветром волнами о высокий скалистый берег. Это шел первый жених Андромеды, Финей, с большим войском.

Войдя во дворец и потрясая копьем, громко воскликнул Финей:

– Горе тебе, похититель невест! Не спасут тебя от меня ни твои крылатые сандалии, ни даже сам Зевс-громовержец!

Финей хотел уже бросить копьем в Персея, но царь Кефей остановил его словами:

– Что ты делаешь? Что заставляет тебя так безумствовать? Так хочешь ты наградить подвиг Персея? Это будет твоим свадебным подарком? Разве похитил у тебя Персей твою невесту? Нет, она была похищена у тебя тогда, когда ее вели приковать к скале, когда она шла на гибель. Почему же ты тогда не явился к ней на помощь? Ты хочешь теперь отнять у победителя его награду? Зачем же не явился ты сам за Андромедой, когда она была прикована к скале, зачем тогда не отнял ее у чудовища?

Ничего не ответил Кефей Финей, гневно смотрел он то на Кефея, то на прекрасного сына Зевса, и вдруг, напрягши все силы, бросил копьем в Персея. Мимо пролетело копье и вонзилось в ложе Персея. Вырвал его могучей рукой юный герой, вскочил с своего ложа и грозно замахнулся копьем. Он поразил бы насмерть Финей, но тот спрятался за жертвенник, и копье попало в голову героя Рета, и он упал мертвым. Закипел ужасный бой. Быстро принеслась с Олимпа воительница Афина на помощь своему брату Персею. Она прикрыла его своей эгидой и вдохнула, в него непобедимое мужество. Ринулся в бой Персей. Как молния, блещет у него в руках смертоносный меч, которым он убил Медузу. Одного за другим разит он насмерть героев, пришедших с Финеем. Гора тел, залитых кровью, громоздится пред Персеем. Он схватил обеими руками огромную бронзовую чашу, в которой смешивали вино для пира, и метнул ее в голову героя Эвритоя. Как пораженный громом, упал герой, и отлетела душа его в царство теней. Один за другим падают герои, но много привел их с собой Финей. Персей же – чужеземец в царстве Кефея, немного товарищей у

него в битве, почти одному приходится ему бороться со множеством врагов. Многие соратники Персея уже пали в этой неистовой битве. Погиб, сраженный копьем, и певец, который сладкозвучным пением услаждал пирующих, играя на златострунной кифаре. Падая, певец задел за струны кифары, и печально, как пред смертный стон, зазвенели струны, но стук мечей и стоны умирающих заглушили звон струн. Словно град, гонимый ветром, летят стрелы. Прислонясь к колонне и прикрывшись блестящим щитом Афины, бьется с врагами Персей. А они со всех сторон окружили героя; бой вокруг него все неистовей. Видя, что ему грозит неминуемая гибель, воскликнул громко могучий сын Данаи:

– У врага, сраженного мною, найду я помощь! Сами принудили вы меня искать у него защиты! Скорей отвернитесь все, кто друг мне!

Быстро вынул из чудесной сумки Персей голову горгоны Медузы и поднял ее высоко над головой. Один за другим обращаются в каменные статуи нападающие на Персея герои. Одни из них окаменели, замахнувшись мечом, чтобы пронзить грудь врага, другие – потрясая острыми копьями, третьи – прикрывшись щитами. Один взгляд на голову Медузы обратил их в мраморные статуи. Весь пиршественный зал наполнился мраморными статуями. Страх объял Финей, когда увидел он, что все друзья его обратились в камень. Упав на колени и простирая руки с мольбой к Персею, воскликнул Финей:

– Ты победил, Персей! О, спрячь скорей ужасную голову Медузы, молю тебя – спрячь ее. О, великий сын Зевса, все возьми, владей всем, только жизнь одну оставь мне!

С насмешкой ответил Персей Финею:

– Не бойся, жалкий трус! Не сразит тебя мой меч. На вечные времена дам я тебе награду! Вечно будешь ты стоять здесь во дворце Кефея, чтобы жена моя утешалась, глядя на изображение своего первого жениха.

Протянул к Финею герой голову Медузы, и, как ни старался Финей не глядеть на ужасную горгону, все же взгляд его упал на нее, и мигом обратился он в мраморную статую. Стоит обращенный в камень Финей, склонясь, как раб, пред Персеем. Навек сохрани лось в глазах статуи-Финей выражение страха и рабской мольбы.

Геракл и Гесиона

На обратном пути в Тиринф из страны амазонок Геракл прибыл на кораблях со своим войском к Трое. Тяжелое зрелище предстало пред глазами героев, когда они причалили к берегу недалеко от Трои. Они увидели прекрасную дочь царя Трои Лаомедонта, Гесиону, прикованную к скале у самого берега моря. Она была обречена, подобно Андромеде, на растерзание чудовищу, выходявшему из моря. Это чудовище послал в наказание Лаомедонту Посейдон за отказ уплатить ему и Аполлону плату за постройку стен Трои. Гордый царь, которому, по приговору Зевса, должны были служить оба бога, грозил даже обрезать им уши, если они будут требовать платы. Тогда, разгневанный Аполлон наслал на все владения Лаомедонта ужасный мор, а Посейдон – чудовище, которое опустошало, никого не щадя, окрестности Трои. Только пожертвовав жизнью дочери, мог Лаомедонт спасти свою страну от ужасного бедствия. Против воли пришлось ему приковать к скале у моря свою дочь Гесиону.

Увидав несчастную девушку, Геракл вызвался спасти ее, а за спасение Гесионы потребовал он у Лаомедонта в награду тех коней, которых дал царю Трои громовержец Зевс как выкуп за его сына Ганимеда. Его некогда похитил орел Зевса и унес на Олимп. Лаомедонт согласился на требования Геракла. Великий герой велел троянцам насыпать на берегу моря вал и спрятался за ним. Едва Геракл укрылся за валом, как из моря выплыло чудовище и, разинув громадную пасть, бросилось на Гесиону. С громким криком выбежал из-за вала Геракл, бросился на чудовище и вонзил ему глубоко в грудь свой обоюдоострый меч. Геракл спас Гесиону.

Когда же сын Зевса потребовал у Лаомедонта обещанную награду, то жалко стало царю расстаться с дивными конями, он не отдал их Гераклу и даже прогнал его с угрозами из Трои. Покинул Геракл владения Лаомедонта, затаив глубоко в сердце свой гнев. Сейчас он не мог отомстить обманувшему его царю, так как слишком малочисленно было его войско и герой не мог надеяться скоро овладеть неприступной Троей. Остаться же долго под Троей великий сын Зевса не мог – он должен был спешить с поясом Ипполиты в Микены.

Когда освободился Геракл от рабства у Омфалы, сейчас же собрал он большое войско героев и отправился на восемнадцати кораблях к Трое, чтобы отомстить обманувшему его царю Лаомедонту. Прибыв к Трое, он поручил охрану кораблей Оиклу с небольшим отрядом, сам же со всем войском двинулся к стенам Трои. Только ушел с войском от кораблей Геракл, как напал на Оикла Лаомедонт, убил Оикла и перебил почти весь его отряд. Услыхав шум битвы у кораблей, Геракл вернулся, обратил в бегство Лаомедонта и загнал его в Трою. Недолго длилась осада Трои. Ворвались, взойдя на высокие стены, в город герои. Первым вошел в город герой Теламон. Геракл, величайший из героев, не мог снести, чтобы кто-нибудь превзошел его. Выхватив свой меч, он бросился на опередившего его Теламона. Увидя, что неминуемая гибель грозит ему, быстро нагнулся Теламон и стал собирать камни. Удивился Геракл и спросил:

– Что ты делаешь, Теламон?

– О, величайший сын Зевса, я воздвигаю жертвенник Гераклу-победителю! – ответил хитрый Теламон и своим ответом смирил гнев сына Зевса.

Во время взятия города Геракл убил своими стрелами ми Лаомедонта и всех его сыновей; только младшего из них, Подарка, пощадил герой. Прекрасную же дочь Лаомедонта Гесиону Геракл отдал в жены отличившемуся своей храбростью Теламону и позволил ей выбрать одного из пленных и отпустить его на свободу. Гесиона выбрала своего брата Подарка.

– Он прежде всех пленных должен стать рабом! – воскликнул Геракл, – только если ты дашь за него выкуп, будет он отпущен на свободу.

Гесиона сняла с головы покрывало и отдала его как выкуп за брата. С тех пор стали называть Подарка – Приамом (т. е. купленным). Отдал ему Геракл власть над Троей, а сам отправился со своим войском на новые подвиги.

Геракл и Омфала

Геракл продан был в рабство царице Лидии Омфале. Никогда еще не испытывал Геракл таких невзгод, как на службе у гордой лидийской царицы. Величайший из героев терпел от нее постоянные унижения. Казалось, что Омфала находит наслаждение в издевательствах над сыном Зевса. Нарядив Геракла в женские одежды, она заставляла его прясть и ткать со своими служанками. Герой, который поразил своей тяжелой палицей лернейскую гидру, герой, приведший из царства Аида ужасного Кербера, задушивший руками немейского льва и державший на плечах своих тяжесть небесного свода, герой, при одном имени которого трепетали его враги, должен был сидеть, согнувшись, за ткацким станком или прясть шерсть руками, привыкшими владеть острым мечом, натягивать тетиву тугого лука и разить врагов тяжелой палицей. А Омфала, надев на себя львиную шкуру Геракла, которая покрывала ее всю и волочилась за ней по земле, в его золотом панцире, опоясанная его мечом и с трудом взвалив себе на плечо тяжкую палицу героя, становилась перед сыном Зевса и издевалась над ним – своим рабом. Омфала как бы задалась целью угасить в Геракле всю его непоборимую силу. Должен был все сносить Геракл, ведь он был в полном рабстве у Омфалы, и это должно было длиться долгих три года.

Лишь изредка отпускала героя из своего дворца Омфала. Однажды, покинув дворец Омфалы, Геракл уснул в тени рощи, в окрестностях Эфеса. Во время сна под крались к нему карлики керкопы и хотели похитить у него его оружие, но проснулся Геракл как раз в то время, когда керкопы схватили его лук и стрелы. Переловил их герой и связал им руки и ноги. Геракл продел керкопам между связанных ног большой шест и понес их к Эфесу. Но керкопы так рассмешили Геракла своим кривлянием, что великий герой отпустил их.

Во время рабства у Омфалы пришел Геракл в Авлиду, к царю Силею, который заставлял всех чужестранцев, приходивших к нему, работать, словно рабов, в виноградниках. Заставил он работать и Геракла. Рассерженный герой вырвал все лозы у Силея и убил самого

царя, который не чтит священного обычая гостеприимства. Во время рабства у Омфалы принял Геракл участие в походе аргонавтов. Но, наконец, кончился срок наказания, и снова был свободен великий сын Зевса.

Геракл и Деянира

Геракл, великий герой, пришел в Калидон, город Этолии. Там правил Ойней. Геракл явился к Ойнею просить руки его дочери Деяниры, так как он обещал в царстве теней Мелеагру жениться на ней. В Калидоне Геракл встретил грозного соперника. Много героев добивалось руки прекрасной Деяниры, а среди них и речной бог Ахелой. Наконец, решил Ойней, что руку Деяниры получит тот, кто выйдет победителем в борьбе. Все женихи отказались бороться с могучим Ахелоем. Остался один Геракл. Пришлось ему бороться с богом реки. Видя решимость Геракла помериться с ним силой, Ахелой сказал ему:

– Ты говоришь, что рожден Зевсом и Алкменой? Лжешь ты, что Зевс твой отец!

И стал Ахелой издеваться над великим сыном Зевса и порочить мать его Алкмену. Нахмутив брови, сурово взглянул Геракл на Ахелоя; огнем гнева сверкнули его глаза, и сказал он:

– Ахелой, мне лучше служат руки, чем язык! Будь победителем на словах, я же буду победителем на деле.

Твердым шагом подошел Геракл к Ахелою и обхватил его могучими руками. Твердо стоял огромный Ахелой; не мог свалить его великий Геракл; напрасны были все его усилия. Так стоял Ахелой, как стоит незыблемая скала, и не колеблют ее морские волны, ударяясь о нее с громовым шумом. Грудь с грудью борются Геракл к Ахелой, подобно двум быкам, сцепившимся своими кривыми рогами. Три раза нападал Геракл на Ахелоя, на четвертый раз, вырвавшись из рук Ахелоя, обхватил его сзади герой. Словно тяжкая гора, придавил он речного бога к самой земле. Ахелой едва мог, собрав все свои силы, освободить руки, покрытые потом; как ни напрягал он свои силы, все сильней и сильней прижимал его к земле Геракл. Со стоном склонился Ахелой, колени его согнулись, а головой коснулся он самой земли. Что бы не быть побежденным, Ахелой прибег к хитрости; он обратился в змею. Лишь только обратился Ахелой в змею и выскользнул из рук Геракла, как смеясь воскликнул Геракл:

– Еще в колыбели научился я бороться со змеями! Правда, ты превосходишь других змей, Ахелой, но не сравняйся тебе с лернейской гидрой. Хоть и вырастали у нее вместо срубленной головы две новые, все же я победил ее.

Схватил Геракл руками шею змеи и сдавил ее, как железными клещами. Силился вырваться из рук героя Ахелой, но не мог. Тогда обратился он в быка и снова напал на Геракла. Геракл схватил за рога быка-Ахелоя и повалил на землю. С такой страшной силой повалил его Геракл, что сломал ему один рог. Побежден был Ахелой, и отдал Ойней Деяниру в жены Гераклу.

После свадьбы Геракл остался во дворце Ойнея; но недолго пробыл он у него. Однажды во время пира Геракл ударил сына Архитела, Эвнома, за то, что мальчик полил ему на руки воду, приготовленную для омовения ног. Удар был так силен, что мальчик упал мертвым. Опечалился Геракл, и хотя простил ему Архител невольное убийство сына, все же покинул герой Калидон и отправился с женой своей Деянирой в Тиринф.

Во время пути Геракл пришел с женой к реке Эвену. Через эту бурную реку перевозил за плату путников на своей широкой спине кентавр Несс. Несс предложил перенести Деяниру на другой берег, и Геракл посадил ее на спину кентавра. Сам же герой перебросил палицу и лук на другую сторону и переплыл бурную реку. Только что вышел на берег Геракл, как вдруг услышал он громкий крик Деяниры. Она звала на помощь своего мужа. Кентавр, плененный ее красотой, хотел ее похитить. Грозно крикнул сын Зевса Нессу:

– Куда ты бежишь? Уж не думаешь ли ты, что спасут тебя твои ноги? Нет, не спасешься ты! Как бы быстро ни мчался ты, моя стрела все-таки настигнет тебя!

Натянул свой лук Геракл, и слетела с тугой тетивы стрела. Смертоносная стрела настигла Месса, вонзилась ему в спину, а острие ее вышло сквозь грудь кентавра. Упал на колени смертельно раненный Несс. Ручьем льется из его раны кровь, смешавшаяся с ядом лернейской гидры. Не хотел умереть неотомщенным Несс; он собрал свою кровь и дал ее Деянире, сказав:

– О, дочь Ойнея, тебя последнюю перенес я через бурные воды Эвена! Возьми же мою кровь и храни ее! Если разлюбит тебя Геракл,

эта кровь вернет тебе его любовь, и ни одна женщина не будет ему дороже тебя, натри только ею одежду Геракла.

Взяла кровь Несса Деянира и спрятала ее. Умер Несс. Геракл же с Деянирой прибыли в Тиринф и жили там.

Смерть Геракла

Когда Геракл был на войне в далекой Эвбее, посол Лихас сказал Деянире, что Геракл полюбил прекрасную Иолу, плененную дочь царя Эврита, и хочет взять ее в жены.

Опечалилась Деянира. Забыл ее Геракл во время долгой разлуки. Теперь любит он другую. Что делать ей, несчастной? Она любит великого сына Зевса и не может отдать его другой. Вспоминает убитая горем Деянира о крови, которую дал ей когда-то кентавр Несс, и то, что он сказал ей перед смертью. Деянира решается прибегнуть к крови кентавра. Ведь он сказал же ей: «Натри моей кровью одежду Геракла, и вечно будет он любить тебя, ни одна женщина не будет ему дороже тебя». Боится прибегнуть Деянира к волшебному средству, но любовь к Гераклу и страх потерять его побеждают, наконец, ее опасения. Достает она кровь Несса, которую так долго хранила в сосуде, чтобы не упал на нее луч солнца, чтобы не согрел ее огонь в очаге. Деянира натирает ею роскошный плащ, который выткала она в подарок Гераклу, кладет его в плотно закрывающийся ящик, зовет посла Лихаса и говорит ему:

– Спешу, Лихас, на Эвбею и отнеси Гераклу этот ящик. В нем лежит плащ. Пусть наденет этот плащ Геракл, когда будет приносить жертву Зевсу. Скажи ему, чтобы ни один смертный не надевал этого плаща, кроме него, чтобы даже луч светлого Гелиоса не коснулся плаща, прежде чем он наденет его. Спешу же, Лихас!

Ушел Лихас с плащом. После его ухода Деянирой овладело беспокойство. Пошла она во дворец и, к своему ужасу, видит, что та шерсть, которой натирала она плащ кровью Несса, истлела, Деянира бросила эту шерсть на пол. Луч солнца упал на шерсть и согрел отравленную ядом лернейской гидры кровь кентавра. Вместе с кровью нагрелся яд гидры и обратил в пепел шерсть, а на полу, где лежала шерсть, показалась ядовитая пена. В ужас пришла Деянира; она боится, что погибнет Геракл, надев отравленный плащ. Все сильнее и сильнее мучает жену Геракла предчувствие непоправимой беды.

Немного прошло время с тех пор, как ушел в Эвбею с отравленным плащом Лихас. Во дворец входит вернувшийся домой

сын Геракла и Деяниры Гилл. Он бледен, глаза его полны слез. Взглянув на мать, восклицает он:

– О, как хотел бы я видеть одно из трех: или чтобы не было тебя в живых, или чтобы другой звал тебя матерью, а не я, или же чтобы лучший разум был у тебя, чем теперь! Знай, ты погубила собственного мужа, моего отца!

– О, горе! – в ужасе воскликнула Деянира. – Что говоришь ты, сын мой! Кто из людей сказал тебе это? Как можешь ты обвинять меня в таком злодеянии!

– Я сам видел страдания отца, не от людей узнал я это!

Рассказывает Гилл матери, что случилось на горе Коненоне, около города Ойхалии: Геракл, воздвигнув жертвенник, готовился уже принести жертвы богам и прежде всего отцу своему Зевсу, как пришел Лихас с плащом. Сын Зевса надел плащ – дар жены – и приступил к жертвоприношению. Прежде принес он двенадцать отборных быков в жертву Зевсу, всего же герой заклал сто жертв богам-олимпийцам. Ярко вспыхнуло пламя на алтарях. Геракл стоял, благоговейно воздев свои руки к небу, и призывал богов. Огонь, жарко пылавший на жертвенниках, согрел тело Геракла, и вы ступил на теле пот. Вдруг прилип к телу героя отравленный плащ. Судороги пробежали по телу Геракла. По чувствовал он страшную боль. Ужасно страдая, при звал герой Лихаса и спросил его, зачем принес он этот плащ. Что мог ответить ему невинный Лихас? Он мог только сказать, что с плащом прислала его Деянира. Геракл же, не сознавая ничего от страшной боли, схватил Лихаса за ногу и ударил его о скалу, вокруг которой шумели морские волны. Насмерть разбился Лихас, Геракл же упал на землю. Он бился в невыразимых муках. Крик его разносился далеко по Эвбее. Геракл проклинал свой брак с Деянирой. Великий герой при звал сына и с тяжким стоном сказал ему:

– О, сын мой, не покидай меня в несчастьи, – если даже будет грозить тебе смерть, не покидай меня! Под ними меня! Унеси меня отсюда! Унеси туда, где не видел бы меня ни один смертный. О, если чувствуешь ты ко мне сострадание, не дай мне умереть здесь!

Подняли Геракла, положили на носилки, отнесли на корабль, чтобы перевезти его домой. Вот что рас сказал Гилл матери и закончил рассказ такими словами:

– Сейчас вы все увидите здесь великого сына Зевса, может быть, еще живым, а может быть, уже мертвым. О, пусть накажут тебя, мать, суровые Эринии и мстительница Дикэ! Ты погубила лучшего из людей, которых когда-либо носила земля! Никогда не увидишь ты подобного героя!

Молча ушла во дворец Деянира, не проронив ни одного слова. Там, во дворце, схватила она обоюдоострый меч. Увидала Деяниру старая няня. Она зовет скорее Гилла. Спешит Гилл к матери, но пронзила она уже мечом свою грудь. С громким плачем бросился к матери несчастный сын, он обнищает ее и покрывает поцелуями ее похолодевшее тело.

В это время приносят ко дворцу умирающего Геракла. Он забылся сном во время пути, но когда опустили носилки на землю у входа во дворец, Геракл проснулся. От страшной боли ничего не сознавал великий герой.

– О, великий Зевс! – восклицает он, – в какой стране я? О, где вы, мужи Греции? Помогите мне! Ради вас я очистил землю и море от чудовищ и зла, теперь же ни кто из вас не хочет избавить меня огнем или острым мечом от тяжелых страданий! О, ты, брат Зевса, великий Аид, усыпи, усыпи меня, несчастного, усыпи быстро летающей смертью!

– Отец, выслушай меня, молю тебя, – просит со слезами Гилл, – невольно совершила это злодеяние мать. Зачем жаждешь ты мести? Узнав, что сама она – причина твоей гибели, пронзила она сердце острием меча!

– О, боги, умерла она, и я не мог ей отомстить! Не от моей руки погибла коварная Деянира!

– Отец, не виновата она! – говорит Гилл. – Увидав в доме своем Иолу, дочь Эврита, мать моя хотела волшебным средством вернуть твою любовь. Она натерла плащ кровью сраженного твоей стрелой кентавра Несса, не ведая, что отравлена эта кровь ядом лернейской гидры.

– О, горе, горе! – восклицает Геракл. – Так вот как исполнилось предсказание отца моего Зевса! Он сказал мне, что не умру я от руки живого, что суждено мне погибнуть от козней сошедшего в мрачное царство Аида. Вот как погубил меня сраженный мною Несс! Так вот какой сулил мне покой оракул в Додоне – покой смерти! Да, правда, – у

мертвых нет тревог! Исполни же мою последнюю волю, Гилл! Отнеси с моими верными друзьями меня на высокую Оэту, на ее вершине сложи погребальный костер, положи меня на кос тер и подожги его. Сделай это скорей, прекрати мои страдания!

– О, сжался, отец, неужели ты заставляешь меня быть твоим убийцей! – умоляет Гилл отца.

– Нет, не убийцей будешь ты, а целителем моих страданий! Есть еще у меня желание, исполни его! – просит сына Геракл. – Возьми себе в жены дочь Эврита, Иолу.

Но отказывается Гилл исполнить просьбу отца и говорит:

– Нет, отец, не могу я взять в жены ту, которая была виновницей гибели моей матери!

– О, покорись моей воле, Гилл! Не вызывай во мне вновь затихших страданий! Дай мне умереть спокойно! – настойчиво молит сына Геракл.

Смирился Гилл и покорно отвечает отцу:

– Хорошо, отец. Я буду покорен твоей предсмертной воле.

Торопит Геракл сына, просит скорее исполнить его последнюю просьбу.

– Спешите же, сын мой! Спешите положить меня на костер, прежде чем опять начнутся эти невыносимые муки! Несите меня! Прощай, Гилл!

Друзья Геракла и Гилл подняли носилки и отнесли Геракла на высокую Оэту. Там сложили они громадный костер и положили на него величайшего из героев. Страдания Геракла становятся все сильнее, все глубже проникает в его тело яд лернейской гидры. Рвет с себя Геракл отравленный плащ, плотно прилип он к телу; вместе с плащом Геракл отрывает куски кожи, и еще нестерпимее становятся страшные муки.

Одно лишь спасение от этих сверхчеловеческих мук – это смерть. Легче погибнуть в пламени костра, чем терпеть их, но никто из друзей героя не решается поджечь костер. Наконец пришел на Оэту Филоктет, его уговорил Геракл поджечь костер и в награду за это подарил ему свой лук и стрелы, отравленные ядом гидры. Поджег костер Филоктет, ярко вспыхнуло пламя костра, но еще ярче засверкали молнии Зевса. Громы прокатились по небу. На золотой колеснице принесли к костру Афина-Паллада с Гермесом и вознесли они на светлый Олимп

величайшего из героев Геракла. Там встретили его великие боги. Стал бессмертным богом Геракл. Сама Гера, забыв свою ненависть, отдала Гераклу в жены дочь свою, вечно юную богиню Гебу. Живет с тех пор на светлом Олимпе в сонме великих бессмертных богов Геракл. Это было ему наградой за все его великие подвиги на земле, за все его великие страдания.

Тесей и Эгей

Тесей, сын афинского царя Эгея и Эфры, до шестнадцати лет воспитывался в доме своего деда, царя Троисены Питфей. Знаменитый своей мудростью Питфей заботился о воспитании внука и радовался, видя, что внук его превосходит во всем своих сверстников. Но вот исполнилось Тесею шестнадцать лет; уже тогда никто не мог сравниться с ним ни в силе, ни в ловкости, ни в умении владеть оружием. Прекрасен был Тесей: высокий, стройный, с ясным взглядом прекрасных глаз, с темными кудрями, которые пышными кольцами спадали до плеч; спереди же, на лбу, кудри были обрезаны, так как посвятил он их Аполлону; юное мускулистое тело героя ясно говорило о его могучей силе. И вот дед отправил его в Афины к отцу.

В длинной ионийской одежде, блистая красотой, шел Тесей по улицам Афин; пышные кудри спадали ему на плечи. Юный герой в своей длинной одежде был скорее похож на девушку, чем на героя, совершившего столько великих подвигов. Тесею пришлось проходить мимо строящегося храма Аполлона, на котором рабочие воз водили уже крышу. Рабочие увидели героя, приняли его за девушку и стали издеваться над ним. Смеясь, кричали рабочие:

– Посмотрите, вон бродит по городу одна, без провожатых, какая-то девушка! Смотрите, как распустила она напоказ свои волосы, а длинной своей одеждой она подметает уличную пыль.

Рассерженный насмешками рабочих, Тесей подбежал к повозке, запряженной волами, выпряг волов, схватил повозку и бросил ее так высоко, что она перелетела через головы рабочих, стоявших на крыше храма. В ужас пришли рабочие, издевавшиеся над Тесеем, увидав, что это не девушка, а юный герой, обладающий страшной силой. Они ждали, что жестоко отомстит им герой за их насмешки, но Тесей спокойно продолжал свой путь.

Наконец, Тесей пришел во дворец Эгея. Он не от крыл сразу престарелому отцу, кто он, а сказал, что чужеземец, ищущий защиты. Эгей не узнал своего сына, но зато узнала его волшебница Медея. Она, бежав из Коринфа в Афины, стала женой Эгея. Хитрая Медея, дав обещание Эгею вернуть ему колдовством молодость, властвовала в

доме царя Афин, и сам Эгей во всем подчинялся ей. Сразу поняла властолюбивая Медея, какая грозит ей опасность, если узнает Эгей, кто тот прекрасный чужеземец, которого принял он в своем дворце. Чтобы не лишиться власти, Медея задумала погубить героя. Она уговорила Эгея отравить Тесея, уверив старого царя, что юноша лазутчик, подосланный врагами. Дряхлый, слабый Эгей, боявшийся, чтобы кто-нибудь не лишил его власти, согласился на это злодеяние.

Во время пира Медея поставила перед Тесеем кубок с отравленным вином. Как раз в этот момент Тесей вынул зачем-то свой меч. Эгей сразу узнал тот меч, который он сам шестнадцать лет назад положил под скалу у Троисены. Он взглянул на ноги Тесея и увидел на них свои сандалии. Теперь он понял, кто этот чужеземец. Опрокинув кубок с отравленным вином, Эгей обнял Тесея – своего сына. Медея была изгнана из Афин и бежала с сыном Медоном в Мидию.

Торжественно объявил Эгей всему афинскому народу о прибытии сына и рассказал о его великих подвигах, совершенных во время пути из Троисены в Афины. Ликовали афиняне вместе с Эгеем и громкими криками приветствовали своего будущего царя.

Тесей и Антиопа

Тесей мудро правил в Афинах. Но не жил он спокойно в Афинах; он часто покидал их для того, чтобы принять участие в подвигах героев Греции. Так, участвовал Тесей в калидонской охоте, в походе аргонавтов за золотым руном и в походе Геракла против амазонок. Когда был взят город амазонок Фемискира, Тесей увел с собой в Афины как награду за храбрость царицу амазонок Антиопу. В Афинах стала Антиопа женой Тесея. пышно отпраздновал герой свою свадьбу с царицей амазонок.

Амазонки же замыслили отомстить грекам за разрушение их города и решили освободить царицу Антиопу от тяжкого, как думали они, плена у Тесея. Большое войско амазонок вторглось в Аттику. Афиняне принуждены были укрыться от натиска воинственных амазонок за городские стены. Амазонки ворвались даже в самый город и заставили жителей скрываться за неприступный Акрополь. Амазонки разбили свой лагерь на холме ареопага и держали в осаде афинян. Несколько раз делали вылазки афиняне, пытаясь изгнать грозны, воительниц. Наконец, произошла решительная битва. Сама Антиопа сражалась рядом с Тесеем против тех самых амазонок, которыми раньше она повелевала. Антиопа не хотела покинуть героя-мужа, которого она горячо любила. В этой грозной битве гибель ждала Антиопу. Сверкнуло в воздухе брошенное одной из амазонок копье, его смертоносное острие вонзилось в грудь Антиопы, и она мертвой упала к ногам своего мужа. В ужасе смотрели оба войска на сраженную насмерть Антиопу. Склонился в горе Тесей над телом жены. Прерван был кровавый бой. Полные скорби, похоронили амазонки и афиняне молодую царицу. Амазонки покинули Аттику и вернулись к себе на далекую родину. Долго царила печаль в Афинах по безвременно погибшей прекрасной Антиопе.

Тесей и Елена

Два друга Пейрифой и Тесей решили похитить прекрасную Елену. Она была еще совсем юной девушкой, но слава о ее красоте гремела далеко по всей Греции. Тайно прибыли друзья в Лаконию и там похитили Елену, когда она весело танцевала со своими подругами во время праздника Артемиды. Тесей и Пейрифой схватили Елену и быстро понесли ее к горам Аркадии, а оттуда через Коринф и Истм привезли в Аттику, в крепость Афин. Бросились спартанцы в погоню, но не могли настигнуть похитителей. Скрыв Елену в городе Афинах, в Аттике, друзья бросили жребий, кому из них должна принадлежать дивная красавица. Жребий выпал Тесею. Но еще раньше друзья дали друг другу клятву, что тот из них, кому достанется прекраснокудрая Елена, должен помогать другому достать жену.

Когда Елена досталась Тесею, Пейрифой потребовал от своего друга, чтобы он помог добыть ему в жены Персефону, жену страшного бога Аида, владыки царства теней умерших. В ужас пришел Тесей, но что же мог он сделать? Он дал клятву, нарушить ее он не мог. Пришлось ему сопутствовать Пейрифой в царство умерших. Через мрачную расщелину у селения Колона, около Афин, спустились друзья в подземное царство. Там, в царстве ужасов, предстали оба друга перед Аидом и потребовали у него отдать им Персефону. Разгневался мрачный властитель царства умерших, но скрыл свой гнев и предложил героям сесть на трон, вырубленный в скале у самого входа в царство умерших. Лишь только опустились оба героя на трон, как приросли они к нему и не могли больше двинуться. Так наказал их Аид за их нечестивое требование.

Пока Тесей оставался в царстве Аида, братья прекрасной Елены, Кастор и Полидевк, всюду искали свою сестру. Наконец, узнали они, где скрыл Тесей Елену. Тотчас осадили они Афины, и неприступная крепость не устояла. Кастор и Полидевк взяли ее, освободили сестру и вместе с ней увели в плен мать Тесея, Эфру. Власть же над Афинами и всей Аттикой Кастор и Полидевк отдали Менесфею, давнему врагу Тесея. Тесей долго пробыл в царстве Аида. Тяжкие муки терпел он там, но, наконец, освободил его величайший из героев, Геракл.

Тесей вернулся опять на свет солнца, но не радость принесло ему это возвращение. Разрушены были неприступные Афины, Елена освобождена, мать его в тяжком плену в Спарте, сыновья Тесея, Демофон и Акамант, принуждены были бежать из Афин, а вся власть была в руках ненавистного Менесфея. Покинул Тесей Аттику и удалился на остров Эвбею, где он имел владения. Несчастье сопутствовало теперь Тесею. Царь Скироса, Ликомед, не хотел отдать Тесею его владения: он заманил великого героя на высокую скалу и толкнул его в море. Так погиб от предательской руки величайший герой Аттики. Только много лет спустя после смерти Менесфея вернулись в Афины сыновья Тесея после похода под Трою. Там, в Трое, нашли сыновья Тесея мать его Эфру. Ее привез туда как рабыню сын царя Приама, Парис, вместе с похищенной им прекрасной Еленой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. – СПб., 1914.
2. Бурцев А.Е. Сказания русского народа. – М., 1910.
3. Мифы древних славян. / Влесова книга. – Саратов, 1993.
4. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества Древней Руси. Т. 1. – Харьков, 1916. Т. 2. – М., 1913.
5. Мифы древних славян. / Глинка Г.А. Древняя религия славян. – Саратов, 1993.
6. Даль В.И. Пословицы русского народа. Тт. 1–2. – М., 1984.
7. Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. – Петроград, 1916.
8. Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. – М., 1974.
9. Мифы древних славян. / Кайсаров А.С. Славянская и российская мифология. – Саратов, 1993
10. Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. – М., 1993.
11. Мифы народов мира. Энциклопедия. Тт. 1–2. – М., 1992
12. Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, включенных в «Хронографы» русской редакции. – М., 1869.
13. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М., 1981.
14. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М., 1988.
15. Тихонравов Н.Т. Памятники отреченной русской литературы. Тт. 1–2. – М., 1863.
16. Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М., 1975.
17. Флоринский В.М. Русские народные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI–XVII столетий. – Казань, 1879.
18. Муравьева Т.В. Мифы славян и народов Севера. – М... 2005.
19. Мифы древнего мира. / Сост. Бурдыкина М.Б. – СПб., 1995
20. Гладкий В.Д. Древний мир. Энциклопедический словарь. Тт. 1–2. – М., 1998.
21. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь славянской мифологии. – Нижний Новгород, 1995.

22. Богданов А.П. Святослав. Из серии «Полководцы Древней Руси». – М.: «Ангстрем», 1992.
23. Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. – Душанбе, 1988.
24. Предания и мифы средневековой Ирландии. Под ред. Г.К. Косикова. – М.: Издательство Московского университета, 1991.
25. Спенс Л. Мифы североамериканских индейцев. – М.: «Центрполиграф», 2006.
26. Мифы и сказки бушменов. – М.: «Наука», 1993.
27. Сказки и легенды маори. – М.: «Наука», 1981.
28. Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Мифы Древней Индии. – М.: «Восточная литература», 1982.
29. Вернер Э. Мифы и легенды Китая. – М.: «Центрполиграф», 2005.
30. Гербер Х. Мифы Северной Европы. – М.: «Центрполиграф», 2006.
31. Менар. Р. Мифы в искусстве, старом и новом. – М.: «Молодая гвардия», 1992.